

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 7–8 2015
July–August**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 7–8 2015 (July – August)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Natalia Bondarenko, Russia Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan Nikolay Inshin, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Tatiana Yashkova, Russia Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Study of art

*Ivanovska Nina Viacheslavovna,
National Academy of Managerial Personnel
of Culture and Art, post-graduate student
E-mail: ivanovska.nina@gmail.com*

Operation system of Biennale in contemporary cultural space

Abstract: This article investigate the Biennale cultural space in Ukraine and around the world and it`s influence on contemporary art.

Keywords: Biennale, contemporary, Venice, cultural space.

*Ивановская Нина Вячеславовна,
Национальная академия руководящих кадров
культуры и искусств, аспирантка
E-mail: ivanovska.nina@gmail.com*

Функционирование биеннале в современном культурном пространстве

Аннотация: В этой статье исследуются способы функционирования биеннале в культурном пространстве Украины и в мире, и его влияние на современное искусство.

Ключевые слова: биеннале, современность, Венеция, культурное пространство.

Проблематика функционирования биеннале изучает искусство как феномен художественной культуры во многообразии его видовых, родовых, жанровых, стилевых, речевых проявлений и взаимоотношений искусства с другими составляющими художественной культуры, методами культурологического анализа феноменов искусства. Отдельные разработки в этой области были сделаны исследователями в зарубежном (Борис Гройс, Иосиф Бакштейн, Даниель Бирнбаум, Яра Бубнова, Жан-Юбер Мартен, Ханс-Ульрих Обрист и др) и в отечественном искусствоведении (А. Саловйов, В. Бурлака, В. Сидоренко, А. Авраменко и другие). Целью статьи является выявление динамики становления и развития современных художественно-зрелищных форм в проекции определения их типологических и специфических черт и исследовать важность становления, функционирования и развития биеннале в современном культурном пространстве.

Биеннале — это масштабный международный фестиваль, который проходит раз в два года и объединяет на одной территории искусство множество стран. На сегодня существует более двухсот биеннале по всему миру. И важно отметить, что в 2012 году Украина также вошла в этот список. Ведь в нашей стране состоялась Первая Международная биеннале современного искусства «ARSENAL-2012». Этот проект стал знаковым не только для Украины, но и для других государств.

В украинском языке слово «биеннале» имеет два рода. Использование того или иного рода определяется в зависимости от образующегося явления: выставки — женский род или фестиваля — мужской род.

Это слово имеет латинское происхождение и обозначает событие, происходящее дважды в год: «bi» — два «annus» — год (триеннале трижды в год). Сегодня это понятие ассоциируется в первую очередь с международными выставками современного искусства, однако охватывает также широкий спектр фестивалей, кино, театра, музыки, танца, архитектуры и т. д., которые проходят каждые два года.

Биеннале традиционно проходят в крупных городах — столицах и мировых культурных центрах. В сфере современного искусства биеннале — важное событие, которое дает возможность художникам представить себя и свою страну на международной арене. За участие в биеннале приглашены художники не получают зарплату.

Каждый раз конкретная биеннале имеет официальную тему, которой объединены все проекты, представленные в ее рамках. Сквозь призму этой темы биеннале представляет творчество своих соотечественников международной аудитории и одновременно знакомит отечественную публику с мировым искусством. В подготовке и проведении такого масштабного события участвует большое количество специалистов, однако ответственным за все является комиссар биеннале. Ключевой же фигурой биеннале есть куратор, на

роль которого избирается выдающаяся личность, художник или искусствовед, известный своей деятельностью. Куратор разрабатывает идею, тему и концепты биеннале, осуществляет отбор участников, утверждает программу.

Обычно биеннале проходит не только в одной центральной локации, а по всему городу. Параллельные программы биеннале имеют целью оптимизировать деятельность всех местных художественных институтов, чтобы биеннале стала настоящим культурным событием для города. Продолжительность такого события — до нескольких месяцев. Сегодня в мире существует более шестидесяти художественных биеннале [1, 63–65].

Первой и самой известной биеннале является Венецианская, основанная в 1895 году, как Международная художественная выставка города Венеции. Сегодня Венецианская биеннале является одной из главных в мире и включает также ежегодный Венецианский кинофестиваль и фестиваль архитектуры, который проходит в четные года — художественная биеннале проходит в нечетные.

Идея создания Венецианской биеннале принадлежала консулу Венеции Рикардо Сельватико. Событие с годами приобретало славы, в ней принимали участие все больше художников из других уголков мира, каждая страна представляла свой павильон. И когда 1948 г., после шестилетнего перерыва, к которой привела Вторая мировая война и трудности послевоенных лет, биеннале возобновила свою деятельность, ее значение и престиж приобрели всемирного масштаба. Венецианская биеннале стала платформой для ведущих мировых художников. В разные годы кураторами Венецианской художественной биеннале были такие выдающиеся личности, как Акила Бонито Олива, Жан Клер, Франческо Бонами и другие.

Второй, после Венецианской появилась биеннале в Сан-Пауло в Бразилии. Эта биеннале была создана в 1951 году по примеру Венецианской. Фестиваль был основан меценатом Сицилии Матараццо, который стремился познакомить бразильцев с мировым искусством. С 1973 года в Сан-Пауло проводится также Международная биеннале архитектуры и дизайна. С 2010 года организаторы биеннале отказались от классического формата павильонов — национальных представительств из-за его архаичности и неополиткорректности.

Еще одна важная биеннале современного искусства — Manifesta (Манифеста). Manifesta считается биеннале преимущественно молодого искусства, внедряет новейшие кураторские и искусствоведческие практики.

Однако Девятая Manifesta во многом нарушает эти принципы, представляя историческую ретроспективу художественного контекста отдельного региона. Она состоялась в 2012 году в городах Генк и Лимбург в Бельгии. Куратор биеннале — мексиканец Хуатемок Медина. Девятая Manifesta была своеобразным диалогом между историей, искусством и социальной рефлексией [2].

В последние годы традицию биеннале подхватили также страны бывшего соцлагеря и постсоветского

пространства. Появились Московская биеннале, биеннале в Екатеринбурге и другие. Состоялась Первая Киевская международная биеннале современного искусства Arsennale 2012. Ее куратор — Дэвид Эллиотт, комиссар — Наталья Заболотная, генеральной директор Художественного Арсенала, которая выступила инициатором биеннале и принимала выставку в своих стенах. В выставке приняли участие более 100 звезд мировой арт-сцены из 30 стран мира, которые представили новейшие творческие направления и художественные тенденции мирового и отечественного искусства [3, 20–21].

В сфере современного искусства прецедент биеннале — важное событие, которое дает возможность художникам представить себя и свою страну на международной арене. Однако, это не только очень большая выставка искусства со многими участниками, это создание многоуровневого сложного культурного диалога, в котором переплетаются, взаимодействуют, преломляются рефлексии насущных, важных общественно-культурных проблем.

Актуальность и значимость данного события заключается в том, чтобы продемонстрировать отрасль современной культуры, которая до сих пор не имела масштабного репрезентативного форума в Украине. И именно Первый Украинский биеннальный проект ARSENALE-2012 был призван заполнить существующую нишу, став аналогом резонансных всемирно известных биеннале. Без сомнения, организация такого масштабного события способствовала укреплению статуса Киева как одной из культурных столиц мира, и стала чрезвычайно важным фактором для формирования образа Украины как мощного цивилизованного государства [4, 90–91].

Исследуя актуальность функционирования биеннале в современном культурном пространстве важно рассмотреть синтетические формы художественной практики, в числе которых одно из ведущих положений сегодня занимает биеннале. Активизация биеннале на современном этапе развития общества обусловлена тем, что эта инновационная форма представления современного искусства обладает более широкими возможностями в создании условий для массовой коммуникации, в отличие от других форм экспонирования, например, от традиционных художественных выставок. Проведение биеннале способствует не только творческому обмену между художниками и кураторами, но и позволяет осуществлять диалог и интеграцию различных культур в едином художественном процессе. Острая социальная проблематика, неограниченность заявленных тем, осуществления международного диалога, демонстрация самобытности регионального искусства, чуткое реагирование на появление новых технологий в искусстве, применение в рамках проекта кураторской стратегии, и, наконец, взаимодействие различных видов искусств в едином художественном пространстве, — аспекты, присущие именно биеннале. Эти особенности являются основными причинами и объясняют постоянно растущую потребность в осуществлении подобного типа художественных проектов в разных уголках мира.

Список литературы:

1. Rancière J. The politics of aesthetics. – A&C, 2013.
2. Баршинова О. История искусств XX века. – Лекция: “Социально-критическое искусство. Эстетика политического жеста”./Культурный Проект. – 2012, Март, 24.
3. Звинятковская З. Украина уже имеет свою идентичность./З. Звинятковская//Art globus. – 2012. – № 41. – С. 20.
4. Цыба Г. Современное искусство радикальнее чем какой-либо массовый политический протест.//ART UKRAINE – 2012. – № 3 (28), 90–91.

*Mukhitdenova Bagym Maksatovna,
Senior Professor, Kazakh National Academy of Arts
named after T.K. Zhurgenov (Almaty), Kazakhstan
E-mail: bntb@mail.ru*

The interdependence of the type of temperament and form of stage fright in musical psychology

Abstract: An issue of psychological preparation of a performer to stage performance is one of the most important issues in musical and performing art. There is no artist who never suffered from negative forms of stage fright. Psychological adjustment for musical and performing activity conscribes all creative abilities, but is not always recognized by a musician. This mobilization, a search of a particular performing solution can be carried out even in those moments, when one would think that musician is not thinking about the upcoming concert.

Keywords: intellectual, emotional and motive sides of the personality, stage fright.

*Мухитденова Багым Максатовна,
старший преподаватель
Казахской национальной академии искусств
им. Т. Жургенова, г. Алматы, Казахстан
E-mail: bntb@mail.ru*

Взаимозависимость типа темперамента и форм проявления сценического волнения

Аннотация: Проблема психологической подготовки исполнителя к концертному выступлению — одна из важнейших в музыкально-исполнительском искусстве. Нет артиста, который ни разу не пострадал от негативных форм сценического волнения. Психологическая установка на музыкально-исполнительскую деятельность мобилизует все творческие способности, но не всегда осознаётся музыкантом. Эта мобилизация, поиски того или иного исполнительского решения могут осуществляться даже в те моменты, когда, казалось бы, музыкант и не думает о предстоящем концерте.

Ключевые слова: интеллектуальная, эмоциональная и двигательная стороны личности, сценическое волнение.

Некоторые музыканты страдают от форм сценического волнения, не могут сосредоточиться на творческих задачах, озабочены тем, к каким последствиям приведёт возможная ошибка, как они выглядят, какое впечатление производят на слушателей. Таким исполнителям полезно перед выходом на сцену методом аутосуггестии внушить себе желание как можно скорее выступить перед публикой — «я хочу петь, потому что моё исполнение будет интересно собравшимся людям!».

Вторая подструктура — творческий опыт, профессиональные знания. Чем больше исполнительский опыт, чем чаще музыкант выходит на концертную эстраду, тем реже

страдает он от астенических форм сценического волнения. Однако опыт нельзя путать с привычкой. Привычное выполнение музыкантом своих обязанностей, каждодневное пребывание на сцене зачастую «убивает» не только вредное волнение, но и чувство творческой окрылённости.

Боязнь забыть текст — распространённая болезнь среди неопытных музыкантов. Они волнуются оттого, что боятся забыть, забывают оттого, что волнуются. Успешная музыкально-исполнительская деятельность возможна, если согласованно, слаженно «работают» интеллектуальная, эмоциональная и двигательная стороны личности. Ни одна из названных сторон не должна подавлять другие.

Третья подструктура — особенности психических процессов. На сценическое состояние артиста оказывают влияние все психические процессы, протекающие в момент исполнения музыкального произведения. Мы выделяем, как наиболее важные, — исполнительское внимание, волю, слуховые представления, оптимальный для творчества уровень эмоционального возбуждения, гибкость психологической адаптации, художественное истолкование сочинения.

Исполнительская деятельность, безусловно, относится к числу волевых актов. Исполнительская воля позволяет музыканту снимать импульсивность во время выступления, достигать органического единства эмоционального и рационального начал в творчестве. Произвольное внимание, возникшее как результат усилия воли, и непроизвольное, сформировавшееся как результат заинтересованности, снижают возможность появления негативных форм эстрадного волнения.

Важную роль в психологической подготовке музыканта к концертному выступлению играют его слуховые представления. Мысленно «пропевая» фрагменты сочинения, представляя себя на концертной эстраде и внушив себе соответствующее психологическое состояние, исполнитель тренирует свою способность эмоционально переживать и истолковывать музыку в условиях эстрадного волнения. Музыкально-слуховые представления не только обеспечивают творческое отношение к исполняемому сочинению и помогают выбрать исполнительский вариант, но и участвуют в контроле за качеством исполнения.

Эмоциональное возбуждение — важнейшее условие для успешного выступления музыканта. Важно, однако, чтобы оно не переходило за оптимальные для данной личности границы. У каждого исполнителя имеется собственный оптимальный уровень эмоционального возбуждения, который позволяет ему наиболее успешно реализовывать творческий замысел. Если возбуждение выше этого уровня, наступает дискоординация мыслей, ослабевают воля, снижается способность контролировать и анализировать результаты исполнительского процесса, а в тех случаях, когда возбуждение не достигает оптимальных границ, выступление, как правило, проходит бесцветно, неинтересно. Когда эмоциональное возбуждение музыканта достигает оптимального уровня, создаются предпосылки для возникновения особого состояния души, особого чувства окрылённости и творческого подъёма, всего того, что принято называть вдохновением. Исполнителю важно вспомнить то самочувствие, то психическое состояние, при котором были достигнуты творческие успехи, и, готовясь к новому выступлению, сделать попытку вновь испытать это ощущение. Так поступают многие исполнители. Но одного волевого усилия здесь недостаточно.

Некоторые музыканты склонны преувеличивать значение предстоящего концертного выступления. Им кажется, что концерт, к которому они так долго и

тщательно готовятся, чуть ли не самое важное событие в культурной жизни города, страны, чрезмерно драматизирует ситуацию, нагнетает излишнюю тревогу за исход предстоящего выступления и к началу концерта как бы «перегорает».

Творческий успех возможен только в том случае, если эмоциональное напряжение музыканта адекватно возникшей ситуации. Однако регулировать и осуществлять психологический контроль своего эмоционального возбуждения удаётся не каждому. Нужно разумно чередовать работу и отдых и, поддерживая в себе чувство ответственности, не поддаваться тревоге. Формирование сценического состояния артиста во многом определяется и адаптивными возможностями личности. Исполнитель адаптируется к образному языку композитора, к техническим и выразительным средствам, которые необходимы для воплощения художественного содержания исполняемой музыки, к собственному физическому и психическому состоянию, к эмоциогенной обстановке зрительного зала, к неожиданностям, которые подстерегают его во время выступления. Чем быстрее и гибче адаптируется исполнитель к меняющимся условиям концерта, тем успешнее он управляет своим сценическим состоянием, тем легче обретает желанное чувство творческого подъёма и окрылённости.

Эмоциональное переживание, связанное с художественным истолкованием сочинения, не оказывает прямого воздействия на характер эстрадного волнения, но, формируя психологическую установку на творчество, опосредованно влияет на особенности сценического состояния. Большое значение имеет то, как высоко оценивает исполнитель собственную интерпретацию сочинения. Если музыкант верит, что его интерпретация представляет эстетическую ценность, что она непременно вызовет интерес у публики, исполнение проходит с особым эмоциональным подъёмом. Четвёртая подструктура — типологические свойства высшей нервной деятельности, темперамент. Исследуя зависимость предстартовых состояний спортсмена от типа высшей нервной деятельности, А. В. Родионов пришёл к выводу, что спортсмены, обладающие сильным неуравновешенным типом нервной системы, чаще других испытывают состояние «предстартовой лихорадки», спортсмены с сильной инертной нервной системой чаще других оказываются в состоянии «предстартовая апатия» [1]. В музыкально-исполнительской деятельности наблюдается схожая зависимость — музыканты, имеющие сильный неуравновешенный тип нервной системы (холерики), чаще других испытывают сценическое состояние, напоминающее «предстартовую лихорадку». Исполнители с сильной инертной системой высшей нервной деятельности (флегматики) чаще впадают в состояние творческой апатии. Труднее прочих преодолевают нездоровые формы сценического волнения музыканты со слабым типом нервной системы (меланхолики).

Многие музыканты, педагоги указывали на прямую зависимость успешности выступления артиста от уровня подготовки [2]. Н. А. Римский-Корсаков часто повторял, что эстрадное волнение тем больше, чем хуже выучено сочинение. Однако сценическое состояние исполнителя зависит не только от того, насколько надёжно и крепко разучено музыкальное произведение. Многие музыканты тщательнейшим образом изучают тонкости нотного текста, обдумывают исполнительский план, бесконечно репетируют все фрагменты предстоящего выступления, но, выходя на сцену, теряют способность контролировать происходящее и не могут успешно реализовать выношенные художественные намерения. Приёмы саморегуляции сценического состояния — важный компонент психологической подготовки исполнителя к концертному выступлению, но, как это ни странно, методика такой саморегуляции недостаточно изучена. Проблема заключается в том, что музыканты редко пишут научные работы по проблемам сценического волнения вследствие недостаточного объема знаний в области психологии, а психологи с опаской обращаются к этой теме, потому что не имеют опыта в концертно-исполнительской и музыкально-педагогической деятельности.

Сценическое волнение распространяется на представителей самых различных нервно-физиологических типов — сангвиников и флегматиков, и (в особенно большой мере) на холериков, и меланхоликов. Прямое отношение к рассматриваемой проблеме имеет категория самооценки, т. е. оценки исполнителем своей собственной персоны, своих возможностей и т. д. Можно считать доказанным, что в равной мере негативно воздействует на исполнителя как переоценка своих возможностей, результатом чего являются нередко нервные срывы, ощущение неудачи и т. д.,

так и недооценка самого себя, ограничивающая горизонты исполнителя профессиональные, лимитирующая его творческие потенции. Выявим причины сценического волнения и их генетические истоки.

Есть все основания говорить в данном случае о комплексе причин. Причем индивидуальные соотношения в этом комплексе, всегда неодинаковы, различны. Чаще всего волнение навевается мыслями (или бессознательными ощущениями) типа: «Что обо мне скажут?», «Какими будут оценки моего выступления?», «Какое место будет отведено мне в профессиональной иерархии?» др. Забота исполнителя о своем профессиональном реноме вполне закономерна и естественна; в них нет ровным счетом ничего предвзятого. В то же время бесспорно и другое: преувеличенное опасение заслужить критическую оценку со стороны посторонних только лишь повышает планку волнения и усугубляет тем самым положение исполнителя.

При всей многообразной атрибутике, так или иначе связанной с проблемой сценического волнения, главное заключается в умении и способности исполнителя сосредоточиться на исполняемом. Требуется предельная концентрация внимания на звучании голоса, на фразировке, на показе образа и т. д. — вот главная цель. Любовь к сцене, эстетическое наслаждение, получаемое исполнителем от пребывания на ней, и помогает, в конечном счете, преодолеть разрушительную силу эстрадного волнения, научиться его контролировать. Если же говорить о некоем универсальном приеме подготовки к концерту, то это предельная добросовестность предварительной работы, когда исполнитель делает на эстраде все, что ему нужно, даже находясь не в очень хорошем состоянии духа и плоти.

Список литературы:

1. Родионов А. В. Психологическая подготовка спортсмена к соревнованию. — М., 2001. — 123 с.
2. Гольденвейзер А. Психологические особенности подготовки к концертному выступлению. — М.: Музыка, 1998. — 230 с.

*Ros Zoriana Petrivna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
post-graduate student, Department of Music
E-mail: zorianaros@gmail.com*

Urban environment as a factor in the formation of regional centers of jazz festival movement Ukraine

Abstract: This paper is devoted to the issue of national jazzology — the research of development of jazz art in Ukraine during 1990–2012, which is most observed in the urban environment, which is characterized by advanced infrastructure of cultural and organizational and propagandist centres. It is in this environment of all the leading cities of the given process, cities with a great number of new and restored festivals, most of which gained international status, stand out, and they adequately represent regional centres of development of jazz festival movement in Ukraine.

Keywords: Urban environment, jazz festival, jazz-festival movement, regional centers.

Рось Зоряна Петровна,
Прикарпатський національний університет
імені Василя Стефаника,
аспірант, музикальний факультет
E-mail: zorianaros@gmail.com

Городская среда как фактор формирования региональных центров джазового фестивального движения в Украине

Аннотация: Данная статья посвящена актуальной проблеме национальной джазологии — исследованию развития джазового искусства в Украине периода независимости (1990–2012 гг.), что в большей мере наблюдается в городской среде, которая отличается развитой инфраструктурой культурологических и организационно-пропагандистских центров. Именно в этой среде выделяются города с большим количеством новых, возрожденных и действующих старых джазовых фестивалей, завоевавших международное признание, и которые могут быть удостоены статуса региональных центров развития джазово-фестивального движения в Украине.

Ключевые слова: городская среда, джазовый фестиваль, джазово-фестивальное движение, региональные центры.

Задачи культурной политики Украины и определение роли художественной культуры, в частности, музыкального искусства, в развитии современного общества становятся важными проблемами и предметом горячих дискуссий в отечественной культурологии. Поисками путей их решения, а также определения средств целенаправленного воздействия на их состояние, регулирование в этой сфере общественных отношений, совокупности соответствующих действий органов государственной власти и органов местного самоуправления, решением вопросов межведомственной координации занимались как зарубежные ученые, так и отечественные авторы. Значительную роль в формировании художественной среды второй половины XX в. начинают играть музыкальные фестивали, ставшие общепризнанным и традиционным явлением. Особое значение имеют научные работы, которые непосредственно касались проблем организации и проведения музыкальных фестивалей. Среди зарубежных исследователей феномена фестиваля следует отметить П. Пави, К. Жигульского, Ж. Боже-Гарнье, Ж. Шабо, К. Резникова и др., а среди отечественных искусствоведов и культурологов — Г. Ганзбурга, А. Дячкову, А. Зинкевич, А. Мизитову, И. Сикорскую, Ю. Чекана, С. Зуева, В. Олендарева, В. Романка, М. Шведа и др.

Фестивальный процесс в области музыкальной культуры и, в частности, джазового искусства, стремительно развивается, и теперь большинство всех событий данного направления в Украине происходит именно в рамках многочисленных фестивалей, проводимых в течение всего календарного года. С целью популяризации среди широкой аудитории тех или иных художественных проектов, фестивали формируют новый регламент культурной жизни, новую модель потребления искусства и удовлетворения культурных потребностей публики, которая ранее “существовала” во временном измерении от концерта к концерту, от гастролей к гастролям, а теперь — от фестиваля

к фестивалю. Итак, фестивали как форма существования музыкального искусства, образовали своеобразную альтернативу концертным сезонам, а также создали календарь новейших украинских праздников или, по определению А. Дячковой, “фестивальный круг”, и стали одним из главных признаков современного культурного пространства Украины. В частности, джазово-фестивальное движение за два десятилетия приобрело чрезвычайно широкую популярность и охватило практически все “консерваторские” города и даже некоторые сёла [3, 11].

К сожалению, до сих пор отсутствуют фундаментальные научные исследования по изучению процессов формирования и развития современного джазово-фестивального движения в Украине, определению организационно-пропагандистских механизмов его регулирования, тенденций в его развитии и т. п. Разрабатывать указанные проблемы возможно только при условии, когда будет осуществлен количественный и качественный анализ вновьсозданных, возрожденных и ранее сформированных действующих украинских джазовых фестивалей, а также изучена среда их функционирования. Таким образом, именно данный аспект проблемы и определяет актуальность предлагаемой статьи.

Цель работы. На основе анализа деятельности созданных, возрожденных и действующих с предыдущих лет джазовых фестивалей изучить среду их функционирования и определить региональные центры развития джазово-фестивального движения в Украине периода независимости (1990–2012 гг.).

Джазово-фестивальное движение, развитие которого наблюдается преимущественно в крупных городах Украины и влияет на развитие их художественной культуры, тесно связано с другими социокультурными процессами. Именно городская среда как форма культурного взаимодействия разных людей и их объединений, становится особым центром по интенсивным процессам глобализации. Она не только сочетает в себе рыночно-экономическую,

политическую, гуманитарную, образовательную и художественную специфику сотрудничества разных людей и групп, но и предоставляет возможности для их индивидуального развития, учитывая потребности личности в коммуникации и сохранении собственного пространства. Основные аспекты, которые характеризуют город, — движение, инфраструктура, скорость, информационные потоки и общественные святы. “Процессы глобализации актуализируют города как культурный и инновационный центр развития всего национального государства, потому что именно города концентрируют в себе творческий потенциал и предоставляют пространство для инноваций” [8, 55].

Именно в городах концентрируются различные мнения, идеи, художественные достижения; активно функционируют молодежные объединения, организации, музыкальные клубы; развивается сервисное обслуживание и т. п. Здесь человек имеет возможность получить образование, разнообразные знания и информацию, не удаляясь от мировых процессов. Город становится той средой, где аккумулируются все творческие силы индивида, который делится своим талантом и трудом с другими. Он объединяет разных людей как центр, стимулирует творческие, индивидуальные и коллективные процессы сотрудничества, позволяя решать важные экономические, культурные, социальные и экологические проблемы. В то же время город обеспечивает пространство не только для осуществления запланированного, но и удовлетворение эмоциональных, эстетических и естественных потребностей. Приоритет культуры сейчас можно обнаружить и в том, что 2008 год Европейская Комиссия определила как “Европейский год межкультурного диалога”, что является важным инструментом формирования идентичности на пути создания европейского гражданства и развития межкультурного диалога [11].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что такая среда позволяет существовать человеческой интеракции как живому организму, который основанный на доверии и личной готовности к сожительству между совсем незнакомыми людьми. Современный город — это своеобразный центр обмена идеями и ресурсами — от искусства до политики. Даже отставая экономически, каждый город становится включенным в глобализационные процессы и занимает там определенную нишу. Итак, человек способен по своему усмотрению пользоваться тем, что дает городская среда. Поэтому одной из характерных черт городского образа жизни является плюрализм.

Именно в городах с XVIII века начали появляться общественные зоны (public space) с соответствующей инфраструктурой: проспекты, театры, музеи, концертные залы, кафе, площади и др., то есть места, которые помогли сформировать новое мировоззрение и инструменты контроля за городским и государственным управлением. Общественная сфера — отмечает британский эксперт Фил Вуд, — это сфера социальной жизни города, в котором формируется общественное мнение [1]. Именно городская общественная сфера непосредственно привела

к превращению некогда индивидуального и интеллектуального художественного творчества, которое было доступно элитарным слоям общества (в имениях, загородных дворцах или виллах), в сферу массового производства культурного продукта для широких слоев населения. “Входя в широкий круг взаимодействия в городах, люди постоянно изменяют и превращают окружающий мир” [2].

Американский экономист и социолог Ричард Флорида в конце 90-х гг. XX в. ввел новое понятие — “творческий класс”, декларируя появление нового класса людей в современной меняющейся экономике постиндустриального общества. Он также обнаружил характерные черты представителей творческого класса — независимость, мобильность, свободу перемещения в пространстве (в компаниях и городах) в зависимости от складывающихся условий и т. п. Концепция Флориды оказала значительное влияние на объяснение содержания нового понятия “культурные индустрии” и определение новой роли городов, поскольку творческий класс во многих случаях и составляют люди творческих индустрий. Например, город Львов предлагает не столько комфортные условия проживания или эффективную транспортную систему, а скорее богатую культурную программу и интегрированное общественное пространство в сочетании с демократическими сферами обслуживания. Такая ситуация привела к значительному притоку в город представителей креативного класса: дизайнеров, программистов, художников, музыкантов, менеджеров и т. д. [9].

Безусловно, город влияет и на сознание человека, способствует выделению индивидуального в контексте социального взаимодействия и сотрудничества различных людей, групп и объединений, которых соединяет идея или отрасль профессионального направления. Например, клубы или объединения по интересам, в контексте нашей темы — музыкальные клубы, джаз-клубы. Примером такого взаимодействия являются фестивали, в том числе джазовые, в рамках которых осуществляется международный контакт с другими участниками художественного проекта. По своей форме музыкальные фестивали проводятся как циклы концертов и музыкальных спектаклей, объединенных общим названием, единой программой и обычно проходят в особо торжественной обстановке. Для фестивального движения характерна неограниченность мероприятий по продолжительности (от нескольких дней до года или полугода) и содержанию. Существуют монографические музыкальные фестивали (посвященные музыке одного композитора), тематические (посвященные определенному жанру, эпохе или стилистическому направлению), фестивали исполнительского искусства и т. п. Их организывают государственная и местная власти, филармонии, музыкальные общества, а также частные фирмы и продюсерские центры. Музыкальные фестивали могут проводиться регулярно (ежегодно, раз в 2–4 года) или в связи с любыми торжественными событиями, которые устраиваются обычно в городах, славящихся музыкальными традициями или связанные с жизнью и деятельностью великих музыкантов,

хотя некоторые фестивали проводятся и в рекламных целях (для привлечения туристов). В рамках музыкальных фестивалей проводится мастерклассы, джем-сейшены и значительная часть музыкальных конкурсов, которые стали их важной составляющей.

Восприняв независимость как возможность повышения музыкально-культурного уровня, практически все города Украины присоединились к «соревнованию» за проведение большого количества музыкальных фестивалей и их «международный» статус. Наряду с попыткой Киева утвердить себя административной столицей и культурным центром Украины, наблюдается тенденция к созданию альтернативных локальных центров. В музыкальной культуре это прежде всего консерваторские города, в которых наблюдается достаточно развитая система музыкального образования, наличие учреждений культуры, творческих коллективов и ресурсов. Процессы децентрализации культурного пространства Украины и распространения фестивального движения взаимозависимы. Фестиваль становится оптимальной формой проведения музыкальных акций, которая характеризуется большой резонансностью и отвечает стремлениям городов и регионов повысить свой статус. Это все относится и к джазовым фестивалям. На основе обзора созданных, вновь возрожденных, а также действующих с предыдущих лет джазовых фестивалей в Украине периода независимости (1990–2012 гг.) можно определить степень участия украинских городов в развитии данного художественного движения, а именно:

Винница — Международный джазовый фестиваль «Международные дни джазовой музыки в Виннице» – «Vinnytsia Jazzfest»; Всеукраинский фестиваль-форум молодых исполнителей «Барвы музыки XX в. Авангард. Классика. Джаз»;

Житомир — Региональный джазовый фестиваль «Jazzomir»;

Запорожье — Международные джазовые фестивали «Запорожский Джем», «Джаз мини-фест»;

Донецк — Международные джазовые фестивали «Донецк-130» (основанный в 1969 г. как «Донецк-100», удержавшийся на сцене более 30 лет — восстановлен после 10-летнего перерыва в 1999 г. («Донецк 130»), «ДоДж», «Джаз-форум», Фестиваль-конкурс молодых исполнителей «Do#Дж Junior»/«ДоДж Юниор»;

Донецкая обл., г. Горловка — джазовый фестиваль «Юный джаз – 1990»;

Днепропетровск — Международные джазовые фестивали «Джаз на Днепре» (создан в 1968 г. под названием «Юность — 68–73», позже — «Джаз — 81–83» и дважды восстанавливался как «Джаз на Днепре — 87–90» и «Джаз на Днепре — 99–2005»), «Днепротроль», «Бразил Босанова Джаз Фест»; Всеукраинский военный фестиваль джазовой музыки «Джаз в погонах»; региональные — «Jazz Misto», «Майджаз»;

Днепропетровская обл., г. Никополь — Международный джазовый фестиваль «Осенний блюз»; Джазовый фестиваль «Никополь»;

Днепропетровская обл., г. Кривой Рог — Международные джазовые фестивали «Днепротроль», «Бразил Босанова Джаз Фест»; Региональный джазовый фестиваль, посвященный Международному Дню Джаза;

Запорожская обл., г. Бердянск — Всеукраинский фестиваль молодых исполнителей джаза «Jazz-Forum»;

Ивано-Франковск — Международный джазовый фестиваль «Jazz Bez»; Международный фестиваль современного искусства «Старое кино по-новому»; Городской джазовый фестиваль «Горячий джем в Станиславови»;

Киев — Международные джазовые фестивали «Единство», «Jazz In Kiev», «О'Кешкин Джаз», «Ukraine jazz summer», «Додж», «Бразил Босанова Джаз Фест», «Jazz Bez», «Vocal Zone» им. Владимира Михновецкого, «Днепротроль», «Метаморфозы джаза», Вечера памяти Владимира Симоненка в рамках Международного фестиваля «Киевские летние музыкальные вечера», альтернативной музыки «Ua/Pl Alternative Music Meetings» Польша–Украина (Киев, Львов), новой импровизационной музыки с участием джазовых исполнителей «Новая территория», этнической и джазовой музыки «Art of Tolerance», Международный детский джазовый фестиваль «Атлант — М», Международный фестиваль-конкурс гитаристов им. Владимира Молоткова «АпрельскиеКиевские»; Всеукраинские фестивали «Зимние джазовые встречи» им. Евгения Дергунова, «Космополит JAZZ Fest», «The Beatles Fest», блюзово-джазовый фестиваль «Гостинный Фест», мини-фестиваль «Drum-Kolo», Городской джазовый фестиваль «Осенний джазовый марафон», музыкальный фестиваль в рамках Международного фестиваля современного искусства «Андреевский спуск»;

Киевская обл., г. Белая Церковь — Международный джазовый фестиваль «Джаз + jazz — 2007»;

Крым (Автономная Республика):

г. Евпатория — Международный музыкальный фестиваль «KaZантип», Международный фестиваль этнической и джазовой музыки «Art of Tolerance»; Региональный джазовый фестиваль «Джазовый коктейль»;

г. Коктебель — Международные джазовые фестивали «Jazz Koktebel», «Live In Blue Bay», арт-фестиваль современной музыки памяти Андрея Баранова «Мамакабо» (Россия — Украина, Коктебель);

г. Скардовск — Всеукраинский детский джазовый фестиваль «Джаз над морем»;

г. Симферополь — Международные джазовые фестивали «Бразил Босанова Джаз Фест», «Jazz In Crimea», «Ukraine Jazz summer»;

г. Феодосия — Международный джазовый фестиваль «Live in Blue Bay»;

г. Черноморское — Всеукраинский фестиваль «The Beatles Fest»;

г. Щелкино — Международный музыкальный «KaZантип», Фестиваль музыки и актуального искусства «Соседний МИР»;

г. Ялта — Международный джазовый фестиваль «Jazz In Crimea», Международный музыкальный фестиваль

и песенный конкурс исполнителей “Crimea Music Fest”, Международный молодежный джазовый фестиваль “Джалитон”, Региональный джазовый фестиваль “Джазовый коктейль”, Городской фестиваль “Вина и джаза”;

Луганск — Региональный джазовый фестиваль “Jazz at Colosseum”;

Луцк — Международные джазовые фестивали “New Cooperation”, “Jazz Bez”, джаз-фолк фестиваль “Музыкальные Диалоги”;

Львов — Международные джазовые фестивали “Jazz Bez”, “Alfa Jazz Fest”, “Бразил Босанова Джаз Фест”, альтернативной музыки “Ua/Pl Alternative Music Meetings” (Польша-Украина), этно-джазовый фестиваль “Флюгеры Львова”, летний музыкальный фестиваль “Импровизация”, Городской художественный фестиваль искусств “Лето на Рынке”;

Николаев — Международный джазовый фестиваль “Ukraine Jazz summer”; Городской джазовый фестиваль “Jubilee”, задекларированный как Международный джазовый фестиваль “JazzNikolaev”;

Одесса — Международный фестиваль современного искусства “Два дня и две ночи новой музыки”, Международные джазовые фестивали “Джаз-Карнавал” — “Odessa Jazz Fest”, “Ukraine Jazz summer”, “Jazz Bez”, “Бразил Босанова Джаз Фест”, “Днепрогастроль”, Международный интернет-фестиваль-конкурс джазового импровизационного мастерства “Мастер-Джем Фест”, Международный фестиваль этнической музыки и ленд-арта “Art Pole” (Одесса — Куяльник);

Одесская обл., г. Южный — Международный детский джазовый фестиваль им. Леонида Утесова (“Детское джазовое движение”); Всеукраинский джазовый фестиваль “Сосо. джаз ...” (Памяти Сосо Иремашвили);

Полтава — Джазовый фестиваль “Конвалия”;

Полтавская обл., г. Кременчуг — Международный джазовый фестиваль “Energy-Fest” им. Дмитрия Темкина, Джазовый фестиваль “Наши джаз”, Всеукраинский арт-фестиваль “Кременчуг”;

Ровно — Международные джазовые фестивали “New Cooperation”, “Jazz Bez”;

Севастополь — Международные джазовые фестивали “Jazz Crystal”, “VL Jazz Festival”, “Jazz In Crimea”, “Jazz Bez”; Региональные джазовые фестивали “Джазовый коктейль”, “Green-Jazz-Festival”;

Сумы — Международный джазовый фестиваль “Jazz Fest. Органум”, Всеукраинский джазовый фестиваль “Jazz Fest”; Городской фестиваль джазовой музыки “Jazz in Sumy”;

Тернополь — Международный джазовый фестиваль “Jazz Bez”;

Ужгород — Международные джазовые фестивали “Пап Джаз Фест”, “Jazz Bez”; Всеукраинский фестиваль “Музыка без границ”;

Харьков — Международные джазовые фестивали “Kharkiv ZaJazz Fest”, “Jazz Bez”, этнической и джазовой музыки “Art of Toleranse”; Городской мини-фестиваль “Нулевое

декабря” (в рамках сезона Международного джазового фестиваля “Kharkiv za jazz fest”), Фестиваль современного джаза “JazzperFest”, Региональный джазовый фестиваль “Big Band Fest”;

Херсон — Региональный уличный джазовый фестиваль “Jazz на Суворова”, Городской открытый эстрадно-джазовый детский фестиваль “Сердце-bravo”;

Хмельницкий — Открытый региональный джазовый фестиваль “Джаз-фест — Подолье”;

Черкассы — Международный джазовый фестиваль “Jazz Bez”; Региональный джазовый фестиваль “Джаз-Дилижанс”;

Черкасская обл., г. Канев — Международный фестиваль академической и современной музыки “Фарботоны”;

Черкасская обл., г. Умань-Смела — Джазовый фестиваль “Дни джазовой музыки”;

Чернигов — Региональные джазовые фестивали “Chernihiv Jazz Open”, “Блюз-Квадрат” и др.

Наряду с выше указанными джазовыми фестивалями созданными и восстановленными в период 1990–2012 гг. продолжали успешно функционировать фестивали, возникшие еще до 90-х гг. Среди них: “Черкасские джазовые дни” (Черкассы, с 1988 г.); “Хрустальный Лев” (Львов, с 1988 г.); Детский музыкальный фестиваль “Мы учимся играть джаз” (Донецк, с 1989 г.); “Горизонты джаза” (Кривой Рог, Днепропетровская обл., с 1987 г.); Всеукраинский фестиваль “Джаз и юность” (Кривой Рог, Днепропетровская обл., с 1987 г.) и др. Таким образом, на территории Украины в этот период действовало более 100 джазовых фестивалей, различных за своими масштабами, сроками функционирования и статусом.

Итак, на основании обзора созданных, возрожденных и действующих с предыдущих лет джазовых фестивалей в Украине в течении исследуемого периода можно дать оценку уровней активности отдельных городов Украины в развитии данного художественного движения и констатировать тот факт, что в Украине в этот период происходит процесс формирования региональных центров джазового фестивального движения, которые отличаются среди других большим количеством проведенных джазовых форумов, представляющих высокий исполнительский уровень и достижения соответствующего региона в данной сфере художественной культуры. Основными определяющими критериями для “присвоения” городам такого высокого статуса стало два показателя: **количественный**, который оценивался количеством основанных, вновь возрожденных и возникших до 90-х гг. действующих в данный период джазовых фестивалей, и **качественный**, который определялся их перспективностью, сроками деятельности для украинской культуры, статусом в соответствии с масштабностью фестивальных мероприятий и объемом выполняемых ими культурологических задач.

Основываясь на административном региональном разделении Украины, к Западному региону относятся города Львов, Луцк, Ивано-Франковск, Ровно, Тернополь,

Хмельницкий, Черновцы и города Закарпатской обл.; к Восточному — Луганск, Донецк, Харьков; к Южному — Одесса, Запорожье, Николаев, Херсон, Севастополь и населённые пункты Крыма; к Северному — Киев, Житомир, Суммы, Чернигов и к Центральному — Днепропетровск, Винница, Черкассы, Кировоград, Полтава. Проведённое исследование доказывает, что своей активностью среди вышеперечисленных городов по установленным критериям выделяются преимущественно областные центры Украины: в Западном регионе — Львов; в Восточном — Харьков и Донецк; в Южном — Одесса и Севастополь, в Центральной части Украины — Днепропетровск; в Северной — Киев, которые можно считать региональными центрами развития джазово-фестивального движения в Украине. Именно в них в течение периода исследования функционировало не менее пяти, а то и намного больше джазовых фестивалей, многие из которых стали международными и известными далеко за пределами Украины.

Например, Львов основал за данный период 5 международных джазовых фестивалей, из которых два стали большими фестивальными форумами — “Alfa Jazz Fest” и “Jazz Bez”, а во Львовской обл. в свое время был создан 2 международных фестиваля — “Свирж” (с. Свирж) и “Fort. Missia” (с. Поповичи); все 8 новых джазовых фестивалей в Одессе получили статус международных (“Два дня и две ночи новой музыки”, “Джаз-Карнавал” — “Odessa Jazz Fest”, “Ukraine Jazz summer” и др.), а г. Южный Одесской обл. стал известен двумя фестивалями — Международным детским джазовым фестивалем им. Леонида Утесова, известным как “Детское джазовое движение” и фестивалем “Сосо. джаз ...”, посвящённым памяти Сосо Иремашвили и др.

Неизменным лидером в данной области, безусловно, остается город Киев, который является не только центром джазового фестивального движения Северного региона, но и всей Украины. Здесь сконцентрированы лучшие силы украинского джаза и созданы наиболее благоприятные условия для развития джазового искусства. В городе по скромным подсчетам за данный период было создано и действовало около 23 джазовых фестивалей, 15 с которых имеют международный статус. Это джазовые фестивали — “Единство”, “Jazz In Kiev”, “Vocal Zone” им. Владимира Михновецкого, “Космополит JAZZ Fest”, “Метаморфозы джаза”, детские международные джазовые фестивали — “О’Кешкин Джаз” и “Атлант — М” и многие другие.

Итак, подводя итоги вышеизложенного, можно сделать определенные **выводы**, а именно:

1. На основе проведенного исследования по выше указанным критериям были определены 7 региональных центров джазово-фестивального движения в Украине: Киев, Львов, Одесса, Донецк, Севастополь, Харьков, Днепропетровск.

2. Указанные региональные центры джазово-фестивального движения в Украине (это преимущественно консерваторские города) отличаются от других городов

расширенной инфраструктурой культурологической среды (театры, концертные залы, музыкальные клубы, расширенная сеть музыкальных учебных заведений и т. п.) и слаженной работой просветительско-пропагандистских центров джазового искусства (активная работа джаз-клубов; культурных центров; общественных, частных и государственных организаций; деятельность художественных агентств и компаний; наличие большого количества соответствующих развлекательных заведений и т. п.).

3. Именно в этих городах за данный период возникло по пять и более джазовых фестивалей, значительная часть которых стали международными и известными далеко за пределами Украины. Именно они определяют престиж нашей страны на международных форумах и дают мощный стимул для развития украинской джазовой культуры.

4. Наибольшее количество международных фестивалей, которые сейчас стали лицом украинской джазовой культуры, сформировались именно в вышеперечисленных региональных центрах развития джазово-фестивального движения Украины, а именно: во Львове — “Alfa Jazz Fest”, “Jazz Bez”, “Флюгеры Львова” и др.; в Одессе — “Два дня и две ночи новой музыки”, “Джаз-Карнавал” — “Odessa Jazz Fest”, Международный фестиваль-конкурс джазового импровизационного мастерства “Мастер-Джем Фест” и др.; в Севастополе — “Jazz Crystal”, “JVL Jazz Festival”, “Jazz In Crimea” и др.; в Донецке — “Додж», Фестиваль-конкурс молодых исполнителей “Do # Дж Junior”, “Джаз-форум” и др.; в Харькове — “Kharkiv ZaJazz Fest”, Фестиваль современного джаза “JazzperFest” и др.; в Днепропетровске — “Джаз на Днепре”, “Бразил Босанова Джаз Фест”, “Майджаз” и др. Самое большое количество джазовых фестивалей было основано именно в Киеве — “Единство”, “Jazz In Kiev”, “Vocal Zone” им. Владимира Михновецкого, “Метаморфозы джаза”, Международные детские джазовые фестивали “О’Кешкин Джаз” и “Атлант — М” и многие другие.

5. Положительным явлением в нашем джазово-фестивальном процессе являются общие джазовые фестивальные проекты нескольких городов, которые свидетельствуют об общности творческих планов, концепций, культурологических задач разных городов Украины, объединяющих усилия творческой элиты сформировать постоянные традиции украинского джаза, создать мощную джазовую школу. Среди них популярными стали: “Днепрогастроль” (Киев, Днепропетровск, Запорожье, Одесса, Киев), “Ukraine jazz summer” (Киев, Одесса, Николаев, Симферополь), “Jazz In Crimea” (Ялта, Симферополь, Севастополь), “Бразил Босанова Джаз Фест” (Киев, Одесса, Львов, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь) и особенно масштабный “Jazz Bez” (**Украина** — Львов, Харьков, Севастополь, Тернополь, Луцк, Ивано-Франковск, Ровно, Ужгород, Одесса, Киев, Черкассы; **Польша** — Люблин, Варшава, Перемышль, Санок, Новицы) и др. Они направлены расширить горизонты украинского джаза и ввести Украину в мировое культурное пространство.

Список литературы:

1. Вуд Ф. Круговорот городского творчества./Пер. з англ. М. Хрусталёвой//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cpolicy.ru/analytics/63.html>
2. Голубович О. Вплив міста на життя людини в добу глобалізації./[Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lnu.edu.ua/faculty/Philisnyk/Filos_visnyk_15/27_15.pdf.
3. Дьячкова О. “Київ Музик Фест-95”//Музика. – 1996. – № 1. – С. 10–11.
4. Доценко А. І. Адміністративно-територіальний устрій та розселення в Україні. – К., 2003. – 63 с.
5. Культурна політика в Україні//Аналітичний огляд під ред. О. Гриценка. – Укр. центр культурних досліджень Мін. к-ри та туризму України – 2007./[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://culturalstudies.in.ua/zy_2007_sl.php
6. Лендри Ч. Креативный город/пер. с англ. – М.: Издательский дом “Классика-XXI”, 2011. – 399 с.
7. Матарассо Ф., Лендри Ч. Как удержать равновесие? Двадцать одна стратегическая дилемма культурной политики//Культурная политика в Европе: выбор стратегии и ориентиры. – М.: Либерия, 2002.
8. Мечкало Ж. Сучасне місто в умовах глобалізації./Вісник НТУУ “КПІ”. Філософія. Психологія. Педагогіка. – К., 2011. – Випуск 3. – С. 55–59.
9. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. – М.: Издательский дом “Классика-XXI”, 2005.
10. Culture & Creativity in 2007./Department for culture, media and sport. Publications. – 2007./[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/organisations/department-for-culture-media-sport>
11. Mommaas. H. Cultural Clusters and the Post-industrial City: Towards theremapping of urban cultural policy./Urban Studies. – Vol. 41. – No. 3.
12. Stevenson. D. The City as Spectacle: Culture and the/Re-imagining of Cities./Cities and Urban Cultures. – 2003.

Section 2. History and archaeology

*Ahmadov Ahmad oglu Sabuhi,
National Museum of history of Azerbaijan,
PhD in history, head of the Department
for external relations and exhibition activity
E-mail: chokan28@yahoo.com*

The miniatures of the manuscript “Varka and Gulshah” as a source for the study of weapons of XII–XIII centuries in Azerbaijan

Abstract: The article discusses the manuscript of “Varka and Gulshah” of the XII–XIII century as a source for military history of the middle ages. The analysis of the miniatures of the manuscripts with the purpose of studying different types of medieval weapons.

Keywords: “Varka and Gulshah”, medieval weapons, Muslim miniatures.

Miniatures of the manuscript of the poem “Varka and Gulshah” are the first example of medieval Muslim miniatures and most complete surviving illustrative monument of the pre-Mongol era. The manuscript “Varka and Gulshah”, the only one of its kind in Azerbaijan, testifies to the leading role of Azerbaijanis arts in the formation of the miniature arts of the East [3, 4–8].

Poem “Varka and Gulshah” was written by the poet Ayuki and devoted to love of a knight named Varka and a girl named Gulsah. Lovers have to overcome many obstacles, defeat a lot of enemies to connect [4, 10]. Miniatures for the poem were created in the late thirteenth century. The author of miniatures in this manuscript is the Azerbaijani painter Abd ul-Mumin al-Khoyi, a native of the city of Khoy in southern Azerbaijan. At present, the manuscript is kept in the library of the Museum Topkapi (H. 841) [2, 9].

The manuscript has 71 miniatures, and this is a lot. Out of 71 miniatures of the manuscript 25 depict battle scenes. Art analysis showed that the artist has depicted the characters of the novel in contemporary garments, solely in clothes of the thirteenth century [9: 25, 28]. Therefore, miniatures can be considered as an important source in the study of weapons of the reviewed epoch in Azerbaijan.

Reviewing battle miniatures of the manuscript, for the first time shown in full form by A. Efendiev [9: 25, 28]. Multi-figure composition is visible in the miniature of the “Battle between the tribes of Bani sheyba and Bath Sabba”. Here in a battle scene were faced 11 figures: horsemen, foot soldiers, wounded and dead. An image “Battle of Varka with an army of Aden” is also a miniature battle with multi-figured compositions. A miniature “Battle of Varka and defeat armies of Bahrain and Aden” is complex of compositions and multiplicity of characters. Fights of individual knights are shown in the miniatures “Battle of Rabi bin Adnan with the fighter of the tribe of Bani Sheyba”, “Fight of Rabi with Varka’s father”,

“Fight of Varka and Rabi”, “Gulsah defeats the son of Rabbi”, “Gulsah kills Rabi”, “Fight of Gulsah with Galeb”, “Hand-to-hand fighting of Gulsah with Galeb”. Knights and their accompanying soldiers — infantry and horsemen, are shown in the miniatures of “Wrath of Rabbi”, “Night attack of Rabi bin Adnan”, “Rabi wins the tribesmen of Gulshah”, “Gulsah approaching army of Rabi”, “Gulsah unveiled the face”, “Varka leaving town of Yemen”.

The study of the miniatures shows that defensive and offence weaponry of the soldiers are depicted very accurate.

Defensive weapons include the helmets, armor, shields. The miniature depicts 3 types of helmets: hemispherical; chainmail; conal. Hemispherical helmet is the main part — hemispherical metal part, which is attached chainmail mesh that protects the throat and neck of the warrior. The back of the head of the warrior protects leather plate. This type of helmet was quite widespread in the Eastern countries [6, 43]. A helmet of this type was called “tulka”, “sm” or “tark” [9, 11].

On the miniature “Gulsah approaching army of Rabbi”, it is clear that to the front of the helmet was attached to the combat mask. Battle metal mask, with slits for eyes. Battle mask — an important element of the helmet of a medieval knight. In the Turkic epos “Kitabi Dede Korkut”, composed in the pre-Mongol era, the combat mask was called “nigab” [9, 12–13].

Chainmail helmet fully into the metal rings. In the figures it is seen that chainmail helmet covers all sides of the head, throat and neck, but the face remains open. In the miniature “Varka leaving town Yemen” chainmail helmet covers the entire head, including the face, leaving only slits for the eyes. It is known that chainmail helmet was widely distributed both in the West and the East [7, 30]. Traditional form of chainmail helmet remained unchanged for centuries [8, 92].

Conal spheroconical helmet has metal dome, chain mail mesh, and two ribbons at the top of the helmet.

Most depicted hemispherical helmet (27 times), conal (1), and 6 times depicted chainmail helmet. Judging by the miniatures, hemispherical helmet was widely distributed, while sphericoconical helmet appeared recently.

The miniatures shows two type of armor. Armor corset — cuirass consists of the pectoral and dorsal parts. They attached in horizontal rows of small metal plates. Armor with metal plates sewn designated as «Kuyak» or «Kaf-tan» [6, 31]. Archaeological excavations, as well as information epics show that armor with small metal plates was distributed in pre-Mongol period [9, 16–18]. Found that small metal plate was connected through the holes with straps or laces in long strips, which are then stacked on each other so that the bottom row was on top.

The second type of armor like shirt with long skirt, short sleeves. This shirt is (probably leather) sewn large round metal plate. Similar armor plates were discovered during archaeological excavations in the medieval cities of Derbent and Beylagan. This type of armor was called "jawshan". D. Nicole believes jawshan "classic armor Turko-Persian area" [6, 31].

Thus, the armor corset — cuirass with small plates was widespread, and the armor in the form of shirt with large plates appeared recently.

Probably, the armor protection was not enough and so the warriors have often used large shields. The miniatures shows two types of shields. A round shield is very large, with inner side attached handles—straps. Outside the shield has a simple bright ornament. Round shield 31 times, 26 times the shield hanging on his back. As indicated in the manuscript "Divan lugat at-Turk" by the author of the eleventh century Mahmud Kashgari, a round shield called "Kalkan" [11, 412].

The second type — long teardrop shield. The shield depicts a total of 4 times. Such boards in the sources is denoted by the terms "Tariqa" and "Januvia" [6, 32]. The image infantryman armed with a spear like a teardrop shield found on the vessel X–XI centuries. Thus, teardrop shield out of use, a round shield was ubiquitous.

Warhorses of the knights are protected by horse armor. In the miniature "Battle Rabi with Varka's father" depicts a full body armor — protected head, neck, whole body of the horse. Horse armor is sewn from thick fabric in solid form. A miniature "Battle Varka with Rabbi" shows incomplete horse armor — the neck and head of a horse remain open. Horse armor from cloth intensified round metal plates. The mention of the horse's armor is found in the epos "Kitabi Dede Korkut" [9, 30]. Judging by miniatures, horse armor, made in the form of one-piece large canvas has been replaced by armor made of separate pieces.

Offence weaponry is the bow and arrow, a sword, a noose, a spear, a javelin. In the miniatures are depicted a complicated bow (also called "Turkish bow"). Complex bow was considered as one of the most effective types of bows [10, 150]. The bow had the string for which the tail boom has made the slot [1, 108–109]. In the miniatures of the Archer holds the bow in his left hand, the string pulls to the chest with the right

hand. Hard case for the bow resembles the shape of a bow and hanging on the belt on the left. The traditional complex form of bow has not changed for centuries, as evidenced by the Museum exhibits more recent periods [8, 146]. In the manuscript "Divan lugat at-Turk" bow is denoted by the term "Yay" [11, 412].

Arrows are depicted very accurately. Quiver for holding arrows is wide, made of leather, hanging on the belt on the right. Miniature "Battle between the tribes of Bani sheyba and Bani Zabba" shows that before the decisive battle sides fired at each other with arrows. A miniature "Battle Varka with an army of Aden" shows a fragment when the warrior throwing the lasso knocks the opponent from his horse.

The miniature depicts a long spear. The rider strikes, holding the spear with both hands. Some spears are depicted with tied ribbons. A band on the spear symbolized high social status of the owner of the spear [6, 32]. Heavy spear rider was called "Sungu" [9, 39–41]. On one of the thumbnails shows the javelin is a short throwing spear with three shank tip.

The miniatures depict two types of swords: a sword with a curved blade "Shamshir"; a sword with a straight blade — "Tiq". "Shamshir" is very long and a warrior in battle carries it, which is shoulder launched. Being out of battle actions, the sword was worn on the left side, suspended from the belt. On the handle there was a loop, which the warrior wore on the wrist. Judging by the miniatures, straight sword "Tiq" was gradually replaced by a slightly curved sword "Shamshir".

Images of more than 70 soldiers allow us to determine the complex weapons. So, a heavily armed rider had a helmet, an armor, a sword, a spear, a shield, a bow and arrows. Lightly armed, the rider had a helmet, a sword, a bow and arrow. Judging by the miniatures, the main weapons of the horsemen were a spear and a sword. Bow and arrows were an auxiliary weapon. Heavily armed foot soldier has a helmet, an armor, drop-shaped shield, a sword, rarely a spear.

Thus, the analysis of the miniatures of the manuscript shows that the artist was familiar with the weapon pre-Mongol era. Some researchers believe that in the battle scenes there is a strong influence of the wall paintings of Panjikent [5, 29]. At the same time, it is seen that, the weapon depicted in the miniatures, is a weapon, common in the Middle East and the Caucasus in the Seljuk era.

The fact that the painter realizes the supremacy of miniature arts in comparison with other types of visual arts and seeks ways of enriching visual methods of expression and overcoming stringent iconographic canons shows a new stage in medieval arts, when miniature illustrations became the most significant type of visual arts in the Muslim world [3, 7]. Describing the manuscript "Varka and Gulshah", the researchers point out that "in culturological terms, it is difficult to find a more successful example of parallelism between literary and visual aesthetics" [3, 8].

The analysis shows that the miniatures of the manuscript of the "Varka and Gulshah" are an important source for the studying of military history of Azerbaijan in XII–XIII centuries.

References:

1. Arab archery. An Arabic manuscript of about A. D. 1500. Trans. N. A. Faris, R. R. Elmer. – Princeton, New Jersey, 1945.
2. Efendiyev A. Battle genre in Azerbaijan miniature painting of XIII–XVI centuries. – Baku: Aspoliqraf, 2009.
3. Hasanzade J., Afandiyev A. Four century of glory: Azerbaijan miniature painting of XIII–XIV centuries. – Baku: Aspoliqraf, 2011.
4. Kerimov K. Azerbaijan miniature. – Baku: Ishiq, 1980.
5. Melikian-Shirvani A. S. La novella de Varque y Golshah. Un manuscrito iluminado persand el siglo XIII. // De el Correo de la UNESCO, 1971, ano XXIV. – P. 26–29.
6. Nicolle D. Saracen faris (1050–1250 AD). – London, Osprey, 1994.
7. The visual dictionary of military uniform by Deni Brown. – London: Dorling Kindersley Publishing Ltd., 1992.
8. Weapon. A visual history of arms and armour. Consultant editor R. Holmes. – London: Dorling Kindersley Publishing Ltd., 2006.
9. Агаев Ю. Ш., Ахмедов С. А. Военное искусство тюрок в огузском эпосе «Китаби Деде Коркут». – Баку: ОI, 2014.
10. Мамедов С. Г. История войн и военного искусства Азербайджана (с древнейших времен до XVII века). – Баку: Nafta-press, 1997.
11. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк. – Алматы: Дайк-пресс, 2005.

*Hajiyeva Lala Osman gizi,
Baku State University, PhD, Department of Journalism
E-mail: osmanqizi@gmail.com*

The refugees of the First World War in the Caucasus (based on the Baku periodicals)

Abstract: During the First World War, periodicals, Baku was at the forefront of the ideological front of the Caucasus, it was divided into two fronts: on the one hand was pro-Azerbaijan, on the other pro-Armenian press. All questions, including the treatment of refugees, viewed through the prism of national interests of the two peoples. Baku printing divided into two categories of refugees — Armenian refugees and Muslim. Under the Muslim refugees implied Turks and Ajaris of Kars, Erzurum and Batum.

Keywords: First World War, refugees, the Ottoman Empire, the Caucasus, Baku periodicals.

*Гаджиева Лала Осман гызы,
Бакинский государственный университет,
докторант, факультет журналистики
E-mail: osmanqizi@gmail.com*

Беженцы Первой мировой войны на Кавказе (по материалам Бакинской периодической печати)

Аннотация: В годы первой мировой войны периодическая печать г. Баку находилась на передовой идеологического фронта Кавказа, которая в этот период разделилась на два фронта: с одной стороны была про-азербайджанская, с другой про-армянская пресса. Все вопросы, в том числе и отношение к беженцам, рассматривались через призму национальных интересов этих двух народов. Бакинская печать разделяла беженцев на две категории — армянских беженцев и мусульманских. Под мусульманскими беженцами подразумевались турки и аджарцы из Карса, Эрзерума и Батума.

Ключевые слова: первая мировая война, беженцы, Османская империя, Кавказ, Бакинская периодическая печать.

Ко времени начала первой мировой войны в Баку больше всего издавалось газет на русском языке. Самыми читабельными среди них считались две газеты — «Каспий» (1881–1919), с 1897 года издаваемый нефтепромышленником и меценатом Г. З. Тагиевым, и «Баку» (1902–1918),

редактируемый армянским общественным деятелем Х. А. Вермишевым. Мировой конфликт, развернувшийся в Европе, Бакинскую печать интересовал с точки зрения событий вокруг Российской и Османской империй. Газета «Каспий», как и вся печать на азербайджанском языке,

разрывалась между двумя империями, особенно в начале войны. Первая — Российская Империя, для отличающихся своей верноподданностью азербайджанцев, являлась фактически отчизной, а вторая — Османская Империя, единая по языку и вероисповеданию, родной стороной. Гораздо проще обстояли дела у армянских изданий. Они знали кто их друг, а кто враг. Более того, эти издания возлагали огромные надежды на войну, «как исторического дара», которого «жаждет и весь армянский народ в Турции, равно и все русские армяне» [1, 3]. «Воюют не государства, не правительства, — возвещала газета “Баку”. — Воюют народы, коалиции народов, как носители определенных национальных заветов» [2, 4].

Со вступлением Османской Империи в мировой военный конфликт начался нескончаемый поток беженцев в пределы Кавказа. Первые из них прибыли уже в начале ноября 1914 года. Газета «Баку» накануне предвещала неизбежность прибытия беженцев, взывала к милосердию, к необходимости братской помощи и организации соответствующих комитетов по сбору пожертвований в их пользу, «чтобы дать им, — как писала газета, — приют и средства к существованию, пока пройдет гроза войны...» [3, 2]. Надо заметить, что, говоря о беженцах, газета имела в виду исключительно беженцев-армян из Османских вилайетов. Ко времени начала первой мировой войны, по данным Х. Вермишева, опубликованным в газете «Баку», «число армян в армянских вилайетах Турции не превышало 1 200 000» человек [4, 5]. Как отмечает российский журнал «Современный Мир» (1906–1918, Санкт-Петербург) в 1915 году, «армянская нация, составляющая во всех семи вилайетах (Эрзерум, Ван, Битлис, Диарбекир, Харберд, Сивас и Киликия — Л. Г.), где она распространена, меньшинство населения» [5, 145], лишь в некоторых нахиях (низшее административно-территориальное деление, по типу волостей в России — Л. Г.) Вана и Битлиса составляла большинство. Газета «Русские Ведомости» (1863–1918, Москва) отмечает, что в этих местах Османской империи они жили вокруг Ванского озера в соседстве с курдами, переменное преобладание которых наблюдалось в других нахиях. Например, «в Ване (70 % армян и 8 % курдов), Шимаре (25 и 6)», а в «Арджешь курдов 60 %, а армян всего 18 %; Бергри — 85 % курдов, 15 % армян, Махмудие — 76 % курдов и 4 % армян...» [6, 3].

В начале войны в Бакинской Городской Думе рассматривался «проект организации общества помощи беженцам без различия национальностей», число которых уже достигало 100 000 человек. «Преобладают армяне, — сообщала газета “Баку”, — но много среди беженцев молочан, духоборов и мусульман, в виду этого, учредители и пришли к заключению, что общество помощи беженцам должно быть основано на принципе интернациональности...» [7, 3]. Однако непредвзятость к беженцам была лишь на словах. Тут же обговаривалось, что необходимо разделить беженцев «на две резко различные группы: беглецов из Турции, Персии и мест, непосредственно

застигнутых войной — и беглецов из Карса, Батума и других более отдаленных областей» [7, 3]. Заседание в основном обращало внимание на печальное положение первых, а беженцев из Карса и Батума именовало «выселенцами» и положение их считало вполне благоприятным [7, 3].

В начале января 1915 года, из обращений временного генерал-губернатора Карской области Зубова, фрагментами опубликованных в местных газетах, общество узнало о тяжелом положении мусульманских беженцев. В них говорилось о бесчинствах армянских дружинников в Карской области и насилиях над мусульманами. Генерал-лейтенант Зубов, до того являвшийся комендантом Карской крепости в своем первом обращении писал следующее: «Наблюдавшееся с начала войны с Турцией враждебное отношение некоторой малокультурной части христианского населения области к местным мусульманам вылилось в последние дни в открытые нападения, последствием коих было убито несколько мирных мусульман...» [8, 4]. Обращение Зубова вызвало бурную полемику на страницах Бакинских газет. Каждая сторона старалась вложить в слова Карского коменданта свой смысл и донести его до общества. Приводя некоторые выдержки из обращений Зубова, в которых он заявляет, что «лица, разоблаченные в разного рода насильственных действиях, без исключения, как христиане, так и мусульмане, будут предаваться военному суду для суждения по законам военного времени», газета «Баку» пытается переместить действия армянских дружинников, находящихся в Карской области для ведения боевых действий против Османской империи, в плоскость локального конфликта между темными и малокультурными массами христианского и мусульманского населения [9, 3]. По этому поводу газета «Баку» предлагает вникнуть в «глубокий смысл и дух приказа Карского генерал-губернатора, который в этом отношении не делает и не может делать никаких исключений и имеет в виду и мусульман, и христиан» [9, 3]. «Каспий» же требует не искажать смысл сказанных генералом Зубовым слов, где четко говорится о «совершенно определенном явлении: о враждебном отношении — к мусульманам, неповинных в настоящих обстоятельствах» [8, 4].

Эти факты подтверждаются и агентурным донесением коменданта Карской крепости, генерал-лейтенанта Зубова начальнику штаба Кавказской армии от 20 января 1915 года. В нем генерал говорит о дружинниках и их руководителях, которые, по его словам, не считаются с местной властью, не являются в Штаб крепости для регистрации их, несмотря на его приказание. «Сведения эти необходимы особенно потому, — подчеркивает он, — что у жителей с дружинами часто возникают серьезные недоразумения на почве убийств, грабежей и всякого рода насилий, а также ввиду антидисциплинированности и распущенности дружинников вообще» [10, 90].

Обращения генерала Зубова обсуждались и Бакинской прессой, выходящей на азербайджанском языке. Собственно, она и способствовала развитию полемики,

так как первой газета «Игбал» (1912–1915, Баку), издаваемая М. Э. Расулзаде (1884–1955, азербайджанский государственный, политический и общественный деятель), перевела и опубликовала некоторые выдержки из названных обращений. Газета обращала внимание общественности на плачевное положение карских беженцев, призывая население к милосердию, так поощряемому Исламом. «Не трудно догадаться, до чего же тяжко положение этих несчастных, если генерал Зубов и губернатор Подгурский обращаются к населению с просьбой о помощи им», — писал М. Э. Расулзаде после первого обращения [11, 40]. Однако тенденциозное и одностороннее отношение издателя газеты «Баку» Х. Вермишева к данному вопросу и желание его исказить истинное положение дел, добавок обвинить автора газеты «Каспий» Дж. Гаджибейли (1891–1962) (Дагестани в печати — Л. Г.) в национально-религиозном пристрастии, заставили М. Э. Расулзаде выразить свое отношение по поводу развернувшейся полемики на страницах двух основных изданий на русском языке г. Баку. По его мнению, газете «Баку» трудно принять истину и тем более понять человеческие страдания в Карсе, поскольку тенденциозность и общее настроение ее издателя не позволяют газете быть объективной к происходящей трагедии, о чем, по его словам, «редактор и сам догадывается» [11, 63].

Тем временем в Баку, в целом, на Кавказе, Петрограде и др. городах России активно организовывались комитеты по оказанию помощи беженцам-армянам. Их было настолько много, что, с целью объединения разрозненных по России комитетов и подкомитетов, в марте 1915 года в Эчмиадзине был созван съезд [12, 3]. Вскоре после съезда был распространен кондак католикаса всех армян Георга, в котором отмечалось, что в Эчмиадзине под его покровительством учрежден центральный орган — главный распорядительный комитет братской помощи в составе из представителей ведущих комитетов в Эчмиадзине, Тифлисе, Баку, Нахичевани, Петрограде, который и будет координировать деятельность всех комитетов [13, 5].

Газета «Каспий» с восхищением писала об организованности, сплоченности армян в этом благом для их пострадавших от войны братьев деле. В статье под названием «Добрая зависть» автор, подписавшийся под псевдонимом Старый, обращает внимание на то, что больше всех на Кавказе от войны пострадали «армяне и мусульмане» [14, 5]. Однако с точки зрения национального самосознания в вопросе о помощи своим беженцам, армяне, в отличие от азербайджанцев, в сравнительно короткий промежуток времени, «к национальной их чести», отмечает автор, смогли сконцентрироваться, сплотиться и создать десятки комитетов оказания помощи беженцам. И не только в Баку, но и во многих городах России [14, 5]. Рассказывая о них, автор указывает на планомерную и хорошо поставленную работу этих комитетов: «ежедневно мы читаем в газетах о крупных суммах, жертвуемых армянскими общинами, отдельными состоятельными лицами, благотворительными

и культурно-просветительными учреждениями, коммерсантами и рабочими, горожанами и крестьянами, — чтобы спасти от неминуемой гибели массы армянского населения, пострадавшие на турецком и персидском театрах войны» [14, 5]. Помощь не ограничивалась одной материальной поддержкой. На местах открывались пункты снабжения беженцев продуктами, необходимой одеждой, амбулатории для раненых и больных, профилактики инфекционных заболеваний. Параллельно производилась научно-статистическая работа по выяснению численности беженцев, их профессионального и полового состава. Вся эта работа ложилась на плечи армянской интеллигенции, среди которой «нашлись сотни лиц, — подчеркивает автор, — забывшие свои личные дела и самоотверженно бросившихся в гущу национально-альтруистической работы на местах же — на Соголангских высотах» (недалеко от Сарыкамыш, Османская империя — Л. Г.) [14, 5]. Автор не скрывал, что хочет расшевелить азербайджанскую интеллигенцию, в грозные дни войны немного впавшую в панику, нерешительность. Он писал, что давно миновали те времена, когда азербайджанская общественность была лишена своих врачей, инженеров, юристов, интеллигентных женщин и богатых людей, сознающих значение национально-общественной работы и выделяющих на общественные нужды часть своих средств. «Так в чем же причина их инертности?» — вопрошает автор. «Нам кажется, что единственная причина этому — отсутствие инициативы среди мусульманской интеллигенции, не имеющей за собой большого навыка в общественной деятельности. Но этим оправдываться нельзя. Если навыка не было, то он должен создаться именно теперь, в переживаемые критические дни», — заключает автор [14, 5].

Вопрос о беженцах, о помощи братьям по языку и религии, сыграет огромное значение в сознании азербайджанцев, до того времени именовавших себя просто мусульманами, отбросив на второй план свое национальное происхождение, свои тюркские корни. Война, которую называли «войной народов», способствовала пробуждению в них чувства национальной самобытности. Неслучайно, в грозную военную годину увидела свет газета «Ачыг сёз» (1915–1918, Баку), издаваемая М. Э. Расулзаде и объявившая главной своей задачей решение национального вопроса [11, 172].

Вскоре деятельную работу по оказанию помощи Карским беженцам развернуло Бакинское мусульманское благотворительное общество, которому для «получения разрешения на сбор пожертвований в пользу этих пострадавших понадобилась посылка особой депутации в Тифлис, к бывшему Наместнику графу Воронцову-Дашкову, доступ к которому оказался нелегким» [15, 5]. После многих формальностей, разрешение на сбор пожертвований было, наконец, получено. Журналист Дж. Гаджибейли предлагал для более эффективной работы идти в народ, разъясняя суть сбора пожертвований. «Безусловно, лица, избранные для этой цели, из числа членов благотворительного общества — весьма влиятельны и хорошо известны

мусульманскому обществу, но было бы желательно, чтобы состав комитета дополнился представителями недостающих в нем классов и категорий, даже если возможно, и профессий. Это необходимо для установления тесной связи комитета со всеми слоями и классами населения. Каждому гораздо легче будет работать среди своего круга, и результат такой работы может дать больше пользы, чем упование на “чувство уважения” или же на “совестливость»» [16, 4]. В течение короткого времени были организованы подкомитеты в разных городах Бакинской и Елизаветпольской губерний.

Не менее активную работу по оказанию помощи Карским беженцам развернуло созданное в ноябре 1914 года мусульманское женское благотворительное общество во главе с А. Мухтаровой. Организация смогла «доказать обществу, — писала газета “Каспий”, — что мусульманская женщина, допущенная к участию в общественных делах не хуже мужчин справляется со своими обязанностями» [17, 4]. По инициативе Общества неоднократно проводились так называемые «кружечные сборы» и акции «Братской помощи» в пользу мусульманских беженцев, в которых принимали участие и девушки из азербайджанских семей, что было доселе невиданным явлением в общественной жизни мусульманской части населения Баку. Рассказывая о них, М. Э. Расулзаде с восхищением отмечал возросшее национальное самосознание азербайджанского общества, неотъемлемой частью которого является азербайджанская женщина. Лет десять назад, — писал он, — таких сознательных женщин можно было по пальцам сосчитать, их имена упоминались с осторожностью. Сегодня же, для спасения своих несчастных братьев, они ходят по домам, обходят улицы, магазины, чтобы собрать пожертвование в их пользу. Из двухсот сборщиц, 150 были азербайджанки. М. Э. Расулзаде поясняет своим читателям, что «развитие и прогресс сопутствуют тому обществу, в котором женщина уважаема и является его активной участницей. Тогда мы можем не сомневаться в своей будущей независимости», — подчеркивает он [11, 159].

В годы войны каждое событие общественной жизни приобретало другой смысл, иное отношение. Даже празднование национальных и религиозных праздников отмечалось не так пышно, как в прежние времена. Газета «Каспий», взывая к совести своих читателей, просила не забывать в праздничные дни о своих нуждающихся соплеменниках, о громе орудий, раздающихся на фронтах, крови, проливаемой героями. «Что бы мы ни делали, — писал Дж. Дагестани, — каким бы радостным чувством мы не увлекались, мы не должны всецело предаваться этой радости и веселью» [18, 4]. По мнению Дж. Дагестани, не подобает мусульманину бесшабашно праздновать свой байрам, когда рядом так много горя и бедствий, когда тысячи людей голодают и не могут прокормить своих маленьких детей. «Можем ли мы, покупая для наших детей и гостей разные сласти, “емиши” и т. п. яства, тратя на это изрядные суммы, не вспоминать о тех, других наших детях, которые плачут не о яствах, не о сластях, а о куске черствого хлеба?», — писал он [18, 4].

Ежегодный раут, проводимый Бакинским мусульманским благотворительным обществом в честь Новруз-Байрама — весеннего равноденствия, было решено посвятить сбору пожертвований для оказания помощи беженцам. Однако, раут ожидаемого результата не дал. Было собрано, — как сообщал «Каспий», — всего 5 000 рублей, что для города с многомиллионными оборотами, являлось ничтожной суммой [19, 4].

В день Курбан Байрама — праздника жертвоприношения, который в 1915 году отмечался в октябре месяце, Бакинское мусульманское благотворительное общество обратилось ко всем мусульманам с призывом сделать пожертвования овчинами в пользу пострадавших от войны мусульман [20, 5]. Газета «Каспий» поясняла своим читателям, что пожертвование каждого из них в этот день имеет огромное значение для нуждающихся в материальной помощи их братьев по религии. Даже ничего не стоящая шкура животного может спасти оставшегося в лохмотьях беженца от наступающих холодов. «Вы скажете: неужели какая-нибудь, стоящая не больше 50 копеек, спасет человека? Это хватит ему лишь на 1–2 дня... /Ошибочное мнение. И горе, если каждый в душе будет думать таким образом!» — предостерегал Дж. Дагестани [21, 5].

Весной 1915 года в пределах Кавказа находилось по данным Бакинской прессы около 100 000 беженцев — мусульман и 120 000 армян. Среди беженцев были также русские-молokane, евреи, греки. Их численность была значительно меньше. Более всех защищенными были армяне и евреи, общественные организации которых в короткие сроки смогли организовать помощь им. Так, в исследуемый период из общей суммы в 800 000 рублей, собранных для армянских беженцев, 500 000 приходилось на долю кавказских армян крестьян. Рассказывая о них, газета «Баку» отмечала особую роль пограничного с Османской империей армянского населения, которое «приняло беженцев с исключительным радушием, делилось с ними последним» [22, 5]. А всего лишь 15 состоятельных евреев из Петрограда, «приглашенных к одному из своих коллег на «чашку чая», для своих беженцев пожертвовали 265 000 рублей [23, 5]. Эта сумма значительно превышала пожертвованную всеми мусульманами России сумму в размере 70 000 рублей. «Это 25 миллионов народу!», — с негодованием писал Дж. Дагестани, подчеркивая несоответствие собранных средств к общей численности мусульман России [23, 5]. По мнению журналиста, низкий сбор был связан со слабым участием богатых мусульман в публичном пожертвовании. Обычно не жалеющие средств на строительство больницы для своих сограждан, открытие лазарета для раненных, создание и поддержку культурно-просветительских учреждений и т. п., Бакинские нефтепромышленники, в общественном сборе ограничились небольшими для их возможностей суммами. «500 рублей — вот предельная сумма для отдельных пожертвований, — отмечал Дж. Гаджибейли. — А эти 60–70 тысяч составлены из несчастных рубликов и копеек простого, безденежного народа» [23, 5].

Даже крупные пожертвования не спасали беженцев от неминуемой смерти и болезней. По подсчетам газеты «Баку», на каждого армянского беженца приходилось всего лишь 15 копеек в день, что позволяло питаться «одним только хлебом, единственные дни, когда они раза два видели горячую пищу, были пасхальные» [22, 5]. Нетрудно представить, каково было положение еще менее защищенных беженцев-мусульман.

Поток беженцев на Кавказ и в тыловые губернии России с западного театра военных действий летом 1915 года еще больше увеличился, поскольку русская армия терпела неудачи по всему фронту. В результате, по данным российских источников, к октябрю общая численность армянских беженцев превысила 200 тыс. человек, а всего на Кавказе «осело около 300 тыс. беженцев» [24]. Тогда Ставкой был дан приказ очистить оставляемую врагу территорию, как от населения, так и от всего, что представляло ценность.

Еще первая волна армянских беженцев перед бегством из османских вилайетов в конце 1914 года предприняла эти меры. Собственный корреспондент газеты «Баку» С. Джиню, командированный в турецкий театр военных действий, рассказывая об этом, отмечал, что «все было уничтожено: запасы муки, пшеницы, хлеба, всяких продуктов, все имущество. Все, что нельзя было взять и вывезти с собой, было передано огню и уничтожено, чтобы не досталось ненавистным грабителям и разбойникам» [25, 4]. Однако позднее газета «Баку», подсчитывая убытки армянских беженцев и необходимую сумму для их обратного возвращения в турецкие вилайеты, вину за уничтоженные дома и хозяйства взыскать на курдов: «для восстановления совершенно разрушенных курдами жилищ и т. п., необходимо до 3 500 000 руб.», — отмечала газета [22, 5].

О возвращении армянских беженцев заботились не только армянские общественные организации в Закавказье и в целом России, но и само Османское правительство, которое «приняло меры к охране жизни и имущества «перемещаемых» [26, 5].

Помощь же российского правительства беженцам началась после неудачной весенне-летней кампании 1915 года, когда, как уже отмечалось выше, вглубь страны хлынули потоки беженцев с западных приграничных районов. Был издан Закон «Об обеспечении нужд беженцев», которым в дальнейшем и определялось основное содержание политики «государственного попечения» о

беженцах. Беженцами признавались «лица, оставившие местности, угрожаемые неприятелем или им уже занятые, либо выселенные распоряжением военных или гражданских властей из района военных действий, а также выходцы из враждебных России государств» [24]. Согласно закону, забота о беженцах возлагалась на МВД, а также губернаторов и градоначальников, на земские учреждения и городские общественные управления, местные комитеты. Было также учреждено «Особое совещание по устройству беженцев», которое было уполномочено «высшими государственными установлениями» [27, 31].

Газета «Баку» писала, что «до принятия этого закона борьба общественных организаций с нуждой беженцев носила партизанский характер, несмотря на проявленную самоотверженность и колоссальную энергию. Но все-таки этих сил было недостаточно, необходима была «регулярная армия», руководимая единым главнокомандующим с единым штатом и вполне обеспеченная всеми средствами» [28, 5].

В «Особое совещание по устройству беженцев» от местных благотворительных комитетов были делегированы свои представители: армянский центральный комитет представлял депутат IV Государственной Думы М. С. Аджемов (1878–1950), а Бакинское мусульманское благотворительное общество депутат М. Ю. Джафаров (1885–1938). На повестке дня армянских комитетов было возвращение осевших в Закавказье армянских беженцев в турецкие вилайеты. Для этого разрабатывался общий план действий между существующими обществами вспомоществования на Кавказе и России, которые посредством своего представителя в «Особом совещании» собирались ходатайствовать у правительства ассигнования необходимых средств. Бакинское мусульманское благотворительное общество в первую очередь позаботилось о призрении сирот, которое «требовало принятия экстренных мер к спасению их от голодной смерти» [29, 4]. Газета «Каспий» сообщала, что депутат «Джафаров исходатайствовал у особого совещания о беженцах ассигновку в 60 000 рублей на устройство приюта для детей пострадавших от войны мусульман» [29, 4]. По данным Х. Вердиевой, от неминуемой гибели были спасены 12 тысяч сирот [27, 31]. Всего же в 1915 году казна отпустила председателю Особого совещания 25 млн. рублей, что, по мнению исследователя, иллюстрирует катастрофическую гуманитарную ситуацию того времени на Кавказе [27, 31].

Список литературы:

1. Европейская война и армянский вопрос. // Баку. – 1914, 8 августа. – № 176.
2. Армяне и новая война. // Баку. – 1914, 28 октября. – № 241.
3. Баку, 1 ноября. // Баку. – 1914, 1 ноября. – № 245.
4. Вермишев Х. Два слова о предложении «Мшака». // Баку. – 1915. – № 219.
5. Ан. К Армянскому вопросу в Турции. // Современный Мир. – 1915, – № 8.
6. М.-ский С. Письма о войне. В Армении. // Русские Ведомости. – 1915, 26 мая. – № 119.
7. С театра Кавказской войны. (От нашего корреспондента). Беженцы. // Баку. – 1915, 1 января. – № 1.
8. Гаджибейли Дж. «Одностороннее» положение. // Каспий. – 1915, 22 января. – № 17.
9. Пресса. // Баку. – 1915, 21 января. – № 16.

10. Перинчек М. Армянский вопрос в 120 документах из российских государственных архивов. – М.: Лаборатория Книги, 2011.
11. Расулзаде М. Э. Сочинения. Т. 3. – Б.: Элм, 2012.
12. Эчмиадзинскому съезду. // Баку. – 1915, 26 февраля. – № 45.
13. Кондак католикоса. // Баку. – 1915, 3 апреля. – № 72.
14. Старый. Добрая зависть. // Каспий. – 1915, 25 января. – № 20.
15. Гаджибейли Дж. Мусульманская жизнь в 1915 году. // Каспий. – 1916, 1 января. – № 1.
16. Гаджибейли Дж. Заметки мусульманина. Что нам нужно делать? // Каспий. – 1915, 7 февраля. – № 29.
17. Гаджибейли Дж. Не забудьте. // Каспий. – 1915, 20 февраля. – № 40.
18. Гаджибейли Дж. О предстоящем «Байраме». // Каспий. – 1915, 4 марта. – № 50.
19. Гаджибейли Дж. Обманутые ожидания. // Каспий. – 1915, 13 марта. – № 58.
20. Мусульмане и война. // Каспий. – 1915, 4 октября. – № 220.
21. Гаджибейли Дж. «Шкурный» вопрос. // Каспий. – 1915, 4 октября. – № 220.
22. Армяне-беженцы. // Баку. – 1915, 7 мая. – № 100.
23. Гаджибейли Дж. Когда же наконец? // Каспий. – 1915, 9 мая. – № 102.
24. Курцев А. Н. Беженцы первой мировой войны в России. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://historystudies.org>
25. Джино С. С театра Кавказской войны. // Баку. – 1915, 1 января. – № 1.
26. «Правда» турок об армянах и правда фактов». (По поводу брошюры турецкого правительства «Правда об армянском революционном движении и мерах правительства». Константинополь. 1916 г.) // Баку. – 1916, 10 июля. – № 150.
27. Вердиева Х. Первая мировая война и беженцы – мусульмане Кавказа. // Ирс. – 2010. – № 2 (44).
28. Помощь беженцам. // Баку. – 1915, 29 сентября. – № 216.
29. О детском приюте. // Каспий. – 1915, 29 сентября. – № 216.

*Eprikyan Armine Melsikovna,
Yerevan State Pedagogical University after Khachatur Abovyan,
a candidate of historical sciences, the Faculty of History and Law
E-mail: armineeprikyan@mail.ru
Bedjanyan Marine, Magister*

The role of Armenian legion in the defense of the Armenian population of Kilikia (1919–1920)

Abstract: Armenian legion had an important role in the defensive actions of kilikian Armenians in 1919–1920. Thanks to him Armenian migrants were able to return to their native homes, and many Armenian women escaped from the hands of Muslims. Besides, by organizing self-defensive battles against the kemals thousands of Armenians were saved from the massacres.

Keywords: Kilikia, Armenian legion, France, Turkey, self-defense.

Kilikia is situated in the North-eastern coast of the Mediterranean sea. At the beginning of the First World War it was populated by 215 000 Armenians and 185 000 Muslims [6]. In 1915 during the Armenian genocide, the Armenians of Kilikia were dislocated to the deserts of Syria, where the most part of them were massacred. Kilikia was liberated by Armenian legions and British troops after Turkey lost the war and in the result of it 150 000 Armenians returned to their motherland.

In autumn 1916 the French government and Armenian national delegation signed a contract to organize Armenian (eastern) legion in Cyprus from Armenian volunteers. The latter should fight under the French flag, thus giving sovereignty to Kilikia from France. Nearly 5 000 Armenians were included in that unit.

The legion took part in the major attack of Palestine, the battle of Megiddo, the liberation of Lebanon and Syria. According to the contract of Mudroz on armistice, which was signed on October 30, 1918, Turkey was obliged to remove its troops from Kilikia. From the 21st of November until the end of December the essential part of Kilikia was under the control of Armenian legion [4].

According to the armistice conditions, the osmanian officials should continue to govern Kilikia until the first of February 1919.

Colonel Romeo, who was the commander of Armenian legion, took the control over the Turkish authority [6].

But the allies were very careless in disarming the Turks and also in the question of taking the governing of the territory. In the result of this the Turks began to rebel everywhere.

At the end of 1918 and at the beginning of 1919 Kilikia and its neighboring regions weren't totally liberated from the disarmed Turkish units. The 3 000 policemen regiment of Hashim Bay was still in Kilikia, some Turkish regiments were fixed along the railway station, but the whole army full of armaments remained in the eastern region of Kilikia lying between the rivers Euphrates and Tigris [6].

In contrast with Turks, the Armenian population wasn't armed and so it took them a long time to avoid the Turkish attacks due to presence of Armenian legion.

Legionnaires played a great role in the safe return of migrants to Kilikia, as well as in the liberation of Armenian children from Muslims. They checked the trains coming from Halep to Polis and also Armenian women who had forcibly changed their religion by Turks [7, 141].

Armenians hoped that France would give sovereignty to Kilikia, and the number of soldiers in the legion would increase to 20 000.

But soon it became obvious that the French didn't want to keep their promise given to Armenians and gradually decreased the number of legions and during the Turkish rebellions very often they left Armenian population without defense.

The Armenian legion had just moved to Kilikia, when Dyort Yoli the retired governor armed the young Turks and began a rebellion.

3 000 armed Turks started terrorist actions over the whole territory of Payasi and Osmania, they blocked the roads, cut the telegram wires and attacked the Armenian population. On the 1st of January 1919 they wounded 4 legionnaires in the city. French military authority sent a group of Armenian legionnaires to subdue the Turk rebellions, who pressed the rebellion successfully, and the rest of them escaped hiding themselves in Erzurum and Osmania [5, 197–198].

The role of Armenian officers Vahan Portugalyan and John Shishmanyman was very great in the process of Kilikia self-defense. Due to their work there was organized a military organ in Adana, where groups of volunteers were recruited. The letters hurried to help their compatriot fighters, who were struggling in different towns of Kilikia. When the British troops left the place in November 1919 the French replaced them and the kemals became more active. The role of Armenian legionnaires was great in the battles of self-defense in Kilikia in 1920, particularly during the Marash self-defense fights. On the 30th of October, 1919 the first French detachment entered Marash. At that time the Turkish trespasses towards the Armenians became more actual. Just on the second day when the French troops entered Marash one of the soldiers of Armenian legion was killed in the market by the Turks, and the criminal remained unpunished [1, 23].

In the middle of January 1920 there were approximately 3 000 soldiers in the French army of Marash: the half part of the 456th division.

Commander Carat, who was in the city at that time overtook the government of all French troops there. Besides the French forces there were also a part of Armenian 1st battalion,

one unit from the 2nd battalion and the 7th, 8th, 9th units from the 3rd battalion [2, 821]. Their presence restrained Armenians massacre and the French deportation planned for the Turkish relatives. The letters spread false information that the Armenian legionnaires were dangerous for the Muslim population of the city.

On the 18th of January the Turks presented the French an ultimatum, according to which the interference of the French should be interrupted in all spheres and Armenian volunteers should be removed from Marash. Partially trying to satisfy the Turkish demands, the French governor removed Armenian 7th and 8th units (almost 500 men) from the city on the 19 January, sending them to Islaihe to bring some food and munitions. On the 21st of January on the eve of Turkish attack there were only 600 Armenian legionnaires in Marash [1, 4].

The legionnaires who had been sent to Islaihe were trapped on the way by the Turks and were fighting severely against the 2 000 Turkish unit for more than 8–9 days. On the 29th of January the legionnaires returned to Marash leaving more than 100 victims on their way. Just on the same day Armenian regions and 7 defensive lines of French were also attacked. Armenians who had nearly endured the great genocide psychologically and physically searched their salvation in the churches. Having only 20 legionnaires for the defense more than 2 000 Armenians found shelter in St. Astvatsatsin Church [3, 172].

Till the 7th of February the Armenians of Marash by the leadership of Armenian legionnaires were able to resist successfully and contradict the Turkish killers, in spite of the fact that the French government hadn't supplied them with weapons and other means. The battles with changeable success continued until the 10th of February and ended with the French retreatment. Colonel Carat allowed only 5 000 Armenians to join his battalion.

On the retreatment way, according to several datas, more than 3 000 Armenians and 800–1200 French were killed. In whole, during the Marash battles 12 000 Armenians were killed and nearly 8 000 were exiled by the kemal government. During the self-defensive battles more than 150 Armenian legionnaires were killed [1, 42].

Armenian legion was also excellent in Djihan. In summer 1920 the native Muslim population rebelled against the French authority. The governor of the city Ibrahim Bay, abandoning his position passed to the rebellion side. They climbed the mountain and from there bombed Djihan city and the railway station. To repress the rebellion Armenian political organizations recruited over 400 volunteers. But the latter's were unable to repress the mutiny. After that failure, the French commanding ordered the battalion of Armenian legion which was situated in Djihan to repress Ibrahim Bay's rebellion [5, 380]. The legionnaires managed to occupy the Turkish positions and seize their cannons. In the self-defensive battles of Urfa, Hachn and Ayntap Armenian legion didn't take any collective participation. But the role of the younger from the Armenian legionnaires was very great in these battles. In 1920 at the end of summer the French authorities resolved

Armenian legion, as they were afraid of the autonomous ambitions of Armenians. It was a serious blow to the Armenians of Kilikia, as they were deprived from their major defensive

power. At the end of 1921 France transferred Kilikia to the Turks and the native Armenian population had to migrate from the motherland.

References:

1. Armenian national archive. – Fund 200, list 1, work 546.
2. Galustean G. Marash or Germanic and hero zeytun. – New York, 1934.
3. Gasparyan R. Armenian massacres in Kilikia in the 90th of the 19th century. – Yerevan, 2005.
4. Torosyan Sh. National-liberation movements of the Armenians in Kilikia 1919–1920. – Yerevan, 1987.
5. Poyajyan T. Armenian legion. – Boston, 1965.
6. Bremond E. La Cilicie en 1919–1920. – Paris 1921.
7. Gautherot Gustave. La France en Syrie et en Cilicie. – Paris, 1921.

*Uralova Zilola Vokhid qizi,
Djizak Transport-communication and vocational college,
the 2nd year student of Building faculty
E-mail: yaxshiyeva67@mail.ru*

History – the basis of spirituality of people

Abstract: This article considers the great history of Uzbek statehood and its one of the powerful founder Muhammad Shaibani.

Keywords: Uzbekistan, Turkistan, history, Muhammad Shaibanikhan.

*Without historical memory,
There is no future.*

I. A. Karimov

History, first of all, thirty of the great images of the people living in the country among the great ancestors of our way of life, it becomes clear their outstanding service to the motherland. That is the precious heritage of those who always head held high, standing up straight. One of the great blessings of independence, the nation's true history stretching to at least three thousand years of history with the Army gave me the opportunity. In this way, young people will play an important role in nurturing the spirit of the ancestors generations.

A relatively short period of time our identity, their ideas, experience a sense of national pride and understanding attitude. This feeling has been nourished by synchronizing the thinking of the great ideas of our ancestors today.

President Islam Karimov noted, "... the beginning of Uzbeks living in their opinion, their struggle for independence in the remembrance. This is a witness of history. The truth about the history of our nation has devoted his way, the word apostasy is irreversible opening of the children. A hard landing pages, browsing history, we need to know an obligation for the debt, "he refers to this situation. If we look at the long history of our nation and made it to the tireless struggle for independence, freedom, along with the adjacent states are not indifferent to the fate of the witness.

Indeed, Islam Karimov, "the historical memory and the human factor is the key to a great future", countries around the prospectus today highlighted the growing nationalism rooted in corruption, he said: "God bless, and today we are

living in the twenty-first century, nationalism is not that in the Middle Ages? Why do we feel it around the side-effects so far. One of history enhanced wants to write than others. For this purpose, the books, and the kind of institutions, organizations and make up. That nation is highlighted as a separate nation. It seemed as if this nation other nations living side by side in any aspect of the above, there are a unique feature" [1].

In fact, living together for centuries in Central Asia, drinking water from a river from a variety of enemies to fight together against the common and common values, such as a national divide people against each other forgive date in the future to put a huge mistake. Came into existence because of a historical or cultural object from one generation as well as representatives of various ethnic groups through many battles with labor and hardship created. It is only to a particular nation, ethnic group only know him in keeping with the historical limits will prevent a fair assessment of the processes. This is a historical fact.

Of course, a long history of any state in the socio-economic, political and legal crisis since the emergence of a new state to the ground. This is a historical fact.

As it is known, there are one-sided statements in historical and literature books, which printed out in the period of Soviet, in general, the Shaibanids family, including the founder of the dynasty of Mukhammad Shaibani.

The Republic of Uzbekistan gained its independence from the desire to create their own history. At the same time, which

has its own place in the history of Movarounnakh political map of the sixteenth century, contributed to the formation and development of the Uzbek statehood, started paying special attention to Shaibanids, mainly, to the activities of the founder of the dynasty Muhammad Shaibanikhan. In particular, the President of Uzbekistan Islam Karimov has mentioned, "Muhammad Shaibani was well-educated in Bukhara madrassahs and intelligent man. He gave all knowledge and culture back to the nation when he became the head of country" [2, 44] – the same period that the true words in Movarounnakh how tense political situation, the state ideology of the basis of detention under the burden of its own business, such as alertness future must be a person of character.

The end of the fifteenth century and the beginning of the sixteenth century, in Khorasan and Movarounnakh because of the conflict between Tumurids the government weakened, the unit disappeared. West and South of the country led by Ismail Safavi, consequently, increased the risk of danger. Thus, a strong military discipline strict observance of the battle with the army of Muhammad Shaibani (1451–1510) with the whole idea of a central, powerful authority Turkistan history. The idea to unite the whole Turkistan then there would not be an exaggeration to say that the idea for a long time. We can see it in his words: "If we are descendants of Temurbek even if some of the confiscated property and brought to a small country does not appreciate the content. The hereditary property, accident and voluntary return requires our hands" [3, 235] – in the words of his country cannot remain silent as the collapse of the Turkistan.

Muhammad Shaibanikhan's thought was to establish an independent state in its place which collapsed country of Amir Temur. He, during the years 1500–1507 in Turkistan, formed of centralized powerful state. At that time the whole Muslim world was a big and powerful state, to Muhammad Shaibanikhan 1507 in the city of Herat Temurides considered the last stronghold of the "Caliphate Ur-Rahman al-modern" ("Time and the leader of the Caliphs of God") was awarded the title [4]. (After his death, goes the honor of being the owner of the Ottoman sultan's title) [2, 33]. Muhammad Shaibanikhan had a wide and deep knowledge of the world that even his political rival Zakhridin Muhammad Babur had recognized him: "Muhammad Shaibanikhan had a great number of knowledge about the world what is the best work of his", in his own book named "Boburnoma" [5].

The king of each state has its own interests, aspirations and the founder of the state Muhammad Shaibanikhan the consequences of knowledge which gained in Movarounnakh was a good reason to read "The Koran", began to give special attention writing poems and rubai. And he could set up "Devon" from his poems and rubai.

Muhammad Shaibani's a copy of "Devon" stored in the Palace Museum in the Istanbul Tipqori, one of the copy stored in the Department of the National University of Uzbekistan, in Uzbek classical literature manuscript funds.

Foreign scholars on the work of the poet F. Koprulu, Y. Ekman, O. Akbiyik, Yo. Qorasov researches. Uzbek scientists E. Axmadxo'jaeva and I. Bekjon had found his "Bahr al-god" ("Sea the Truth") [6]. Muhammad Shaibani also dedicated to the Najmiddin Kubro "city shuhado" ("King of Martyrs") wrote that the history of poetry.

Source of further expansion in the south of the state the Safavi state was a strong opponent of Iran. By this time, Khorasan was beneficial between the two regions. Muhammad Ismail Shaibanikhan took Herat, in turn, did the Safavi concerned. He began to fight with Muhammad Shaibani in 1510. Muhammad Shaibanikhan clashed with the few army near Merv. Iran achieved victory with an army of seventy thousand troops. Muhammad Shaibani was killed in the battle [7; 8; 9]. Ismail Safavito Muhammad Shaibanikhan hard belonging to the Shiite sect that was harnessed his skull cup, sent the Sultan of Egypt Kansu Gavrish [10].

Muhammad Shaibanikhan has been cruel beyond recognition headless body was buried in the city's high hall on the ground that. Currently, the Source was buried in the sofa in the Registan square is located Tillakori and settled between Sherdor Madrasah corner [11]. However, despite this, he was intelligent, wise man who lived in his time; also, Muhammad Shaibani was a talented poet, painter, and musician. As well as, he read "The Koran" with a pleasant voice. Muhammad Shaibanikhan had three boys. Chief Timur Sultan Babur and his son Sultan, who ruled Samarkand and sent him to his office. The second son Xurramshoh, of Babur's sister Honzoda Sahib's son, died at the age of birth. The third son was grown up by Sevinch, Muhammad Ubaydulloxon and governed the Kesh.

In 1510-year, son of Muhammad Shaibanikhan's uncle — Abulxayrxon and Mirzo Ulugbek's daughter of the governor of the prince Robiya sultan's children the governor of Tashkent Kuchkunjixon was the helm of State and ruled the country until 1530. Then his son Abdusaid Sultan came to the throne (1530–1533). 1533–1539 years, the name Khan given to the Sultan Ubaydulla [12; 3, 240]. During that period, capital city moved from Samarkand to Bukhara. In this regard, the government called the Emirate of Bukhara.

Historically shaped the history of the Uzbek statehood with its own unique history that the people of the world are distinct. In particular, the history show us how great our nation's history, including several of the Millennium historical sources to prove that.

References:

1. Karimov I. A. Historical memory and the human factor – the guarantee of a great future. – T.: "Uzbekistan", 2012. – P. 15.
2. Ibragimov Abduqahhor. We are Uzbeks. – T.: East, 2001. – P. 44, 33.
3. Ziyoy A. Uzbek statehood history. – T.: East, 2000, – P. 235, 240.
4. Al-Bukhariknow. Abdullanoma. – T.: East, 1999. – 373 p.

5. In Mavorounnakhr the Sheibanid's rule. – T., 1997. – P. 6.
6. Muhammad Shaibani: the king and poet. [Electronic resource]. – Internet web-site. 18.02.2015.
7. Мухаммад Юсуф Мунши. Мукимханская история. – Т. – С. 51–52.,
8. Семенов А. А. Шейбанихан и завоевание империи тимуридов. – Сталинабад, 1954. – С. 70–77.
9. Азамат Зиё. Ўзбек давлатчилиги тарихи. – Т.: Шарқ, 2001. – 239 б.
10. Shamsutdinov R. and others. The history of the Motherland. – T.: East, 2003. – 14 p.
11. Great thinkers. – 24 p.
12. Khofiz Tanish Bukhari. shown book. – P. 58–59.

Section 3. Linguistics

Korepina Natalia Alekseyevna,
Candidate of Philological sciences,
Associate Professor, assistant professor
of the Foreign Languages Department for Technical Specialities №2,
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia)
E-mail: cosmir@yandex.ru

The semantics of the word *(One)self*

Abstract: The semantics of the word *(One)self* in the Russian language is examined in the article. The word *(One)self* is analyzed as a core component of the functional and semantic category of *Self* in various contexts.

Keywords: semantics, *Self*, *Oneself*, the functional and semantic category of *Self*, meaning, a pronominal noun.

Корепина Наталья Алексеевна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
для технических специальностей № 2,
Иркутский Национальный Исследовательский
Технический Университет, Иркутск (Россия)
E-mail: cosmir@yandex.ru

Семантика слова *сам*

Аннотация: В статье рассматривается семантика слова *сам* в русском языке. Проводится анализ слова *сам* как ядерного компонента функционально-семантической категории самости в разных контекстах.

Ключевые слова: семантика, самость, *сам*, функционально-семантическая категория самости, значение, местоименное существительное.

В настоящей статье слово *сам* рассматривается как ядерный компонент функционально-семантической категории самости в русском языке [1; 2; 3]. Принято считать, что слово *сам* «пестрит» в текстах, выполняя разнообразие текстовые функции, и имеет немалое число значений [4, 82; 5, 494]. У слова *сам* можно выделить одно инвариантное значение, а подзначения выводить из типов контекстов, которые составляют относительно стандартное и закрытое множество. Это множество значений фактически описано в работах [6, 118–119; 4; 7; 8; 5; 9], которые трактуют эквиваленты русского слова *сам*, а также английского *oneself*.

В русском языке существует местоименное существительное *сам*, которое указывает на лицо или предмет, которые лично, непосредственно производят действие или испытывают какое-либо состояние: *Скажите об этом сами; Всех угощал, а сам и не притронулся; Поезжайте! — А сама? — Я вас догоню!* [10, 1142]. Слово *сам* указывает на лицо или предмет, которые совершают действие самостоятельно, без постороннего вмешательства, а также добровольно, по собственному желанию: *И сама справлюсь!*

Все сделаю сам [11, 106–441; 10, 1142]. Местоимение *сам* употребляется для усиления личных местоимений и отношений лиц, для придания особой важности личной деятельности в значении «не иной кто»: *Сам Бог защитник невинных*; а также в значении «даже, не менее того»: *Я и сам этому не рад. Меня самого обделили*; «лично, отдельно»: *От меня самой пять рублей* [12, 575].

Местоименное прилагательное *самый* употребляется при указательных и личных местоимениях для усиления их значения «именно, как раз»: *Тот самый человек; Вы товарищ Иванов? — Я самый* [10, 1142].

В новом объяснительном словаре синонимов русского языка Ю. Д. Апресяна [13, 351] выделяются синонимичные слова *сам* и *самостоятельно* для обозначения выполнения действия «без чьей-либо помощи»: *Мальчик самостоятельно проявил пленку; Он все делает сам*. По мнению Ю. Д. Апресяна, данные синонимы различаются по следующим смысловым признакам:

1) характеристика субъекта того действия, которое выполняется без чьей-либо помощи (*самостоятельно* предполагает, что субъект не в состоянии выполнять

данное действие достаточно хорошо; *сам* предполагает, что субъекту трудно выполнять данное действие);

2) характеристика возможной помощи и ее субъекта (*самостоятельно* предполагает помощь более сильного, более умелого человека; *сам* — помощь со стороны любого человека);

3) указание на то, что у субъекта есть реальная возможность обратиться за помощью (есть только в *самостоятельно*);

4) характеристика действия, выполняемого без чьей-либо помощи (*самостоятельно* предполагает целенаправленные действия; для *сам* это необязательно, ср. *Сам догадается*);

5) возможность употребления, когда речь идет не о человеке (ею в большей мере обладает синоним *сам*).

Синоним *самостоятельно* предполагает, что субъект не может выполнять данное действие достаточно хорошо и поэтому было бы естественно помогать ему: *Больной передвигается самостоятельно*; *Пока учитель болел, Петя самостоятельно перевел большой текст* [13, 351].

Во всех этих высказываниях на заднем плане присутствует представление о ком-то более сильном, кто мог бы помочь субъекту в случае необходимости. Поэтому именно *самостоятельно* используется в ситуации, когда человек только учится соответствующим действиям и естественно, чтобы им руководили: *Он занимается английским самостоятельно* (т. е. без помощи преподавателя) [13, 351].

Конкретные целенаправленные действия, часть из которых мог бы взять на себя другой человек, могут быть и ментальными. Естественный вид помощи в этом случае — совет: *Он самостоятельно пришел к этому выводу* (без чьего-либо совета или подсказки); *Она самостоятельно закончила исследование* (скорее всего, ей было к кому обратиться за консультацией) [13, 351]. Синоним *самостоятельно* обычно употребляется, когда речь идет о людях, причем субъектом потенциальной помощи тоже является человек.

Для синонима *сам* характерны два круга употреблений. Первый из них тоже предполагает целенаправленные действия субъекта, часть из которых мог бы выполнять кто-то другой. Однако слово *сам* не содержит никакого указания на то, может или не может субъект выполнять данные действия достаточно хорошо — предполагается только, что субъекту таких действий может быть трудно их выполнить [14, 336–338]. Второй круг употреблений синонима *сам* не предполагает, что действия субъекта целенаправлены. Они могут быть практически любыми, а ожидаемое участие в них другого человека может заключаться в каком-либо воздействии на субъект: *Он сам в этом убедился*; *Петя сам догадался, как решить задачу* [13, 352]. Слово *сам* не подразумевает, что рядом с субъектом действия есть какие-то люди, которые могли бы ему помочь: *Ей пришлось самой колоть дрова и топить огромную печь* [13, 352]. Более того, синоним *сам* необязательно предполагает человека. Если речь идет о целенаправленном действии, то его субъектом может быть и домашнее животное: *Кошка сама открыла*

дверь [13, 352]. Однако и в этом случае предполагаемым субъектом помощи данному субъекту или воздействия на него может быть только человек. Что касается нецеленаправленных действий, то их субъектом обычно является человек: *Ребенок засыпает сам* [13, 352]. Уместно отметить, что субъектом воздействия может быть и неодушевленный предмет: *Он засыпает сам, без таблеток* (субъект воздействия здесь — таблетки) [13, 352].

Важно обратить внимание на то, что различия между синонимами в значительной степени нейтрализуются, когда речь идет о целенаправленных действиях субъекта, причем подразумевается, что ему могли бы помочь: *Он пришел к этому выводу самостоятельно* — *Он пришел к этому выводу сам* [13, 352].

Т. Е. Янко показывает, что инвариантное значение позволяет слову *сам* вступать в «семантическую реакцию» с глаголами разнообразной семантики, давая спектр подзначений (*сам знает, сам болеет, сам ест, сам варится*), и выступать в разнообразных дискурсивных фигурах, выходя за пределы предложения [15]. *Сам* — это тот, кого говорящий считает главным действующим лицом в текущий момент времени, точка отсчета глобальной ситуации в целом, например: *Кутузов занимал небольшой дворянский замок около Остралиц. В большой гостиной, сделавшейся кабинетом главнокомандующего, собрались: сам Кутузов, Вейротер и члены военного совета. Они пили чай. Ожидали только князя Багратиона, чтобы приступить к военному совету* [16].

Благодаря своему значению *сам* встречается не только в простых предложениях (*Я сделал это сам*), но и участвует в разнообразных дискурсивных моделях, обслуживающих ситуации сопоставления (*Ибрагим полюбил графиню. Она сама ослабевала*), противопоставления (*Сам дурак!*), сравнения (*Она несет батон такого же размера, как она сама*) [15, 283].

По мнению Ю. Д. Апресяна, местоимение *сам* выполняет функцию контрастной темы, оно само несет логическое (контрастное) ударение, оставляя вершину именной группы фразово безударной: *Сам Эйнштейн относился к квантовой механике с осторожностью*. У слова *сам* есть еще одно лексическое значение, в котором оно, как и в только что рассмотренном случае, имеет ту же самую коммуникативную функцию. Это *сам* сравнимо с наречием *лично* в значении «даже такой важный человек, как X, делал то-то и то-то»: *Сам патриарх присутствовал на церемонии*. В данном примере местоимение *сам* маркирует стоящую справа именную группу как рему высказывания, на которую падает главное фразовое ударение [17, 336].

Подтверждение данному наблюдению мы находим в работах Т. Е. Янко, по мнению которой, в предложениях типа *Она сама невинность*; *Он был сам Аполлон*, реализуется неизменная коммуникативная и просодическая структура, при которой *сам* плюс имя, свойства служит ремой предложения и слово *сам* «безударно» [15, 281–303]. Более того, высказывание с *сам* может выражать присоединение или неприсоединение к мнению, содержащемуся

в предыдущем высказывании. Если говорящий прямо выражает смысл «а не» — это значит, что он не присоединяется к своему оппоненту, если он прямо говорит *и сам* — это значит, что он соглашается первым. Если ситуация такова, что присоединение или неприсоединение неестественны, то есть показания к той или иной интерпретации. Если ничего этого нет, ситуация остается неоднозначной.

Заметим также, что употребления *сам*, для интерпретации которых не требуется выхода за пределы предложения, в терминологии Т. Е. Янко называются локальными. К локальным относятся собственно эмфатическое (*Сам министр!*) и адвербиальное (*сам постригся*) употребления *сам*. Локальные употребления противопоставлены дискурсивным употреблениям, т. е. таким, для интерпретации которых требуется выход за пределы предложения (*Вот Васина жена. А вот и сам Вася*). Те употребления, которые мы называем, вслед за Т. Е. Янко, контрастивными (*Это сам Вася, а не его жена*), представляют переходную область между локальными и дискурсивными употреблениями, потому что противопоставление Васи его жене может быть эксплицитно выражено в контексте, и тогда перед нами заведомо дискурсивное употребление, а может — и подразумеваться (*Это был я сам* — подразумевается, что никто другой), и тогда можно говорить об имплицитном дискурсивном контексте. Говорить о локальном употреблении в последнем случае, однако, не вполне правомочно, потому что, хотя дискурсивный контекст эксплицитно отсутствует, он подразумевается. Таким образом, контрастивные употребления ближе к дискурсивным, чем к локальным.

Точно также прилагательное *сам*, субстантивируясь, не переходит в местоимение. Прав академик А. А. Шахматов, который в случаях, как *сам знаю*, *сами знаем*, видит только пропуск или невыраженность личного местоимения, вызванные наличием глагольной формы *знаю*, *знаем* [18, 89]. Для социальной истории слова *сам* — в значении *хозяин* — представляет интерес такой разговор действующих лиц в пьесе А. Н. Островского «Сердце не камень»: «Аполлинария Панфиловна: *Что это вы, Вера Филипповна, точно русалочка из Тележной улицы, мужа-то “сам” называете!*

Ольга: *Тетенька всегда так.*

Вера Филипповна: *Мы... люди не модные, немножко старинки придерживаемся. Да не все ли равно? Как его ни называй: муж, хозяин, сам, — все он большой в доме.*

Аполлинария Панфиловна: *Ну, нет, разница. «Хозяин» — уж это совсем низко: у нас кучерова жена своего мужа хозяином зовет; а и “сам” тоже разве уж которые еще в платочках ходят»* [19].

Итак, необходимо отметить, что слово *сам* функционирует в ряде контекстов [15], а именно: собственно эмфатическое *сам*; адвербиальное *сам*; контрастивное *сам*; *сам* иерархической интродукции; *сам* инклюзивное; *сам* возврата темы; *сам* говорящего; *сам* в сравнительных конструкциях; *сам* деонтическое; составной рефлексив *сам себя*. Таким образом, слово *сам* имеет широкую сочетаемость, входит в разнообразные контексты с предикатной лексикой и обслуживает многочисленные дискурсивные построения, характеризующие «самостные» проявления человека.

Список литературы:

1. Корепина Н. А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости: дисс... канд. филол. наук: 10.02.19./Н. А. Корепина. – Иркутск, 2010.
2. Корепина Н. А. Языковая реализация функционально-семантической категории самости: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/Н. А. Корепина. – Иркутск, 2009.
3. Корепина Н. А. К вопросу о функционально-семантической категории самости, средствах ее выражения в языке и ее структурной организации.//Вестник ИрГТУ. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. – № 7 (47).
4. Урысон Е. В. Теоретическая лингвистика и лексикография: опыты системного описания лексики. – М.: Русские словари, 1995.
5. Кибрик А. Е. Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М.: Индрик, 1996.
6. Борисова Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении.//Вопросы языкознания. – 1990. – № 2.
7. Кибрик А. Е., Богданова Е. А. САМ как оператор коррекции ожиданий адресата.//Вопросы языкознания. – 1995. – № 3.
8. Baker C. L. Contrast, Discourse Prominence, and Intensification, with Special Reference to Locally Free Reflexives in British English.//Language. – Vol. 71. – No. 1. – 1995.
9. König E. Towards a Typology of Intensifiers (emphatic reflexives)//XVIth International Congress of Linguistics: Plenary sessions texts. – Berlin: Freie Universität Berlin, 1997.
10. Большой толковый словарь русского языка./под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.
11. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Русский язык, 2001.
12. Толковый словарь русского языка./под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1999.
13. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка./под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
14. Граудина Л. К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004.
15. Янко Т. Е. Коммуникативные стратегии русской речи. – М.: Языки славянской культуры, 2001.

16. Толстой Л. Н. Война и мир. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolae-wich/ (дата обращения: 03.07.2008).
17. Апресян Ю. Д. Избранные труды В 2 т. – Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. / Ю. Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995.
18. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941.
19. Островский А. Н. Сердце не камень. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/ (дата обращения – 03.05.2008).

*Plakhotnyk Nastasiia,
National Taras Shevchenko University of Kyiv,
Master in Neurophysiology, Institute of Biology
E-mail: nastasiya2006@ukr.net*

*Tukaiev Sergii,
National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Biology, Institute of Biology
E-mail: tukaev@univ.kiev.ua*

*Zyma Igor,
National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Biology, Institute of Biology*

*Bas-Kononenko Oksana,
National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Linguistics, Institute of Linguistics*

*Dudnyk Zoia,
National Taras Shevchenko University of Kyiv,
PhD in Linguistics, Institute of Linguistics*

Verbal ethnic symbols as an indicator of language perception by bilinguals

Abstract: Bilingualism defines as social condition that consists in co-functioning and interaction of two languages within a single language community. Correct switching of native and non-native languages is one of the major stumbling blocks of communication. We are still far from understanding of the language-specific characteristics of electric activity of human brain and how language comprehension is carried out. The aim of this study was to investigate electrophysiological correlates of the perception of ethnic verbal information in bilinguals depending on their native language. Our data provide new insights into the neural bases of the multiple language acquisition. Based on results we assume that the bilinguals who acquired both languages at an early age, regardless of the primacy of one of the languages, use the same brain area for processing of verbal information.

Keywords: bilingual, verbal ethnic symbols, ERP.

In bilingual societies, correct switching of native and non-native languages is one of the major stumbling blocks of communication. Among the less educated strata of society, this problem poses a bigger threat due to a higher chance of confusion of words that belong to different languages. For the more educated strata ones, this problem either is less distinct or does not exist at all.

Bilingualism is a special socio-linguistic feature that consists in co-functioning and interaction of two languages within a single language community. One of the most important characteristics of bilingualism is a level of language fluency. Full and quick switching between different languages is rather rare.

Whiteley and Bell divide the spoken languages into the primary (the main language of communication) and the auxiliary

languages [1; 2]. The level of fluency in different spoken languages can vary quite significantly, which causes such phenomenon as mixed bilingualism. Differences in the perception of information in the primary and auxiliary languages may influence important mechanisms of social interactions.

Bilingualism is closely associated with many cognitive processes, including increased efficiency of attention management, working memory, metalinguistic awareness, abstract and metaphorical cognitive skills. However, the magnitude of the effect of bilingualism depends largely on the research methods and can vary within statistical significance. In bilinguals, providing emotional evaluation might depend on many factors, such as the level of language proficiency, areas of language use, and the age of the first language acquisition [4].

Neurophysiological mechanisms of perception of emotions, which comprise an important component of verbal information, vary depending not only on the information itself, but also on the modality of emotions. The expression, perception and subjective evaluation of emotions are culturally specific and this may imprint on the neuropsychological mechanism of emotions processing. Subjective evaluation may depend on such sound characteristics as pitch or sound frequency, but also on some specific phonemes or language proficiency.

However, no studies to investigate the influence of verbal ethnic symbols in two spoken languages on the perception of information have been conducted yet. Moreover, we are still far from clear understanding whether the languages of the same structure have similar effect on the brain activity.

Bilinguals have always been an interesting subject of study not only for linguists and communication scientists, but also for psychologists and neurobiologists. A fundamental question in the studies of bilingualism is whether the neural substrates are shared or segregated for the both languages. Within this pilot study we used word symbols as a basic material in order to understand the differences in psycho-physiological response of the participants to the words of native and non-native languages.

The purpose and objectives of the study. The purpose of the study was to analyze the perception of verbal stimuli depending on the native language, to reveal (possible) differences between the both spoken languages. We set the following objective:

- identify the patterns of the event-related potentials for native and non-native words in native Ukrainian and Russian speakers.

Participants and methods

52 healthy volunteers (23 women and 29 men), aged 17 to 32 years, participated in the study. They were divided into two groups according to their mother tongue: 26 volunteers were native Ukrainian speakers and 26 volunteers were native Russian speakers. All of them were fluent in both Ukrainian and Russian. In the beginning of the experiment a participant was given 30 seconds to adapt him/herself to the conditions of the experiment. After that, we recorded a background EEG with closed eyes during 3 minutes and the participant listened to two sets of verbal stimuli (100 Russian and 100 Ukrainian words) with 1.5–minutes pauses between them. During the pauses the participants looked at a dark monitor. The after-effect recordings of EEG with closed eyes (3 minutes) were performed after the last set of words.

After the EEG part of the experiment, the participants were asked to evaluate the stimuli words as “Pleasant/unpleasant” and “Relaxing/activating” on the scale from –5 to 5 based on the subjective personal experience.

Verbal stimuli

We used phonetic and lexical levels of perception. For the phonetic perception, we used the words with the same meaning and similar spelling but different pronunciation, and the words with the same meaning but different spelling

and pronunciation. For the lexical perception, we used the words with different meaning, spelling and pronunciation, and the words that express the values, inherent in Ukrainian and Russian nations.

Event-related potentials method

We used event-related potentials (ERP) to analyze subjective perception of information. This method allows for tracking of information processing of any modality from the first moment of unconscious perception of a sound and its evaluation to the last stage of higher cognitive functions such as awareness, remembering and providing emotional significance. First 100 ms. correspond to the primary recognition and perception of verbal information. Semantic processing occurs during 200 ms. from the onset of the first stimuli, followed by the distribution of attention resources (about 300 ms), analysis of the context (about 400 ms), and memory encoding process (500–600 ms).

Results

Russian words were perceived more favorably by the native Russian speakers in comparison to the native Ukrainian speakers. Ukrainian words were rated as more activating for the native Russian speakers and more relaxing for the native Ukrainian speakers. We found significant intergroup differences in P100 in the right frontal zone in response to the stimuli in Ukrainian. The group of native Russian speakers demonstrated a higher P100 with in comparison with the group of native Ukrainian speakers. The amplitude of P200 was significantly higher in the left anteriofrontal, right frontal and left frontal temporal areas for the native Ukrainian group. The stimuli in Russian language in the group of native Ukrainian speakers have elicited greater amplitude of N200 component in the right visual associative zone and the right angular gyrus, which is responsible for handling the emotional component of speech. In the group of native Russian speakers listening to the stimuli in Russian did not elicit similar changes in N200. We hypothesize that perception of the stimuli in Ukrainian attracted more cognitive resources and attention to this task.

We did not reveal any significant differences in the amplitude of evoked potentials of P300 in bilinguals. This may indicate a higher level of proficiency in both languages. We argue that verbal information bearing the same meaning in both languages elicits the same associations and emotional distress regardless of its grammar, structure and sound. We assume that bilingual who acquired both languages at early age, regardless of the primacy of one of the languages, use the same brain areas for associative perception and understanding of verbal information.

Conclusion

Subjective evaluation and its physiological basis depend on the language of presented stimuli. Subjective evaluation of the native language in Russian-speaking subjects took place at a later, conscious stage, whereas the evaluation of the second language started with the onset of the first sound. It applies mainly to phonetic characteristics of the language but not the associations it caused.

The differences in the perception of information by bilinguals, delivered in native and non-native language, can determine important mechanisms of social relations because they define the mechanisms of perception of verbal information. Bilingualism is a fundamental matter, equally important for all countries independently of the number of spoken languages. In the light of social and societal turmoil, experienced by the majority of European countries during the last years, the question

of bilingualism turns into an issue that affects progressively more families. The current study helps reveal the perception of the socially important information delivered in two different languages the recipients claim to be fluent in. We demonstrate that the language determines the emotional importance, hence the content-related importance of the information, and even trust in it. At that, the bilingual recipients discern the language difference at the earliest stages of word analysis.

References:

1. Whiteley W. H. Language Use and Social Change. Problems of Multilingualism with Special Reference to Eastern Africa. – OUP, London, 1971.
2. Bell A. The guidebook to sociolinguistics. – John Wiley & Sons, 2013.
3. Bandura A. Social learning theory. Pearson, 1977.
4. Caldwell-Harris C. L. Emotionality differences between a native and foreign language: theoretical implications. *Frontiers in psychology*, 5. – 2014.

*Shvab Liudmyla,
Kiev National Linguistic University,
Postgraduate student, the Faculty of German Philology
E-mail: schwab.mila@gmail.com*

Die Kennzeichnung der TRG in vorgelesenen Texten mithilfe prosodischer Mittel

Abstract: The article reveals the peculiarities of actual division into theme and rheme of sounded literary and scientific texts. The possibilities to mark a realization of topic–comment structure via intonation means are presented.

Keywords: phonostyle, theme, rheme, intonation, accent, pause, tempo.

Der akzent-melodische Teil des Satzes oder der ganze Satz, der den wichtigsten Moment der berichteten Informationen ausdrückt, heißt das Rhema. Diese Informationen können nicht nur bestimmte Angaben oder Daten für Zuhörer erhalten, sondern auch modal oder emotional markiert sein. Obwohl das Rhema etwas Neues informiert, beschränkt es sich aber darauf nicht. Das Rhema kann die Stellung des Sprechers zu der Wirklichkeit, dem Inhalt des Ausdrucks, der kommunikativen Situation, dem Gesprächspartner, seinem Geisteszustand wiedergeben, es kann den Kontrast äußern, quantitative oder qualitative Seite des Gegenstandes unterstreichen sowie den Wert von Gedanken und Gefühlen verdeutlichen [1, 6].

Als Hauptmittel der Thema-Rhema-Gliederung (TRG) treten Wortstellung, prosodische Merkmalen des Textes, manche Adverbien, Artikel sowie der Kontext auf [5, 21].

Sprachwissenschaftler haben die einstimmige Meinung über die Möglichkeit der Kennzeichnung der TRG mithilfe prosodischer Mittel. Unbestreitbar bleibt die Tatsache, dass zwei Sätze mit demselben Wortschatz und grammatischen Strukturen dank der Intonation den verschiedenen Kommunikationsstatus erhalten, der durch Kommunikationsaufgabe und -situation verursacht ist. Als Beispiele von solchen Aussagen dienen folgende Ausdrücke:

1. /Sie hat es mir nicht gesagt.
2. Sie hat es mir/nicht gesagt.

3. Dieser Mann/sagt er/wird bald Präsident.
4. Dieser Mann sagt/er wird bald Präsident.

Mithilfe der Phrasenprosodie vollzieht sich die kommunikative Objektivierung der Absicht des Sprechers, wird die Abteilerung der Grundinformation in der Aussage gemacht. Grammatische und lexikalische Mittel können, wenn auch nicht immer, als Marker für das Rhema verwendet werden. Allerdings wird die Rolle der Intonation als Hauptmarker von der pragmatischen Anreicherung der Aussage von Linguisten nicht bestritten.

Die wichtige Rolle spielt die Betonung, weil der Grad der Hervorhebung eines der Elemente vom Bedarf der Kommunikation verursacht wird. Die Betonung weist darauf hin, dass ein bestimmtes Wort von größerer oder kleinerer Bedeutung für die erfolgreiche Kommunikationsrealisierung ist [3, 309].

Jede Phrase enthält ein betontes Element, das im letzten Teil liegt und positionell den Kern vom Rhema darstellt. Es entsteht eine Unstimmigkeit zwischen dem intonatorisch markierten und verbalen Umfang von Rhema, weil das Rhema aus mehreren Wörtern bestehen kann, und die Phrasenbetonung das automatisierte Intonationszentrum ausmacht [4, 36–38].

Zu den suprasegmentalen Mitteln der TRG eines Ausdrucks (einer Aussage) gehören traditionell der Melodieverlauf (Zunahme oder Abnahme der Frequenz des Grundtons), verschiedene Arten vom Phrasenakzent (logischer,

emphatischer), Pausen unterschiedlicher Dauer, temporale Eigenschaften (Beschleunigung oder Verlangsamung vom Tempo). Die Wirkung dieser Mittel ist am deutlichsten in der syntagmatischen Gliederung des Ausdrucks ausgeprägt, der die semantische und emotionelle Schätzung des Textinhaltes vom Leser mit Orientierung auf den Informationsempfänger gibt [2, 45].

Die Spezifik prosodischer Struktur der vorgelesenen Texte wurde mit Methoden der experimentellen phonetischen Untersuchung studiert, einschließlich akustischer und elektroakustischer Analyse. Die Resultate der Analyse von Phonetikern erlauben die Intonationsparameter und ihre Rolle beim Vorlesen der Texte der schöngeistigen Literatur einzuschätzen.

Auditive Charakteristika der Texte der schöngeistigen Literatur wurden durch Vergleich der prosodischen Gestaltung von Kurzprosa und wissenschaftlichen Vorträgen untersucht, die von professionellen Ansagern-Muttersprachlern vorgelesen wurden.

Die Phonetiker haben die TRG der Texte gemacht, das Material von der Position des persönlichen Ausdrucks vom Vorlesen bewertet. Das erlaubte solche Teile abzutrennen, in denen die intonatorischen Fertigkeiten des Vorlesens am besten ausgeprägt sind. In diesen ausgewählten Teilen wurde die Rede segmentiert, die Tonbewegung wurde in den rhythmischen Gruppen, Syntagmen und Phrasen bezeichnet, die betonten Silben wurden in jeder rhythmischen Einheit markiert, Pausen wurden mit Angabe ihrer Dauer gekennzeichnet.

Die Ergebnisse der auditiven Analyse haben die Voraussetzungen für das Ergeben der Besonderheit von der intonatorischen Organisation und den prosodischen Parametern kurzer Texte geschaffen, was erlaubt, die charakteristischen Merkmale des Phonostiles der schöngeistigen Literatur aufzuweisen und damit zu bestimmen, worin seine Dominanz liegt.

Während der phonetischen Analyse der schöngeistigen und wissenschaftlichen Texte wurden solche Aussagen fixiert, die aus einigen Sätzen bestehen, was das Bestreben zeigt, den Hauptinhalt für eine kurze Zeit klarzustellen, da für die Analyse kurze Texte ausgewählt wurden. Der Vorleser bringt den Zuhörer allmählich zu dem Teil im Text, der die wichtigsten Informationen anzeigt, und am Ende der Aussage verallgemeinert der Vorleser das Gesagte. Einige der Sätze umfassen bekannte und andere bzw. neue Informationen. Um die Eigenschaften der Texte des schöngeistigen und wissenschaftlichen funktionalen Stiles zu bestimmen, lohnt es sich jede Aussage für jeden Text getrennt zu analysieren, weil es bestimmte Unterschiede in der Position vom Rhema und Thema gekennzeichnet wurden.

Nach den Resultaten der TRG in den Aussagen der Texte des wissenschaftlichen Stiles berichtet der Vorleser zuerst bekannte Informationen — Thema, später — neue — Rhema, danach folgt eine Verallgemeinerung, Ergänzung oder genaue Fassung der früher geäußerten Meinung. Diese TRG-Methode kann mithilfe des Schemas $T \rightarrow R \rightarrow T$ dargestellt werden, nach dem die Hintergrundinformationen (T) den Hauptinformationen (R) vorausgehen und wird auch verwendet,

um das zusammenzufassen und zu klären, was gesagt wurde. Zum besseren Verständnis der beschriebenen Weise über das „neue“ und das „bekannte“ zu informieren soll man das folgende Beispiel betrachten.

Muster eines Auszuges aus dem Vortrag

(T) Meine "sehr verehrten 'Damen und 'Herren, ↓ (R) mein 'Name ist Dr. "Willinger → (T) und ich 'möchte Sie recht 'herzlich zu dem ersten 'Vortrag in unserer 'Reihe → (R) 'Mensch und Na'tur be"grüßen. ↓ (T) Der heutige 'Vortrag trägt den 'Titel → (R) „'Leben durch "Wasser“. ↓ (T) Woher "kommt dieser 'Titel? (T) 'Lassen Sie mich das kurz er"klären: ↓ "'Alles auf der 'Erde "steht → oder 'stand in einer direkten Be'ziehung "'zu "Wasser. ↓ (T) 'Wasser ist das Ele"ment, ↑ das 'uns mit unserer "Umwelt, ↑ mit "'allem 'Leben auf diesem Pla'neten ver"bindet. ↓ "'Ohne 'Wasser wäre die Erde ein ge"nauso toter 'Himmelskörper wie der "Mond. ↓ (T) Mein 'Vortrag "zeigt, ↑ wie wichtig 'Wasser für "'uns → 'Menschen "ist. ↓

Dieses Beispiel zeigt die Absicht des Vorlesers den Hörer allmählich dazu zu bringen, wichtige Informationen wahrzunehmen, und danach das oben Gesagte genauer festzulegen und ausführlich zu erklären, was gemeint wurde, was Wasser bedeutet, welchen Wert auf das Wasser gelegt wird. Wie aus dem angeführten Beispiel zu sehen ist, enthalten die ersten Sätze keine neuen Informationen, sie werden nicht sofort gegeben, zunächst wird eine allmähliche Vorbereitung durchgeführt, wichtige Momente zu akzeptieren, es wird erklärt, worum es im Vortrag weiter geht. Auf diese Weise ist es einfacher, den Zuhörer vorzubereiten, grundlegende Informationen zu bestimmen, die nach der Einleitung dargestellt werden. Wenn das Neue mitgeteilt wurde, wird das schon Erwähnte geklärt.

Muster eines Auszuges aus dem Text der schöngeistigen Literatur

(R) Eine Maus wäre gerne über ein 'Wasser gekommen↑ (R) und 'konnte nicht, ↓ (R) und bat einen "Frosch↑ um Rat und "Hilfe. ↓ (T) Der Frosch war (R) ein 'Schalk ↓ (T) und 'sprach zur Maus: ↑ (R) «Binde "'deinen Fuß↑ an "'meinen Fuß↓, (R) so will ich 'schwimmen↑ und dich hin"überziehen. ↓» (T) Da sie aber aufs 'Wasser kamen, ↑ (R) 'tauchte der Frosch hin'unter↑ und wollte die Maus er"tränken. ↓ (R) Indem aber die Maus sich 'wehrte → und 'mühte, ↑ (R) flog eine "Weihe daher (R) und er'haschte die Maus, ↓ (R) zog den 'Frosch auch mit heraus → (R) und "fraß sie beide. ↓ (T) "Lehre: ↓ (R) Sieh dich "vor, ↑ mit "'wem du handelst. ↓ (T) Die Welt ist 'falsch ↑ (T) und der "Untreue voll. ↓ (T) Denn 'welcher Freund den 'anderen vermag, ↑ (T) der steckt ihn in den "Sack. ↓ (R) Doch schlägt 'Untreue↑ 'allzeit↑ ihren "eigenen Herrn, ↓ (T) wie dem "Frosch hier geschieht. ↓

Am Anfang des Textes werden Informationen über die Hauptfiguren und die sozialen Beziehungen gegeben. Nachfolgende Sätze berichten nichts Neues, sondern erläutern die Gesamtergebnisse der Handlungen der Helden. Der Höhepunkt spiegelt eine allgemeine Schlussfolgerung auf der Grundlage des umfassenden Inhalts wieder. Diese Art der TRG ist typisch für kurze Prosatexte, darunter Fabeln, die der moralischen und lehrreichen Natur sind, Volksweisheit am Beispiel der traditionellen Geschichten und bekannten Bilder zu vermitteln. Zuerst

werden die grundlegenden Informationen mitgeteilt. Die übrigen Sätze ergänzen das Gesamtbild aller Dinge und erläutern das Hauptproblem. In den Schlussfolgerungen wird die Stelle zu der Situation erleuchtet, werden die Hintergrundinformationen zum festgelegten Thema berichtet.

Also, für schöngeistige und wissenschaftliche Texte sind unterschiedliche Arten von TRG charakteristisch. So ist für einen Vortrag typisch, eine neue Nachricht (R) nur nach der bekannten (T) mitzuteilen. Da der Zuhörer vorbereitet werden soll, die wichtigen Grundinformationen wahrzunehmen.

Den schöngeistigen Texten ist im Gegenteil eigen, zuerst die Hauptinformationen (R), dann die Hintergrundinfor-

mationen (T) zu berichten. Eine Fabel weist verschiedene menschliche Fehler — Gier, Unehrlichkeit, Heuchelei, Faulheit usw. und zeigt später die Folgen von Handlungen. Sie beschreibt die Verhaltensmuster, nach denen eine Generation von Menschen geschult wurde und kommt auf die Suche nach der praktischen Weisheit. Das hilft dem Hörer bestimmte ethische Bewertungen zu geben, das hat mehr Leistung als einfach mitzuteilen, was richtig und was falsch ist. Das ermöglicht eine kritische Haltung zu bilden, weil eine Fabel nicht die Weise ist, die endgültige Wahrheit zu bringen, sondern ist eine "Gedankenform", die diese Wahrheit zum ersten Mal zu öffnen zulässt.

References:

1. Абдали́на Е.А. Интонационные средства выражения ремы в простом повествовательном предложении в современном английском языке: автореф. дисс. на соискание учен. степ. канд. филол. наук: спец. 10.02.04. "Германские языки"/Е.А. Абдали́на. – М., 1973. – 27 с.
2. Гусева С.И. Коммуникативная перспектива высказывания и реализация сегментных единиц: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/Гусева Светлана Ивановна. – СПб., 2001. – 430 с.
3. Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях./А. Мартине. – М.: Изд. иностр. л-ры, 1960. – 260 с.
4. Николаева Т.М. Актуальное членение – категория грамматики текста.//Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 48–54; 36–38.
5. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.

Section 4. Pedagogy

*Balabanov Valeriy Aleksandrovich,
Saint-Petersburg university of State fire service
of EMERCOM of Russia
E-mail: val-balabanov@yandex.ru*

First aid in emergency situation as the most important element of their training in universities of emercom of Russia

Abstract: The article describes the experience of teaching the basics of first aid in emergency situations in St. Petersburg University of state fire service of EMERCOM of Russia. Computer support is an important factor in learning, not only in the study of the theoretical foundations and practical skills. Computer simulation of accidents with imitation of life-threatening conditions gives you the opportunity to practice the skills of solving typical tasks with minimal time condition assessment and selection of measures of assistance.

Keywords: first-aid training, innovative technologies.

*Балабанов Валерий Александрович,
кандидат медицинских наук, докторант факультета
подготовки кадров высшей квалификации
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России
E-mail: val-balabanov@yandex.ru*

Оказание первой помощи в условиях чрезвычайной ситуации как важнейший элемент подготовки в вузах МЧС России

Аннотация: В статье изложен опыт преподавания основ первой помощи при чрезвычайных ситуациях в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России. Компьютерное сопровождение является важным фактором обучения не только при изучении теоретических основ, так и при отработке практических навыков. Компьютерное моделирование несчастных случаев с имитацией угрожающих жизни состояний дает возможность отрабатывать навыки решения типовых задач с минимальным временем оценки состояния и выбора мер помощи.

Ключевые слова: обучение первой помощи, инновационные технологии.

Подготовка специалистов пожарно-спасательного профиля в вузах МЧС России проходит в соответствии с основным направлением деятельности МЧС — ликвидацией последствий чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Первостепенной задачей такой деятельности является борьба за снижение людских потерь. В связи с этим особое значение имеет подготовка специалистов в рамках оказания первой помощи.

Образовательный процесс построен на основе интеграции обучения и научной работы профессоров и преподавателей. Научная работа направлена на анализ и систематизацию теоретических и практических разработок, как в области педагогики, так и в области преподаваемых дисциплин. Реализуется публикацией учебных пособий и научных обзоров (по темам программ обучения), которые являются резервом педагогических инноваций в плане совершенствования

содержания учебно-методических комплексов. Внедрение новых стандартов и технологий практических действий в сфере первой помощи повышает шансы на спасение жизни пострадавших и на качество оказания помощи.

Педагогические разработки направлены на совершенствование дидактических комплексов обеспечения дисциплин в рамках профессионально-ориентированных информационных технологий.

Главной инновацией процесса обучения является управление качеством подготовки на основе образовательных информационных технологий.

Современный принцип медицинской подготовки в непрофильных вузах (не медицинских) — принцип упрощения и схематизации, то есть усвоение стандартов и алгоритмов действий, соответствующих ситуации и доведение практических навыков до автоматизма.

Подготовка проходит в специально оборудованном современном классе. Теоретическая часть подготовки в виде лекций проходит с мультимедийным сопровождением, наглядно иллюстрирующим материал. Класс оборудован интерактивной доской для демонстрации схем, таблиц, рисунков, фотографий, учебных и документальных фильмов по темам и для виртуальной демонстрации экстремальных ситуаций.

Для отработки практических навыков по оказанию первой помощи используются специальные медицинские пособия, в частности манекены с компьютерным сопровождением, что позволяет контролировать правильность исполнения приемов и их эффективность.

В процессе обучения спасателей важным является не только передача навыков и умений, но и формирование способности быстро оценить угрожающее жизни состояние и принять адекватное решение по выбору стандартов и алгоритмов действий. В этом плане важный вклад в эффективность обучения вносит компьютерное сопровождение занятий, которое, являясь новым мощным средством в дидактической системе, расширяет возможности для адаптации и восприятия медицинского материала специалистами. Компьютеризация обучения идет по следующим направлениям:

1. Мультимедийные презентации при чтении лекций улучшают качество восприятия и запоминания лекционного материала, делают его более доступным и наглядным.
2. Использование компьютерного тестирования повышает эффективность промежуточного контроля знаний. Тестирование проводится в ситуационном компьютерном классе.
3. Компьютерное сопровождение является важным фактором обучения не только при изучении теоретических основ СЛР, так и при отработке практических навыков. В процессе работы на манекенах используются компьютерные программы как контрольно-тренировочного типа, позволяющие отрабатывать приемы ИВЛ и закрытого массажа сердца у взрослых и подростков, так и программа, позволяющая оценить эффективность выполнения всего комплекса мероприятий СЛР.
4. Компьютерное моделирование несчастных случаев с имитацией угрожающих жизни состояний дает возможность отрабатывать навыки решения типовых задач с минимальным временем оценки состояния и выбора мер помощи, способствует развитию правильного понимания фактора времени (скорости выполнения) и внимания к техническим деталям результатов.

В то же время компьютерное сопровождение не отменяет консультативную работу преподавателя, но дополняет и облегчает индивидуализацию обучения.

Общеизвестно, что эффективность борьбы за снижение людских потерь в ЧС напрямую зависит от

защищенности личного состава, в частности в условиях с риском химического и радиационного поражения. В связи с этим программа обучения включает темы по медицинской защите и первой помощи в условиях химических и радиационных аварий и катастроф. Актуальность такой подготовки для специалистов ГПС МЧС подтверждают в частности, события в Чернобыле и события в Японии.

Таким образом, при обучении спасателей неспециалистов (не имеющих медицинского образования) представляется важным:

1. Введение в программу обучения новых технологий первой помощи (новых алгоритмов и средств СЛР, рекомендуемых Международной ассоциацией кардиологов, новых подходов к первой помощи при различных видах травм).

2. Использование новых средств помощи не только российскими, но и в перспективе возможными у нас — в частности знакомить слушателей с новыми одноразовыми приборами для населения, которые применяются в ряде стран, и с другой стороны для повышения эффективности обучения, отработки навыков до автоматизма необходимо совершенствовать методику обучения путем расширения использования современных компьютерных технологий.

Важнейшим фактором обучения является психологическая подготовка к нештатным ситуациям с большим числом жертв и стрессовой ситуацией страха и ужаса. В процессе медицинской подготовки в этом плане очень важным фактором является демонстрация документальных фильмов и виртуальная имитация экстремальных ситуаций с человеческими жертвами, аудио-видео материалов. Желательно в этом плане знакомить слушателей с практической деятельностью путем экскурсий в ожоговые, травматологические и токсикологические центры СПб.

Следует отметить, что до настоящего времени нет единой учебно-методической базы для дисциплины «Первая помощь», обучение ведется по разработанным в университете программам и учебно-методическим пособиям, которые соответствуют международным стандартам обучения и тем программам, которые принимаются в последнее десятилетие в МЧС.

Опыт обучения в нашем университете и мировой опыт свидетельствуют, что руководящий состав МЧС должен проходить подготовку в значительно большем объеме по сравнению с рядовыми пожарными. Это объясняется тем, что руководители-специалисты должны не только владеть приемами ПП, но и организовывать ПП в ЧС, что требует знаний медико-биологических основ обеспечения безопасности, как пострадавшего населения, так и личного состава.

Следует отметить, что инновационным подходом является и создание единого информационного пространства в нашем университете, совершенствование условий труда преподавателей и профессоров, возможность использования персональных компьютеров, выход в Интернет, поддержка библиотеки, которая обеспечивает доступ к научным журналам и монографиям, а также поддержка отдела ТСО.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» // Российская газета. – № 263. – 23.11.2011.
2. Федеральный закон от 22 августа 1995 года № 151-ФЗ «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» // Российская газета. – № 169. – 31.08.1995.
3. Федеральный закон от 21 декабря 1994 года № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // Российская газета. – № 3. – 05.01.1995.
4. Федеральный закон от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Российская газета. – № 97. – 06.05.2011.

Voronovskaya Larisa Petrovna,
O.M. Beketov National University
of Urban Economy in Kharkiv, Instructor
E-mail: voronovskaya.larisa@gmail.com

Structure of professional mobility of a utility sector specialist

Abstract: In the article it is analyzed the scientific approaches to professional mobility of a specialist; it is defined the components of professional mobility of a municipal services specialist according to the peculiarities of training specialists in this area; it is shown the structural diagram of professional mobility of a utility sector specialist.

Keywords: utility sector specialist, professional mobility, the components of professional mobility of a utility sector specialist.

Actuality of the problem. The changes which are taking place in today's world are characterized by continuity and uneven and often affect the professional activities of an individual negatively. This determines the division of people into those who are highly resistant to change, but do not have the tendency to adapt, those who are not able to adapt and can not resist change, those who are able to adapt and change, but their rate of adaptive processes is not sufficient and those who are able to adapt quickly to change, able to learn quickly, self-learning. This situation stipulates for necessity to form future professionals' resistance to change and ability to adapt based on the formation of future specialists' professional mobility.

Analysis of scientific publications. The analysis of scientific literature suggests that modern scholars have not reached consensus on the structure characteristics of professional mobility, as they are based on different approaches and understand the essence of professional mobility differently. C. Kaplina supposes that the structure of professional mobility includes the set of basic components of professional culture (key competence and qualifications) and professional competence (high intelligence, creative ability, professionalism). The components dedicated by the scientist are combined according to professional content, focus on a person and social needs [5]. Considering the professional mobility as the best style of a specialist's activity in the process of professional self-development, L. Bochkarev, Yu. Dvoretzka, E. Zeyer, S. Nuzhnova [1; 2; 3; 7] distinguish the basic components of professional mobility as certain qualities that enable a person to adapt as much as possible the terms of activity that is affect the adaptive behavior of the individual. Yu. Dvoretzka

emphasizes the need to study professional mobility as personal qualities (adaptability, communicative skills, independence, purposefulness, commitment, values of person's orientation, social memory, critical thinking, the ability to self-knowledge, self-development, self-education, social mobility) as the characteristic of a person's activity (reflectivity, creativity, project skills, forecasting, flexibility, plasticity) as self transformation processes, activities, environment. The scientist distinguishes the structure of professional mobility behavioral (achievement motivation), cognitive (self-esteem, awareness of their strengths and weaknesses, awareness of the need to change), integral-personal (feature that help to adapt successfully to changing conditions, responsibility for decisions (internality/externality), values and meanings of life) components of specialist's professional mobility [2].

It is interesting the determination of the structure of professional mobility which was done by B. Ighoshevym who remarks the necessity to consider this concept as *openness* that is disposition to everything that is new, unknown, unusual, unexpected, ability to abandon stereotypes and patterns in the perception of reality and activity; *activity* that provides a constant readiness to work, the external show of intentions, development of new forms of activities and transformation of external (professional and social) environment; *adaptability* as the ability to adapt effectively to the changing professional and social activities; *communicative skills* as ability and willingness to establish the necessary connections and contacts with individual educational activity; *creativity* which provides a creative approach to the environment and one's own activities, their readiness for focused and purposeful transformation [4].

V. Mishchenko proposes to consider the structure of professional mobility as the set of interrelated components: *motivational, cognitive competence, reflective and generally personal* [6]. According to the scientist's believe this classification allows considering a cognitive component of professional mobility (possession of certain knowledge in various professional fields), and its psychological component (creativity, confidence, high communicative, etc.).

Therefore, the analysis of research and publications shows that in the structure of professional mobility it is most often highlighted the following characteristics:

- fundamental knowledge and generalized ways of working which are the main condition for the rapid learning of new knowledge which is necessary to expand the new professional activity or mastering new skills;
- activity of the individual which is considered as the ability to change work and himself according to this work, a willingness to learn new forms and activities; professional initiative;
- adaptability as the ability to adapt to changing conditions of professional activity, readiness to change the life and work;
- openness as the tendency for a new, impartiality, ability to renounce stereotypes and patterns of the reality perception and activity;
- communicative skills as the ability and willingness to establish new relationships and maintain contacts in the profession activity;
- creativity which is creative approach to the environment and his or her own activity, their willingness to change;
- competence as the ability to be flexible in the profession, willingness to continue training, self-learning, self-development, self-education;
- self-development which is creative self-realization and self-improvement in the new professional conditions;
- reflexivity as the ability to control the results of the activities and the level of his or her own development, personal achievements consciously, to assess his or her own professional achievements adequately;
- flexibility, plasticity which is the ability to change the activity successfully or change the ways of making professional solutions to in accordance with working conditions.

The aim of the article is to determine the structure of professional mobility of a utility sector specialist.

Main part. According to the modern scientific researches of professional mobility and analysis of the peculiarities of specialist in municipal services sector training we offer to consider the professional mobility of specialists in this sector in the unity of the two main aspects such as activity and personal.

In our opinion personal component of professional mobility is the external demonstration of the personal internal processes, which are aimed to find a place in the system of professional relations and successful implementation of his or her requirements for professional promotion.

Motivational component includes a system of motives, goals, needs of self-development, self-improvement, self-education, self-actualization in professional activity, needs

of learning the effective ways of its organization, in professional development or need to change qualification because of dissatisfaction with the made choice, the desire for effective professional promotion. It helps to form the interest in the professional activity, to get professional knowledge and creates psychological conditions that encourage personality to a productive and creative professional duties and functions in the activity, changes the areas of activity in a dynamic professional space. In our opinion acmeological and axiological components are included in the motivational component. Acmeological component causes the desire of the individual to achieve the heights of creative development and professionalism. The main acmeological determinant is acmeological culture which consists of the humanist worldview, innovativeness, focus on professional self-development and self-improvement. Axiological component is determined by the values of the profession and values and motives of professional activity, willingness to act, the ability and willingness to work professionally, professional growth, self-realization and self-education, important professional qualities of the individual.

Next structural component is *regulatory component* that includes implementation of emotional and volitional processes, causes systemic and formation of purposeful character, development and optimal use of the individual potential and secures the individual ability to self-regulation, self-control. We believe that reflection is referred to the regulatory component. It is developed when a person has monitoring actions and evaluation of professional activities and it is accompanied by emotional experiences. The degree of its formation determines the level of personal development, personal achievements, realization of his or her own positions in the team, demonstrates how the specialist can coordinate and integrate all other personal qualities for effective implementation of the professional activity. Reflectivity of a person is the formation of such important qualities as creativity, initiative, and focus on cooperation, confidence, and tendency to introspection, critical and innovative reflectivity, forecasting the results of his or her activities. In psychological terms reflection is a deep realization of his or her own capabilities, his or her critical analysis and improvement in professional activity.

The communicative component includes the concepts of goals, motives, means and incentives to communicate, ability to express thoughts clearly, to convince, to argue, to tell the information, organize and keep the dialogue, to use verbal and non-verbal means of communication. It provides communication, knowledge of business etiquette and culture of speech, ability to listen, provide professional advice and it is implemented in professional communication and interaction with others. The communicative component combines communicative interaction (social interaction of professional activity), social perception (perception, understanding and assessment of the social situation, which is conditioned by changes in the professional environment) and interpersonal communication. Communicative interaction is the ability of a professionally mobile specialist to implement the interaction between people in the organization

of joint activity, coordination of professional orientations, goals, objectives, motives with the positions of other participants of professional activity according to their individual characteristics. Social perception is the ability to establish interpersonal professional relationships, interpret personal characteristics of the employee and predict the success of his or her activity on the base of perception. According to professional communication we mean the ability to exchange information between one or related professions within professional activity, aimed at solving professional tasks or professional development.

Thus, the personal aspect of professional mobility of a utility sector specialist we include motivational, regulative and communicative components.

The activity aspect of professional mobility of a future utility sector specialist we include cognitive and informative and organizational components.

The *cognitive and informative* component provides the professional actualization of cognitive processes such as perception, memory, attention, thinking, imagination, the ability to investigate, describe and explain systematically form the position of modern science challenges that a specialist faces, provide the use of modern knowledge for effective formation and realization of creative potential of a specialist in professional activity. This component includes professional literacy, professional skills, education and knowledge of the world. The effectiveness of professional knowledge, its focus on the practical use appears in the professional skills of a specialist. In our opinion, it is very important for the implementation of this component, to focus on getting new knowledge in

universities; self learning outside the university; the ability to find and receive the information which is necessary to execute professional tasks effectively, professional and personal development, the ability to use information and communication technologies in professional activity; process the information according to the content of professional tasks that are solved by a specialist, determine the actions which are necessary to achieve the result and evaluate its effectiveness.

The *organizational component* provides the active of a person, consistency in the professional activities of a utility sector specialist, gives ability to predict the results of the work, organize accomplishment of management solutions by subordinates, correct interaction with the representatives of the other structures of the urban economy. This component includes the ability to organize, structure, improve professional activity in the professional field, the ability to analyze, design and predict the results and consequences of the actions which are aimed to solve specific professional tasks and achieve the professional aims; ability to organize the activity of the collective; the ability to evaluate critically the proposed options of managerial decisions and justify proposals for their improvement based on criteria of efficiency and possible consequences. Adaptive personality characteristics are also provided to the organizational component. According to scientists, professional mobility is a professional mechanism of adaptation.

Conclusions. The described characteristics can be summarized as the certain structural components. We offer the following block diagram of professional mobility of a utility sector specialist. It is presented in the diagram (fig. 1).

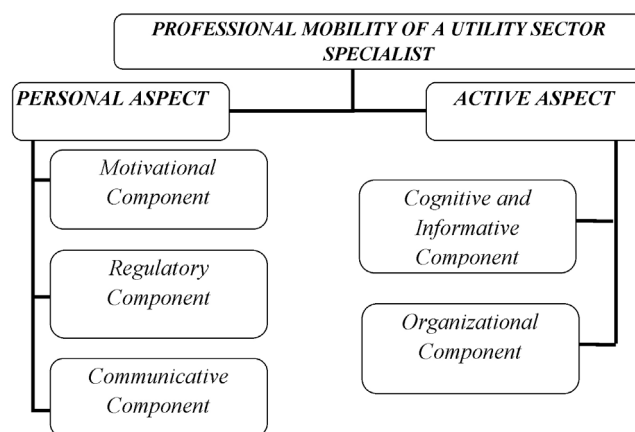

Fig. 1

References:

1. Bochkareva L. P. Individual and Psychological Bases of Professional Changes: Author's abstract of Thesis. PhD of Psychology/L. P. Bochkareva. – SPb, 1992. – 28 p.
2. Dvoretzkaya Yu. Yu. Psychology of Professional Mobility of a Person: Author's abstract of Thesis. PhD of Psychology/Yu. Yu. Dvoretzkaya. – Krasnodar, 2007. – 30 p.
3. Zeer E. F. Psychology of Professional Development: teaching aids for students of high schools/E. F. Zeer. – M.: Publishing center "Academy", 2006. – 240 p.
4. Igoshv B. M. Organizational and Pedagogical System of Preparing professionally mobile specialists in pedagogical university: monograph/B. M. Igoshv. – Moscow: VLADOS, 2008. – 201 p.
5. Kaplina S. E. History of Formation and Development of Professional Mobility in the System Engineering Teaching/S. E. Kaplina Middle//Technical education. – Chita, issue number 6, 2012. – P. 54–57.

6. Mishchenko V.A. Mobility as the Main Professional Meaning in Professional Development of Pedagogical University Students/V.A. Mishchenko, I.A. Tenyunyna//News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Issue № 2–2. – V. 16. – 2014. – P. 319–321.
7. Nuzhnova S.V. Essence and Structure of Concepts Professional Mobility in Modern Society/S.V. Nuzhnova. – M., 2004. – 258 p.

*Gurov Valeriy Nikolaevich,
Professor, Doctor of Education, winner of the Government of the Russian Federation
in the field of Education, Head of the Theory and Practice of Education Management Development
Institute of Education of the Republic of Bashkortostan.*

E-mail: valeriygurov@bk.ru

*Mazitov Ramil Giniyatovich,
assistant professor of theory and practice of education, candidate of political sciences,
the rector of the Institute of Education of the Republic of Bashkortostan*

*Karimov Fanis Fanusovich,
graduate student of Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla, specialist educational-methodical work
of the department of theory and practice of education management
Institute of Education Development of the Republic of Bashkortostan.*

On the formation of the child's personality in a tolerant multi-ethnic societies educational Bashkortostan

Abstract: The article discusses the need to form a tolerant personality in multiethnic societies, given the author's understanding of tolerance and the role of heads of educational institutions in addressing the identified problem. It is a research project developed by the authors.

Keywords: Tolerance, tolerant personality, professional retraining of administrative staff in education, research project.

*Гуров Валерий Николаевич,
профессор, доктор педагогических наук,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
заведующий кафедрой теории и практики управления образованием
института развития образования Республики Башкортостан.*

E-mail: valeriygurov@bk.ru

*Мазитов Рамиль Гиниятович,
доцент кафедры теории и практики управления образованием, кандидат политических наук,
ректор института развития образования Республики Башкортостан*

*Каримов Фанис Фанусович,
аспирант БГПУ им. М. Акмуллы, специалист по учебно-методической работе
кафедры теории и практики управления образованием
института развития образования Республики Башкортостан.*

К вопросу о формировании толерантной личности ребенка в полиэтнических образовательных социумах Башкортостана

Аннотация: В статье рассматривается необходимость формирования толерантной личности в полиэтнических социумах, дается авторское понимание толерантности, а также роль руководителей образовательных организаций в решении обозначенной проблемы. Приводится разработанный авторами исследовательский проект.

Ключевые слова: Толерантность, толерантная личность, профессиональная переподготовка управленческих кадров в образовании, исследовательский проект.

Согласно статистическим данным, на территории Республики Башкортостан проживают представители 160 национальностей [5].

В связи с этим, возникает проблема толерантных взаимоотношений в республике между представителями различных национальностей. Причем, в нашем понимании, толерантность личности есть ее способность к различным диалогам как с субъектами себе подобными, так и выстраивание взаимоотношений с различными социальными институтами в социокультурном пространстве, в котором эта личность функционирует. Толерантная личность, являясь в образовательных организациях субъектом или участником образовательных отношений должна быть способна к диалогу и взаимодействию со всеми участниками образовательных отношений, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному этносу или конфессии.

Аналогичная модель поведения как проект будущего со стороны толерантной личности ожидается и вне образовательных отношений т. е. в социокультурном пространстве.

По мнению В. Н. Гурова, (руководил Краевой научно-исследовательской лабораторией по проблеме формирования современной личности в поликультурной среде в Ставропольском крае с 2001 г. — по 2006 гг.) ... «важной задачей является и решение такой проблемы, как формирование *толерантной, неригидной* личности. Под толерантностью *обычно* понимают терпимость людей по отношению друг к другу — то, чего сейчас в целом и не хватает в нашем обществе, в связи с чем проблема формирования терпимости по отношению друг к другу во многом осложняется. В этой связи ранние институты социализации (семья, дошкольные учреждения и др.) просто обязаны уделять решению этой проблемы наибольшее внимание» [2].

Толерантное отношение и взаимодействие — есть основа благополучия в социуме. Только посредством диалога, по нашему мнению, можно направить развитие личности в позитивное русло. Попытка понять и принять многообразие ценностей окружающих приводит к пониманию самого себя.

Большую роль в этом процессе играет образовательные организации различных видов и типов, поскольку именно здесь осуществляется базовая социализация личности (в том числе и формирование компетенции «толерантность»).

В этой связи актуализируется задача подготовки руководителей образовательных организаций, поскольку именно они в силу своих функциональных обязанностей должны «выстраивать» образовательное пространство организаций таким образом, чтобы оно работало на решение формирования толерантной личности.

Проведенный авторами устный опрос свыше 300 работников образовательных организаций на предмет их понимания — что такое толерантность и какова их концептуальная модель действий в этом направлении, показал, что свыше 90 % из них не владеют соответствующим знанием и пониманием.

На основе метода фокус-групп проведено исследование в школах г. Уфы, г. Нефтекамска и школах сельской местности Благовещенского района. Исследование показало, что в своей деятельности руководители образовательных организаций взаимодействуют с большим количеством социальных институтов и партнеров. Внешние социальные институты — это органы управления образованием, администрации сельских поселений, надзорные органы и др. Внутри школы — это заместители разных направлений, родители, учащиеся, Советы учащихся, Родительские комитеты, Управляющие советы и др.

Это также предполагает наличие у руководителей (наряду с коммуникативной компетенцией) компетенции «толерантность» т. к. субъекты общения — различаются по взглядам, ценностям, социальным стратам.

Нами в процессе профессиональной переподготовки «Менеджмент в образовании», было проведено изучение ценностных ориентаций слушателей по методике «Ценностные ориентации» М. Рокича (всего 137 человек). Анализ результатов показал, что такие ценности, как терпимость к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки, широта взглядов, умение понять чужую точку зрения имеют низкий уровень значимости, о чем свидетельствуют их ранги — 10 и 11 из 18 возможных.

Полученные результаты еще раз подтверждают высказанную мысль о том, что у руководителей необходимо сформировать компетенцию «толерантность».

В этой связи нами разработан 16-и часовой модуль курсов повышения квалификации «Формирование ключевой компетенции «толерантность»». Модуль включает следующие разделы: Ключевая компетенция «Толерантность». Сущность и базовые признаки; Модели толерантности, их характеристики. Основная законодательная база; Ресурсы образовательной организации в контексте усиления влияния на личность обучающегося в контексте формирования толерантности и др.

Апробация данного модуля и анализ результатов показали, что руководители образовательных организаций обогащаются знаниями в области формирования толерантности, приобретают определенные навыки.

Нами разработана концептуальная модель толерантности (см. рис 1).

В целях определения ситуации и поиска эффективных форм в рамках обозначенной проблемы был разработан исследовательский проект: «Формирование толерантной личности ребенка в полиэтнических образовательных социумах Башкортостана».

Целью данного проекта является обобщение передового опыта, разработка и апробация новых эффективных направлений, содержания, форм и средств формирования толерантной личности ребенка в полиэтнических образовательных социумах Башкортостана. Важнейшими институтами решения данной проблемы являются семьи (как базовый) и образовательные организации (детские сады и школы разных типов) с системой дополнительного

образования и использование других институтов — культуры, спорта, здравоохранения, труда и социальной защиты населения на основе междисциплинарного подхода. Инструментом успешного решения этой задачи явится созданный в ходе реализации проекта Временный научно-исследовательский коллектив (далее ВНИК) «Образовательные организации — муниципальные образования» с опытно-экспериментальными площадками разнотипных городских и сельских образовательных социумов Башкортостана. Базой ВНИКа планируется обозначить кафедру теории и практики управления образованием Института развития образования Республики Башкортостана. На выходе планируется издание монографии, учебных пособий, практических разработок, а также — подготовка

докторских и кандидатских диссертаций. Полученные данные могут быть использованы в других многонациональных субъектах Российской Федерации и странах мирового сообщества. Работа над проектом планируется в Башкортостане. В качестве контрольного региона планируется Ставропольский край РФ. Проект рассчитан на один год, но может быть продлен еще на 2 года.

Таким образом, проблема формирования ключевой компетенции «толерантность» у руководителей является одной из важнейших. Подготовка руководителей образовательных организаций в обозначенном контексте будет способствовать более эффективному решению проблемы формирования толерантной личности в образовательных организациях.

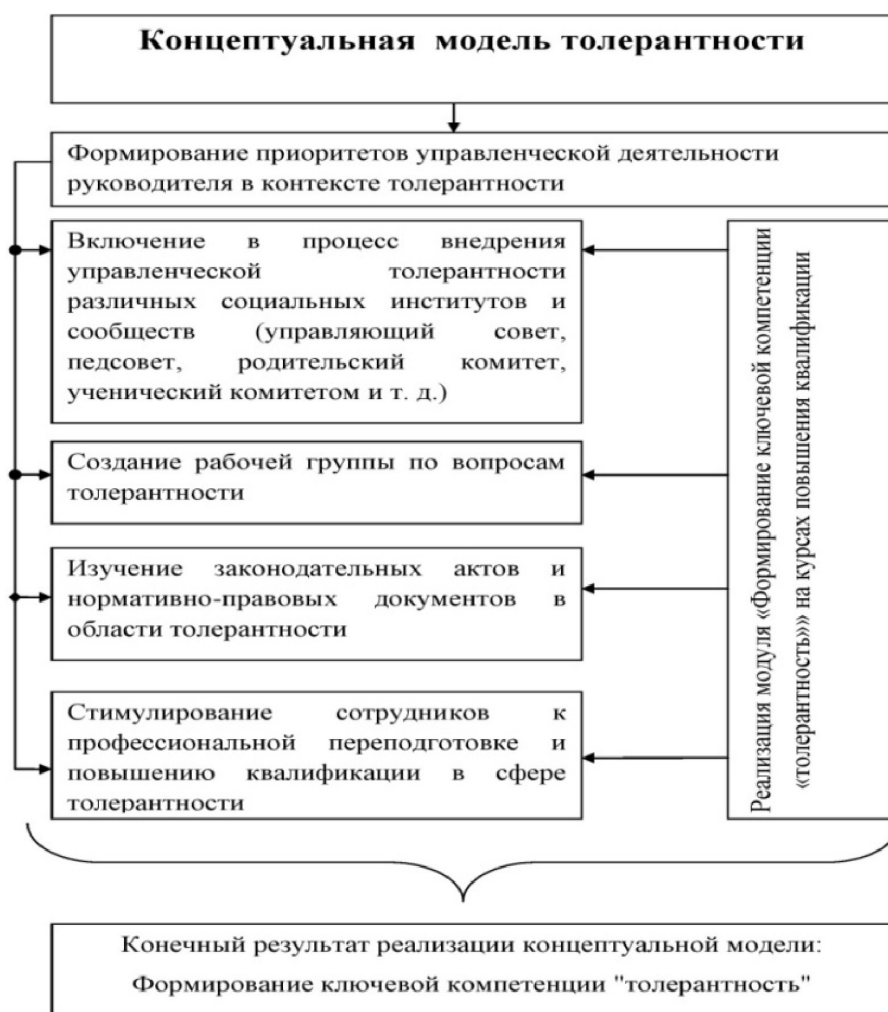

Рис 1. Концептуальная модель толерантности

Список литературы:

1. Российская Федерация. Федеральный закон об образовании в Российской Федерации № 273-ФЗ от 29.12.2012 – Ростов н/Д: Легион, 2013. – 208 с.
2. Гуров В. Н. и др. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде./Учебное пособие – М., 2004. – 240 с.
3. Гуров В. Н. и др. Ребенок в поликультурной среде: практика работы с образовательными учреждениями. – М.: Педагогическое общество России, 2005. – 224 с.
4. Гуров В. Н., Каримов Ф. Ф. Формирование толерантности студентов как важнейшая задача воспитательно-образовательного процесса вуза./В сборнике: Воспитание в системе высшего и среднего профессионального образования:

состояния и перспективы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Тверь: ТФ МГЭИ, 2014. – 218 с.

5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622/Итоги+Всероссийской+переписи+населения+2010+года+по+Республике+Башкортостан.pdf – 06.08.2015.

*Gurov Valeriy Nikolaevich,
Head of the Department of theory and
Practice Education Management Development Institute of Education,
Ph. D., professor, laureate of the Russian Government
in the field of education, Research Project Manager
E-mail: valeriygurov@bk.ru*

*Hasanov Gaisa Ahmadullovich,
Director Sibay college of construction and service,
Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Deputy Board of city district of the Republic of Bashkortostan Sibai,
Head organizer of the project*

*Plotnikova Irina Petrovna,
deputy director for scientific and methodological work Sibay college
of construction and service, Ph. D., Head-organizer of the project*

Urals Bashkortostan: innovation vector in the preparation of competitive workers and mid-level professionals

Abstract: The article discusses the direction of innovative training in socio-cultural space Urals Bashkortostan in the context of competitive workers and mid-level professionals. We present the project of increase of efficiency of activity of college in the modern socio-cultural space.

Keywords: Innovation, Innovative vector competence, effective college.

*Гуров Валерий Николаевич,
заведующий кафедрой теории и практики управления образованием ИРО РБ,
д. п. н., профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации
в области образования, научный руководитель проекта
E-mail: valeriygurov@bk.ru*

*Хасанов Гайса Ахмадулович,
директор ГБПОУ Сибайский колледж строительства и сервиса,
к. с.-х. н., доцент, депутат Совета городского округа город Сибай
Республики Башкортостан, руководитель-организатор проекта*

*Плотникова Ирина Петровна,
заместитель директора по научно-методической работе
ГБПОУ Сибайский колледж строительства и сервиса,
к. и. н., руководитель-организатор проекта*

Зауралье Башкортостана: инновационный вектор в подготовке конкурентных рабочих и специалистов среднего звена

Аннотация: В статье рассматриваются направления инновационной подготовки в социокультурном пространстве Зауралья в контексте подготовки конкурентных рабочих и специалистов среднего звена. Приводится проект повышения эффективности деятельности колледжа в современном социокультурном пространстве.

Ключевые слова: Инновации, инновационный вектор, компетенция, эффективный колледж.

Башкирское Зауралье (далее — Зауралье) объединяет городской округ город Сибай, муниципальные районы Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский, Зианчуринский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский районы Республики Башкортостан. Площадь региона — 40 062 кв. км. (27,9 % площади Республики Башкортостан). Численность населения в 2010 году составила 344 271 человек (8,47 % численности населения республики) [1].

Учитывая важное географическое положение и социально-экономическую значимость данного региона для республики в феврале 2011 года было принято Постановление Правительства Республики Башкортостан «О Среднесрочной комплексной программе экономического развития Зауралья на 2011–2015 годы» от 24 февраля 2011 г. № 38 [1].

Сибай — город в Республике Башкортостан Российской Федерации — промышленный, образовательный и культурный центр, основной транспортный узел Зауралья республики, неофициально носит статус столицы Зауралья [4].

Сибайский колледж строительства и сервиса был создан на базе профессионального лицея в 2014 году на основании Распоряжения Правительства Республики Башкортостан за № 539 от 05.06.2014 года [2].

До своего преобразования в колледж образовательной организацией был пройден большой 60-ти летний путь: строительная школа ФЗО № 11 (1954 г.), строительное училище № 11 (1957), городское профессионально-техническое училище по подготовке строителей смежных профессий (1963), среднее профессиональное училище № 24 (1984), профессиональное училище № 24 (1995), профессиональный лицей № 24 (1998). За эти годы в его стенах прошли подготовку, переподготовку и повышение квалификации свыше 45 тысяч рабочих, которые достойно трудятся на передовых стройках региона и страны [6]. Ежегодно более 1 000 человек по профессиям преимущественно строительного направления, транспортной сферы, ЖКХ, сферы обслуживания и легкой промышленности проходят обучение в хозрасчетном отделении — Учебном центре «Перспектива», который Приказом Министерства образования Республики Башкортостан № 1385 от 25.07.2014 г. утвержден в качестве Ресурсного центра профессионального образования в строительной отрасли [3].

Сибайский колледж строительства и сервиса является одним из конкурентоспособных, востребованных на рынке труда и единственным учебным заведением Зауралья по подготовке рабочих строительного направления, включенным в Национальный реестр «Ведущие образовательные учреждения России».

В разные годы учебными заведениями руководили Ю. П. Чернов, А. Б. Юнусов, А. М. Юсуфбаев, В. Х. Биктиров, Г. П. Булякбаев, Н. А. Жаринова, Б. М. Кильдияров. 13 лет училище возглавлял Т. А. Гареев — заслуженный работник народного образования РБ, отличник профтехобразования РФ. В настоящее время директор колледжа — доцент, кандидат сельскохозяйственных наук Хасанов Г. А.

Сегодня с учетом роста российской экономики и стоящих перед нами задач модернизации всех сфер нашей жизни и прежде всего производства стало совершенно очевидно, что недостаток высококвалифицированных рабочих кадров является преградой на пути развития экономики. Поэтому вопросы подготовки высококвалифицированных рабочих кадров, специалистов среднего звена имеют ключевое значение для экономики региона.

В 2014 году на базе ГБПОУ Сибайский колледж строительства и сервиса открыта инновационная площадка по теме «Управление формированием профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях профессионального колледжа».

Социальная значимость данного проекта заключается в том, что используя потенциал Многофункционального центра прикладных квалификаций, который будет создан на базе колледжа к 2018 году [5], и на основе взаимодействия с создаваемым Учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья будут открыты дополнительные новые специальности, востребованные для экономики города и региона, созданы 15–20 новых рабочих мест, сформированы у выпускников компетенции по малому предпринимательству в промышленном секторе экономики; безвозмездно оказана помощь начинающим и работающим предпринимателям в области лесопереработки, металлообработки, деревообработки, торговли, общественного питания, в легкой промышленности и др.

Также в ходе реализации проекта решается задача преодоления разрыва в подготовке конкурентоспособных рабочих кадров и специалистов среднего звена между традиционными учебными и реальными производственными задачами. Традиционные учебные задачи «очищены» от «лишних» деталей и даже слегка рафинированы для освоения профессиональных знаний, умений, навыков. Они в большей степени абстрактны и не обеспечивают в полной мере мотивацию и необходимого эмоционального фона в процессе их решения. Реальные производственные задачи даны на «языке» конкретной производственной деятельности, как правило не конкретизированы и противоречивы. В связи со сказанным, подготовка конкурентных рабочих и специалистов среднего звена возможна за счет введения более широкого спектра и интенсификации практико-ориентированных методов и средств, где в качестве дидактических средств обучения используются макромодели синтетического характера, дающие «картину» реальных производственных задач и понимание этого процесса как рефлексивно-деятельное взаимодействие с окружающим миром. А Центр сертификации квалификаций, действующий на базе колледжа, позволит на профессиональной основе оценить знания и навыки не только выпускников колледжа, но и населения города и региона, обратившегося для подтверждения своей профессиональной квалификации.

В колледже решение этой проблемы станет возможным при внедрении в образовательный процесс модели формирования профессиональных компетенций рабочих кадров

и специалистов среднего звена на основе включения в деятельность колледжа обозначенных центров и социального партнерства с предприятиями и организациями города.

Одновременно в ходе осуществления проекта преобразуется методическая служба в научно-аналитический центр с расширенным спектром полномочий, что также способствует решению задачи более качественного формирования профессиональных компетенций обучающихся.

Основной целью данного проекта является подготовка высококвалифицированных рабочих и специалистов среднего звена в колледже на основе использования возможностей Многофункционального центра прикладных квалификаций через реализацию «коротких» программ обучения, развитие дуального образования, и на основе сотрудничества с Учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья в сфере выставочно-экспозиционной и информационно-аналитической деятельности с элементами бизнес-образования.

Задачами проекта являются: анализ современного состояния проблемы формирования профессиональных компетенций в педагогической теории и практике и на этой основе определение критериев эффективности и комплекса организационно-содержательных условий ее решения; разработка и внедрение модели формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях перехода из Ресурсного центра профессионального образования в строительной отрасли в Многофункциональный центр прикладных квалификаций и взаимодействия с Учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья с использованием «инструментов» социального партнерства с предприятиями и организациями региона на основе государственно-частного партнерства; обеспечение образовательной мобильности студентов за счет разработки индивидуальных образовательных маршрутов, позволяющих реализовать концепцию обучения в течение всей жизни в соответствии с требованиями рынка труда.

Сущность проекта

Проблема формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена на современном этапе развития педагогической науки и практики приобретает особое значение, поскольку основная образовательная парадигма сейчас — подготовка конкурентоспособных рабочих и специалистов. В профессиональном колледже это можно осуществить на основе использования потенциала Ресурсного центра с переходом в дальнейшем в Многофункциональный центр прикладных квалификаций и используя возможности Учебно-демонстрационного молодежного центра предпринимательской деятельности Зауралья. В этой связи суть проекта состоит в научном обосновании процесса формирования профессиональных компетенций рабочих и специалистов в условиях модернизации деятельности колледжа на основе перехода из Ресурсного центра профессионального образования в строительной отрасли в Многофункциональный

центр прикладных квалификаций и выстраивания взаимодействия с Учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья с использованием инструментов социального партнерства с предприятиями и организациями региона. Отслеживание результативности процесса формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов предполагается через деятельность маркетинговой и научно-методической службы, службы информационного сервиса и социально-психологической защиты и поддержки.

Объект исследования: профессиональные компетенции рабочих кадров и специалистов среднего звена.

Предмет исследования: процесс формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях реорганизации профессионального колледжа.

Гипотеза исследования: процесс формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в профессиональном колледже будет эффективным, если:

- на базе профессионального колледжа создан Многофункциональный центр прикладных квалификаций и организовано взаимовыгодное сотрудничество с Учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья;
- профессиональная подготовка рабочих кадров и специалистов среднего звена будет осуществляться на основе включения в его деятельность социального партнерства с предприятиями и организациями Зауралья в форме государственно-частного партнерства;
- будут скорректированы учебные планы и программы подготовки с включением соответствующих модулей;
- будет задействована в учебно-образовательном процессе социокультурная среда региона, города в формате физического окружения и социально-культурных компонентов.

Задачи:

1. Разработать и апробировать организационно-содержательную модель формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях перехода из Ресурсного центра профессионального образования в строительной отрасли в Многофункциональный центр прикладных квалификаций и выстраивания взаимодействия Учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья.

2. Сформировать и апробировать учебные планы и программы обучения с включением в их структуру модулей, предусматривающих участие в учебно-образовательном процессе предприятий и организаций Зауралья на основе государственно-частного партнерства.

3. Задействовать в процессе формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена социокультурное пространство Зауралья и города.

Конкретные методы и методики реализации исследования

Методологическую основу исследования составляют положения диалектики о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений; о развитии личности как субъекта познания, общения и трудовой деятельности; об активной роли личности в познании, о диалектической взаимосвязи содержания и формы, структуры и функций; о единстве эмпирического и теоретического в научном исследовании; современные теории мотивации.

Для реализации поставленной цели и задач исследования необходимо использование следующих методов:

- теоретические: теоретический анализ и синтез, обобщение опыта, абстрагирование, моделирование;
- эмпирические: наблюдение, опрос, тестирование, беседа, эксперимент, праксиметрический метод (изучение документации и результатов деятельности), модифицированные методы (конструирование производственных ситуаций, экономических отношений);
- статистические: количественная и качественная обработка материалов методами математической статистики, педагогическое измерение, множественное сравнение.

Характеристика предполагаемых результатов

В ходе инновационной деятельности будет осуществлено:

1. разработана и апробирована организационно-содержательная модель формирования профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях реорганизации профессионального колледжа;
2. разработана и апробирована организационно-правовая и учебно-программная документация в соответствии с логикой и принципами модульного обучения, основанного на компетентностном подходе в условиях реорганизации Ресурсного центра колледжа в Многофункциональный центр профессиональных квалификаций;
3. обобщен опыт работы по реализации образовательных программ, обеспечивающих конкурентоспособность выпускников центра на рынке труда в условиях модернизации деятельности профессионального колледжа с созданием на его базе Многофункционального центра прикладных квалификаций и организации сотрудничества с Учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья;
4. обобщены и систематизированы результаты инновационной деятельности в виде учебных пособий, методических рекомендаций, монографии и т. д.

Возможные потребители: Результаты исследования могут быть использованы в системе среднего профессионального образования в целях повышения качества подготовки рабочих кадров и специалистов среднего звена в РФ.

Параметры, по которым определяется эффективность инновационной деятельности:

1. уровень сформированности профессиональных компетенций студентов;

2. динамика трудоустройства и занятости выпускников колледжа;

3. рост объема современных образовательных технологий и принципов организации учебного процесса с использованием ИКТ в общей структуре процесса обучения.

4. рост задействованности социокультурного пространства в образовательном процессе (количественные характеристики).

Проведенное в ходе реализации проекта в 2014 году анкетирование по ряду индикаторов дало следующие результаты:

- Профессиональная готовность коллектива к применению современных образовательных технологий (по Л. В. Зевиной). Исследовано — 41 педагог. Высокий уровень готовности — 92, 7 %; средний уровень — 7,3 %.

Данные результаты свидетельствуют о достаточно высокой степени готовности педагогического коллектива колледжа к использованию современных образовательных технологий в целях повышения качества подготовки конкурентных рабочих и специалистов среднего звена.

- Педагогические затруднения. Анкетировано — 41 преподаватель. Наиболее неподготовленными к применению образовательных технологий педагогические работники колледжа называют следующие области:

- а) в методах обучения — проблемное обучение, модульное обучение, опережающее обучение, педагогическое сотрудничество (готовность примерно 30–35 %);

- б) в готовности к работе в условиях инновационной деятельности колледжа (35–40 %).

- в) в умении грамотного проведения анализа своей деятельности (психолого-педагогический анализ занятий примерно 50–60 %); (рефлексивное отслеживание — 30–40 %).

Полученные данные обуславливают необходимость активизации работы с преподавателями педагогического коллектива в повышении их профессионализма в указанных областях их деятельности.

Ведется также активная работа в указанных в проекте направлениях:

- создание учебного центра профессиональных квалификаций и учебно-демонстрационного молодежного центра предпринимательской деятельности.

Схематично по проекту создание многофункционального центра прикладных квалификаций в структуре колледжа и взаимодействие колледжа с учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья в контексте формирования квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена логично представить следующим образом.

Реализация проекта «Формирование профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях реорганизации профессионального колледжа» внесет определенный вклад в социально-экономическое развитие Зауралья.

ГБПОУ СКСС

Ресурсный центр:

1. Образовательная деятельность:
 - дополнительное образование;
 - подготовка, переподготовка и повышение квалификации;
 - профориентация, профконсультирование;
 - технологическое обучение учащихся школ;
2. Методическая деятельность:
 - учебно-методическая поддержка ПОО;
 - разработка, тиражирование программ обучения, рабочих программ, методических и учебных пособий, учебно-методического обеспечения, развитие новых педагогических и информационных технологий;
 - взаимодействие с работодателями по адаптации учебных программ под реальные потребности производства;
3. Информационно-аналитическая деятельность:
 - введение ИКТ в учебный процесс и мониторинг;
 - информационная поддержка ПОО;
 - взаимодействие с работодателем по диагностике их потребности в рабочих, выявление требований к выпускникам;
4. Экспертная деятельность:
 - экспертиза программ, проектов и др. учебно-методических материалов;
5. Организационная деятельность:
 - организация сетевого взаимодействия РЦ с ПОО, школами, работодателями, ЦЗН, кадровыми агентствами.

Взаимовыгодное
сотрудничество

Профориентация

Сетевое
взаимодействиеПодготовка
востребованных
рабочих и специалистовРеализация социально
значимых задач**Учебно-демонстрационный молодежный
центр предпринимательской
деятельности Зауралья:**

- выставочно-экспозиционная деятельность;
- демонстрация технологического оборудования;
- образовательная деятельность с элементами бизнес-образования;
- помощь в формализации бизнес-идей, реализации

Общеобразовательные учреждения

Профессиональные
образовательные организацииСоциальные партнеры
(работодатели)Органы государственного и
муниципального
управления

Инновационная площадка «Управление формированием профессиональных компетенций рабочих кадров и специалистов среднего звена в условиях профессионального колледжа»

Центр сертификации профессиональных
квалификаций

Многофункциональный центр прикладных квалификаций (к 2018 г.)

Схема 1. Реорганизация колледжа на основе создания в его структуре многофункционального центра и взаимодействия колледжа с учебно-демонстрационным молодежным центром предпринимательской деятельности Зауралья

Список литературы:

1. Постановление Правительства Республики Башкортостан «О Среднесрочной комплексной программе экономического развития Зауралья на 2011–2015 годы» от 24 февраля 2011 г. № 38/[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prt.pravitelstvorb.ru/?p=3705> (03.08.2015).
2. Распоряжение Правительства Республики Башкортостан № 539-р от 05.06.2014 г. «О переименовании государственного бюджетного образовательного учреждения начального профессионального образования профессиональный

лицей № 24 г. Сибая Республики Башкортостан в государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Сибайский колледж строительства и сервиса» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/463517135> (02.08.2015).

3. Приказ Министерства образования Республики Башкортостан № 1385 от 25.07.2014 г. «Об утверждении перечня отраслевых ресурсов профессионального образования Республики Башкортостан» // [Электронный ресурс].
4. Сибай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сибай>. (01.08.2015).
5. Инновационный потенциал системы профессионального образования Республики Башкортостан. – Уфа, 2015. – 84 с.: илл. – С. 36–37.
6. Города и люди: Межрегиональное и международное сотрудничество. – Уфа, 2015. – 224 с.: илл. – С. 204.
7. Гуров В. Н., Чикильдина Н. А. Конструирование образовательного пространства в контексте модульнокомпетентностной технологии. // Инновации в образовании. – 2011. – № 5. – С. 4–18.
8. Хасанов Г. А. Ресурсный центр как путь реализации новых профессиональных образовательных стандартов. // Ресурсный центр как механизм реализации ФГОС НПО нового поколения (сборник). – Уфа, 2012. – 72 с.: илл. – С. 9–17.

Zakirova Alfiya Borisovna,

Birskiy branch Bashkir State University, Ph. D.,

Senior Lecturer, Department of Social Pedagogy and Social Work

E-mail: zakirova.alfiya@yandex.ru

Akhmatkhanova Liana Ayratovna,

Birskiy branch Bashkir State University, student

E-mail: lina.ahmathanova@yandex.ru

Prevention of inter-ethnic conflict in children and adolescents

Abstract: The article examines the conflict between different ethnic groups among adolescents; forms and methods of work for the unity of the members of different ethnic groups and the development of inter-ethnic tolerance among the younger generation.

Keywords: ethnic conflict, ethnic stereotype.

Закирова Альфия Борисовна,

Бирский филиал Башкирского государственного университета,

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры

социальной педагогики и социальной работы

E-mail: zakirova.alfiya@yandex.ru

Ахматханова Лиана Айратовна,

студент, Бирский филиал Башкирского государственного

университета, социально-гуманитарный факультет

E-mail: lina.ahmathanova@yandex.ru

Профилактика межэтнических конфликтов у детей и подростков

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы конфликтности между разными этническими группами; формы и методы работы по сплочению членов разных этнических групп и развитию межэтнической толерантности среди подрастающего поколения.

Ключевые слова: межэтнический конфликт, этнический стереотип.

Россия всегда славилась своим многонациональным и поликультурным составом. Межнациональное взаимодействие культур проявляется в виде разнообразных контактов между этносами, ведущие к изменению индивидуальных и социальных характеристик каждой из взаимодействующих этнических групп и их отдельных представителей, а также к интеграции их определенных качеств

и свойств. Взаимодействие разных этнических групп имеет особый характер, проявляющийся в положительном влиянии на межэтническую идентификацию. Но необходимо отметить, что наряду с позитивной тенденцией имеются и негативные — межэтнические конфликты.

Проблемы конфликтов в межэтническом взаимодействии отражены в трудах известных зарубежных и

отечественных ученых, таких, как Коваленко Б. В., Пиров А. И., Сикевич З. В., Дробижева Л. М., Лебедева М. М., Тишков В. А. и др.

Так, одни авторы подчеркивают функциональную основу этнического конфликта, заложенную не в этничности, а в социальных проблемах, возникающих между группами, консолидированными на этнической основе.

Другие под этническим конфликтом понимают социальную ситуацию, обусловленную несовпадением интересов и целей отдельных этнических групп в рамках единого этнического пространства или этнической группы, с одной стороны, и государства, с другой.

Детская и подростковая среда, где собираются представители различных этносов, является потенциально конфликтной. Данное обстоятельство может быть объяснено действием ряда факторов, связанных с особенностями возраста и особенностями их групповой динамики: негативизм, преобладание эмоций, аффектов над логикой и разумом, повышенная агрессивность, противоборство референтных групп, а так же более взрослом возрасте скептицизм в отношении мира взрослых, стремление вырваться из-под их опеки, неkritичность к выбранным подростками для себя кумирам, тенденцию к объединению в замкнутые группы и кланы. Следовательно, дети и подростки наиболее чувствительный контингент для любой пропаганды разжигающую межнациональную рознь.

Для проведения эффективной профилактической работы межэтнических конфликтов необходимо установить причины этноконфликтов в данном возрасте [2, 108].

1. Одной из основных причин, является категоричность суждений и этноцентризм детей по отношению к представителям других культур. Этноцентризм устанавливает препятствие для межгруппового и межличностного взаимодействия. Данное понятие понимается в литературе как склонность рассматривать явления и факты чужой культуры, чужого народа сквозь призму культурных традиций и ценностей своего собственного народа.

2. Еще одной причиной является предубеждения, когда у детей и подростков складывается отрицательное мнение о других, негативное отношение к группам или ее отдельным членам.

3. Следующей причиной является этнический стереотип, который в подростковый период определяется, как устойчивый, эмоционально насыщенный, достаточно упрощенный, и схематизированный обобщенный образ этнической группы подростком, обобщенные устойчивые представления о каком-либо народе.

Дети и подростки принимают образ собственного народа относительно с положительной и более привлекательной точки зрения, чем образ любого другого народа. Многие подростки склонны рассматривать другие народы через призму этнического фаворитизма либо, наоборот, этнической дискриминации.

Все выше перечисленные причины возникновения межэтнического конфликта формируются у учащихся

под влиянием опыта реального, а в большинстве случаев ограниченного взаимодействия и практического общения, материалов СМИ, а также мнения социальной группы, в которую входят сами подростки, на оценку представителей собственной и других этнических групп.

Выявление ведущих причин межэтнических конфликтов позволяет эффективно проводить профилактическую работу в образовательных учреждениях, а также ставить и решать задачи модернизации образования, воспитания подрастающего поколения в духе высокой нравственности, веротерпимости, готовности к межкультурному взаимодействию в условиях сложных общественных отношений.

Обозначим условия реализации активных форм и методов обучения и воспитания детей, направленных на профилактику межэтнических конфликтов [1, 61]:

1. Включение в содержание творческой деятельности межкультурного компонента. Так, например, в виде игровых задач-ситуаций, которые позволяют подростку смоделировать проблему и найти верное решение, избегая напряженного общения с представителем другой национальности. Можно включить историческую составляющую или культурный диалог, цель: толерантное отношение к представителю другой национальности и обогащение знаний о культурах других народов. Формой предоставления информации может послужить рассказ басни со скрытым смыслом о понятии интолерантности и толерантности. В ходе раскрытия понятия о толерантном отношении к разным этническим группам можно прибегнуть к соревновательной форме с выявлением победителя по понятию качества толерантной личности.

2. Установление междисциплинарных связей гуманитарных наук через прикладные, практические учебно-творческие проблемы регионального или глобального характера на основе диалога культур.

3. Сочетание коллективных и индивидуальных форм в обучении и воспитании с опорой на наставничество и взаимоподдержку. Это предполагает создание в образовательном процессе проблемных (в том числе коммуникативных) ситуаций. Стратегии базируются на приемах:

- проектное обучение, где ученики развивают свои интеллектуальные способности в создании нового продукта деятельности, а именно по тематике позитивного отношения к представителям разных народов;

- мозговой штурм, предполагает выявление единого решения проблемы путем учета мнений всех членов многонациональной группы. Для примера может послужить проведение круглого стола с подростками, что предполагает реализацию следующего спектра задач: дать учащимся возможность оценить степень своей толерантности; воспитать чувство коллективизма и сплоченности, и, наконец, способствовать развитию уважительного отношения учащихся друг к другу;

- учебные дискуссии, определяются повышением интенсивности и эффективности разрешения межэтнических конфликтов, за счёт активного включения обучающихся в коллективный поиск истины.

4. Создание аудио — видеотек с высокохудожественными фильмами нравственной тематики для классного и общешкольного просмотра с последующим обсуждением. Просмотр видеоматериалов, книг о культурах и традициях разных национальностей является одной из форм повышения нравственной культуры подростков.

5. Реализация комплексного плана мероприятий по профилактике межкультурных, межэтнических и межкультурных профессиональных отношений среди подростков. Например, с целью возрождения духовных ценностей, можно провести мероприятия с участием подростков: «Дружба народов», «В единстве — наша сила», «Традиционные танцы и песни народов России», «Содружество», «Память через века», «Успешный читатель», «Истоки», «Традиции народов нашей страны», «Моя многонациональная страна», «Я горжусь своей страной и её народом».

По профилактике межкультурных конфликтов можно использовать другие формы внеурочной работы: интерак-

тивные экскурсии, экскурсии в художественные, исторические и этнографические музеи; организация выставок, конференции с участием представителей общественных организаций, встречи школьников с искусствоведами; участие в мастер-классах, различного рода игр, тренингов. Благоприятным аспектом формирования высоконравственной личности ребенка является проведение конкурса сочинений, конкурс стенгазет с целью ознакомления учащихся с культурой и традициями других народов, организация бесед для школьников со специалистами в области этноса, организация и проведение фестивалей дружбы народов.

В процессе такой работы подростки могут осознать ошибочность своих стереотипов, повысить уровень знаний, соотнести собственный взгляд к другим культурам с мнениями одноклассников, овладеть умением критически мыслить, приобретать опыт взаимодействия и межкультурного диалога, находить компромиссные решения, принимать решения в ситуациях социально-культурного разнообразия.

Список литературы:

1. Закирова А. Б., Ременникова Ю. С. Активные формы обучения как основа развития поликультурной компетентности. // European science review. – Издательство: East West Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH (Вена) ISSN: 2310–5577. – 2014. – № 5–6. – С. 60–62.
2. Куликова Т. И. Опыт реализации спецкурса «Этническая толерантность в межкультурном взаимодействии» в процессе подготовки педагогов-психологов. // «Психология в вузе» (Науч.-метод. журнал). – 2009. – № 4. – С. 107–113.

*Korchevskiy Dmytry Aleksandrovich,
STEP Computer Academy, CEO,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Odessa
E-mail: boss@itstep.org*

Methodological study the integration of content professional training of specialists of information and computer technologies in the context of the philosophy

Abstract: The article deals with the general philosophical premise integration of content of training computer specialists profile. The division of methodological principles of integration training content into two groups is defined: philosophical- methodological and pedagogical-methodology principles.

Keywords: integration, content of training, computer profile specialists.

*Корчевский Дмитрий Александрович,
Компьютерная академия «ШАГ», генеральный директор,
кандидат физико-математических наук, г. Одесса
E-mail: boss@itstep.org*

Методологическое обоснование интеграции содержания профессиональной подготовки специалистов информационно-компьютерных технологий в контексте основ философии

Аннотация: В статье обоснованы общие философские предпосылки интеграции содержания профессиональной подготовки. Определено разделение методологических принципов интеграции содержания профессиональной подготовки на две группы: философско-методологические и методолого-педагогические.

Ключевые слова: интеграция, содержание профессиональной подготовки, специалисты информационно-компьютерных технологий.

Подготовка специалистов информационно-компьютерных технологий связана с разработкой критериев отбора и постоянного обновления содержания обучения, обусловленных особенностями развития компьютерной отрасли. На современном этапе особое внимание к проблемам проектирования содержания обусловлено «интеграционным разно уровневый подходом к обучению и образованию, обеспечивающим непрерывный профессиональный рост специалистов; внедрением инноваций в образовательный процесс; преемственностью образовательных программ; научным обоснованием инвариантной и вариативной частей содержания обучения при разработке учебных планов и программ» [1, 5]. Одним из оптимальных подходов к формированию содержания является **интегративный**, основанный на фундаментальных философско-методологических принципах. Не менее важным является социально-ценностное наполнение содержания профессионального образования будущих специалистов информационно-компьютерных технологий.

Общие философские предпосылки интеграции содержания профессиональной подготовки будущих специалистов информационно-компьютерных технологий предусматривают, что в условиях усиления технократизма в обществе особое место занимает гуманизация образования. Профессиональная подготовка специалистов информационно-компьютерных технологий должна предусматривать не только усвоение учебного материала и обеспечения успешной деятельности в будущем, но и обращать внимание а социальные аспекты профессии на основе гуманитарного подхода.

Информатизация расширяет потенциальные возможности развития человека и способствует интеграции и переработке различного рода информации в социальной среде, однако компьютерная зависимость человека под влиянием новых информационно-компьютерных технологий меняет стиль мышления, способы общения, оценки окружающих и самооценки, предусматривает погружение в мир виртуальной реальности. Появление нового типа бытия — машинно-информационного — требует определения онтологического статуса виртуальной реальности, поскольку угрозы тотального использования информационно-компьютерных технологий актуализируют проблему информационной безопасности в современном обществе. Характер и тип социальных последствий и духовно-культурных изменений, порождаемых информатизацией, зависят от того, в каких социальных условиях происходит процесс информатизации.

На наш взгляд, **интеграция содержания профессиональной подготовки** будущих специалистов информационно-компьютерных технологий в контексте гуманитарной парадигмы образования предполагает следующее: исследование этических проблем компьютеризации и взаимодействия человека и машины; создание полипредметных комплексов знаний, ориентирующих на интеграцию соответствующих профессиональных знаний, умений

и навыков; возрастание роли социофилософского, гуманистического наполнения содержания, моральной ответственности и мировоззренчески-ценностных установок специалиста; усиление роли мировоззренческого компонента образования и др.

Информационное мировоззрение «лежит в основе осознания человеком себя как свободной личности. Это усиливает чувство собственного достоинства — восходящей базы отношений любого гармонично построенного сообщества» [5, 448]. Формирование информационного мировоззрения предусматривает создание у субъекта представления о целостной картине мира. Соответственно, информационная культура ассоциируется с технико-технологическими аспектами информатизации, овладением навыками работы с персональным компьютером.

Изложенное выше позволило сформулировать **мировоззренческие основы интеграции содержания** профессиональной подготовки будущих специалистов: информационное мировоззрение базируется на основании имеющихся информационно-компьютерных ресурсов и предусматривает создание в субъекта представления о целостной картине мира; основу информационной культуры специалиста формирует система интегрированных знаний, умений и ценностей; оптимальное использование потенциала содержания профессионального образования направлено на устранение фрагментарного мышления студентов; акцентирование культурологического аспекта реализуется путем использования интегративного подхода; формирование мировоззрения происходит поэтапным развитием его структурных компонентов; обновление критериев отбора знаний структурирования содержания профессиональной подготовки реализуется наиболее эффективно на основе интеграции учебных дисциплин в гуманистической парадигме образования.

Методолого-педагогические принципы мы считаем целесообразным представить диалектическими парами, которые способны обеспечить действие каждого принципа в частности, но не позволяют преувеличения роли одного из них.

Принцип интеграции в формировании содержания профессиональной подготовки будущих специалистов информационно-компьютерных технологий является ведущим и несет основную концептуальную нагрузку. Высокая динамичность и чрезвычайно быстрое развитие компьютерной отрасли требует постоянного обобщения, уплотнения, систематизации и генерализации знаний, возможны только на основе интегративного подхода к формированию содержания профессиональной подготовки. **Принцип дифференциации** в интеграции содержания профессиональной подготовки будущих специалистов информационно-компьютерных технологий обеспечивает возможность полноценного обучения не только значительного количества специальных дисциплин, но и индивидуальный подход к студентам.

Принцип историзма для формирования содержания профессиональной подготовки будущих специалистов

информационно-компьютерных технологий имеет свою специфику: если история развития интеграции в науке измеряется столетиями, а в образовании — десятилетиями, то история профессиональной подготовки в компьютерной отрасли является еще довольно непродолжительной, хотя и очень насыщенной. Поэтому этот принцип направлен на использование опыта интеграции в других отраслях для формирования содержания профессиональной подготовки специалистов информационно-компьютерных технологий. Принцип *прогнозирования* в профессиональной подготовке будущих специалистов информационно-компьютерных технологий способствует оптимизации отбора учебного материала с учетом его перспективности, предотвращает наполнение содержания образования второстепенными и быстро стареющими знаниями.

Принцип *гуманизации* в профессиональной подготовке будущих специалистов информационно-компьютерных технологий приобретает все большее значение: он является весомым противопоставлением негативных социальных явлений (засилье виртуальной реальности, компьютерные преступления, компьютерная зависимость человека) и оптимизирует техническую и гуманистическую тенденции в современном обществе. Принцип *технологизации* в формировании содержания образования будущих специалистов информационно-компьютерных технологий призван сохранить и обобщить, трансформировать в профессиональное образование все достижения современных информационно-компьютерных технологий, однако регулироваться принципом гуманизации.

Принцип *фундаментализации* и *профессионализации* в формировании содержания профессиональной подготовки будущих специалистов информационно-компьютерных технологий воплощает противоречие «фундаментальность — профессионализм» и является двигателем развития и обновления этой подготовки. Фундаментализация содержания профессионально ориентированных и специальных дисциплин связана прежде всего с реализацией инвариантной его части, которая содержит медленно стареющие знания, которые постоянно дополняются

обновленными специальными знаниями, трансформированными из новых достижений компьютерных наук.

Принцип *трансформации* требует грамотного и оперативного преобразования новых научных знаний в учебные и внедрение их в содержание профессиональной подготовки. Таким путем обеспечивается постоянное развитие и обновление его содержания на основе интегративного подхода.

Принцип *развития* обобщает и усиливает действие других принципов, выступая важным критерием отбора и оценки качества учебного материала. Для будущих специалистов информационно-компьютерных технологий этот принцип доминирует ввиду значительного, по сравнению с другими отраслями и науками, роста объема знаний и потребности оперативного свертывания и архивации устаревшей информации в учебных программах. Существенное методологическое значение этого принципа заключается в возникновении нового качества в процессе интеграции, предполагает, с одной стороны, развитие интегрированных объектов, а с другой — последовательную смену этапов интеграции.

Таким образом, общие философские предпосылки формирования содержания профессиональной подготовки будущих специалистов информационно-компьютерных технологий определяют формирование информационного мировоззрения, которое способствует развитию информационной культуры студентов на основе системы интегрированных знаний, умений и ценностей. Акцентирование культурологического подхода в профессиональной подготовке требует обновления критериев и принципов отбора и структурирования знаний на основе интеграции учебных дисциплин в гуманистической парадигме образования. Методологические принципы интеграции и дифференциации, историзма и прогнозирования, гуманизации и технологизации, фундаментализации и профессионализации, трансформации и развития являются базовыми для разработки концепции интеграции содержания профессиональной подготовки для будущих специалистов информационно-компьютерных технологий, составляет предмет дальнейшего научного поиска.

Список литературы:

1. Альшанская Т.В. Моделирование содержания дисциплин по выбору в процессе подготовки специалистов по информационным технологиям в колледже: автореф. дис. на стиск. ученой степ. канд. пед. наук: спец. 13.00.08 — «Теория и методика профессионального образования»/Т.В. Альшанская. — Н. Новгород, 2006. — 23 с.
2. Киреев Е.М. Философия информатики: учеб. пособие/Е.М. Киреев. — Воронеж: ГОУВПО «Воронежский государственный технический университет», 2007. — 123 с.
3. Козловська І.М. Теоретико-методологічні аспекти інтеграції знань учнів професійно-технічної школи: дидактичні основи: монографія/І.М. Козловська; за ред. С.У. Гончаренка. — Львів: Вид-во «Світ», 1999. — 302 с.
4. Корчевский Д.А. Научно-педагогические подходы к формированию содержания профессиональной подготовки будущих специалистов информационно-компьютерных технологий./Д.А. Корчевский//Социально-гуманитарный вестник Юга России. — 2013. — № 11 (42). — С. 64–73.
5. Линдсей Л. Переработка информации у человека./Л. Линдсей, Д. Норманн/пер. с англ.; под ред. А.Р. Лурия. — М.: Мир, 1974. — 550 с.
6. Rhonda Christensen. Effects of Technology Integration Education on the Attitudes of Teachers and Students.//Journal of Research on Technology in Education 2002, ISTE, — 2002. — P. 411–433.

*Kostova Olga Vasilievna,
Shumen University «Episkop Konstantin Preslavski»,
PhD, Faculty of Pedagogy, Bulgaria
E-mail: prostar.company@gmail.com*

F. A. Disterveg and V. A. Suhomlinski about the social importance of the teacher

Abstract: In the presented material there is a parallel made between the ideas of the big pedagogues of the 19th and the 20th century — F. Disterveg and V. Suhomlinski about the work of the teacher. Particular attention is paid to the importance of the social role of the teacher in the society, the importance of teacher's personal example and personality in the pedagogic and educational process

Keywords: teacher education, pedagogy, science, children, parents, school.

*Костова Ольга Васильевна,
Шуменский университет «Епископ Константин Преславский»,
докторант, педагогический факультет, Болгария
E-mail: prostar.company@gmail.com*

Ф. А. Дистервег и В. А. Сухомлинский о социально значимой роли учителя

Аннотация: В представленном материале проводится параллель между взглядами известных педагогов 19 и 20 в. Дистервега и Сухомлинского о труде учителя. Особое внимание обращается на социально значимую роль учителя в обществе, на значение его личности в воспитательно-образовательном процессе.

Ключевые слова: учитель, образование, воспитание, дети, родители, школа, наука.

Фридрих Дистервег (1790–1866) и Василий Сухомлинский (1918–1970) — два великих педагога, которых разделял век, но сближали человечность, любовь к учительской профессии, и в первую очередь любовь к детям.

«Они близки нашему сердцу, живут в нем. Мы дышим, мыслим, живем для них. Они для нас сыновья и дочери так же, как и для своих родителей» [1, 12] — писал Дистервег.

«Педагог без любви к ребенку-это все равно, что певец без голоса, музыкант без музыкального слуха, живописец без чувства цвета» [2, 292] — через век напишет Сухомлинский.

«Учитель учителей» Дистервег, который руководил учительскими семинариями в Мьорсе и Берлине, и учитель детей Сухомлинский, который руководил Павлышской средней школой, поставили на высокий уровень общественного сознания роль и значимость учительской профессии.

Дистервег связывал вопрос о подготовке хороших, добрых народных учителей с вопросом о подъеме народного образования и развития общества. От подготовки учителей зависит каким будет образование всего молодого поколения, а это значит — и будущее народа.

Дистервег стремился возвысить деятельность народных учителей. Он желал внедрить в учительское сословие мысли о значении широкого народного образования и необходимости в высокой общей культуре и профессиональной подготовке каждого народного учителя. Он стремился подтолкнуть учителей к самостоятельным размышлениям о теоретических вопросах профессиональной деятельности, о принципах воспитания и обучения,

о развитии и формировании детей. Его целью было включить учителей в активную общественно-культурную жизнь, без которого они не смогут воспитать новое поколение, которое поведет жизнь вперед.

Дистервег подчеркивал, что педагогика — это «творческая деятельность, которая не терпит никаких шаблонов, никаких застывших систем» [3, 45].

Через столетие Василий Сухомлинский, размышляя о профессии учителя напишет, что настоящим учителем может быть тот, кто верит в человека, кто в своем воспитатнике видит человека будущего. А для того, чтобы воспитывать людей будущего, учитель должен быть человеком, влюбленным в свою профессию, потому что педагогика, педагогическое мастерство — это возможность «сделать творческую мысль и творческий труд могущественным способом формирования нового человека...» [2, 109].

Из этих высказываний следует, что и Дистервег, и Сухомлинский считали профессию учителя творческим, постоянно развивающимся процессом.

Дистервег считал, что у каждого ребенка есть свои врожденные способности, и для того, чтобы раскрыть их, чтобы воспитывать, нужно знать среду, в которой растет ребенок. «Без знания общественной и культурной среды, в которой живут дети, педагоги и учителя не могут дать правильный ответ на много практических вопросов, связанных с их воспитанием и обучением» [3, 56].

А Василий Александрович подчеркивал, что нужно знать индивидуальные особенности детей, так как все они

разные, воспитываются в разных семьях и подход к ним должен быть разным. «Нет никакой педагогической закономерности, нет никакой истины, которая была бы абсолютно одинаково приложима ко всем детям. Потому что практическая педагогика — это знание и умение, которые не только равны мастерству, но и воздвигнуты до уровня творчества. Потому что воспитывать человека — это прежде всего понимать его душу, видеть и чувствовать его индивидуальный мир» [4, 422].

Дистервег целеустремленно подводит все свои усилия к тому, чтобы воспитать учителей яркими личностями. Он понимает и неоднократно повторяет, что с окончанием образования не должно заканчиваться образование учителей.

По мнению Дистервега, хороший учитель тот, у которого хорошо развито чувство общественного сознания, поскольку учитель должен участвовать в распространении знаний среди народа. Великий педагог считал, что еще в учительских учебных заведениях, нужно воспитывать у будущих учителей и любовь к профессии, и умение дружить и работать с коллегами, и любовь к родине. Он постоянно повышал самочувствие учителей, считая профессию учителя одной из главных, общественно значимой. «В своем самом глубоком значении — писал он — наша учительская профессия — это основа человеческого образования. Мы, учителя, развиваем ростки человечности, через нас зарождается и культивируется человечность» [3, 75].

Василий Александрович очень много работал с молодыми учителями, направляя их усилия в нужное русло. Он говорил, что миссия школы и учителей — развивать все положительное. Одной из особенностей учителя является то, что дети все время развиваются и в связи с этим должен развиваться и учитель. А «Учительская профессия — это человекознание, постоянное проникновение в сложный духовный мир человека, которое никогда не останавливается» [4, 421].

Сам являясь высокообразованным человеком, Дистервег понимал, что самовоспитание и самообразование имеют очень большое значение для педагога. «Он должен воспитывать и вести к цели совершенства не только себя самого, он должен воспитывать и других; он выбрал воспитание и образование своей профессией» [3, 101]. Профессия учителя, воспитателя, подчеркивал Дистервег, требует от учителей постоянного самообразования. Потому, что учитель не может образовывать и воспитывать, если сам не-образован и невоспитан. К тому же, образовательная работа над самим собой должна вестись постоянно. И только тогда учитель, обладавший большими духовными ценностями, сможет передать их другим, своим ученикам.

«Для воспитателя очень важны следующие предписания: ты должен быть воспитан в самом широком смысле слова и тогда неизбежно ты будешь воспитателем в истинном смысле этого слова; стремись к образованию и тогда, когда работаешь над образованием других — и вне, и в границах этой деятельности; школа должна быть школой и для тебя; вся твоя жизнь, все обстоятельства, все

положения должны быть поводом для твоего собственного воспитания и образования» [3, 102–103].

Украинский педагог Сухомлинский постоянно напоминал учителям, что нужно шаг за шагом собирать «педагогическую мудрость». И для того, чтобы годы не проходили даром нужно: «Много чего, но, прежде всего собирать крошку за крошкой интеллектуальное богатство и педагогическую мудрость воспитателя» [4, 508]. Великий педагог подчеркивал, что учитель должен воспитывать и себя и своих учеников. «Чтобы учить жить, нужно иметь в себе то, что ты хочешь видеть у того, кого ты обучаешь. Моральная чистота, моральная целостность воспитателя — это самое главное и в сущности, единственная предпосылка успеха в той самой тонкой сфере человеческого творчества, которая называется воспитанием» [2, 199].

Для великого «учителя учителей» очень важно, чтобы воспитатели, учителя стремились к настоящему образованию, настоящей культуре. Наверное потому, что это — обязательство перед молодыми гражданами страны, перед своим государством, которое создает учительские места не ради учителей, а ради распространения знаний. Вот поэтому учителя должны добросовестно, неустанно работать над собой. И одним из источников работы над собой является книга. «Каждый учитель должен изучать, исследовать дисциплины, которые относятся к общечеловеческому образованию. Кроме этого должен изучать и те, которые дают ему возможность усовершенствоваться в своей профессии...» [3, 116].

Немецкий педагог считал, что для учителя также очень важно глубоко, отлично знать свой предмет: «образование состоит не из поверхностной широты и разнообразия познаний, а в принципиальной глубине, в основной углубленности в знания...» [3, 117]. Он подчеркивал, что у преподавателя должна быть полная понятность и четкость тех знаний, которые он избрал для обучения и усовершенствования. Поэтому учителю нужно постоянно читать «главные сочинения, главные произведения в данной области!...» [3, 123]. И еще: «Сделай центром твоего чтения предмет или предметы, которые ты преподаешь» [3, 127].

Но, Дистервег понимал, что учителю, как и другому образованному человеку, нельзя жить без прекрасных произведений литературы. «Каждый, кто живет с литературой имеет своих любимых авторов — тех, которые больше всего ему нравятся. К ним, к своим старым друзьям, человек возвращается постоянно. И какая радость, когда при очередном посещении понимает, что сейчас понимает их лучше, что открывает новые, ранее незаметные сокровища» [3, 123].

Через столетие Василий Сухомлинский напишет: «Без книги, без пристрастия к чтению нет учителя. Чтение — это источник мысли и творчества педагога, это сама жизнь. Все педагогические системы идут прахом, если нет необходимости в чтении» [2, 254]. Талантливый педагог говорил, что книга должна быть учителем учителя всю жизнь. Он советовал учителям создавать свои личные библиотечки, которые должны были включать прежде всего литературу по предметам, которые они преподавали, книги по

психологии, художественную литературу. Василий Александрович отмечал: «Источником интеллектуального богатства коллектива является прежде всего индивидуальное чтение учителя. Настоящий педагог — книголюб: таково золотое правило нашего коллектива, ставшее традицией. Атмосфера любви к книге, благоговение перед книгой — в этом заключается сущность школы и педагогического труда» [5, 53]. Сухомлинский советовал учителям помнить, что воспитание — это чуткое и внимательное отношение к сердцу ребенка. А для того, чтобы правильно относились к детям им нужно было много читать и думать. «Чем больше знает учитель, тем легче усваивать его ученикам элементарные знания, тем большим авторитетом и доверием пользуется он среди учащихся и родителей, тем больше к нему, как к источнику знаний, тянутся дети» [5, 55].

Дистервег понимал, что не только школьное образование имеет значение. Очень важно поощрять самостоятельную подготовку детей, их самообразование. «Главная задача обучения подтолкнуть учеников к самостоятельной познавательной деятельности, к наблюдению и мышлению, к умственной самостоятельности» [3, 60]. Необходимо отметить, что под самостоятельностью Дистервег понимает самообразование. И в этом огромную роль играет учитель, его личность. «Самая главная цель учителя — пишет Дистервег — разбудить через обучение общую силу ученика, исполнить ее верными представлениями и мыслями...» [3, 62].

Сходные мысли мы находим и у Сухомлинского. Он отмечает, что учить самовоспитанию трудно, но необходимо, так как главную роль здесь занимает умственный труд. «Воспитание, которое побуждает к самовоспитанию — это и есть, по моему убеждению, настоящее воспитание» [2, 231]. Вопрос о самообразовании и самовоспитании неразрывно связан с интересами учеников, с их активным участием в процессе обучения. Хороший учитель не тот, отмечает Дистервег, который сам много говорит, а тот, который подталкивает говорить своих учеников. Это не всегда легко, особенно молодым учителям, но необходимо для развития мастерства обучения и преподавания. Вредной привычкой является стремление учителя заставлять учеников больше слушать, нежели говорить. Ученики должны уметь устно излагать все, что они выучили. И самое главное — излагать своими словами. А на вопрос, как же разбудить в учениках желание учиться, педагог отвечал, что опять все в руках учителя. Это и его, учителя, мастерство, с которым он занимается своим делом, и тем самым его удовлетворение переходит к его же ученикам, и самое главное, это и когда ученику будет показано, что он «знает и что-то может», что он продвигается вперед, что он знает и умеет.

Те же идеи находим в педагогическом творчестве Сухомлинского. Учитель, по его убеждению, должен развивать в себе чувство доброжелательности к ученикам в любых обстоятельствах. Мастерство учителя — в понимании того, что нет одинаковых детей и, что даже понятие «успехи в учебе» для разных детей разное. «Искусство и мастерство обучения и воспитания состоит в том, чтобы,

раскрыв силы и возможности каждого ребенка, дать ему радость успехов в умственном труде» [4, 437]. А при таком подходе, все ученики идут вперед, и нет ничего страшного, если одни делают это быстрее, а другие — медленнее.

Фридрих Дистервег постоянно подчеркивал, что обучение должно быть увлекательным и интересным. И в этом не последнюю роль играет личность учителя. Личность учителя, его желание преподавать и заниматься с детьми, его живость, его энергия имеют огромное значение в образовании и воспитании. «Настоящее, никогда не исчезающее педагогическое стремление должно основываться на любви к учительской профессии, к работе по развитию детского мира в такой степени, что учителю в большей или меньшей мере будет все равно, что преподавать» [3, 136]. А также: «Старайтесь сделать обучение интересным через свою личность» [3, 258].

Великий украинский педагог Сухомлинский говорил, что первая искорка интереса к знаниям зависит от того, как преподает учитель, какие факты он рассказывает и как объясняет на уроке. Он отмечал, что учитель не должен быть холодным, равнодушным человеком. Учителя должны объединять мудрость и сердечность. Личность учителя должна воздействовать на детей. «Веселого, энергичного, положительного учителя дети любят уже потому, что и они народ веселый, который владеет чувством юмора» [4, 428].

Дистервег понимал, что ученики — дети своих родителей и он советовал учителям присоединяться к родителям в их любви к детям и заботе о них. Он считал, что: «Настоящий учитель является самым лучшим, самым верным другом родителей» [1, 13]. Учитель должен понимать родителей, помогать им в воспитании детей. Иногда помочь, отмечает педагог, разобраться и не быть слепыми в своей любви к детям, иногда простить их незаслуженные обиды, понимая, что все это — следствие любви к детям. Ибо «Нет любви равной родительской» [1, 13].

Большое внимание уделял Василий Сухомлинский и школьно-семейному воспитанию. Он подчеркивал, что нельзя в работе с родителями распределять задания так, чтобы за одно отвечала школа, а за другое — семья. И школа, и семья отвечают за воспитание детей. Так что для успешного воспитания, убеждал он учителей, нужно быть другом семьи, знать все проблемы, радости и горечи своих воспитанников. Своим коллегам он советовал: «Учите родителей искусства воспитания, как самой благородной, самой человеческой, самой творческой профессии, как исполнение высокого общественного долга» [4, 537].

С родителями нужно работать и коллективно, и индивидуально. Работа с родителями — это сложный процесс, который требует от учителей большого такта, эрудиции, разума. «Оптимизм, вера ребенка в свои силы — это крепкая нить, которая связывает школу и семью; это магнит, который притягивает мать и отца в школу» [4, 549].

На фоне всего вышеизложенного вполне естественным кажется факт, что в своих педагогических убеждениях и Дистервег и Сухомлинский рассматривали воспитание без наказаний. Дистервег: «О средствах и мерках наказаний

предпочитаю не говорить. Обыкновенно они бесполезны и ненужны там, где обучение ведется правильно, т. е. соответственно природе ребенка и естества предмета» [3, 283]. У Сухомлинского: «Я твердо убежден, и это не плод книжных умозаключений, а заключение многолетнего труда-абсолютно нормальное воспитание не знает наказаний» [4, 602].

И Дистервег и Сухомлинский неоднократно говорили, что учитель должен всю жизнь заниматься своим самообразованием. И тут, немаловажную роль играет коллектив, коллеги. По этому поводу Дистервег писал об учителях: «Будучи учителем, он продолжает учиться — самостоятельно или вместе с коллегами — в учительских содружествах» [3, 73]. А Сухомлинский подчеркивал, что учитель, особенно начинающий, имеет возможность учиться у своих коллег. И в этом плане ему нужно подходить к своей работе творчески, посещая уроки коллег, сопоставляя и осмысливая их достижения.

Потому, что «усовершенствование педагогического мастерства — это прежде всего самообразование; это личные усилия, направленные на повышение личной культуры и в первую очередь культуры мышления. Без индивидуальной мысли, без любознательного взгляда на собственный труд, немыслима никакая методическая работа» [4, 524].

Проведенная выше параллель между взглядами Дистервега и Сухомлинского о труде учителя, убедительно доказывает, что несмотря на различия эпох, социальные и культурные различия, оба педагога придают очень высокое общественное значение профессии учителя. А главным в этой профессии считают: любовь к детям, любовь к своей профессии, знание науки, на основе которой построен преподаваемый предмет, постоянное самообразование, любовь к книге, знание педагогики и психологии, умение работать с коллегами и умение работать с родителями.

Список литературы:

1. Дистервег Ф.А. Избранные педагогические произведения. В два тома. Том второй. /Ф.А. Дистервег. – София: Народна Просвета, 1970.
2. Сухомлинский В.О. Выбранные творения в пяти томах. Том 5. /В.О. Сухомлинский. – Киев: Радянська Школа, 1977.
3. Дистервег Ф.А. Избранные педагогические произведения. В два тома. Том 1. /Ф.А. Дистервег. – С.: Народна Просвета, 1977.
4. Сухомлинский В.О. Выбранные творения в пяти томах. Том 2. /В.О. Сухомлинский. – Киев: Радянська Школа, 1977.
5. Сухомлинский В.О. Выбранные творения в пяти томах. Том 4. /В.О. Сухомлинский. – Киев: Радянська Школа, 1977.

*Lapitskaja Katherina Vladimirovna,
Minsk State Linguistik University,
postgraduate student, department of pedagogy
E-mail: katarina_lap@mail.ru*

Formation of subject experience of students in educational activity as new vector of educational development

Abstract: The article is devoted to the problem of subject experience of students in educational activity. The author offers his own definition of the term “subject experience”, analysis the role of the subject experience in educational activity, what ensure the way for success of educational activity. The possibilities of students age for formation of subject experience are described. Conditions of formation of subject experience are established.

Keywords: subject experience, formation of subject experience, educational activity, student.

*Ляпицкая Екатерина Владимировна,
Минский государственный лингвистический университет,
аспирант, кафедра педагогики
E-mail: katarina_lap@mail.ru*

Формирование субъектного опыта студентов в образовательной деятельности как новый вектор развития образования

Аннотация: В статье рассматривается проблема исследования субъектного опыта личности в образовательном процессе. Автором предлагается определение понятия «субъектный опыт личности в образовательной деятельности», анализируется роль субъектного опыта, который обеспечивает успешность образовательной деятельности. Описываются возможности студенческого возраста для формирования субъектного опыта личности. Выделены условия актуализации субъектного опыта личности в образовательной деятельности.

Ключевые слова: субъектный опыт, формирование субъектного опыта, образовательная деятельность, студент.

2015 год отмечен для системы образования в Беларуси ключевым событием, а именно, вступлением в Болонский процесс. Это предполагает оптимизацию образовательного процесса в вузах, переход на новую модель обучения, изменение образовательных стандартов, внедрение новых информационных и коммуникационных технологий, снижение количества аудиторных часов и, соответственно, увеличение самостоятельной работы обучающихся.

В этой связи более востребованным становится студент, который отличается активностью и инициативностью, способен самостоятельно организовать учебную деятельность, заинтересован в её результатах и несет за них ответственность, стремится к творчеству, способен к анализу и самоанализу, готов к личностному развитию и самосовершенствованию, достижению поставленных целей. Это представляется возможным лишь при условии сформированного субъектного опыта личности в образовательной деятельности.

Субъектный опыт образовательной деятельности представляет собой осознание индивидом своих возможностей и правил успешного осуществления собственных учебно-познавательных действий. Субъектный опыт является результатом активного участия и овладения личностью деятельности и аккумулирует целевые установки, мотивы, ценностные ориентации, предпочтения, способы и средства осуществления образовательной деятельности, комплекс умений и навыков самостоятельной организации и регуляции образовательной деятельности, навыки конструктивного взаимодействия с другими субъектами, рефлексивные умения, умения и навыки мыслительной деятельности личности [2].

Субъектный опыт как базовый конструкт личности оказывает решающее влияние на деятельность и межличностные отношения, задает смысловые ориентиры и траекторию образовательной деятельности индивида. На основании данного знания индивид способен прогнозировать и организовывать свою деятельность, находить оптимальные средства достижения образовательных целей, устанавливать конструктивное взаимодействие, анализировать свое участие, самостоятельно искать новые способы решения проблем и разрешать возникающие противоречия.

Таким образом, субъектный опыт обеспечивает активность и целенаправленность, подготовленность и успешность личности в образовательной деятельности, способность к самореализации и рефлексии.

Субъектный опыт личности индивидуальный, не может быть передан как знание от личности к личности и приобретается личностью самостоятельно. Личность приобретает субъектный опыт в ходе практической деятельности и межсубъектного взаимодействия, принятия решений, разрешения проблем, переживания своих поступков, саморефлексии.

В процессе формирования опыта субъект открывает свои качества и приобретает новые в учении, осознает

свои возможности, преобразовывает свои установки и жизненные позиции, создает новые смыслы. Данный процесс наиболее активно идет в студенческом возрасте. Студенчество является важным периодом в развитии и становлении личности. В схеме возрастной периодизации данный возраст соответствует поздней юности (2 фазе). В среднем большинство исследователей нижней границей данного возрастного периода определяют 16–17 лет, когда идет первичная социализация. Верхним пределом 24–25 лет, на котором происходит завершение социализации, т. е. усвоение профессиональных, семейных, культурных функций.

Студенты характеризуются направленностью на приобретение знаний, познавательной активностью, широким спектром интересов.

В данный возрастной период личность открывает свой внутренний мир, осознает свои сильные и слабые стороны, начинает объективно себя оценивать, определяет свою роль и получает эмоциональную независимость от других. Характерным становится углубленный анализ своей личности и, как результат, и активная работа над собой, стремление развиваться и самосовершенствоваться.

Процесс формирования субъектного опыта образовательной деятельности предполагает внутреннюю активность личности. С другой стороны, для проявления и формирования субъектного опыта личности образовательная деятельность должна быть организована с учетом ряда принципов.

Основополагающим является опора на авторскую позицию личности и признание ценности и уникальности каждого участника образовательной деятельности как носителя субъектного опыта, признание субъектного опыта в качестве ведущего фактора развития. Основной задачей преподавателя является определить различия и особенности индивидуального опыта каждой личности, раскрыть и учитывать их при организации учебного процесса. Это предполагает изменение роли учителя, который лишь координирует и организует образовательную деятельность, создает условия для развития и сопровождает обучающихся. Важным является создание положительной эмоциональной атмосферы, ситуации взаимного доверия и уважения между всеми участниками образовательного процесса. Преподаватель должен создать такое пространство для личности, где будет возможно совершать индивидуальный выбор, проявлять инициативность и самостоятельность, организовывать различные проекты, брать на себя ответственность. В этой связи, преподаватель должен ознакомить студентов с организацией и спецификой учебной деятельности, способами выполнения различных задач и предоставить возможность самостоятельно выбирать более рациональные способы. Необходимым является использование различных форм и методов, раскрывающих индивидуальные особенности обучающихся, использование проблемных заданий и моделирование учебных ситуаций для формирования индивидуальных смыслов у обучающихся [1; 3].

Необходимым является организовать постоянный анализ субъектами хода и результатов, своего участия других субъектов в образовательной деятельности, осуществленного взаимодействия, способность определить изменения, выявить причины, прогнозировать следствия, оценить эффективность образовательной деятельности.

Таким образом, первоочередной задачей, стоящей сегодня перед вузом, является организация образовательного

процесса таким образом, чтобы он способствовал не только росту образовательного уровня учащихся, но и формированию субъектного опыта, результатом чего является становление и развитие личности студента, реализация потенциально заложенных возможностей, личностные образовательные преобразования, готовность к дальнейшему развитию потенциала, достижение обучающимися установленных образовательных уровней, профессиональное самоопределение.

Список литературы:

1. Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. / Е. В. Бондаревская. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов. пед. ун-та, 2000. – 352 с.
2. Осницкий А. К. Проблемы исследования субъектной активности. / А. К. Осницкий // Вопросы психологии. – 1996. – № 1 – С. 5–19.
3. Якиманская И. С. Личностно-ориентированное обучение в современной школе. – М.: ИЧП «Изд. фирма» «Сентябрь», 1996. – 96 с.

*Fedoseyeva Natalia Viktorovna,
candidate of pedagogic sciences,
associate professor of the chair of general pedagogy,
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Arzamas Branch
E-mail: nataliya.zhulina@yandex.ru*

Methodical aspects of a problem of spiritual and moral education

Abstract: Bases of a goal-setting, feature of a formulation of subject and selection of the content of out-of-class educational actions, conditions of a choice of forms and methods of spiritual and moral education understand article.

Keywords: out-of-class воспитательный action for spiritual moral education, goal-setting, contents, forms, education methods.

*Федосеева Наталия Викторовна,
к. п. н., доцент Арзамасского филиала Нижегородского
государственного университета им. Н. И. Лобачевского
E-mail: nataliya.zhulina@yandex.ru*

Методические аспекты проблемы духовно-нравственного воспитания

Аннотация: в статье разбираются основы целеполагания, особенности формулирования тематики и отбора содержания внеклассных воспитательных мероприятий, условия выбора форм и методов духовно-нравственного воспитания.

Ключевые слова: внеклассное воспитательное мероприятие по духовно-нравственному воспитанию, целеполагание, содержание, формы, методы воспитания.

В силу влияния на воспитание различных факторов, в том числе стихийных, проблемы духовно-нравственного воспитания являются весьма актуальными. Популяризация экстремальных травмоопасных видов спорта в передачах, кинофильмах, компьютерных играх, пропаганда смысла жизни как совокупности острых ощущений, либо как стремления выделиться любой ценой (экстремальные селфи, шоу «Минута славы», «Стань звездой» и т. п.) вызывают у школьников ощущение отсутствия интересного и яркого в их жизни, её незначительности, теряется чувство её реальности.

Вследствие этого, как показывает анализ сводок происшествий в СМИ с участием подростков, а также опросов, проводимых среди студентов младших курсов, основными проблемами, требующими своего решения в период раннего обучения и воспитания ребенка, являются ценность жизни своей и другого, уважительное отношение к человеку вне зависимости от возраста, уважительное отношение к чужому жилью, чужому внутреннему пространству, времени.

В решении задач духовно-нравственного воспитания должны быть объединены усилия как широкой общественности, так и отдельных организаций.

Концепция духовно-нравственного воспитания и развития личности гражданина России [2] и утвержденная в феврале 2015 года Стратегия развития воспитания до 2025 года [11] устанавливают приоритет воспитания в решении задач формирования личности гражданина.

В рамках направления «Образование и воспитание» поддержкой проектов, ориентированных на решение задач духовно-нравственного становления подрастающих поколений занимается и Международный грантовый конкурс «Православная инициатива», который проходит под эгидой Русской Православной церкви по благословению Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла и организацией которого в настоящее время занимается фонд «Со-работничество».

В систему духовно-нравственного воспитания традиционно входят нормы морали и нравственности, категории добра, жизни, свободы, порядочности, служения и т. д. определяемые посредством следующих отношений: к окружающему миру, к людям, к себе, к природе. Они весьма сложно поддаются осмыслению, оценке, возникают проблемы с формированием сознательной деятельности и поведения согласно этим нормам и категориям.

Поэтому вопрос их осознания, методической организации работы со школьниками в данном направлении является одним из важных в воспитательной работе.

Предметы гуманитарного цикла, реализуя воспитательные задачи, обращаются к данной проблематике. Однако, ограничиваться только ими не целесообразно. Необходимо продумывать тематику и методику проведения внеклассных мероприятий, роль которых очень часто недооценивается.

Методика подготовки и проведения внеклассных воспитательных мероприятий в педагогической литературе представлена в работах Л. Н. Седовой, Н. П. Толстоуцких [9]; Н. А. Худяковой [12]; М. И. Рожкова, Л. В. Байдородовой [8]; Н. М. Борытко [1]; В. А. Сланина [10]; В. С. Кукушина [7] и многих других. Специфика организации православного воспитания анализируется в исследовании С. Ю. Дивногогорцевой [3; 4], Л. В. Загрековой, Л. В. Кильяновой [5] и т. д. В них большее внимание уделяется теоретическим основам организации воспитательного процесса, в то время как методические вопросы рассматриваются недостаточно.

В ходе бесед с учителями, анализа интернет ресурсов (социальная сеть работников образования, завуч. инфо, про школу и т. п.) анализа дневников-отчетов (на примере дневников-отчетов Арзамасского филиала ННГУ) по практике (тематическое планирование классного руководителя, технологические карты внеклассных мероприятий) студентов 4–5 курсов, был установлен ряд методических аспектов данной проблемы:

- превалирование учебного процесса (в деятельности педагогов и в деятельности проходящих практику студентов), в том время как тематика мероприятий как у практикующих, так и у будущих

учителей, ограничивается стандартным традиционным набором праздничных и досуговых занятий, либо по предмету;

- скудость либо изобилие материала;
- абстрагированность от ученика в целеполагании;
- ограниченность форм проведения (беседа, чаще рассказ учителя, что с методической точки зрения в среднем звене и старших классах недопустимо и т. п.).

Поэтому необходимо установить особенности формулирования тематики внеклассных мероприятий, специфику целеполагания, определить, каким образом можно обогатить содержание нравственно направленных внеклассных воспитательных мероприятий, и выявить наиболее эффективные формы и методы их проведения.

Методологической основой рассмотрения данных проблем выступает экзистенциальное и материалистическое осмысление категорий добра, времени, смысла жизни, уважения и т. д., в совокупности с их религиозной трактовкой; личностно-ориентированный, деятельностный, подходы к основам и организации воспитательного процесса; праксеологический подход в рассмотрении методической подготовленности педагога как условия успешности профессионально-педагогической деятельности.

Теоретическими основами построения внеклассного воспитательного мероприятия духовно-нравственной направленности выступают общие принципы воспитательного процесса, обусловленные его особенностями, а также методическими принципами его построения. Условно их можно объединить в две группы: содержательные и процессуальные.

Содержательные касаются особенностей отбора и реализации в ходе занятия того материала, который будет рассматриваться на внеклассном занятии:

- принцип многообразной смысловой наполненности содержания (внеклассное воспитательное мероприятие духовно-нравственной направленности должно подвести школьника к пониманию многообразия смыслов рассматриваемых понятий, раздумьям и размышлениям о разных сторонах этих смыслов и их влиянии на человека и его жизнь);
- интегративный характер содержания внеклассного мероприятия (включенность сведений из различных областей знания, единство гуманитарного и естественного знания, возможно присутствие сопряженного с ними религиозного компонента и т. д.);
- принцип диалогости (как «диалога культур», сопоставления сравнения разнообразных точек зрения различных деятелей науки, искусства, культуры, религии).

Процессуальные касаются подготовки и организации внеклассного мероприятия. К ним могут быть отнесены следующие:

- принцип диалогости, полилогости (взаимное общение и обогащение, выбор форм, активизирующих совместную деятельность воспитанников);

- принцип активности каждого в ходе занятия (включение в групповые, парные виды работ, сочетание различных видов деятельности и т. п.);
- принцип камерной атмосферы (позитивной, раскрывающей собеседников с интересных и разных сторон, комфортной для всех);
- принцип завершенности подразумевает смысловую и процессуальную законченность мероприятия как единицы воспитательной деятельности, даже если оно входит в цикл мероприятий близкой тематики и т. д.;
- принцип рефлексивности (оценка всеми субъектами воспитательного процесса того, что происходило на занятии, себя, выработка своего отношения к разбираемому явлению).

Методически грамотно построенное внеклассное воспитательное мероприятие начинается с правильной формулировки темы.

Она должно быть четкой яркой лаконичной и одновременно натапливающей на размышление и стимулирующей к активной познавательной деятельности («Аукцион ценностей», «В защиту добра», «Бильярд жизни», «Пять правил доброжелательного общения», «Глубины времени», «Вкус жизни и вкус к жизни»). Эффективно также использовать крылатые выражения, афоризмы, фразеологизмы и т. п. Например, «Возлюби ближнего своего», «Что посеешь в юности, то пожнешь в зрелости» Г. Ибсена, «Минуты длительны, а годы быстротечны» А. Амьеля, «Быть человеком — это чувствовать свою ответственность» А. Сент-Экзюпери, «Как басня, так и жизнь ценится не за длину, но за содержание» Сенеки и т. д.

Привлекают внимание своей образностью и эмоциональностью стихотворные строки. Так для мероприятия, ориентированного на осмысление школьниками ценности жизни можно взять следующие строки А. С. Пушкина:

*“Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?”*

Формулировка темы задает начало самого внеклассного мероприятия. От её многоаспектности, динамичности может зависеть насыщенность воспитательного занятия. Например, взяв за основу выше обозначенные пушкинские строки, педагог может начать внеклассное мероприятие с проблемного задания: попросить расставить знаки препинания. После каждой фразы данных стихотворных строк могут стоять точка, восклицательный или вопросительный знак, от чего смысл их будет видоизменяться, наводя на размышление о жизни (Дар напрасный? Дар напрасный! Дар случайный! Дар случайный?).

Тема «Глубины времени» требует ассоциаций и аналогий. Почему глубины? Имеет ли время глубину, пределы, или «глубины» есть показатель беспредельности времени? Поэтому также данное занятие можно было бы начать с проблемного вопроса: Что предстало перед вашим мысленным взором, когда вы увидели данную тему?

Данная постановка тематики, обуславливающая активное начало внеклассного занятия удовлетворяет

принципам активного проведения внеклассных воспитательных мероприятий.

Соблюдение методических требований к целеполаганию обуславливает успех проведения мероприятий по духовно-нравственному воспитанию. С одной стороны, это традиционно предъявляемые принципы воспитательного процесса: соответствие возрастным особенностям школьников, специфике коллектива класса, интересам школьников, опора на положительное в ребенке, связь с жизнью. С другой, требования, относящиеся именно к целеполаганию:

- диагностичность подразумевает возможность отслеживания результатов и эффектов воспитания;
- прогнозируемость заключается в предвидении запланированных и возможных, случайных результатов, развития событий, влияния отобранных форм и методов на учащихся, дальнейшее долгосрочное проектирование воспитательной деятельности;
- продуктивность требует от школьников создания в ходе мероприятия чего-либо для них нового (идеи, смысла, кластера и т. п.);
- четкость, краткость, понятность целей и задач для учащихся;
- нацеленность на позитивные изменения эмоционально-волевой и ценностно-ориентационной сферы воспитанников.

Например, цель — показать ученикам значение времени в жизни человека, его ценность и невозможность восполнить его заново является диагностичной скорее с точки зрения профессионально-педагогической деятельности. Педагогу в ходе внеклассного мероприятия достаточно рассказать воспитанникам о времени и его важности в жизни человека и данная цель будет реализована. Она диагностируется по шкале провел — не провел, рассказал — не рассказал со стороны учителя, прослушал — не прослушал со стороны ученика. Но позиция ученика в осмыслении категории и феномена времени остается пассивной.

Целесообразнее было бы определить ориентиры мероприятия так, чтобы акцент был на активную познавательную деятельность воспитанников в ходе занятия, например: осмысление феномена времени, понимание значимости времени в жизни человека, определение его особенностей как регулятора жизни и деятельности людей. Такая постановка целей и задач требует вовлечения школьников в осознание времени как ценности в жизни человека и показателя в проявлении им тех или иных качеств (вежливость — невежливость, ответственность-безответственность, тактичность — бестактность).

Диагностировать их безусловно сложнее, так как недостаточно только проведения внеклассного мероприятия и присутствия учеников. Необходимо установить, какие изменения произошли в воспитанниках, качество и степень новизны полученных представлений, определить меру воздействия на эмоционально-волевою и ценностно-ориентировочную сферы личности. Имеющийся методический

инструментарий: опросники, анкеты различного типа, методика «Недописанный тезис», методика «Ресторан» и т. п., — позволяет успешно произвести измерение наличия и характера изменений.

Процессуально, в ходе мероприятия, наиболее эффективно целеполагание, осуществляемое педагогом совместно со школьниками. Учителю в этом случае необходимо составить систему вопросов, с помощью которых вместе с учениками он обозначит задачи, требующие своего решения на данном занятии (нужно ли нам понимать, что такое время и для чего?, зачем нам определять время?, зачем нужно выстраивать свою деятельность или работу по времени? может ли соблюдение времени быть показателем вежливости и ответственности, тактичности и бестактности? и т. п.).

Эффект внеклассного мероприятия зависит от того, насколько оно заинтересовало, насколько школьники прониклись, то есть от насыщенности. Насыщенность определяется следующими параметрами:

- наличие интересного, близкого школьникам материала;
- соблюдение меры в выборе его объема;
- «позиционное общение», поиск субъектами общения места своей позиции среди других, принятие иных позиций и точек зрения;
- использование в ходе мероприятия четко продуманной системы вопросов (диспут, дебаты, дискуссия и т. д.);
- ситуации высказывания для обучающихся;
- ситуации выбора (игровые, тренинговые и т. п.);
- динамичная смена видов деятельности;
- наличие возможностей для самораскрытия участников.

Существует ряд наиболее распространенных факторов, негативно влияющих на проведение внеклассного мероприятия: избыток сообщаемого материала, который педагогу хочется донести до сознания школьников, и ограничение одним-двумя видами деятельности (послушать, ответить на вопросы фронтальной беседы); скудость материала и при этом стремление внести в него много разных «пустых» заданий. И то и другое вызывает апатию и скуку у школьников и обедняет мероприятие.

Методический аппарат воспитательного процесса позволяет максимально активизировать его участников. Технология развития критического мышления, технология модерации, кейсовые технологии, технологии мастерских, «образ и мысль», технология проектной деятельности и другие успешно применяются не только в учебной деятельности, но и в воспитательной работе, значительно повышая уровень осмысления школьниками тех или иных ценностей и норм.

В ходе воспитательной деятельности успешно могут быть использованы такие приемы как РАФТ, «шляпы мышления» (Э. Боно), «дерево прогнозирования», «синквейн», «зигзаг», «фишбоун», «перекрестная дискуссия» [6], «аквариум», «двухрядный круглый стол», «карусель», «кастрюлька», «годо», «ролевая маска», «непрерывная эстафета мнений», «импровизация на свободную тему», «импровизация на заданную тему», «коррекция позиций», «мизансцена» и т. п. [8]. Например, один из этапов мероприятия «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?» может включать перекрестную дискуссию, основанную на предварительной работе в группах (Таблица 1).

Имея столь широкий методический арсенал, педагоги, особенно молодые, не всегда знают, каким содержанием их можно наполнить и как применить.

Таблица 1. – Пример перекрестной дискуссии

Аргументы за	Вопросы для дискуссии	Аргументы против
Самоутверждение подобным образом позволяет быстро выделиться и даже прославиться. Оно просто интересно и привнесит остроту ощущений.	Согласны ли Вы, что самоутверждение любой ценой (опасное селфи, экстремальный риск и т. п.) самое главное в жизни?	Нет, так как это опасно для жизни. Такими способами самоутверждения должны заниматься профессионалы. Нет, так как существует достаточно много способов проявить себя, которые неопасны, и они могут принести пользу другим людям (волонтерство, помощь окружающим). С помощью такого самоутверждения вряд ли можно прославиться, так как не всем интересны опасные селфи и бесполезные рискованные поступки. Самоутверждение конечно важно для человека, но жизнь значительно шире, в ней много интересного, что может сделать её насыщенной и незабываемой как для себя, своего развития и совершенствования, так и для других.

Могут стать источником обсуждения, индивидуальных размышлений в виде краткого эссе, или служить основой задания «Оставьте за мной последнее слово» или игры «Кастрюлька» эпиграфы («В судьбе нет случайностей; человек скорее создает нежели встречает свою судьбу» Л. Н. Толстого; «Человек подобен дроби, числитель есть

то, что он есть, а знаменатель то, что он о себе думает. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь» Л. Н. Толстого; «Жизнь на десять процентов состоит из того, что вы в ней делаете, а на девяносто — из того, как вы ее принимаете» Сомерсета Моэма; «Только тогда станешь человеком, когда научишься видеть человека в другом» А. Н. Радищева).

Рассуждать на тему эпитафии можно и в процессе групповой и коллективной работы (двухрядный круглый стол, карусель, аквариум, ротационные тройки, дебаты и т. п.).

Стимулируют к мыслительной деятельности и работе ценностного отношения краткие и лаконичные, но эмоционально насыщенные библейские истории, притчи, Жития святых, заповеди (если отражают суть занятия и органично вписываются в него), сказания, саги, поговорки и пословицы, а также фрагменты художественных и документальных фильмов, видеосюжеты (включая религиозную тематику), социальные ролики. Особую воспитательную ценность представляют различного рода ситуации для обсуждения, ролевые, деловые игры, инсценировки и упражнения на закрепление умений и навыков, дилеммы для анализа и установления позиции. По мере их выполнения школьник приходит к каким-либо выводам, оценке.

Неотъемлемой частью мероприятия по духовно-нравственному воспитанию является рефлексия субъектами воспитательного процесса хода и результатов мероприятия. Она позволяет подвести общие итоги, обобщить основную идею, мысль, емко выразить самую суть занятия. Наиболее интересными и эффективными в подведении итога являются смешанные формы рефлексии (образные с графическими, словесные с образными и т. д.), так как позволяют охватить эмоциональные впечатления и отразить ценностное отношение. Хороши такие приемы, как «Ресторан», «Фруктовый сад», «Радуга», «Шкала оценок», «Синквейн» и т. п.

Таким образом, внеклассное воспитательное мероприятие наиболее эффективно в том случае, если педагог, осмысливая все многообразие методического инструментария, творчески подойдет к его проектированию и организации, обращая внимания на все его детали и их роль в воспитании.

Список литературы:

1. Борытко Н. М. Теория и методика воспитания: учебник для студентов пед. вузов / Н. М. Борытко, И. А. Соловцова, А. М. Байбаков; под ред. Н. М. Борытко. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 98 с. (Сер. «Гуманитарная педагогика». Вып. 7).
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного воспитания и развития личности гражданина России. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Frusla.ru%2Frsba%2Fpolitic%2Ffiles%2F5-KDNV.doc&c=55abaf305e8d> (дата обращения: 18.07.2015).
3. Дивногорцева С. Ю. Духовные ценности православной культуры в содержании педагогических знаний. Доклад на секции «Религиозные ценности и современная система образования» XV Международных Рождественских образовательных чтений «Вера и образование: общество, школа, семья в XXI веке». // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://miryanin.narod.ru/duhovnye_cennosti_pравoslavnoj_kultury.html. (дата обращения 09.08.2015).
4. Дивногорцева С. Ю. Место духовно-нравственного воспитания в общей структуре содержания образования. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология, – 2007. – Вып. 3. – С. 21–38. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 1191320226.divnogorzeva.pdf (дата обращения 09.08.2015).
5. Загрекова Л. В., Кильянова Л. В. Православная педагогика. Ч. 1: Общие основы педагогики. Теория и методика воспитания. Хрестоматия: учебное пособие для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям / сост. Л. В. Загрекова, Л. В. Кильянова. – Н. Новгород: НГПУ, 2014. – 622 с.
6. Заир-Бек С. И., Муштавинская И. В. Развитие критического мышления на уроке. – М.: Просвещение, 2011. – 223 с.
7. Кукушин В. С. Теория и методика воспитательной работы: учебное пособие: для студентов педагогических специальностей вузов / В. С. Кукушин. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Феникс: Март, 2010. – 348 с.
8. Рожков М. И., Байбородова Л. В. Теория и методика воспитания: учебник для студентов учреждений высшего профессионального образования. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2012. – 415 с.
9. Седова Л. Н., Толстоуцких Н. П. Теория и методика воспитания. – М.: Высшее образование, 2006. – 206 с.
10. Сластенин В. А. и др. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. А. Сластенин, И. Ф. Исаев, Е. Н. Шиянов; Под ред. В. А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4497422/> (дата обращения 30.07.2015).
11. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации (2015–2025). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.zabedu.ru/InfoBO/wp-content/uploads/sites/15/2014/12/СТРАТЕГИЯ-РАЗВИТИЯ-ВОСПИТАНИЯ.pdf> (дата обращения 15.07.2015).
12. Худякова Н. А. Теория и методика воспитания: учеб. пособие / Н. А. Худякова. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. – 277 с. (Классическое университетское образование). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/2977283/> (дата обращения 30.07.2015).

*Nikova Marina Aleksandrovna,
National Research Nuclear University of MEPhI,
associate professor, department of foreign languages
E-mail: nikmar-5@rambler.ru*

*Lobanova Evdokiya Ivanovna,
Moscow State University of Economics and Informatics,
associate professor, department of foreign languages
E-mail: elobanova@mesi.ru*

*Laskovets Marina Alekseevna,
National Research Nuclear University of MEPhI,
senior teacher, department of foreign languages
E-mail: marina.laskovets@icloud.com*

*Strizhova Ekaterina Valentinovna,
Moscow State University of Economics and Informatics,
senior teacher, department of foreign languages
E-mail: elstrizhova@yandex.ru*

Some efficient ways to motivate non-linguistic students to master foreign languages

Abstract: The current global economy requires individuals to have communication competency, socio-cultural knowledge and ability to apply understanding to real world problem solving. Preparing students for global society to become “global citizens who preserve the variety and vitality of life” is becoming a significant part of education and pressure educators and educational leaders to change learning environments and methods — one of them is using different role and business plays.

Keywords: communication competency, communicative skills, socio-cultural knowledge, cross-cultural communication, business language, role and business plays.

*Никова Марина Александровна,
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ,
доцент, кафедра иностранных языков
E-mail: nikmar-5@rambler.ru*

*Лобанова Евдокия Ивановна,
Московский государственный университет экономики, статистики
и информатики, доцент, кафедра иностранных языков
E-mail: elobanova@mesi.ru*

*Ласковец Марина Алексеевна,
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ,
старший преподаватель, кафедра иностранных языков
E-mail: marina.laskovets@icloud.com*

*Стрижова Екатерина Валентиновна,
Московский государственный университет экономики, статистики
и информатики, старший преподаватель, кафедра иностранных языков
E-mail: elstrizhova@yandex.ru*

Эффективные способы повышения интереса у студентов не лингвистических вузов к изучению иностранных языков

Аннотация: Новые реалии в мире сегодня равно как и социально-экономические изменения в России и в мире, расширение международного сотрудничества и международных контактов требуют свободного владения

иностранным языком и, как следствие, новых педагогических технологий. Комплекс приемов коммуникативной методики, в частности, использование ролевых и деловых игр, ориентирован на развитие не только языковых компетенций студентов, но также креативности и общего кругозора учащихся, опираясь на страноведческий аспект, знания культурных особенностей страны.

Ключевые слова: деловые и ролевые игры, коммуникативные навыки, кросскультурная коммуникация, социокультурные знания, профессионально направленное обучение, языковая компетенция.

В последние годы коммуникативный подход в обучении иностранному языку стал популярен в обучении такому аспекту языка, как деловой английский язык.

Процесс глобализации вызвал небывалый интерес к овладению иностранным языком не только как средству общения, но и как орудию производства. Поскольку сегодня язык — «не только словарный запас, но и способ человека выразить себя, также служит для целей коммуникации и помогает выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире», то именно коммуникативная методика преподавания английского языка занимает в настоящее время высшую строку в рейтинге популярности как наиболее прогрессивная и результативная [1].

В процессе профессионально ориентированного обучения в вузе иностранный язык выступает и как средство коммуникации, и как средство познания, и как значимая ценность в плане достижения профессиональных целей в будущем. Исходя из этого, следует, что обучение иностранным языкам в неязыковом вузе должно быть профессионально ориентированным и направленным на подготовку студентов к реальному профессиональному общению.

Содержание обучения при профессионально направленном характере предполагает формирование языковой компетенции обучающихся. В зависимости от того, к какой сфере человеческой деятельности относится та или иная информация, языковые средства ее выражения приобретают большую или меньшую специфичность, образуя подязыки отраслей наук, профессий и т. д. Следовательно, наряду с общей языковой компетенцией специалист должен обладать и профессионально-языковой компетенцией, которую можно определить как профессионально значимое качество специалиста, характеризующее комплексом знаний, умений и навыков, обеспечивающих ему возможность воспринимать и порождать сообщения (тексты), содержащие информацию, относящуюся к его профессии.

Формирование англоязычной коммуникативной компетенции у студентов, другими словами — профессионально ориентированное обучение иностранному языку как средству коммуникации опирается на изучение коммуникативных потребностей учащихся, связанных с их будущей специальностью. Учебный процесс, в этом случае, направлен на формирование и развитие у учащихся умений достигать коммуникативных целей в следующих актуальных ситуациях общения: собеседование при приеме на работу; заполнение анкет; написание деловых писем; реферирование научных статей; проведение презентаций и др. Способность студента адекватно выполнять такие социокоммуникативные роли, как участник семинара, канди-

дат на вакантную должность, специалист, выступающий с докладом, обсуждающий различные точки зрения, взгляды и др., проверяется на практических занятиях.

Итак, принцип коммуникативной направленности подразумевает вовлечение студентов в процесс обучения, базирующегося на четырех «китах», на которых строится любой языковой тренинг: чтение, письмо, говорение и восприятие речи на слух. Как известно, устная речь любого человека довольно сильно отличается от письменной речи. Те, кто хочет быть профессионалом в конкретной области, регулярно читают публикации по своей тематике в иностранных изданиях, легко ориентируясь в тексте, но поддерживать беседу с иностранным коллегой на ту же тему им стоит колоссальных усилий. Поэтому коммуникативный метод призван снять страх перед общением и обеспечивает не только контакт с преподавателем, но и общение внутри группы студентов, что дает возможность обмена мнением, выражения чувств, активного включения в реальную деятельность [2].

Для обучения устному общению необходимо реализовать следующие компоненты: мотив, цель, средство, условие. Создать мотив — значит поставить обучающихся в такие условия, чтобы у них появилась необходимость, потребность, желание включиться в общение на английском языке. Для этого должна быть цель: что-то узнать, что-то сообщить, кого-то побудить к действию, реакции. Для достижения коммуникативной цели нужны средства в виде слов, словосочетаний, грамматических структур, которые и помогут ее реализовать. И, наконец, следующим компонентом являются условия, в которых проходит коммуникация. С этой целью, преподавателю следует создавать ситуации общения, т. е. игры. Суть ролевых и деловых игр состоит в том, чтобы моделировать фрагмент объективной действительности на базе заданного сценария. Целью любой игры является эффективное соединение теоретических знаний студентов с их практическим применением в определенной поведенческой ситуации.

Деловые игры и ситуации, направленные на то, чтобы развитие навыков делового общения на иностранном языке осуществлялось в непринужденной форме, делают процесс обучения интересным и неформальным. При этом, необходимо отметить, в ходе решения проблемных задач осуществляется непроизвольное запоминание лексических средств и грамматических структур, создаются условия для свободы выражения мысли и осмысления воспринимаемого. Кроме того, игра обеспечивает максимальное эмоциональное вовлечение участников в события, приучает к коллективным действиям, принятию как само-

стоятельных, так и скоординированных решений, повышает способность руководить и подчиняться, стимулирует практические навыки, развивает воображение и интуицию. Главное в игре — стимулировать у студентов желание говорить на языке, проявляя свое активное участие.

Деловая игра предполагает три этапа:

- 1) подготовительный — этот этап проводится на практических занятиях, предшествующих игре;
- 2) исполнительный — проведение самой игры;
- 3) итоговый — последующее обсуждение в группе и домашнее задание творческого характера.

Достоинством деловых игр является значительное сокращение времени накопления опыта, знания усваиваются не про запас, не для будущего времени, а для обеспечения непосредственных игровых успехов обучающихся в реальном для них процессе. Одни игры разрабатываются с целью обучения конкретной лексике и точности формулировок, другие игры дают студентам возможность нарабатывать скорость в общении и не придерживаться языковых клише. В любом случае, все игры воссоздают дух подлинных ситуаций в бизнесе и могут служить тренировкой перед реальными коммуникациями на будущей работе [3].

Так, к примеру, для закрепления пройденной по учебнику темы “Advertising” можно провести со студентами игру, суть которой сводится к следующему: каждый из участников делает короткую устную презентацию какого-либо продукта, пытаясь убедить других ребят, в данном случае играющих роль потенциальных клиентов, купить его. Последние после презентации задают уточняющие вопросы. Можно провести игру по-другому на ту же тему. Группа делится на две подгруппы — одна выступает от лица какой-нибудь фирмы, желающей провести рекламную кампанию, а другая — представляет некое рекламное агентство. Представители фирмы и агентства объединяются в пары и начинают вести диалог, конечной целью которого является заключение контракта.

Интересные игры можно провести по темам “Applying for a job”, “Starting up your own business”, “Setting up a branch”, “Working routine”, “Banking. Making a loan” и т. д.

Поскольку в последнее время все большее внимание уделяется вопросам социальной ответственности и этики бизнеса, то еще одним плюсом в пользу деловых игр

является то, что они способствуют не только обучению, но так же и воспитанию. В данном случае игры помогают студентам в непринужденной обстановке попытаться найти ответы на различные серьезные вопросы, типа:

- 1) Каким образом концепция социальной ответственности может способствовать решению как насущной проблемы окружающей среды (загрязнению атмосферы, парникового эффекта), так и проблемы взаимоотношений компании со своими клиентами, работниками и инвесторами?
- 2) Какие шаги необходимо предпринять компании, чтобы осуществить программу социальной ответственности?
- 3) Каким образом вопросы социальной ответственности и этики бизнеса могут оказать влияние на работу малых предприятий?
- 4) Какие основные факторы необходимо учитывать при принятии любого решения по вопросам этики бизнеса?

Итак, с помощью деловых игр, в том числе игр по деловой этике и социальной ответственности предприятия, можно решать сразу несколько задач: закрепление лексического материала; активизация пассивного словарного запаса; тренировка иностранной речи в ситуации, приближенной к реальной; воспитание активной жизненной позиции; привитие норм морали и этики и др.

Важно еще раз отметить, что во время проведения деловых игр, студенты с удовольствием овладевают знаниями, поскольку это происходит в результате их творческой работы в непринужденной обстановке, что, несомненно, создает условия для развития личности.

Таким образом, в процессе подобного (ориентированного) обучения достигается не только формирование у студентов определенного комплекса знаний о языке, но и навыки и умения использования данных знаний в процессе коммуникации. Практика показывает, что интерес к предмету возрастает только тогда, когда он практически значим, когда студенты ясно и четко представляют перспективы использования полученных знаний, когда целью обучения становятся полезные навыки и умения, которые в будущем будут экономически ценны и, следовательно, повысят личную конкурентноспособность и шансы на успех в бизнесе, науке или любой другой деятельности.

Список литературы:

1. Технологии формирования профессионально ориентированных компетенций студента неязыкового вуза через обучение иностранному языку. Сборник научных трудов преподавателей кафедры профессиональных иностранных языков. Выпуск 1. – Издательский дом «АТ и СО», 2011.
2. Гез Н. Н., Фролова Г. М. История зарубежной методики преподавания иностранных языков. /Н. Н. Гез, Г. М. Фролова. – М., 2008.
3. Куликова О. В. Учебник английского языка для экономистов-международников. /О. В. Куликова. – М.: ГИС, 2003.

Section 5. Political science

*Dobi (Peshkepia) Irna,
PhD. cand. at European University of Tirana,
in International Law
E-mail: peshkepiaina@yahoo.com*

The essential impact of EU and other international organizations on the democratization process for Albania

Abstract: Number of international organizations (IO) like NATO, OSCE, COUNCIL OF EUROPE, and EU play directly an essential role on Western Balkans democratization process. However, the requirements in the Balkan are not in the same level and seem that the EU doesn't require the same standards from Albania. On this point of view the question consist on the effects of conditionality on democratization. The objective is to analyze the main actors' interests and the relationship between Europeanization and democratization, by focusing on Albania. The article is based on empirical study gathered by literature and the opinions by EU experts and analyst.

At the national level Albania is under the pressure to satisfy the imposed conditionality issues. The democratization process regard, key reforms addressing on institutional reforms, and the way how to implement. This explains the reason why the EU norms are difficult to implement and on the other hand seems to give more influence by international actors to realize the democracy standards on Albania. International actors and concretely the EU is tried to implement in Albania a model of democratization through membership conditionality and institutional democratization between institutional actors.

Keywords: European Union, institutionalization, democratization, international organization.

Introduction

Albania integration within the EU is an important political and strategic issue. The connection between Albania and EU members remains important. Therefore, the construction of a solid democratization by EU remains the main objective of the integration process in its Enlargement strategy.

In addition, the democratization of Albania is an essential objective of the integration process. Indeed the Europeanization process is partly dedicated to this goal, as confirmed by Enlargements strategy documents, which assert this issue: human rights, liberal democracy and the rule of law are the fundamental rules of legitimate statehood in the European Union. They are the core conditions that states have to fulfill before they are allowed to enter into accession negotiations and are expected to adopt the specific rules of the acquit communautaire. Political conditionality is the core strategy of the EU to promote these fundamental rules [1]. The process of democratization and Europeanization are connected deeply and depend on each other. Albanian democratization process is one of the most difficult processes as reason of lack of EU implementation. The EU influence of the democratization process, by the means of Europeanization in international domain is simply the nation-state level democracy in Albania.

First, article focuses on the influence of EU and domestic actors on the democratization process in Albania address

the effectiveness of democratization. Second, the process of democratization and Europeanization will analyze separately, because of the reason that the domestic and international actors do not share the same role in even if the democratization process started before Europeanization. Meanwhile the democratization is required as part of EU integration and is referred as the consolidation of democracy, the stability of democratic institutions and the rule of law. Referring to the Christian Welzel theory of democratization, which consist on: "Democratization can be understood in three different ways. For one, it is the introduction of democracy in a non-democratic regime. Next, democratization can be understood as the deepening of the democratic qualities of given democracies. Finally, democratization involves the question of the survival of democracy. Technically speaking, the emergence, the deepening and the survival of democracy are strictly distinct aspects of democratization" [2]. According to the definition of Geoffrey Pridham: "Democratization is seen as the overall process of regime change from beginning to end, including both stages of what are generally called in the comparative literature transition to a liberal or constitutional democracy and its subsequent consolidation" [3; 4]. Finally it seems that Albania current situation does not fulfilled democratic standards even if EU pressure through conditionality to achieve good governance, public administration functioning still continue to be priority.

• The impact of International Organizations on Albanian democratization process

The International actors are influencing the domestic transition. The empirical studies provide some clarification on the role of the international organizations in the democratic process and analyze the EU role in Albania. According to the empirical studies the analyze focus on the international organizations involved in Albania. These organizations through diplomatic and economic pressure influence to the domestic forces to pass from autocratic regime to liberalize. The consolidation of democracy is an essential precondition for EU integration.

From international observers following that the criteria decided by the EU for Albania integration were very low and still not fulfilled. The level of democracy is low compared with the member states. The main priority of democracy is to meet the EU rules.

For the OSCE official opinion in Albania concerning for a non consolidation democracy in Albania as following that the dangerous exist when the country accept all the acquits communautaire without implementing it, which will become a main problem. Albania integration issue should remain to meet the EU conditionality non compliance of these standards can cause the state collapse. Hence the consolidation of Albanian democracy remains the main objective of the EU. The EU plays its role in the context of democratization through the process of Europeanization. I will analyze now the impact of this process and the interactions between the Albanian political actors and EU. From this point of view the question mention is the Europeanization process through the conditionality the way for a better democratization?

Here we focus on the definition developed by Schimmelfennig and Sedelmeier about democracy and institutions in which states adopt EU rules. By analyzing rule adoption, we focus on the Institutionalization of EU rules at the domestic level — for instance, the transposition of EU law into domestic law, the restructuring of domestic institutions according to the EU rules; or the change of domestic political practices according to EU standards [5].

Furthermore the author's focuses on the institutionalization theories were exist three different forms of rule adoption: The formal conception of norms: the EU norms are transposed into legislation, the institutions and the procedures are in line with EU rules.

Hence institutionalism theories allow us to better understand the reality of Europeanization arguing through these approaches.

The conditionality policy pursued by EU has great influenced and continues to influence the country's democratization. The EU doesn't seem to use the leverage of conditionality with as much pressure as it could do. Empirical studies with the institutional impact would be a great contribution to understand better the Europeanization process in Albania.

• Conditions and Mechanisms of EU for Albanian democratization

The main aim of EU conditions for a successful democratization is the institutional actors. EU multi-level systems identified by different organizations are mostly like to compensate the "demo's deficit" and to participate in a transnational public sphere.

EU democratization result under main conditions:

1. efficiency-driven integration generates a democratic deficit;
2. negatively affected but weak institutional actors refer to the EU's liberal democratic values and norms to undermine the legitimacy of efficiency-driven integration.

I will illustrate how this mechanism worked for democratization first to meet the democratic conditionality, second how the institutions decision-making.

Each case represents the historic episode were subsequently further institutionalized and elaborated. I seek to demonstrate the core elements of the democratization mechanism theoretically outlined above: how efficiency-oriented steps of further integration and how formally weak institutions influenced by institutional actors are successful bringing democratization.

First, step member conditionality consist for the aspirate country to being "European state" the new efficiency-oriented how the country to respond the democratic conditions of EU multi level system. The reason that the EU composed of democratic welfare states has a triple effect on democratization on Albanian process. Second, the efficiency- oriented reallocation of political competences from Albania state to the EU level and in favor of executive and agencies tends to devalue traditional democratic institutions and processes.

Finally the liberal democracy is the standard legitimate authority in the EU and thus provides powerful normative norms that candidate countries should fulfilled. In an international organization shared norms of liberal democracy in the way to increase the implementation of conditions of national actors. In this sense the original or better democracy, represent a stable institutional structure of its mechanisms and institutions.

I will illustrate through a table to understand better the process of democratization and EU conditionality proposed for Albania.

As mentioned above, I am illustrating the mechanism and conditions oriented by EU and international organizations for a successful process of democratization of nation state and the further elaboration and institutionalization of these norms.

Conclusion

The research should seek to establish to what aim a good democracy through conditionality has. However, the EU experience could be implemented to the candidate states which aspire to become its member. The fulfillment of criteria through the member conditionality is a new challenge for Albania to achieve a liberal democracy.

Regarding other regional organizations they propose no need to compensate the loss of democratic autonomy and competences at the national level by democratizing the supranational level.

Through analyze have seen that Europeanization not necessarily means democratization which means a relevant example regarding the Albanian progress. The conditionality policy pursued by the EU has great influence on different national reforms, for instance mention the institutions democratic process effective and the law implementation.

References:

1. Schimmelfenning F. & Sedelmeier U. The Europeanization of Central and Eastern Europe. – Cornell University Press, 2005. – P. 29–256.
2. Harpfer C. W., Bernhagen P., Inglehart R. F. & Welzel C. Democratization. – Oxford University Press, 2009. – P. 74–90.
3. Pridham G. The dynamics of democratization: a comparative approach. – London and NY: Continuum, 2000. – 348 p.
4. Pridham G., Herring E. & Sanford G. Building democracy: The international dimension of democratization in Eastern Europe. – Leicester University Press, 1997. – 216 p.
5. Schimmelfenning F. The normative origins of democracy in the European Union: Towards a transformationalist Theory of Democratization, National Center of Competences Research: Challenges to Democracy in the 21st Century. – Working Paper No. 39. – 2009. – P. 2–11.

*Kozak Tamara Nikolayevna,
Lviv National University, Associate professor,
the faculty of International Relations
E-mail: palm1330@ukr.net*

The role of NATO in the spread of English as the language of international communication

Abstract: The article elucidates the role and significance of NATO activity in the process of global spread of English as the means of international communication. It highlights the methods and directions of the Alliance activities aimed at the establishment of global importance of the use of English in the field of international relations.

Keywords: English, international communication, globalization, NATO, military cooperation.

*Козак Тамара Николаевна,
Львовский национальный университет,
доцент, факультет международных отношений
E-mail: palm1330@ukr.net*

Роль НАТО в процессе распространения английского языка как средства международного общения

Аннотация: Освещается роль и значение деятельности НАТО в процессе мирового распространения английского языка в качестве средства международной коммуникации. Освещены формы, методы и направления деятельности Альянса, направленной на утверждение мирового значения использования английского языка в сфере международных отношений.

Ключевые слова: английский, международная связь, глобализация, НАТО, военное сотрудничество.

Глобализация мировых процессов, динамичное развитие политических, экономических и культурных взаимоотношений между странами требуют совершенствования средств общения народов и государств. Это касается

необходимости формирования единого языка международной коммуникации, способного создать наиболее оптимальные условия для общения представителей различных народов. Утверждение такого языка в сфере международных

отношений уравнило бы лингвистические права всех народов в области доступности для них передовых технологий и научных знаний.

Однако определение какого-либо конкретного мирового языка в качестве средства интернациональной коммуникации составляет важную проблему, решение которой содержит хотя и скрытый, но значительный конфликтный потенциал. В международном лингвистическом пространстве происходит конкурентное противостояние различных мировых языков (английского, французского, немецкого, испанского, арабского), каждый из которых претендует на роль средства интернациональной коммуникации, поскольку доминирует в определенном секторе этого пространства.

Однако мало сомнений вызывает то обстоятельство, что наиболее аргументированными претензиями на статус глобального языка мирового общения обладает именно английский, который фактически уже сейчас является таковым. Причем он занимает доминирующее положение не только в политической или экономической сферах: преимущественно именно на английском языке осуществляются планетарные лингвистические связи в области науки и техники, в торговле и банковском деле; очень велико его значение и в сфере совершенствования систем образования и культурного обмена.

Как писал по этому поводу известный эксперт в области языкознания Д. Кристал, «международный английский язык — это политическая и культурная реальность... Английский — это на самом деле язык международного общения... Потребность в едином языке международного общения особенно ощущается в научных и деловых кругах. Такой язык совершенно необходим в учебных аудиториях, залах заседаний, а также в ходе многочисленных повседневных зарубежных встреч» [1; 9; 15].

Аналогичного мнения о роли английского языка в современном мире придерживаются и многие украинские лингвисты. Так, доктор Н. Микитенко и его коллега А. Котловский пишут: «Английский язык выполняет сегодня роль языка международной коммуникации во всех сферах жизнедеятельности, ведь стремительное развитие международных отношений требует скоординированного сотрудничества» [2, 262].

Для планетарного утверждения английского в статусе языка международного общения существует целый ряд веских причин, которые носят исторический, геополитический, политический, экономический, научный и культурный характер. В современных условиях мирового развития англоязычные страны (в первую очередь — США) доминируют во всех сферах международных отношений — в политике, экономике, торговле, науке [7, 15–22]. Поэтому распространение английского языка в мировом лингвистическом пространстве является не только свидетельством, но и инструментом установления такого доминирования. Однако оно выступает и как средство приобщения народов к достижениям современной людской цивилизации.

Поэтому многие страны и народы признают приоритетное положение английского языка в мировом лингвистическом контексте. Они осознают тот факт, что без владения английским языком невозможно их эффективное вхождение в систему мировых отношений, а в современных условиях без интеграции в эту систему крайне затруднительно достичь успешного экономического развития. Так, сегодня в мире существует около 75 стран, в которых английский язык занимает доминирующее положение (в некоторых государствах он является государственным наряду с национальными языками). Д. Кристал указывает, что ныне на нашей планете более полумиллиарда людей владеют английским языком (хотя автор и подчеркивает, что сейчас не существует единого достоверного источника статистической информации об общем числе людей, говорящих на английском языке [1, 98]). Причем количество людей, стремящихся овладеть этим языком, стремительно возрастает во всем мире. Это стремление опирается на мощную мотивацию: по словам английской исследовательницы Энн Джонсон, «знание английского языка является инструментом развития и прогресса... Почти миллиард людей во всем мире изучают язык, надеясь, что языковые навыки будут содействовать повышению их зарплаты и приведут их к лучшей работе» [11; 2; 3].

Особо следует подчеркнуть тот факт, что английский язык является официальным или рабочим языком многих международных организаций. Прежде всего, это касается ООН, включая более 50-ти различных структур, входящих в эту организацию. Функционирование английского языка в качестве средства международного общения в деятельности структур ООН имеет огромное значение, поскольку в рамках этой организации происходит наиболее значимая коммуникация представителей различных стран и народов.

Неоценимой является роль английского языка в деятельности Европейского Союза (ЕС), Британского Содружества, Совета Европы, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и Организации Северо-Атлантического договора (НАТО). По подсчетам Д. Кристала, английский язык в качестве рабочего используют более 85 % международных организаций [1, 76].

В странах Евросоюза официально провозглашен принцип мультилингвизма, который формально признает равенство языков всех народов, чьи государства являются полноправными членами ЕС (в настоящий момент в нем насчитывается 23 официальных языка [10, 153]). Однако соблюдение принципа мультилингвизма создает неоднозначную ситуацию в лингвистическом пространстве Евросоюза, которая требует перевода всех документов ЕС на многие языки, что снижает оперативность принятия важных решений. Отметим, что Европейская Комиссия выполняет большое число административно-управленческих обязанностей: регулирование деятельности общего рынка, формирование сельскохозяйственной политики, различных программ и т.д. Поэтому неформально английский язык занимает

доминирующее положение в сфере деловой коммуникации в структурах ЕС. Так, по словам Т. П. Смирновой, «вся деятельность вспомогательных служб — секретариатов, групп референтов и т. п. — осуществляется только на английском языке» [10, 154]. В частности, именно на английском языке осуществляется общение в Еврокорпусе — межправительственном органе военного сотрудничества в рамках ЕС, который координирует свою деятельность со структурами НАТО. Сотрудничество стран в военно-оборонной сфере, координация действий военнослужащих национальных армий требует выбора лингвистических средств международной коммуникации.

Особо следует остановиться на роли и подчеркнуть значение НАТО в утверждении статуса английского языка как средства международного общения. Именно этот язык является тем лингвистическим фактором, который способствует усилению сотрудничества военнослужащих стран, входящих в состав Альянса, и повышения его международного влияния во всем мире. В последние десятилетия именно НАТО выступало действенным фактором реализации требований мирового сообщества касательно сдерживания различного рода угроз для планетарной политической стабильности.

Организация НАТО была создана по инициативе США в апреле 1949 года с целью создания и воплощения в жизнь общей системы безопасности от потенциальных угроз. В случае же реального возникновения таких угроз, предусматривались совместные действия вооруженных сил всех стран-участниц НАТО. Такое требование актуализировало вопрос об использовании языка общения военнослужащих стран НАТО.

Не следует забывать и о том обстоятельстве, что из 12 первоначальных стран-членов НАТО 3 наиболее мощных государств (Великобритания, Канада и США) населены преимущественно англоговорящими народами. Как писал Д. Кристал, «одна из главных причин, по которой язык приобретает международный статус — политическое могущество говорящих на нем народов и особенно их военная мощь» [1, 24]. Поэтому английскому языку был официально предоставлен приоритетный статус языка международной коммуникации всех военнослужащих Альянса (наряду с французским языком).

Распространению английского языка способствовало и то обстоятельство, что именно американские и английские войска сыграли решающую роль в освобождении стран Западной Европы от гитлеровской оккупации в годы второй мировой войны. В дальнейшем их присутствие на территории освобожденных стран способствовало распространению английского языка среди населения. Одновременно США и Великобритания прилагали целенаправленные усилия для популяризации и распространения английского языка на освобожденных территориях: ведь их населению для общения с американцами и англичанами были необходимы хотя бы минимальные знания этого языка. Проблема общения с населением стран Европы приобрела особую

остроту и для военнослужащих США. В связи с этим была разработана методология обучения иностранным языкам военнослужащих, которая в дальнейшем была применена для обучения в школах и колледжах [9, 4–5].

Поэтому еще до образования НАТО в Западной Европе были созданы определённые предпосылки для целенаправленного распространения на её территории английского языка в качестве средства межнационального общения. Этому способствовало и наличие на территории некоторых западноевропейских стран военных баз США и Великобритании.

Начиная с 1950-х годов, английский язык постепенно занимает лидирующие позиции и в мировом лингвистическом пространстве (прежде всего — за счет усиления влияния США во всем мире). Альянс, который активно участвовал в процессе мирового продвижения английского языка, не испытывал особых проблем в области языкового взаимодействия своих военнослужащих. Однако ситуация резко изменилась в начале 1990-х годов, когда началось существенное расширение НАТО за счет включения в его состав стран Центральной и Восточной Европы, что привело к значительному обострению проблемы мультилингвизма в Альянсе. Возрастающая культурная, лингвистическая и национально-психологическая неоднородность в пределах международных военных организаций (включая НАТО) создает дополнительные трудности в общении военнослужащих. Поэтому проблема языкового общения военнослужащих в НАТО приобретает все большую актуальность. В связи с этим было разработано и внедрено Соглашение о стандартизации НАТО (так называемое «СТАНАГ»), которое определяло объём, уровень и формы владения английским языком военнослужащими национальных армий, входящих в структуры Альянса. В рамках реализации проекта «СТАНАГ» в англоязычных странах создаются разнообразные курсы обучения военнослужащих НАТО и участников миротворческих операций ООН. Так, в Великобритании во многих университетах начали действовать курсы по обучению военнослужащих НАТО специфическому «военному английскому языку» (так называемому *Military English*). Однако сама семантика этого понятия нуждается в уточнении, поскольку «военный английский» существенно отличается от академической версии этого языка.

Специалист в области языковой подготовки военнослужащих М. Кроссей пишет, что после окончания холодной войны изучение английского языка в вооруженных силах стран, входящих в состав НАТО, приобретает чрезвычайную важность. Это обусловлено, с одной стороны, постоянно возрастающим количеством миротворческих операций, проводимых силами Альянса. А с другой стороны, значение английского языка определяется расширением партнерства НАТО с другими странами. Поэтому «изучение языка должно представлять интерес для НАТО в целом, поскольку языковая совместимость важна для обеспечения того, чтобы страны могли эффективно принимать участие в ... миссиях НАТО» [4, 9].

Особое значение английский язык в сфере отношений в НАТО приобрело после того, как число членов этой организации возросло до 28 стран. Причем многие из этих стран в прошлом были либо членами организации Варшавского договора, либо входили в состав Советского Союза. Поэтому военнослужащие в этих государствах либо очень слабо владели английским языком, либо вообще его не знали. Как пишет М. Кроссей, «в то время, как солдаты во всех союзных вооруженных силах имели выгоду от изучения языка, такая необходимость была особенно острой в странах бывшего Варшавского договора, где исторически люди и солдаты не обладали такими же возможностями, чтобы учиться и практиковать английский язык, как в Западной Европе» [4, 8]. Исходя из этого факта, руководство НАТО рассматривает обучение офицеров и солдат этих стран английскому языку в качестве своей важной стратегической задачи. Как пишет Маршалл Р. Зингер, «изучение языка (английского — Т.К.) рассматривалось как имеющее наибольшее значение для интеграции в НАТО для всех присоединившихся стран и, соответственно, как одно из приоритетных заданий... Большинство международных исследований в области военного обучения иностранным языкам была сосредоточена на процессе вступления в НАТО и вовлечения стран в программу «Партнерство ради мира»» [3, 17].

Совершенно очевидно, что без знания английского языка военнослужащие армий недавно присоединившихся к НАТО стран не смогут активно участвовать в практической деятельности Альянса. Поэтому руководство НАТО, понимая важность формирования оптимальных условий для совершенствования языкового взаимодействия солдат и офицеров Альянса, постоянно уделяет внимание обучению военнослужащих английскому языку. С этой целью в США (в г. Сан-Антонио в Техасе) был создан Центр английского языка Института оборонных языков (Defense Language Institute English Language Center) — DLIELC (сейчас в нем могут проходить подготовку одновременно 475 офицеров и 276 рядовых). Причем используются самые передовые методики языкового обучения. Так, командир DLIELC полковник Д. Ди Пьеро пишет, что «студенты должны принимать активное участие, а не просто сидеть, сложив руки, и узнавать о английском языке» [5, 102].

С целью расширения языкового взаимодействия солдат и офицеров руководство НАТО начало создавать центры по обучению английскому языку на территории стран, недавно вступивших в Альянс, или планирующих стать его членами. Так, изучение английского языка как средства международной коммуникации было организовано в Балтийском колледже обороны в Тарту (Эстония), в польской военно-морской академии в Гдыне (Польша).

Особое значение английский язык приобрел в ходе миротворческих операций на территории бывшей Югославии. Так, для военнослужащих Боснии и Герцеговины в 2008 году была разработана и задействована программа языковой подготовки, в соответствии с которой

в 6 провинциях этого государства созданы центры обучения английскому языку.

В этих центрах обучение военнослужащих осуществлялось от элементарного уровня до уровня владения английским языком в совершенстве. В 2009 году на этих курсах языковую подготовку прошли более 700 боснийских офицеров. В 2008 году был разработан «курс англо-военной терминологии», предназначенный для военнослужащих, которые в перспективе будут принимать участие в миротворческих операциях.

Большую роль в распространении английского языка как средства межнационального общения играют многочисленные миротворческие миссии, осуществляемые силами НАТО и их союзников, не входящих в состав Альянса. Во время проведения миротворческих операций наиболее остро проявляется потребность в оперативном языковом взаимодействии военнослужащих различных государств, входящих в Альянс. М. Кроссей пишет: «Потребность в эффективной коммуникации является особенно острой в операциях по поддержанию мира, где языковое непонимание может привести к ошибкам, которые могли бы, в худшем случае, привести к жертвам» [4, 11].

Именно во время проведения миротворческих операций войсками НАТО особо ярко проявляются трудности, связанные с использованием в общении военнослужащих английского языка. Прежде всего, это касается произношения английских слов и фраз военнослужащими НАТО, для которых этот язык не является родным. Поэтому весьма часто их речь находится под значительным фонетическим влиянием их родных языков, что, прежде всего, характеризуется сильным акцентом. Они говорят на собственной версии английского языка, формирующейся под влиянием их родной речи. Поэтому англоговорящие коллеги часто не понимают их. М. Кроссей пишет, что военнослужащие НАТО из Центральной и Восточной Европы «редко признают, что общим рабочим языком в операциях по поддержанию мира является международный английский язык, в отличие от их собственной версии этого языка» [4, 11]. Это может быть объяснено тем, что национальная лингвистическая среда деятельности военнослужащих из стран Центральной и Восточной Европы существенно отличается от англоязычной среды.

Руководство НАТО заинтересовано в том, чтобы военнослужащие, которые повторно представляют свои страны в миротворческих операциях, владели всеми необходимыми навыками (в том числе и языковыми) для эффективного выполнения своей миссии. Следует отметить, что проведение миротворческих акций во многих странах способствует распространению английского языка среди населения. Офицеры и солдаты миротворческих сил НАТО вступают в контакты с властями, военнослужащими и населением тех стран, на территории которых проводятся операции по поддержанию мира.

Весьма заметных успехов в утверждении английского языка как средства межнационального общения

руководство НАТО добилось в Ираке, где миротворческие войска Альянса находятся уже не один год. Поскольку предполагается вывод войск НАТО из Ирака, Альянс стремится подготовить смену своим войскам из иранских военнослужащих и полицейских.

Поэтому в Ираке командование войск НАТО организовало немало курсов по подготовке иракских военных и полицейских. Этой работой совместно руководили Управления США по безопасности и сотрудничеству в Ираке (OSC-I), которые финансировали деятельность курсов, а также Учебная миссия НАТО в Ираке (NTM-I), созданная в 2004 г. по просьбе Временного правительства Ирака в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1546 [3, 16]. Деятельность миссии согласуется с иракскими властями и Управлением по безопасности и сотрудничеству в Ираке (OSC-I), начальник которого одновременно является командующим NTM-I.

Наряду со специально подготовкой, эти курсы уделяют значительное внимание обучению слушателей английскому языку. Выступая перед курсантами, заместитель командующего NTM-I Д. Арментани подчеркнул: «Знание иностранных языков открывает двери в другие, большие возможности. Я имею в виду возможности реализации стабильных партнерских отношений с дружественными странами, сотрудничество с ними в различных областях, таких как образование, экономическое развитие, международное право, обмен опытом и понимание культуры, которая отличается от той, к которой мы принадлежим» [3, 21]. Из этого следует, что задачи NTM-I рассматриваются руководством НАТО значительно шире, чем методологическое обеспечение перспектив углубления сотрудничества Альянса со своими партнерами чисто в военном контексте.

В последние годы деятельность NTM-I распространяется далеко за пределы собственно Ирака. К работе учебного центра привлекаются как военнослужащие стран НАТО, так и граждане государств, поддерживающих программу Партнерство ради мира. Всего члены NTM-I представляют 13 стран.

Большим потенциалом распространения английского языка обладает и организационная деятельность НАТО по вовлечению стран в программу «Партнерство ради мира». Практическое осуществления мероприятий этой программы значительно расширяет участие внеблоковых государств в миссиях по поддержанию мира в различных географических районах.

НАТО стремится установить партнерские отношения со всеми независимыми республиками, являвшимися составными частями СССР. Многие из этих стран избрали членство в НАТО в качестве своей приоритетной внешнеполитической задачи. Поэтому обучение военнослужащих английскому языку выступает не только военной, но и политической задачей для армий тех стран, которые стремятся стать членами Альянса.

Однако НАТО развивает взаимовыгодное сотрудничество вовсе не только с теми странами, которые стремятся

в перспективе стать полноправными членами Альянса. Так, большое внимание руководство НАТО уделяет развитию партнерского сотрудничества с Российской Федерацией. Создан и достаточно активно работает консультативный Совет Россия – НАТО (СРН), призванный способствовать гармонизации двусторонних политических и военных интересов, превентивному разрешению (или предотвращению) возможных противоречий и конфликтов между НАТО и РФ. Отметим, что на саммите лидеров НАТО в Страсбурге-Киле в 2009 году Генсек НАТО А. Фог Расмуссен заявил, что «Россия имеет особое значение для нас как партнер и сосед. НАТО и Россия имеют общие интересы в сфере безопасности». Расмуссен подчеркнул, что целью и задачей руководства НАТО является установление нового уровня отношений с Россией, который характеризовался бы действительным стратегическим партнерством, в частности — в сфере совместного проведения миротворческих операций [6]. В Декларации саммита отмечалось, что «несмотря на наши разногласия, Россия имеет особое значение для нас как партнер и сосед. НАТО и Россия обладают общими интересами в сфере безопасности» [3, 19].

В среде НАТО также укрепляется мнение о необходимости партнерских контактов с Россией. Так, подполковник армии США Джон Д. Джонсон подчеркивает необходимость «формирования более эффективных отношений с Россией, выявления областей, представляющих совместный интерес, и предоставления рекомендаций для движения вперед» [8]. Следует отметить, что в 2014 г. отношения между НАТО и РФ значительно обострились, причиной чему стали украинский политический кризис и военные действия на востоке Украины. Однако это не снижает, а даже актуализирует важность задачи, сформулированной Д. Джонсоном. Ведь расширение контактов россиян с гражданами стран-членов НАТО способствует созданию условий для косвенного влияния на формирование общественного мнения в РФ.

Нетрудно предположить, что в перспективе контакты между военнослужащими армий России и НАТО будут только расширяться и укрепляться. Следует подчеркнуть, что заседания СРН в последние годы проводятся достаточно регулярно: в ноябре 2010 г. — в Лиссабоне, в 2011 г. — в Брюсселе и в Сочи. Поэтому совершенно очевидным является то обстоятельство, что по мере развития межличностных контактов военнослужащих Североатлантического Союза и России будет актуализироваться вопрос о выборе средств общения между ними, и таким средством должен быть английский язык.

Большое внимание НАТО уделяет и развитию партнерских отношений с Казахстаном. Хотя руководство этой страны и не заявляло на официальном уровне о своем намерении приобрести членство в Альянсе, однако в рамках Индивидуального плана действий партнерства между Республикой Казахстан и НАТО на территории Казахстана ежегодно проводятся масштабные учения

«Степной орел». Причем во время проведения этих учений, в которых принимают участие как казахские, так и натовские военнослужащие, постоянно возникает проблема языкового общения. Поэтому руководство казахской армии уделяет внимание языковой подготовке своих военнослужащих.

В соответствии с программой «Партнерство ради мира» в Казахстане был создан учебный центр Военного института сухопутных сил (КАЗТСЕНТ). Его целью является обучение казахских военнослужащих по стандартам и программам НАТО. В рамках КАЗТСЕНТ действуют курсы «Военной терминологии английского языка в многонациональных операциях», на которых казахские военнослужащие овладевают английским языком в соответствии с программами и стандартами НАТО.

Большое внимание внедрению английского языка в национальный речевой оборот уделяют и другие страны-участники программы Партнерство ради мира, в частности Азербайджан, Армения и Грузия. В этих странах проведение тестов по английскому языку основано на требованиях СТАНАГ НАТО, следование которым способствует распространению английского языка не только в его военной версии, но и в классическом варианте.

Несомненным фактом является и то, что знание английского языка в определенной мере влияет на профессиональный рост военнослужащих в этих странах, способствует их карьерному продвижению по службе. Без знания английского языка военнослужащие не могут претендовать на командные должности не только в структурах НАТО, но и в своей национальной армии.

Поэтому тесное сотрудничество военнослужащих НАТО и стран, участвующих в программе «Партнерство

ради мира», создает дополнительные стимулы для изучения английского языка, что, в свою очередь, усиливает его позиции в мировом лингвистическом пространстве, стимулирует его утверждение в статусе средства международной коммуникации. Это касается не только сферы военного сотрудничества стран, являющихся членами Альянса.

Однако следует отметить, что в мировом сообществе языковедов определенное распространение получила так называемая «теория лингвистического империализма». Так, британский лингвист Р. Филлипсон утверждает, что доминирование английского языка в планетарном лингвистическом пространстве способствует вытеснению языков других народов на обочину мирового развития, а сам этот язык служит инструментом установления всемирного доминирования англосаксонских стран [12].

Хотя эта точка зрения не поддерживается большинством языковедов, она пропагандируется противниками распространения английского языка. Поэтому для приверженцев указанной теории вполне привлекательной выглядит трактовка участия НАТО в процессе распространения английского языка в лингво-империалистическом контексте. Однако у большинства лингвистов не вызывает сомнений тот факт, что роль Альянса в процессе расширении сферы применения английского языка носит положительный характер.

Таким образом, многоплановая деятельность НАТО объективно направлена на расширение зоны использования английского языка как глобального средства интернационального общения. Закономерным является то обстоятельство, что результаты этой деятельности проявляются не только в военной области, но и во всех сферах мировых отношений.

Список литературы:

1. Кристалл Дэвид. Английский язык как глобальный. /Пер. с англ. – М.: «Весь мир», 2001. – 240 с.
2. Микитенко Н., Котловський А. Аналіз потреб студентів відповідно до цільової ситуації у навчання англійської мови для спеціальних цілей. /Інформаційно-комунікаційні технології в сучасній освіті: досвід, проблеми, перспективи. Збірник матеріалів III міжнародної конференції. – Вип. 3. Частина 2. – Київ-Львів: 2012. – С. 262–264.
3. Marshall R. Singer. Language Follows Power: The Linguistic Free Market in Old Soviet Bloc. – P. 12–23.
4. Crossey Mark. Improving linguistic interoperability. – NATO Review. Summer, 2005. – P. 8–12.
5. DiPiero John R. English Language Training at the Defense Language Institute English Language Center (DLIELC). // The DISAM Journal. – Spring 1998. – P. 102.
6. “A New Beginning for NATO and Russia”, a speech by NATO’s Secretary General Anders Fogh Rasmussen, published by Project Syndicate/Europe’s World on 20 October 2010.
7. Harriman Michael and Burnaby Barbara (eds.). Language Policies in English-Dominant Countries. – Clevedon: Multilingual Matters, 1996. – P. 188.
8. Johnson John D. Developing Better Relations with Russia. // Small Wars Journal. – 2011, February.
9. Panetta Leon E. Foreign Language Education: If “scandalous” in the 20th century, what will it be in 21st century? – 1999. – P.12.
10. Смирнова Т.П. Основные тенденции развития европейской языковой политики и пути ее реализации. // Политическая лингвистика. – 2 (40), 2012. – С. 153–156.
11. Johnson Anne. The Rise of English: The Language of Globalization in China and the European Union. – Macalister International: 2009. – Vol. 22, Article 12. – P. 1–13.
12. Phillipson Robert. The new linguistic imperial order: English as an EU lingua franca or lingua frankensteiniana? – In “Unions: past-present-future”. // Journal of Irish and Scottish Studies. – Vol.1: Issue 2, 2008, 189–203.

*Rybalka Serghey Viktorovich,
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University, Doctoral Student,
Faculty of Social Sciences and International Relations,
Candidate of Political Sciences
E-mail: rybalkaserghiy@i.ua*

Regional political elite in the process of political modernization: structural preconditions and problems of transformation

Abstract: On the basis of factor analysis we examine the impact of the processes of political modernization in the functions and tasks of the regional political elites in the transformation societies. With the use of the comparative method study ways to increase the value of the regional political elites in democratic reforms in a post-communist and post-colonial countries.

Keywords: political modernization, democratic transition, regional development, regional elites, political management.

*Рыбалка Сергей Викторович,
Днепропетровский национальный университет
им. Олесь Гончара, докторант, Факультет общественных наук
и международных отношений, кандидат политических наук
E-mail: rybalkaserghiy@i.ua*

Региональные политические элиты в процессах политической модернизации: структурные предпосылки и проблемы трансформации

Аннотация: На основе факторного анализа рассматривается влияние процессов политической модернизации на функции и задачи региональных политических элит в трансформационных обществах. С использованием сравнительного метода изучаются способы увеличения значения региональных политических элит в демократических преобразованиях в условиях посткоммунистических и постколониальных стран.

Ключевые слова: политическая модернизация, демократический транзит, региональное развитие, региональные элиты, политический менеджмент.

Проблемы и предпосылки трансформации в результате политической модернизации появляются в зарубежной политической науке со второй половины 20-х годов XX века в связи с оценкой развития колониальных стран Африки, Азии, Южной Америки (в частности, работа А. Клингхофера [10]). Среди основных причин неэффективности развития указанных стран стали практики отправления власти и функционирования национальных элит, которые не выявили способности реализовать эффективную модернизацию национальных политических систем. Новый вызов для региональных политических элит представляют особенности модернизации стран бывшего СССР, в которых политическая модернизация, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, затянулась более чем на два десятилетия.

В связи с этим, одним из ключевых вопросов выступает проблема движущих сил модернизации на уровне конкретных территорий, среди которых видное место занимают региональные политические элиты. Их роль чрезвычайно важна в контексте демократических преобразований в современной Украине. Не изученной ранее

частью проблемы, поднятой в данной статье, является пригодность политических элит к задачам регионального развития и осознание ими уровня и масштабов модернизации на региональном и общенациональном уровнях.

Последние исследования и публикации, на которые опирается автор

Сочетание предметных контекстов региональных политических элит и модернизационных процессов находит воплощение в ряде работ зарубежных ученых. В частности, Дж. Дюбуа изучает модернизацию и кризис развития в Африке на основе нигерийского опыта [9]. Ф. Нвонву и Д. Котц присоединились к разработке проблемы африканских политических элит в контексте обеспечения демократии и надлежащего управления [12]. П. Лионг исследует институциональные изменения и политическую преемственность в постсоветской Центральной Азии [11]. В то же время, существующие факты требуют более широкого обобщения и интерпретации.

Целью статьи является установление роли и места региональных политических элит в процессах политической модернизации общества демократического транзита.

Основное содержание статьи

Региональные политические элиты в современных трансформационных государствах занимают разные позиции в проектах демократического реформирования. Они вовлечены в функционирование политических систем на различных уровнях деятельности и функционирования политических институтов. В этатизированных политических системах, каковыми являются посткоммунистические и постсоветские страны, модернизационные функции региональных политических элит связаны с разгосударствлением, демократическим принятием политических решений и процессами привлечения общественности к государственно-управленческому процессу. Согласно рецензии Г. Шевченко на работу Е. Новаковой, «открытость государства реализуется в демократизации государственного управления и развитии нового типа отношений с гражданским обществом. Эволюция отношений государство — гражданское общество прошла следующие этапы: единство, неразделимость; разграничения и противопоставления и, наконец, функциональное взаимодействие в достижении общей цели. Функциональное взаимопроникновение государства и гражданского общества способствует повышению уровня легитимации властей, которая играет ведущую роль в процессах демократической модернизации. Ее важность объясняется, прежде всего тем, что модернизация является качественным обновлением власти, требующим изменения традиционных форм легитимации» [7, 54].

Макрополитические показатели, которые детерминируют политическую модернизацию, могут касаться всех компонентов демократического политического управления. Среди них заметное место занимают система государственной власти и уровень ее сотрудничества и взаимодействия. На современном этапе, через несколько десятилетий преобразований после провозглашения независимости современной Украины, результаты реформирования не являются окончательными. Поэтому региональные элиты должны активно включиться в процесс целенаправленных реформ, участвовать во всех аспектах и уровнях модернизации политической системы. «К тому же для модернизационных преобразований необходимы консолидация, напряжение усилий всего общества, объединение его вокруг властного центра. Политическая модернизация в Украине должна привести к созданию не только формально, но и внутренне легитимной политической системы, способной эффективно управлять государством. С этой точки зрения <актуальны> такие аспекты политической реформы, как изменение формы правления, избирательной системы и сбалансированное перераспределение властных полномочий» [7, 54].

Консолидация центральных и региональных элит и их концентрированность на первоочередных задачах государства все еще является аспектом констатации в современной украинской политической науке. Современные ученые ведут поиск реальных форм и механизмов привлечения политико-реформационного и модернизационного

потенциала политических элит. В то же время, ведущей чертой, которая должна обусловить привлечение элит разных уровней в модернизационные процессы, является их политическая субъектность. «Главным субъектом модернизационных изменений является политическая элита общества, которая должна стать организатором и инициатором преобразований. Социально-политическая трансформация общества в значительной степени зависит от состояния и поведения его политикума, часто определяется сменой правящих элит. Зато изменения в политической системе иницируют изменения в составе и путях развития политической элиты. Последняя представляет собой социальную группу, принимает общественно значимые решения. Поэтому для успеха модернизационных процессов в Украине необходимо осуществить демократические преобразования в системе рекрутирования элиты, развивать ее прозрачность и открытость. Внутренняя открытость политических партий проявляется в моделях консолидации различных элитных группировок на базе общих целей общественного развития, совершенствования системы распределения властных полномочий в государстве» [7, 55]. Указанные процессы, особенно построение внутрипартийной демократии, в современных условиях Украины только обозначены после известных событий конца 2013 – начала 2014 года.

Слабость мотивации региональных политических элит к активному участию в процессах центрального уровня обусловлена, по нашему мнению, неопределенностью в ответственности за конечный результат этих процессов. Общим основанием для возложения на региональные элиты ответственности за модернизационные процессы в современной политической науке является отсутствие результатов в реформировании на общегосударственном уровне. В результате местным и территориальным элитарным сообществам отводится ведущая роль из-за отсутствия прогресса в реализации реформ в некоторых постсоветских странах.

В общественной дискуссии присутствуют соображения, согласно которым политические элиты регионов должны осознать ситуацию и активно включиться в решение процессов модернизации не только на основе макрополитических задач государственного строительства, но и с точки зрения самосохранения. Поскольку дезинтеграция государства и общества по сценарию провальных государств автоматически исключает элиты из числа привилегированных слоев и ставит под сомнение их элитарный статус. По мнению известного украинского ученого Г. Зеленько, «по мере того, как становится очевидно, что крах авторитаризма не означает непосредственного перехода постсоциалистических стран к демократии, и такой переход не одномоментный процесс с очерченным положительным результатом, на Западе появляются работы, в которых анализируются реальные политические процессы в странах ЦВЕ, СНГ и Балтии, а также высказываются предположения о возможных последствиях трансформаций» [3, 13].

Сущность хода политической модернизации в Украине и других странах, которые успешно преодолели этот путь, является одним из ориентиров видения тенденций развития региональных политических элит. Содержание модернизации означает направление преобразований, их темпы и специфику. Отечественные ученые констатируют, что украинский вариант политической модернизации является особенным. Эти особенности определяют и специфику роли региональных политических элит. «Анализ определенных политической наукой типов модернизации дал основания классифицировать модернизационные процессы в Украине и Польше как догоняющую модернизацию неорганического типа. То есть реформы, которые происходили на территории этих стран в разные исторические промежутки времени были в большинстве случаев результатом воздействий извне, а изменения в политике, экономике, социокультурной сфере, как правило, происходили асинхронно. Поэтому для этих стран модернизация означала процесс приобретения ряда черт характерных для более развитых обществ (в этом случае западноевропейских и североамериканских)», считает Г. Зеленько [3, 13].

Учитывая сказанное, следует отметить, что региональные политические элиты объективно стоящие перед рядом вызовов и задач, которые определяют их пригодность к статусу эффективной и конструктивной элиты в условиях политического плюрализма. Региональные политические элиты является также частью движущего механизма модернизации: движущей силой преобразований, инициатором и руководящим звеном, которое направляет события в русло обновления государства и общества. «Характер политической модернизации определяется широким комплексом факторов (часто порожденных друг другом): стартовая ситуация, взаимодействие геополитических сил, степень интегрированности страны в мировое хозяйство, состав и интеллектуальные способности модернизаторской элиты, тип отношений политической элиты и общества, механизмы достижения консенсуса, наличие общей для большинства политических сил идеологии развития», отмечает украинская исследовательница [3, 13]. Среди влиятельных условий, как свидетельствует отечественный опыт, не следует забывать и о социокультурных условиях догоняющего развития.

Роль региональной политической элиты как движущей силы политической модернизации подчеркивается пониманием модернизации как комплексного макрополитического процесса, который имеет последствия для региональных и территориальных политических взаимодействий. Политическая модернизация выступает предпосылкой и средой, в которой действуют и развиваются региональные политические элиты, формируется их структура, возникают те или иные формы поведения. Поскольку модернизация в условиях Украины и других постсоветских государствах является синонимичной по отношению к демократизации, то эти процессы создают условия для более прозрачной политической конкуренции,

эффективного политического рекрутирования и авторитетного лидерства. По мнению современных украинских ученых, «в современном понимании модернизация является комплексным процессом, который сопровождается целенаправленными изменениями в политической, экономической, социальной и культурной сферах общества в направлении их совершенствования. ... в постсоциалистических странах социокультурные предпосылки недостаточно развиты, а потому определяющей и первоочередной должна быть модернизация политической сферы, прежде всего связана с утверждением принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную; рациональным разграничением функций центральной и местной власти, которая начинает действовать на принципах самоуправления; включением модернизационного потенциала общества путем формирования эффективной партийной системы» [3, 13]. Сказанное не означает, однако, что именно региональные элиты ответственны за весь комплекс преобразований.

Особенности региональной политической модернизации отражаются не только на примере постсоветских и посткоммунистических государств, но и стран постколониальных Африки и Азии. В этих странах авторитаризм является более привычной формой политического управления и решения макрополитических задач общества. В связи с этим, формирование региональных политических элит как политических субъектов существенно усложняется прямой властью центра, а также этнокультурными особенностями, в частности, клановостью, трайбализмом. Элиты, основанные на племенном принципе, имеют более замкнутый характер и, в большинстве случаев, не могут быть однозначно признаны движущими силами политической модернизации. По мнению Камиля Дриса и В. Чигринова, современное Марокко является примером дифференцированного отношения центра к управлению местными и региональными элитами. Он, в частности, отмечает: «что касается провинций, то сохраняется жесткий контроль государства, и пока рано говорить о децентрализации или деконцентрацию. Хотя есть определенный положительный смысл в жестком управлении некоторыми (хотя бы сахарскими) провинциями. Они требуют особого внимания и поддержки, специальной государственной программы возрождения, развития и дальнейшего привлечения к демократизационным процессам» [4, 12].

Политическая модернизация на региональном уровне в постколониальных государствах реализуется в форме изменения административных связей между территориями с вертикальных на горизонтальные. Кроме того, имеет место оптимизация административно-территориального деления. В условиях административно-территориальной реформы, обусловленной макрополитическими модернизацией, региональные политические элиты получают больше властных полномочий и возможностей влиять на ситуацию в своих территориальных единицах. Это способствует выработке инициативности и ответственности региональных

политических элит, а также требует от них компетентности и эффективности. «Регион меньше зависит от центральной власти. Его особые права, возможность налаживания отношений на уровне «регион — регион», «регион — местные коллективы», «регион — государство» и др. защищены <в Марокко> положениями административно-территориальной реформы 1991–1992 годов, Конституции 1996 года (согласно которой представители регионов у палаты советников), хартией регионов 1997 года, новым законом о региональной автономии 2001 года», отмечают К. Дрис и В. Чигринов [4, 13].

Важным для развития для адекватных региональных политических элит, которые будут соответствовать уровню процессов демократизации, является понимание многоэтапности и последовательности демократических реформ. В этих условиях региональная элита должна проявить взвешенность, терпимость, толерантность и возможность взаимодействовать с различными социальными слоями. Также необходимо сознательное отношение региональной элиты к конечному пункту изменений и плану политической модернизации на региональном уровне. По мнению Л. Прокoppenko, «власть и богатство в африканских странах часто воспринимаются как синонимы. Часто тот, кто получает власть, одновременно получает возможность практически бесконтрольно распоряжаться национальным богатством страны. ... Необходимо отметить, что у некоторых африканских народов власть традиционно ассоциируется с богатством, с ним связаны многочисленные церемонии и обряды» [5, 173]. Указанное говорит о важности местных культурно-ментальных условий не только для процессов элитообразования, но и в целом для успеха в реформах.

В контексте роли и места региональных политических элит в процессах политической модернизации актуализируется возможность оптимизации взаимодействия элитарного сообщества и общества в целом. Уровень общественной коммуникации, взаимодействия и сотрудничества является объективным параметром морализации демократических реформ и модернизации политической системы. Указанные параметры требуют от региональных политических элит как внутренней готовности, так и тесного контакта с общественностью. Как считает отечественный аналитик В. Голубь, «успех административного реформирования напрямую зависит от уровня его поддержки со стороны общества, качества обратной связи с населением, уровня совпадения ожиданий граждан от изменений и их реального воплощения и имеющихся общественных трансформаций. Своевременным является также анализ перспектив развития современного государства через налаживание эффективного взаимодействия государства с общественностью, обществом, установление консенсусной системы управления, исходя из идеи “good government”, которая концентрирует внимание на действующей коммуникации власти и общества, развитии новой формы государственного управления при приоритетности и большом значении условий комфортного существования

для граждан в обществе, удовлетворения их социальных потребностей» [4, 13].

Одной из ведущих задач региональных политических элит в контексте политической модернизации, по нашему мнению, является активизация участия региональных политических элит в процессах оптимизации государственного воздействия на общественные процессы и взаимодействия потенциала общественности в развитии государственности. В этих условиях региональные политические элиты должны использовать свою политическую субъектность и влияние не для увеличения контроля над экономическими активами, а для содействия проявлению общественных инициатив по обеспечению процессов политической модернизации самовоспроизводящимся и непрерывным характером. «На государство как на главный политический институт возлагается задача быть определяющим арбитром, коммуникатором, регулятором, объединяя и разграничивая функции между властными субъектами и общественностью, определяя правила их взаимодействия в правовом поле, тем самым гарантируя свободные условия развития общества и адекватного диалога всех политических игроков исходя из задач защиты национальных интересов, устойчивого развития, интеграции социума — в целом в направлении укрепления политической стабильности государства», указывает В. Голубь [1].

Реформирование региональных политических элит в контекстах политической модернизации поднимает вопрос о сущности отношений между частями элит, а также межрегиональными элитами и контрэлитами. Эти отношения должны соответствовать требованиям времени и предоставлять возможность принятия объективных и необходимых решений в контексте регионального развития. Поэтому региональные политические элиты становятся лишь одним из стейкхолдеров, участников регионального политического процесса, направленного на достижение объективных результатов развития территорий. «Соответственно, политика должна рассматриваться прежде всего как особая сфера деятельности, направленная на реализацию согласованных социальных интересов в направлении достижения целей общественного развития. Задачей субъектов административно-управленческого уровня является налаживание эффективного управленческого взаимодействия с целью поиска наиболее оптимальных путей реализации поставленных целей и задач общественного развития», считает украинский аналитик [1].

Реализация процессов политической модернизации на региональном уровне ставит под сомнение понимание элитарности как эксклюзивности, выдвигает на первый план параметры эффективности и компетентности. В связи с этим, процессами модернизации региональных политических элит должны стать улучшение отбора политических кадров, а также тех специалистов, которые участвуют в принятии важных решений. Сам процесс управления должен упроститься и отойти от административно-бюрократических форм управления. На уровне регионов должны

найти применение менеджерские и сетевые формы управления ситуацией, а также проектные подходы. Это требует внутренних качественных изменений в региональных политических элитах современной Украины и других постсоветских государств (например, Кыргызстана [4]). Эффективное участие региональных политических элит в политико-модернизационных процессах предполагает согласованность содержания и целей элиты с настроениями населения, в отношении которого элиты выполняют лидерские функции. Поэтому важнейшим результатом политической модернизации в трансформационных странах должна стать прозрачность каналов обратной связи. Реализовать эти проекты региональные политические элиты могут только при условии легитимности своего властного положения и всесторонней поддержки населения.

Таким образом, результативность политико-модернизационных реформ в странах постсоветского пространства и других странах, переживающих политическую, экономическую, социальную трансформацию, выдвигает перед региональными политическими элитами ряд вызовов и задач. Сложность модернизационных процессов, которые требуют преобразований на уровне политико-управленческих механизмов, а также механизмов представительства, требует внутренних трансформаций в самих элитах и их прогресса в отношениях с внешней средой. Указанные процессы являются естественными и объективными, их

результатами являются повышение дееспособности элит, их консолидация или замена новыми элитами в рамках демократических процедур.

Выводы

Политическая модернизация как понятие выходит за пределы трансформации макрополитических параметров. Региональные общины выступают пространством реального воплощения демократических норм и образцов. В свою очередь, региональные элиты имеют существенные особенности, которые являются составными элементами общего процесса модернизации. В то же время, проведенный анализ показал, что как в странах Центральной и Восточной Европы, так и в постсоветских странах реализация модернизационных проектов находится под угрозой отсутствия мотивации региональных политических элит. Причины этого заключаются в структуре региональных политических элит, в которых все еще преобладают бизнес-группы, а также бюрократические сообщества. Дальнейшее развитие эффективного участия региональных политических элит в процессах политической модернизации, связано с сетевым характером управленческих элит и информатизацией принятия решений. Если региональные политические элиты включатся в эти процессы, то они займут достойное место в процессах политической модернизации. В противном случае их сменят технократические мотивированные элиты регионального уровня.

Список литературы:

1. Голубь В. В. Політична модернізація як напрям раціоналізації сучасних політичних систем. // [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.academy.gov.ua/ej/ej14/txts/Golub.pdf>.
2. Зеленько Г. І. Україна і Польща: моделі політичної модернізації 2001 года. – НАН України. Ін-т політ. і етнонац. дослідж. – К., 2001.
3. Камілі Дріс, Чигринов В. Засади демократизації політичного режиму Марокко. // Політ. менеджмент. – 2005. – № 1.
4. Ногойбаева Э. Кыргызстан: формирование и взаимодействие политических элит. // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – Вып. № 1 (49).
5. Прокопенко Л. Я. Новые политические элиты в государствах Юга Африки. – М.: Институт Африки РАН, 2011.
6. Шевченко Г. Демократизація суспільства крізь призму синергетики: Новакова О. В. Політична модернізація та розвиток демократичних процесів в сучасній Україні. // Вісник Національної академії наук України. – 2007. – № 4.
7. Широкова Є. О., Широкова М. С. Політична модернізація: теоретичні моделі та досвід України. // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. – 2013. – Т. 18, Вип. 2 (2).
8. Dibia J. I. Modernization and the Crisis of Development in Africa: The Nigerian Experience. – Ashgate Publishing, 2006.
9. Klinghoffer A. J. Modernisation and Political Development in Africa. // The Journal of Modern African Studies. – 1973. – Vol. 11., No. 1.
10. Luong P. J. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
11. Nwonwu F., Kotze D. African Political Elites: The Search for Democracy and Good Governance. – Institute of South Africa, 2008.

Section 6. Psychology

*Dubetska Lilia Igorivna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
Post-graduate student, Department of Philosophy
E-mail: dubetska_liliya@mail.ru*

The impact of identifying images on the formation gender concepts and competencies of preschool orphanage children

Abstract: The paper presents configuration of images of gender identity of preschool children who are brought up in an orphanage and preschool children from full families. The peculiarities of influence of identifying images on the formation gender representations of boys and girls are stated in the article. The author reveals the difficulty of forming gender competence of preschool orphanage children.

Keywords: preschool children, orphanage, family, content analysis, identification image, gender representation, competence.

In each, more or less developed country of the world people try to most effectively solve the problems associated with the development of the child who is brought up in social and psychological reality of orphanage. However, many boys and girls who live in orphanages consider themselves unhappy. Boarding schools are not able to withstand the competition with the family as a social institution, this fact has its explanations.

Various socio-psychological studies show that personal development in terms of orphanage undergoes significant deviations from the norm. Especially striking is the difficulty in forming emotional and value-semantic sphere of orphans. However, equally important is the problem of formation of gender representations of boys and girls who are brought up in an orphanage.

Psychological problems of gender identity, peculiarities of its development in ontogenesis were directly or indirectly studied by such scientists as S. Bem, I. Hofman, V.J. Kahan, T. B. Kubrychenko, T. B. Govorun, P. P. Gornostai, E. P. Ilyin, I. S. Kon, I. S. Klotsyna, O. M. Kikinezhdi, T. M. Tytarenko and others. In the works of these authors were considered the nature and essence of gender identity, they offer analysis of the features of its forming in different age groups here are considered factors of gender identity of the child and provided violations in the development of gender identity which lead to various negative consequences.

Underlining the value of these research works, it should be noted that most scientific papers relates to the study of peculiarities of gender identity and its components in children and adolescents who are brought up in families. In fact, gender socialization is the collaboration of experienced male father and female-mother with children in their acquisition of gender-relevant knowledge and skills. The girl identifies herself with her mother, and the boy – with his father. A girl tries to take after the mother and the boy – his father, on this basis each of them forms understanding of itself as a girl and a boy, as well as the overall image of woman and man.

Thus, the **purpose of the article** is to draw attention to the difference between the images identifying preschool children from orphanages and preschool children from full families, and — the key role of these identifying images in successful formation of gender representations of boys and girls and further search for ways of harmonious development of a child in an orphanage.

Our **hypothesis** is that the difference between the identifying images of children from full families and preschool children from orphanages causes difficulties in the latter formation of gender concepts and gender competencies that are interrelated notions.

To achieve this goal and clarify our assumptions, we conducted individual interviews with preschoolers from the orphanage “Warm House” which is situated in the town of Dolyna (Ivano-Frankivsk region) and preschool children from full families. This individual interviews aimed at identifying the specific images of gender identity of boys and girls of preschool age. They included the following questions: “What do you want to be in the future, why?”; “Who would you like to look like and why?”; “What do you want to learn to do and who can teach you this?”; “Describe what would you be like when you grow up?”; “Who of the adults you know looks like you in the future?”; “Who of the adults you like best and why?”; “Would you like to follow him|her and if «yes», in what way?”; “Who do you most love to spend time with and why?”.

To process the responses received as a result of individual interviews we used the method of content analysis. Working on the answers of orphanage girls and the girls who are brought up in full families we singled out a number of categories of analysis, each of them is a certain way of gender identity. Configurations of identification images of girls from the orphanage and girls from full families are presented at Fig. 1 and Fig. 2 accordingly.

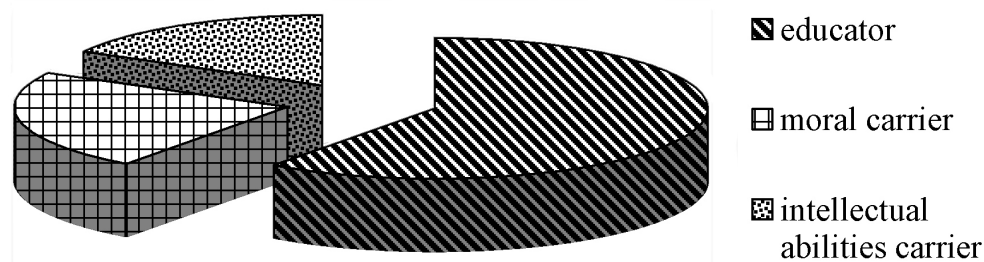

Fig 1. Configurations of identification images of girls from the orphanage

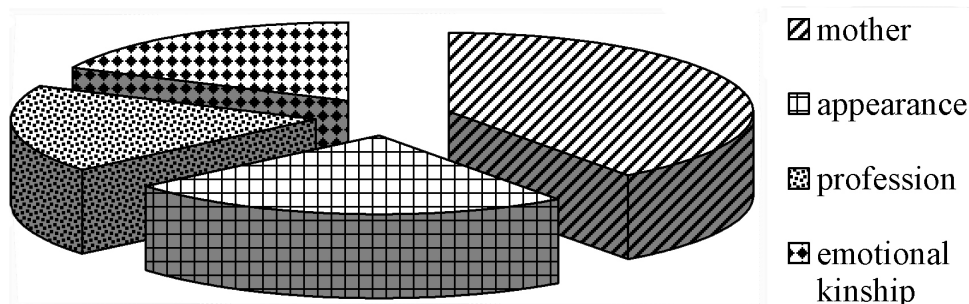

Fig. 2. Configurations of identification images of girls from full families

We found that the images of identification of girls who are brought up in full families and girls from the orphanage are entirely different. Images of identification of girls who are brought up in full families are their mother (40%), the external image of adult girls/women (24%), professional image (18%) and category of analysis of “sense and emotional kinship with family people” (18%) while the dominant images of identification of girls from orphanage are the image of the educator (60%), the image of the carrier of high moral values and positive character traits (23%), the image of a person who develops its own creative abilities and acquire reading and writing skills (17%). The fact of differences of identifying images of children from the orphanage and full families is the key to understanding gender identification of girls who are brought up in orphanages. The main problem is the lack of their timely basis for the formation of three typical role models of female gender identity which formation is noticeable already in 5–6 year-old-girls who are raised in full families. This formation is possible because a mother image is a fundamental principle for the formation of such a model of gender identity construction of women as “Beregynia” / “Guardian”. In its turn, the appearance image and the appearance of adult girls/women underlies the future role model of “Barbie” and a professional image — a role model of “Business Woman”. It is clear that at the stage of pre-school age girls we see only the emergence of standard models of gender identity of women. However, such an early start is the most favorable factor in the formation of age-resistant multifaceted role models female gender identity. It is impossible not to notice the fact that the combination of images found in identifying girls who are brought up in full families, promotes a formation of future harmonious personality female in which is possible the combination of all three key roles. The lack of image of the mother, the external image of the adult women representative, professional image, among

the images of identification of girls from orphanages plays an important role in shaping their gender perceptions, first of all, because it indicates the impossibility of forming in them these models of female gender identity at the pre-school age stage. Analyzing, using the method of content analysis, these responses of girls from the orphanage and girls from full families, we found that the presence or absence of any identification image is very important in shaping perceptions of gender of children.

Features of influence of identification images on the formation of gender representations and gender competence of preschool girls brought up in an orphanage

The lack of image of the mother, but at the same time, regular absence of initial stage of forming a key role model “Berehynia” leads to a lack timely emergence of desire to have their children, husband and family. The lack of awareness of the relationship that in order to become a mother, one should have a baby, take care of it, provide it with all necessary things, and especially in the children’s understanding, toys; the lack of examples of mother’s spending time with her children and husband; no mother’s examples of interactions with those people around her; the lack of desire to perform gender duties of a housewife hinders the formation of a particular type of female identity — “housewife”. Any girl who is brought up in an orphanage failed to reveal the meaning of the image “mother”. Such girls do not have specific knowledge about gender norms as a mother, this threatens the lack of competence to perform this role in the future. Instead, the only way a strong identification of children from orphanage is the image of the educator. As a result, multi-faceted female image representations of children is shrinking to the image of woman, whose livelihood is aimed to meet all children’s needs, namely the need for social services, self-protection needs, security needs in education, training, communication and ensuring all necessary

aspects. In the orphanage identification objects are also images of such specialists as psychologist, speech therapist, social pedagogue. The above images appear only as images of women that ensure the needs of the child. Despite the fact that girls are constantly surrounded by women who take care of them, most girls didn't have any desire or a clear idea that they could also take care of their children as mothers. It should be noted that this service to children by teachers and orphanage specialists could lead to a formation of future passive personality as a female and a male, not able to provide themselves with their essential needs and solve basic social and domestic issues.

The lack of identification image of an adult girl/woman as a standard of external appeal is an obstacle to the formation of orphanage children understanding of concepts such as female attractiveness, charm, sophistication, elegance, fashion, etc. Which in its turn does not promote the timely formation of a role model "Barbie". Girls brought up in full families, have a bright expression of ideas about the future of their own image of femininity, based on the external image of adult girls/women. The absence of such an image to follow threatens in future orphanage's girls lack of competence of the appearance and behavior of adult women.

The lack of professional image among the identifying images of girls from orphanages is an unfavorable factor in the

formation of competence in a role model of identity "Business Woman". The absence of such competence may make process of professional self-realization difficult in future.

The image of a person who is a carrier of high moral values and positive traits of character, and also the image of an adult who is creative, has the skills of reading and writing are the images of identification of girls from orphanage. It should be stressed that the image of morally perfect person contributes to gender stereotypes of girls about the idea that they are women and in future should be kind, sensitive, compassionate, patient, loving and more. Of course, these identifying images promote formation of girls' competence as worthy individuals, but only under the condition if human values are formed and aspirations of the intellectual development successfully pass the test reality and can be implemented in it.

Sense of emotional kinship is the only category of analysis that does not hide a single identification image. We cannot fail to pay attention to the fact that this category of analysis is absent in girls who are brought up in an orphanage, which, as we know, is not conducive to a constructive process of identification.

Working on reply of orphanage boys, we singled out a number of categories of analysis, each of which can be seen as a certain image of gender identity. Configurations images of gender identity of orphanage boys and boys from full families are represented respectively in Fig. 3 and Fig. 4.

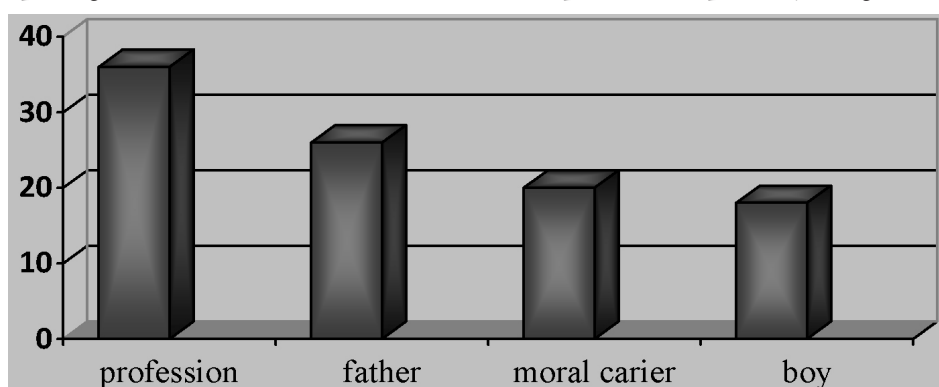

Fig. 3. Configurations of identification images of boys from the orphanage

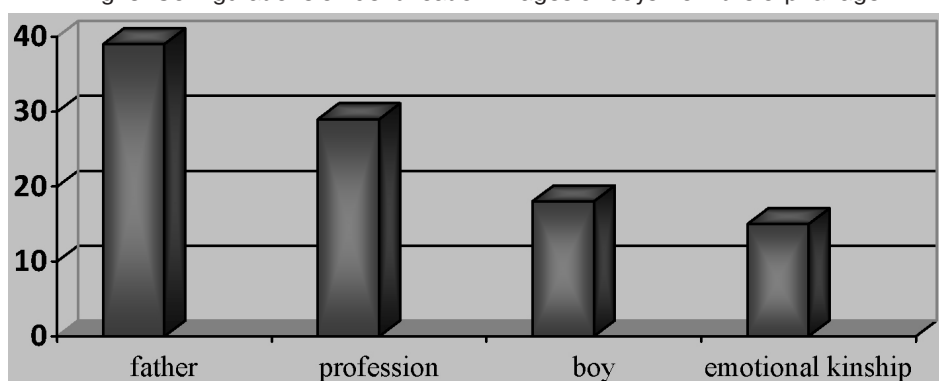

Fig. 4. Configurations of identification images of boys from full families

We revealed that images of identification of boys from the orphanage are the professional image (36%), the image of the father (26%), the image of the carrier of high moral values and positive character traits (20%), the image of the adult boy (18%) while images of identification of boys from full families

are the image of the father (39%), professional image (29%), the image of the adult boy (18%) and category analysis "feeling emotional kinship with relatives" (14%).

Each of these images has a specific importance in the formation of gender representations of boys from orphanages.

Analyzing this information, using the method of content analysis, we revealed a number of features.

Features of influence of identification images on the formation of gender representations and gender competence of preschool boys brought up in an orphanage

The image of father of boys from orphanage is diffuse, in connection with this it is ineffectual in its impact on the formation of gender representations of boys who are brought up in an orphanage. We revealed that it prevents the formation their ideas about possible interactions of the father with his family and others; absence of a stereotype of "going" to work every day as a way of life for men; not understanding of father necessity of going to work to be financially maintained and provide for his family; not giving importance to the fact that having money allows him to share them with others and buying everything necessary for family. As a result, there is no formation already at the stage of preschool boys from orphanage competence standards for such male gender roles as the norm of success, status, under which the social value of a man is determined by his earnings and success at work. Availability of a professional identification image of boys who are brought up in an orphanage contributes to their social professional role. They have a tendency for professional fulfillment, namely, the desire to become a good specialist. However, we would like to note that despite the presence of desire of boys who are brought up in an orphanage, to have a particular profession in the future, they have no idea about how to obtain it and this in reality does not promote obtaining by the boys their profession and their professional fulfillment.

The boys from orphanage as well as the girls have the identification image, this is the image of a person with high moral values and positive character traits. Despite the fact that under the existing gender stereotypes, moral perfection is not required for boys, this dominant identification image is favorable basis for the establishment of a man with true human values in future. Striving to be the carrier of high moral values and positive character traits of orphanage boys, as well as girls who are brought up in an orphanage, is likely the result of the cult of moral education in the orphanage and not the result of subjective experiences of children. So we have to guess how strong will be high moral sphere of boys and girls from the orphanage in difficult situations that await them outside the boarding school.

Among the identifying images of orphanage boys we observe the image of an adult boy. However, taking into account the misunderstanding of this image, it is not effective in shaping gender representations of boys who are brought up in an orphanage. This fact prevents the formation of their

competence in their masculinity, namely, the desire to be physically strong, invincible, perform stereotypical gender roles and responsibilities (eg owner, lawyer, car driver, etc.), the formation of which occurs in boys from full families already in preschool age. This in its turn is not conducive to the timely beginning of the formation of such a normal male gender roles as typical physical hardness, according to which man should possess physical strength.

We already talked about that feelings of emotional kinship are the only category of analysis that does not hide a single identification image. This category of analysis is completely alien for boys from the orphanage, which may deprive the identification of unconscious desire of children to be like their relatives.

Thus, using the method of content analysis we revealed differences in the pattern of gender identification of girls from orphanage and girls who are brought up in complete families. The difference is that the identification images of girls who are brought up in full families are those images as a mother, the external image of adult girls/women, professional image, while images identification of orphanage girls are such images as the image of the teacher, the image of a person carrier of high moral values and positive character traits, the image of a human who is developing own creative abilities, acquire the skills of reading and writing. As for the boys, we found that the images they identify are the image of his father, the adult boy image and professional image. However, these boys' from the orphanage images because of their vagueness may not be sufficiently effective in forming their gender representations.

We managed to confirm the hypothesis that the difference between images of gender identification of preschool children from the orphanage and preschool children from full families impede the timely formation of orphanage girls competence on such role models as "Bereginya", "Barbie" and "Business Woman" and the boys — leads to a lack of competence on the role of father, masculinity, and the ways of obtaining future profession.

In addition, we are able to state that unfavorable factor in the process of efficient formation of gender concepts and gender competence of preschool children from the orphanage is the lack of feeling emotional kinship with their relatives and close people.

The research results highlighted in this article can contribute to finding effective ways, methods and techniques to optimize the conditions for construction of gender concepts and gender competence of preschool children, including preschoolers from orphanages.

References:

1. Берн Ш. М. Гендерная психология // Ш. М. Берн. – СПб.: Нева, 2001. – 320 с.
2. Галигузова Л. Н. Психологические аспекты воспитания детей в домах ребенка и детских домах. / Л. Н. Галигузова, С. Ю. Мещерякова, Л. М. Царегородцева // Вопросы психологии. – 1990. – № 6. – С. 17–25.
3. Говорун Т. В. Гендерна психологія: навч. посіб. / Т. В. Говорун, О. М. Кікінежді. – К.: Академія, 2004. – 308 с.
4. Кісь О. Моделі конструювання гендерної ідентичності жінки в сучасній Україні. / О. Кісь // Незалежний культурологічний часопис «І». – 2003. – № 27. – С. 37–58.

*Moskvina Victor Anatolyevich,
Russian University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism,
Dr. Psych., professor of psychology department
E-mail: 1700018v@mail.ru
Moskvina Nina Victorovna,
Ph. D., associate professor of psychology department
Shumova Natalya Sergeyevna,
Ph. D., associate professor of psychology department
Kovalevski Andrey Grigoryevich,
postgraduate student of psychology department*

Tendency to risk and impulsiveness at students of sports university

Abstract: Investigated the propensity to risk, and impulsivity in example sports University students (aged 17–18 years, $n = 80$) with different signs of asymmetry of the regulatory unit of the brain. To assess the propensity to risk questionnaire applied A. Shmelev, and to assess the impulsiveness questionnaire V. Losenkov. Set the individual characteristics of the inclination to impulsiveness students caused from asymmetries of the brain.

Keywords: individual differences, asymmetry, risk aversion, impulsiveness.

*Москвин Виктор Анатольевич,
Российский государственный университет
физической культуры, спорта, молодежи и туризма,
д. псих. н., профессор кафедры психологии
E-mail: 1700018v@mail.ru
Москвина Нина Викторовна,
к. псих. н., доцент кафедры психологии
Шумова Наталия Сергеевна,
к. псих. н., доцент кафедры психологии
Ковалевский Андрей Григорьевич,
аспирант кафедры психологии*

Склонность к риску и импульсивность у студентов спортивного университета

Аннотация: Исследованы склонность к риску и импульсивность на примере студентов спортивного вуза (в возрасте 17–18 лет, $n = 80$) с разными признаками асимметрии регулятивного блока мозга. Для оценки склонности к риску применялся опросник А. Г. Шмелева, а для оценки импульсивности — опросник В. А. Лосенкова. Установлены индивидуальные особенности склонности к импульсивности у студентов, обусловленные межполушарными асимметриями.

Ключевые слова: индивидуальные различия, асимметрия, склонность к риску, импульсивность.

Введение. В современной спортивной психологии одно из важных мест занимает проблема волевой регуляции, склонности к риску и импульсивному поведению [3–7]. Произвольная регуляция имеет индивидуальные особенности, которые могут быть обусловлены и психофизиологическими параметрами. В работе изучен вопрос о связях индивидуальных особенностей склонности к риску и импульсивности у лиц с разными вариантами функциональных асимметрий мозга (ФАМ).

Сегодня в современной науке на стыке дифференциальной психофизиологии и нейропсихологии успешно развивается такое новое направление как нейропсихо-

логический подход к проблеме индивидуальных различий [3–6]. Проблема связи показателей функциональной асимметрии с индивидуально-психологическими характеристиками человека представляет большой интерес и для решения ряда проблем спортивной психологии. В настоящее время исследована проблема леворукости в спорте высших достижений [4]. Исследованы индивидуальные особенности волевой регуляции на примере студентов спортивного вуза [5–7]. Н. В. Москвина выявила закономерную связь между когнитивными стилями («полезависимость-полenezависимость») и латеральными профилями испытуемых, установлено,

что лица с доминирующим левым полушарием являются более полнезависимыми [8].

Для решения проблемы исследования связи психофизиологических параметров (индивидуальных особенностей функциональных асимметрий) с регулятивными процессами человека (в виде индивидуальных особенностей склонности к риску и импульсивности), нами была поставлена цель: изучить индивидуальные особенности этих функций у здоровых испытуемых с разными вариантами асимметрий.

Методы и организация исследования. В эксперименте приняли участие 80 студентов 2 курса РГУФКСМиТ в возрасте 17–18 лет, из них 44 юношей и 36 девушки. По спортивному мастерству в выборке было 1 мсмк, 3 мс, 10 кмс, 66 человек имели 1 разряд.

Исследование индивидуально-психологических особенностей испытуемых проводилось с помощью следующих тестов: опросника А. Г. Шмелева (направленного на оценку склонности к риску) и опросника В. А. Лосенкова, направленного на оценку импульсивности. Опросник А. Г. Шмелева содержит 50 вопросов, из них 10 относятся к шкале «искренности» (или шкале «лжи»), таким образом, на оценку склонности к риску направлено 40 вопросов, на которые испытуемому необходимо дать утвердительный или отрицательный ответ. Цель опросника — получить показатель величины склонности к риску как черты характера. Тест-опросник В. А. Лосенкова состоит из 20 вопросов, к каждому из которых дается четырехбалльная шкала ответов, Импульсивность рассматривается автором как черта, противоположная волевым качествам целеустремленности и настойчивости.

В числе методик диагностики межполушарных отношений использовались: показатели пазального доминирования по А. Р. Лурия [2], в т. ч. показатель пробы «перекрест» рук (ПППР), который по данным ЭЭГ отражает парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга и имеет отношение к третьему блоку мозга, осуществляющему функции планирования, контроля и регуляции деятельности [3–6; 9]. Статистическая обработка данных исследования проводилась с использованием критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. При анализе результатов психодиагностического тестирования выборка студентов спортивного вуза ($n = 80$) были разделены на две подгруппы с разными показателями пробы «перекрест рук» (ПППР) — правыми ($n = 33$) и левыми ($n = 47$).

Анализ параметров показал, что достоверных различий по обеим шкалами опросника А. Г. Шмелева в подгруппах с правыми и левыми ПППР выявлено не было. В то же самое время, отмечаются более высокие значения «импульсивности» в подгруппе с левыми ПППР по сравнению с правыми (49,38 и 46,97 б. соответственно, $p < 0,05$) в опроснике В. А. Лосенкова.

Когнитивные стили «рефлексивность-импульсивность» были выделены Дж. Каганом при изучении интеллектуальной деятельности, когда в условиях неопределенности нужно было принять решение и требовалось осуществить правильный выбор из некоторого множества альтернатив.

Импульсивные люди хотят добиваться быстрого успеха, отчего склонны быстро реагировать на проблемную ситуацию. Однако при этом гипотезы выдвигаются и принимаются ими без тщательного продумывания, поэтому часто оказываются неверными. Для рефлексивных людей, напротив, характерно замедленное реагирование в такой ситуации, решение принимается на основе тщательного взвешивания всех «за» и «против». Импульсивные хуже, чем рефлексивные, справляются с заданиями на решение проблем, где не указаны альтернативы ответов. Рефлексивные более полнезависимы, чем импульсивные. У них выше устойчивость внимания. Импульсивные обладают меньшим самоконтролем, низкой концентрацией внимания, но большим его объемом [4–6]. Под готовностью к риску можно понимать потенциал субъекта, проявляющийся в стремлении действовать в ситуациях неопределенности, и он успешно реализуется тогда, когда есть возможность снизить эту неопределенность с помощью когнитивных и личностных усилий. Под импульсивностью понимаются действия и решения, принятые по первому побуждению, без предварительного анализа ситуации (такие решения также можно назвать эмоциональными). Если рассматривать такое личностное свойство, как склонность к риску, то под ним можно понимать также стремление человека выбирать ситуации риска, опасности и неопределенности и получать от этого новые и более сильные впечатления (связанные с выбросом адреналина).

Имеется анализ корреляции между понятиями «рациональность» и «импульсивность». Тенденция высоких показателей по рациональности и низких по импульсивности, и наоборот, была выявлена Т. В. Корниловой и А. А. Долныковой как на студенческой выборке, так и на выборке преподавателей [1].

Многие виды спорта связаны с постоянной готовностью к риску. Если рассматривать данное понятие более широко, то оно может отражать общую установку действовать по отношению к различным неопределенным, рискованным ситуациям. Наличие готовности разрешать проблемные ситуации в первую очередь говорит о личностной и социальной зрелости. Полученные данные не выявили различий между двумя группами студентов по шкале «склонности к риску». Это позволяет предполагать, что данная характеристика является в большей степени социально воспитуемым и приобретаемым в процессе социализации личности качеством.

Выводы. По данным тестирования выявлено, что у студентов спортивного вуза правый показатель в пробе «перекрест рук» коррелирует с более низкими показателями «импульсивности», испытуемые с разными показателями пробы «перекрест рук» обнаруживают достоверные различия по шкале «импульсивность». Это позволяет говорить о наличии индивидуальных различий в особенностях регулятивных функций и показателей импульсивности, связанных с межполушарными асимметриями человека. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке спортсменов с учетом их индивидуальных особенностей [3–9].

Список литературы:

1. Корнилова Т. В. Диагностика импульсивности и склонности к риску. / Т. В. Корнилова, А. А. Долныкова // Вестник Моск. Ун-та. – Серия 14. – Психология. – 1995. – № 3. – С. 46–56.
2. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 374 с.
3. Москвин В. А. Межполушарные отношения и проблема индивидуальных различий. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 288 с.
4. Москвин В. А., Москвина Н. В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. – М.: Смысл, 2011. – 368 с.
5. Москвин В. А., Москвина Н. В. Психофизиология индивидуальных различий в спорте. – М.: РГУФКСМиТ, 2013. – 128 с.
6. Москвин В. А., Москвина Н. В., Шумова Н. С. Индивидуальные различия в спортивной психологии. – М.: РГУФКСМиТ, 2015. – 134 с.
7. Москвина Н. В. Индивидуальные особенности волевой регуляции (на примере студентов спортивного вуза). // Спортивный психолог. – 2010. – № 3 (21). – С. 44–49.
8. Москвина Н. В. Индивидуальные особенности когнитивных стилей в поведении человека. // Теория и практика прикладных и экстремальных видов спорта. – 2011. – № 2 (21). – С. 20–22.
9. Moskvina N. V., Moskvina N. V. Psychophysiology and features volitional regulation sport university students. // European Journal of Education and Applied Psychology. – 2015. – № 3. – P. 62–65.

*Moskvina Victor Anatolyevich,
Russian University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism,
Dr. Psych., professor of psychology department of RSUPhCSYT
E-mail: 1700018v@mail.ru*

*Moskvina Nina Victorovna,
Ph. D., associate professor of psychology department*

*Shumova Natalya Sergeyevna,
Ph. D., associate professor of psychology department*

*Kovalevski Andrey Grigoryevich,
postgraduate student of psychology department*

Control over the actions in sports psychology

Abstract: The features of monitoring the operation of the example sports university students (boys and girls 16–17 years old, n = 78) with different signs of brain asymmetry in the regulatory unit of A. Luria. For the diagnosis of strong-willed regulation used “Scale control action” of Kuhl J. Identified the individual characteristics of the control of the action due to brain asymmetry.

Keywords: sport, asymmetry, individual differences, control of action.

*Москвин Виктор Анатольевич,
Российский государственный университет
физической культуры, спорта, молодежи и туризма,
д. псих. н., профессор кафедры психологии
E-mail: 1700018v@mail.ru*

*Москвина Нина Викторовна,
к. псих. н., доцент кафедры психологии*

*Шумова Наталия Сергеевна,
к. псих. н., доцент кафедры психологии*

*Ковалевский Андрей Григорьевич,
аспирант кафедры психологии РГУФКСМиТ*

Контроль за действием в спортивной психологии

Аннотация: Изучены особенности контроля за действием на примере студентов спортивного университета (юноши и девушки 16–17 лет, n = 78) с разными признаками асимметрии регулятивного блока мозга по

А. Р. Лурия. Для диагностики волевой регуляции использовалась «Шкала контроля за действием» Ю. Куля. Выявлены индивидуальные особенности контроля за действием, обусловленные асимметриями мозга.

Ключевые слова: спорт, асимметрии, индивидуальные различия, контроль за действием.

Введение. Современные представления о множественности процессов, опосредующих волевую регуляцию, побудили Ю. Куля [7; 8] отказаться от понятия «воля» и заменить его понятием «контроль за действием», описывающего совокупность опосредующих реализацию намерения процессов.

По представлениям Ю. Куля, для генерирования полноценного намерения субъекту должна репрезентироваться однозначная связь между мотивом, целью и способами достижения цели. Согласно автору, более подвержены формированию неполноценных намерений субъекты, названные «ориентированными на состояние», в противоположность «ориентированным на действие». Для определения типов ориентации Ю. Кулем был разработан опросник «НАКЕМР-90» [8]. Адаптированный С. А. Шапкиным вариант имеет название «Шкала контроля за действием», он содержит 36 вопросов и три субшкалы: 1) «Контроль за действием при планировании» (КДп); 2) «Контроль за действием при реализации» (КДр) и 3) «Контроль за действием при неудаче» (КДн), которые отражают три основных компонента волевой регуляции. Высокие оценки по каждой из шкал означают «Ориентацию на действие», а низкие — «Ориентацию на состояние» субъекта [7].

В спортивной психологии имеются данные о наличии индивидуальных особенностей склонности к риску и импульсивности, связанных с функциональными асимметриями [3–6; 9]. Для выяснения связи асимметрии регулятивного блока мозга по А. Р. Лурия [2] с индивидуальными особенностями рефлексии и эмоциональности было проведено следующее исследование.

Методы и организация исследования. В эксперименте приняли участие 78 студентов 1 курса ФГБОУ ВПО «РГУФКСМиТ» в возрасте 16–17 лет, из них 36 юношей и 42 девушки.

Для диагностики межполушарных отношений использовались показатели парциального доминирования по А. Р. Лурия [2], в т. ч. показатель пробы «перекрест» рук (ПППР), который отражает парциальное доминирование контрлатеральных лобных отделов мозга и имеет отношение к третьему блоку мозга, осуществляющему функции планирования, контроля и регуляции деятельности [3–6; 9]. Для выявления особенностей волевой регуляции использовалась «Шкала контроля за действием» Ю. Куля [7]. Рефлексия определялась с помощью теста Карпова, показатели эмоционального интеллекта — при помощи теста Холла, эмоциональность — опросником Изарда [1]. Статобработка проводилась с использованием критерия Стьюдента.

Результаты и их обсуждение. При анализе результатов психодиагностического тестирования выборка спортсменов по данным субшкалы КДн была разделена на три подгруппы — с высокими оценками контроля за действием

при неудаче (подгруппа В, 8 баллов и выше, 17 человек), средними (подгруппа С, 4–7 баллов, 38 человек) и низкими (подгруппа Н, 3 и менее баллов, 19 человек). В каждой подгруппе был определен состав испытуемых по показателям пробы «перекрест рук» (ПППР). Из 78 испытуемых правый ПППР (что соответствует левополушарному доминированию) был выявлен у 36 человек, левый — у 38, отчетливого доминирования не было у 4 испытуемых. Были выявлены различия между указанными подгруппами по двум другим субшкалам — «Контроль за действием при планировании» (КДп) и «Контроль за действием при реализации» (КДр) [7], а также по показателям рефлексии, эмоционального интеллекта и эмоциональности [1].

Анализ данных распределения ПППР, показал, что в подгруппе с высоким уровнем контроля за действием при неудаче достоверно больше было испытуемых с преимущественной левополушарной активацией (правый ПППР составил 12 из 17). В подгруппе со средним уровнем контроля за действием при неудаче, напротив, испытуемых с правополушарной активацией (левый ПППР) было близко к достоверному (24 из 38), что, возможно, свидетельствует о том, что именно в среднем диапазоне находится приемлемый для них уровень неудачных попыток завершить действие. В группе с низким уровнем контроля за действием при неудаче испытуемых с право- и левополушарной активацией было примерно поровну (10 и 9), что свидетельствует об отсутствии существенной связи между формированием намерений и особенностями асимметрии регулятивного блока мозга по А. Р. Лурия [2].

Анализ выявленных отличий по эмоциональности, эмоциональному интеллекту, рефлексии и контролем за действием при планировании и при реализации между подгруппами с высоким, средним и низким уровнем контроля за действием при неудаче, показал, что: при сравнении подгрупп С и Н достоверные отличия были обнаружены по 2-м показателям из 21. Обнаруженные отличия говорят о большей эмоциональной возбудимости лиц с низким контролем действия при неудаче и повышенной тревожности. Эти данные соответствуют полученным при адаптации на русскоязычной выборке «Шкалы контроля за действием» фактам о том, что баллы по субшкалам КД (п) и КД (н) могут быть рассмотрены в составе одного фактора и изменяются обратно пропорционально повышению «личностной тревожности» [7].

При сравнении подгрупп В и Н (с высоким и низким уровнем контроля за действием при неудаче) достоверные отличия выявлены по 10 показателям из 21 и при сравнении подгрупп с высоким и средним уровнем контроля за действием при неудаче — по 7 показателям из 21. При этом в группе с высоким КДн (по сравнению со средним и низким) обнаруживается более высокий контроль за действием при планировании, управление эмоциями, самомотивация,

интегративный показатель эмоционального интеллекта Холла, эмоция интереса, радости (чувство уверенности в себе). Отмечается более низкий уровень рефлексивности, ниже и общая эмоциональная возбудимость.

Выводы. Полученные данные позволяют сделать заключение, что более низкая эмоциональная возбудимость, уверенность в себе (вплоть до самоуверенности), подавление отрицательных эмоций, в том числе, желание избежать, отдалиться, выйти из крайне неприятных и несовместимых с установками человека ситуациями, избавиться от опасных объектов, в большей степени связаны с левополушарной активацией (правыми ПППР). Это соответствует представлениям Ю. Куля [7] о функционировании субсистем, способствующих реализации намерения: «интенционного» фильтра на ранних стадиях восприятия, блокирующего информацию, иррелевантную намерению и, наоборот, делающего перцептивную систему более чувствительной к характеристикам поступающей информации, связанным с намерением. Если при этом эмоциональный фон затрудняет достижение цели, система стремится изменить и его. Перцептивные категории, связанные с намерением, находятся при этом в большей «готовности» и требуют меньших затрат времени на

обработку и раньше других получают доступ к системам регуляции действия.

Результаты согласуются с данными исследования, проведенного Ю. Кулем совместно с С.А. Шапкиным и А.Н. Гусевым [8], выявившими у ориентированных на действие испытуемых левополушарную доминантность практически всех компонентов саморегуляции. При наступлении неприятного события у ориентированных на действие испытуемых система контроля быстро опознает неприятное событие, определяет степень влияния на систему (по сравнению с другими событиями) и приводит в готовность механизмы левого полушария, связанные с процессами подготовки и контроля моторных программ. Авторы полагают, что ориентированные на действие испытуемые уже на ранних стадиях переработки стрессогенной информации преодолевают негативное воздействие, сохраняя комплекс связей внутри системы контроля за действием (селективное внимание, эмоциональные предпочтения, целевые репрезентации и др.).

Полученные данные могут быть полезны при подготовке спортсменов высокой квалификации, при учете индивидуальных особенностей произвольной регуляции и контроля за действием в спортивной психологии.

Список литературы:

1. Ильин Е.И. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001. – С. 633–634.
2. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 374 с.
3. Москвин В.А., Москвина Н.В. Межполушарные асимметрии и индивидуальные различия человека. – М.: Смысл, 2011. – 368 с.
4. Москвин В.А., Москвина Н.В. Психофизиология индивидуальных различий в спорте. – М.: Изд-во НИИ спорта РГУФКСМиТ, 2013. – 128 с.
5. Москвин В.А., Москвина Н.В., Шумова Н.С. Индивидуальные различия в спортивной психологии. – М.: РГУФКСМиТ, 2015. – 134 с.
6. Москвина Н.В. Индивидуальные особенности волевой регуляции (на примере студентов спортивного вуза). // Спортивный психолог. – 2010. – № 3 (21). – С. 44–49.
7. Шапкин С.А. Экспериментальное изучение волевых процессов. – М.: Смысл; ИП РАН, 1997. – 140 с.
8. Kuhl J., Schapkin S., Gusev A. A theory of volitional inhibition and an empirical test: Individual differences in the topography of ERP patterns for action-versus state oriented processing of emotional words. // Forschungsberichte aus der Univ. Osnabrueck. – 1994. – № 99. – P. 1–52.
9. Moskvina N.V., Moskvina N.V. Psychophysiology and features volitional regulation sport university students. // European Journal of Education and Applied Psychology. – 2015. – № 3. – P. 62–65.

*Vykhreshch-Oleksyuk Oleksandra,
Vasyl Stefanyk Precarpathian national university,
PhD student, department of Social psychology
E-mail: alya_wyhrushch@mail.ru*

The peculiarities of social-psychological distance in multicultural students group

Abstract: The notion of social distance was considered in multicultural group of students, that is one of the main for the process integration of foreign student in educational and socio-cultural space. The question of correlation interaction of social course was considered due to the different social groups on the base of principle of tolerance.

Our conclusions were made according to the improvements of the process adoption of each other by members of multicultural group of students.

Keywords: foreign students, multiculturalism, social course, tolerance, integration.

The multiculturalism is one of the basic standards of modern education, which is based on the main values of European society: human rights, equality, peace, social justice, democracy, freedom, security of citizens, interdependence, pluralism, cultural diversity, openness, accountability, partnership and respect to the environment. In this context the highest multicultural competence of young generation is the necessary condition for providing of full life in today's European space [1, 88].

The problem of interaction in multicultural environment was considered in the conditions of educational process globalization and an opportunity to choose any country of the world generating interaction and apprehension. There was a significant increase of foreign students, who gets their education in Ukraine from 18 312 (1998–1999 educational years) to 63 172 (2014–2015 educational years) and Ukrainian students, which are studying abroad 25 128 in 2004 year to 35 066 in 2010 [2; 3].

Since the number of foreign students in Ukraine increases significantly and number of investigations in different branches of psychology (social too) is so negligible, that is why we think that it is necessary to course our investigation on the given social group. For the same time, social-psychological integration of student's youth from Russia, Africa, Asia, Arab countries in higher educational establishments of Ukrainian society is representing a great scientific-theoretical and practical interest and connects the question not only exchange of experience, world-class professional training, but also tolerance/intolerance, constructive/destructive interaction within multicultural environment etc.

The problem of social course is considered in historical, sociological, ethnical, pedagogical, cultural, psychological contexts.

For the first time term "social course" was proposed by sociologies G. Zimel for characteristic of social interaction in physical space, in which the change of social interaction was observed by changing the geographic distance. More reliable estimates, from the social psychological point of view, were in the investigations of R. Park and E. Bocharus. In particular R. Park thought that in the base of social course are installation personality, which are represented at interpersonal and intergroup social interactions as a result are non/understanding and proximity/alienation between social groups. In turn, E. Bocharus, term of social course observed in varying degrees of social contacts closeness; to which are ready or not to take the individual interaction [4]. According to P. Sorokin, characteristic of social course are the positions in social space according to their proximity or remoteness that is why for the definition of social distance it is necessary to know their objective indicators (marital status, citizenship, nationality, religion, occupation, political affiliation, economic status, birth etc). Than more substantial will be differences between objective

positions, those, by Sorokin, accordingly become greater social distance [5, 297–300].

Nowadays in science were formed two dominant theoretical and methodological approaches to the study of this concept, according to them this category describes or a subjective feeling of alienation between members of different groups (R. Park, E. Bogardus), or differences in the characteristics of the lens manifestation of the social situation in different groups (P. Sorokyn, P. Burdie) [4, 53–57].

In our opinion the most appropriate understanding of social distance by P. Burdie, which considers these achievements competitive theoretical directions and determine social course like closeness/distance position in the social space, that are objectively (through distribution of various types of goods and services), so and subjectively (as a mental structure) [6, 35–51].

For the definition of intolerantly-tolerant settings in relation to representatives of different social groups was used a modified scale of E. Bogardus social distance. With this technique had identified a number of foreign students' attitudes towards the representatives: a) of other nationality, b) of different religion; c) with other color of skin; d) Ukrainian. It was offered to the students of foreign origin by selecting one of seven own judgment to assess the degree of acceptance or rejection, closeness or alienation in relation to representatives of these groups. The research considered psychological readiness of students studying abroad to interact in a multicultural environment.

Participation in constatual experiment took 318 foreign students from African countries (Nigeria, Sudan, Congo, Zimbabwe, etc.), aged 18 to 31 years. All respondents were divided into 3 groups of 106 participants each, depending on the length of stay in Ukraine (Group 1–1 year, Group 2–1 to 2 years, 3 group — more than two years). An even distribution by gender in each group: there were 53 representatives of male and female. Research conducted psychological work in three higher educational establishments of Ukraine: Ternopil National Economic University, Ternopil State Medical University by I. Gorbachevsky and Ternopil National Technical University by I. Pului.

Analysis of the raw data showed significant individual differences in degree of acceptance of these groups: from the absolute isolation maximum delimitation to a high degree of proximity (willingness to accept as a close relative) (see fig. 1). In particular the rejection of most foreign students are showing to people with different skin color (11 %), thus adopt the same person as a close friend willing to 32 % (flush with representatives of other nationalities). Social and psychological attitudes of respondents to the representative of the Ukrainian nation bordering the willingness to accept it as a close friend (24 %) and relative (21 %) — a high level of intimacy before taking him like guest (tourist) in his country (18 %) — a high level of social distancing. The representative of other religion

students who comes to study from other countries see as a close friend (28 %) and citizen of their state (23 %). Almost the same number of representatives of this group is ready to be perceived by the respondents as guests (tourists) (13 %),

neighbors at home (10 %), colleagues (10 %) and close relatives (10 %). Foreign students are not willing to see in their country people of other religions (5 %), representatives of Ukrainian and nationalities other than their own (6 %).

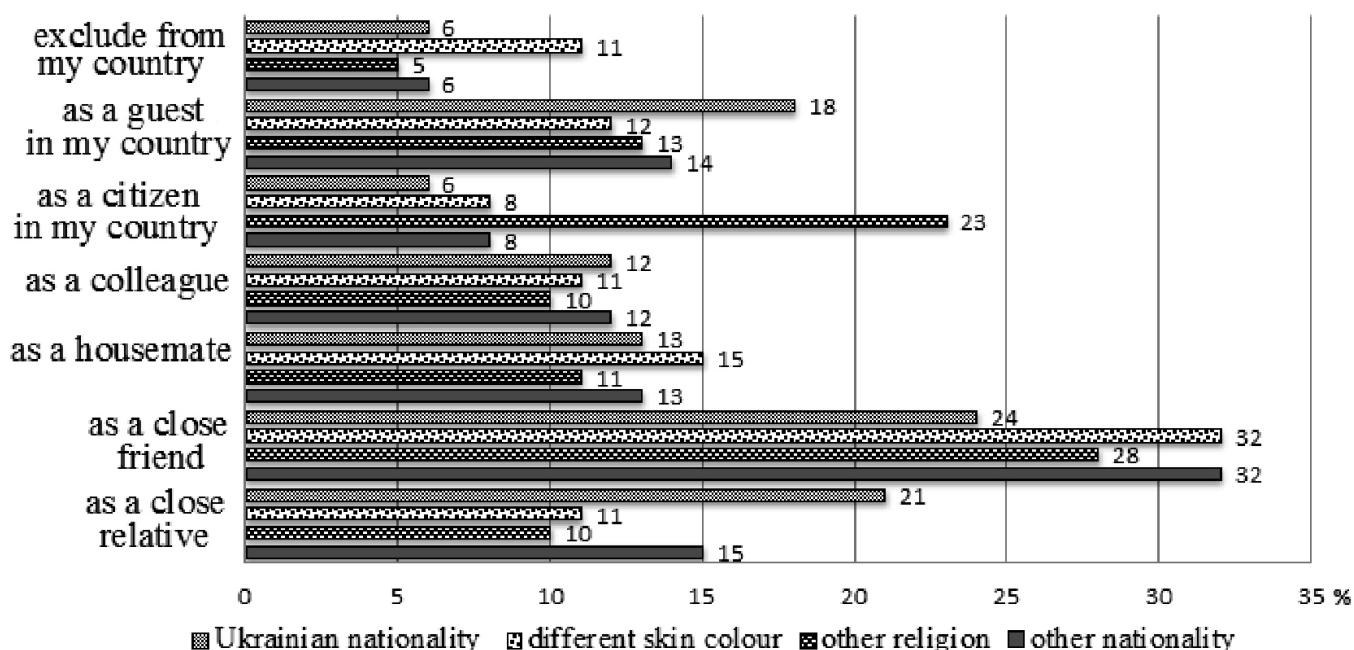

Fig. 1

The results of the investigation of social distance among students by Bogardus' methodic.

Usage of the criterion of parametric linear Pearson correlation revealed a number of specific depended installations on the mentioned social groups of foreign students. How longer is a person in contact with the representatives of different peoples, cultures, the less social distance observed between them ($r = 0.124$; $p < 0.05$). If we analyze the gender component, it should be noted that of men, an increase of social distancing from religion ($r = 0.173$; $p < 0.01$) and color of skin ($r = 0.111$, $p < 0.05$), as opposed to women.

We attribute these significant differences in trends and their attitude to foreign students from different social groups by influence of specific educational, social and information space. Lack of information about the socio-cultural features members of multicultural groups creates application forms

of stereotypical thinking and behavior in a multicultural environment and increasing social distance, which can lead to misunderstandings and different forms of xenophobia.

Based on this survey indicators to improve interaction in a multicultural group and reduce the social distance can formulate a number of practical tasks: improvement in the language in which is learning and in this multicultural group; improving knowledge about the socio-cultural characteristics of the country in which the students came to study and representatives of the nations with whom the foreign student in direct contact; the establishment of friendly relations and a favorable microclimate in multicultural student groups on training sessions, parties exchange cultural experiences, events, round tables and other events; various selection of methods and forms of work with foreign students to improve their integration into the new multicultural educational environment.

References:

1. Simonenko M. Multicultural competence of future teacher as a standard of education a European dimension. / Bulletin of Kiev National University by Shevchenko T. – A series of "Sociology. Psychology. Pedagogy." – Appendix 4, Volume II (14) – 2009.
2. Global educations digest 2004. UNESCO Institute for Statistics. // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.uis.unesco.org/Library/Pages/default.aspx?s=Document%20Library>
3. Actual statistical and analytical data of educational services for foreigners in Ukraine. // [Electronic resource]. – Available from: <http://intered.com.ua/actual-statistical-and-analytical-data>.
4. Nepyyvoda T. Social distance between age groups in Ukrainian society. The social distance between polar age groups (youth and the elderly) in Ukrainian society. // Visnyk Kiev National University of T. Shevchenko. – Sociology 1–2, 2010.
5. Sorokyn P. Social stratification and mobility. Man. Civilization. Society. – M.: Politizdat, 1992. – P. 295–424.
6. Bourdie P. Sociology in politics – M.: Socio-Logos, 1993.

Section 7. Religious studies

*Soltanova Gulsan Rza,
Researcher, Institute of «Oriental Studies»
of the AS Azerbaijan Republic
E-mail: kanan2006@mail.ru*

«Islamic revival» as historically determined struggle within Islam

Abstract: With the rapid development of globalization stimulated by various social factors of human activities, one of which is religion. Eastern countries are becoming more religious. Researchers evaluated the situation differently. Some saw in Islam a political, economic, cultural and spiritual counterweight to the West talk about “Islamic alternative” other frightening “Islamic threat”. Experts call it a religious and ideological opposition in the Muslim world the new “Islamic Renaissance”.

Keywords: East, globalization, the Muslim world, Islamic revival.

*Солтанова Гюльсан Рза,
научный сотрудник института «Востоковедение»
АН Азербайджанской Республики,
E-mail: kanan2006@mail.ru*

«Исламское возрождение», как исторически обусловленная борьба внутри ислама

Аннотация: Глобализация стимулирует крупномасштабные социально-экономические изменения, отражающиеся в духовной жизни у восточных обществ, которые внешне отражаются в основном, в повседневной жизни и поведении рядовых верующих. Восточные страны становятся более религиозными. Ученые оценивают ситуацию по-разному. Некоторые видят в ней угрозу, а некоторые говорят о Исламской альтернативой и «Исламском возрождении».

Ключевые слова: Восток, глобализация, мусульманский мир, Исламское возрождение.

С конца XX века, с интенсивным развитием глобализации стимулируются разные социальные факторы человеческой деятельности, одной из которых является религия. Этому свидетельствует тот факт, что последние десятилетия значимость религии в общественной жизни начала играть особую роль.

Характерное явление для Восточных обществ — внедрение религиозных доктрин в социальную жизнь особо наблюдается в мусульманском мире. Глобализация стимулирует крупномасштабные социально-экономические изменения, отражающиеся в духовной жизни у восточных обществ, которые внешне отражаются в основном, в повседневной жизни и поведении рядовых верующих. Восточные страны становятся более религиозными.

С активизацией глобальных процессов, мусульманские страны вступили в полосу кардинальных изменений. Трансформация социальной жизни мусульманских обществ, вызываемая их влиянием, становится обычным явлением последних лет. Специалисты утверждают, что формируется иная транснациональная идентичность

мусульман и новая глобальная исламская идеология. По этому, «эти трансформации представляют особый интерес, т. к. они не только серьезно меняют картину исламского мира, но и оказывают влияние на формирующийся международный порядок» [1]. Специалисты охотно называют это религиозное и идеологическое противостояние новым «Исламским возрождением».

Глобализация сильно изменила облик мусульманского мира. Его меняющаяся конфигурация привела к тому, что Ислам сегодня имеет более широкие географические границы, выходя далеко за пределы своего исторического понятия: в любой стране планеты можно встретить людей мусульманского вероисповедания, общин и мечетей. Так, являясь более активной стороной религиозной демографии, выходя далеко за пределами, так называемого мусульманского мира, миграция делает планету более религиозной, а влияние Ислама более заметным.

Известно, что под названием ислама, имеется в виду не только религия, но и связанное с ним общество, часто так называемое исламизированное, или мусульманское.

Мусульманскими странами они считаются на том основании, что большинство населения в них состоит из мусульман по собственной вере или вере предков, «претендующее на традиционный контроль над территорией, где расположено все государство или большая его часть» [2, 22], считает, известный российский ученый В. Белокреницкий. Динамика масштабной социальной миграции, образовал мусульманство не характерному ему ареалу, на Западе, в Западной Европе, и в Америке. Такая ситуация все более настораживает Запад, со своими демократическими институтами. Ведь активность этой религии в современном мире проявляется в основном в политике, экономике, в неприятии западных и материалистических ценностей и широкой миссионерской деятельности.

Прошлые попытки мусульманского мира найти ответы на вызовы западной цивилизации часто противоречили друг другу и подразумевали взаимоисключающие цели, в виде экстремистских, традиционалистских и фундаменталистских движений. В этом плане глубокое непонимание политической культуры данной религии все более усиливали обоюдное негативное отношение. Но сторонники «исламского возрождения», опираясь на своих давних предшественников и стойкие культурные традиции, пытаются демонстрировать значительный потенциал Ислама в адаптации к современному порядку и модернизации.

1. Исламское возрождение — суть и цели

Об исламе и о его роли в контексте социального развития писали нередко пересказом традиционной религиозной концепции существования человечества. Многие рассматривали проблемы связанные с ним, не понимая сути этой религии. В основном ими были социологи, политики, журналисты из Западных стран. Они, долгие годы утверждали, что понятие, как «социальное развитие» не имеет общую точку с Исламом и что она не является религией стимулировавшей общество для социального, экономического и технологического развития. Поэтому, эту религию часто рассматривался как препятствие на пути прогресса [2, 22–23]. Даже сегодня многие не перестают думать что, несмотря на интенсивные трансформации социальной деятельности, локализованные традиционными узлами мусульмане не имея желание интегрироваться в западные культурные ценности, пассивны в общественной и политической жизни. Такое однобокое мировоззрение стало в некоторой степени оказывать ощутимое влияние на негативное отношение западного человека к мусульманам.

Некоторые западные аналитики, долгое время утверждали, что основная проблема мусульманского мира является политизация Ислама и внедрение в социальную жизнь религиозных ценностей. Но последнее время, у западных авторов появились иные мнения об активизации исламского возрождения. Так, например Абдеслам Маграуи, директор американского проекта «Всемирная исламская инициатива», считает, что суть «возрождения» прежде всего, состоит в идеологических подвижках в самом мусульманском мире. Эти подвижки инициируют

ожесточенную борьбу за будущее ислама как религии и как цивилизации [3, 2]. В этом плане «Исламское возрождение» как проявление умеренного исламизма, имеет глубокий модернизирующий потенциал, направленный не на фундаментализм, а на реформирование ислама для адаптации религии к современным тенденциям развития.

Известный социолог С. Хантингтон делает более ясное заключение, касающееся расхождений в интерпретации «возрождения»: «Исламское возрождение по своему размаху и глубине — это последняя фаза в приспособлении исламской цивилизации к Западу, попытка найти “решение” не в западных идеологиях, а в исламе» [4, 162]. Он утверждает, что оно является попыткой мусульман добиться своей цели. Это — широкое интеллектуальное, культурное, социальное и политическое движение, распространившееся на весь исламский мир, включает в себе также религиозный “фундаментализм”, который часто воспринимается как политический ислам и возвращение мусульманского населения к «недрам» религии.

Последнее время ученые отрицают участие «фундаментализма» в движении исламского возрождения. Они считают, что современное Исламское возрождение — это интеллектуальная исламская революция, осуществляемая не террористами и экстремистами, а общественными активистами, политиками, учеными и проповедниками. Как отмечают, авторы двухтомника «Религиозные традиции мира», «Исламское возрождение, одним из главных и характерных выражений которого является исламизм, началось задолго до наступления настоящей эпохи. Черты возрождения замечался в реформистских движениях XIX–XX вв., развернувшихся в Индии, Индонезии, Египте, Иране и других странах» [5]. Набирая силу как социальное, политическое и интеллектуальное движение, стремящееся ввести в общественную политику современные духовные нормы и найти ответы на вызовы сегодняшнего дня, «движение» обращается к традициям ислама. Со стороны кажется, что его цели направлены на глубокое реформирование мусульманских обществ и политики мусульманских стран.

По рассуждению некоторых аналитиков именно огромные запасы нефти в отдельных мусульманских странах стали причиной ее обретения с конца XX века в таких сферах деятельности, способствующей возрождению ислама, как миссионерство, пропаганда и образование.

Социологи уверены, что новая волна «Исламского возрождения» как проявление глобализации затронуло жизнь мусульман в каждой стране. Признаки «возрождения» проявляются по-разному. Повышенное внимание к соблюдению религиозных обрядов, частое посещение мечети, распространение религиозных программ и публикаций, частый акцент на исламскую одежду, символики и ценности сопровождаются и тем, что ислам вновь утверждается в общественной жизни. Растет число ориентированных на ислам правительств, организаций, законов, банков, служб социальной помощи и образовательных учреждений. Но яркое политическое проявление «возрождения» часто

ассоциируемое с политическим Исламом, в основном замечается в форме фундаменталистских движений.

Проявление Исламского возрождения в такой форме по С. Хантингтону идентифицируется с марксизмом со «своими священными текстами, видением идеального общества, стремлением к фундаментальным изменениям, неприятием сильного мира сего и национального государства, а также разнообразием доктрин, начиная умеренным реформизмом и заканчивая неистовым революционным духом» [4, ст. 163]. Абдеслам Маграуи думает иначе, так, по его мнению, сторонники «движения» более умеренные в исламизации политических заявлений, и отвергая насилие, стремятся к установлению верховенства закона и приходу правительств, подотчетных гражданскому обществу [3, 3]. С. Хантингтон считает, что более полезной аналогией движения за обновление мусульманского общества, религии, является переосмысление культурных ценностей Ислама и шариата через призму современных тенденций, вроде протестантской Реформации.

Сегодня Исламское возрождение развивается разрозненно и неорганизованно, его лидеры не представляют пока идеологически однородного движения с общими целями и задачами. Но оно охватывает более широкие слои мусульманского населения. Так, сюда входят различные общественные деятели из разных стран со схожими программами. Это движение включает в себя женские объединения, умеренные мусульманские партии, определяющие себя как современные политические силы, придерживающиеся умеренных исламских позиций, а также активные демократические группы, центры, объединения. Специалисты разделяют в основном четыре широких групп входящие в движение за обновление ислама [3, 3–4].

1. Сторонники «гражданского ислама». Эта группа, образовавшая гражданские организации, защищающие права человека и гражданства, а также принципы социальной ответственности, окружающую среду пытается адаптироваться на вызовы современности путем образования и просвещения. Она не стремится получить политическую власть, хотя ее цели часто требуют общественно-политических изменений, таких как проведение политических реформ и соблюдения прав человека, основных свобод.

2. Сторонники «Ислам и демократия» выступают за участие в политических процессах и намерены получить власть, провести политические реформы на основе принципов ислама.

3. Сторонники «реформ внутри ислама» призывающие к переосмыслению законов ислама, новому историческому прочтению ислама и Корана, совершенствованию исламского знания.

4. «Современный культурный ислам» пропагандируют, в основном, среди мусульман, живущих на Западе. Они, в целом отдельные группы и организации, стремятся утвердить свою «западную мусульманскую идентичность». Эти люди не видят никаких противоречий между мусульманкой идентичностью и гражданством западного общества.

2. «Исламское возрождение» или раздвоение Ислама

Известно, что Ислам более разнообразная по национальному составу, и более мультикультурная и толерантная, чем представляется некоторыми экспертами. Исторически она охватывает устойчивые культуры народов Востока, которые веками влияли на формирование Исламской цивилизации. В ранние века, эта религия являлась современным стилем жизни, экономики, культуры, моды и просвещения [6, ст. 37]. Так например, исламовед Т. С. Сеидбаев отмечал, что ислам представлял собой значительное явление, принесшее много нового, иначе он не сумел бы стать одной из наиболее распространенных в мире религий. Автор добавляет: «Арабы свои завоевательные походы проводили под лозунгом равенства всех мусульман. Мусульманин отличался благочестивым поведением, подражал пророку, хорошо знал основы религии и аккуратно соблюдал правила поведения» [6, ст. 32].

Известно, что все мусульмане являются обитателями, по меньшей мере, двух культурных сфер; первая позволяет им осознать свою принадлежность к нации или местной этнической группе, а другая является для них источником мусульманской идентичности [5]. Обе эти сферы контрастировали, проходя длительный период сосуществования, и веками обуславливали друг друга. Поэтому, Ислам не всегда был единственным регулятором общественных отношений. Влияние этнических традиций было не меньшим, порой даже большим. Этнические традиции имели более глубокий смысл, чем религиозный. Ислам регламентировал отношения между людьми. В этом смысле, приспособление религии к локальным культурным традициям, зачастую в ущерб религиозным догмам был одним из направлений эволюции Ислама. Устойчивость этих традиций обеспечивалась привязанностью к местным экономическим укладам, прочностью родовых отношений. То есть локальный традиционализм обуславливался мирским мультикультурализмом множества этносов, образующих исламскую умму, как утверждает, А. Малошенко [7, 56–79].

Таким образом, глобализация мира и специфические свойства приспособления Ислама к иной культуре привели к тому, что сегодня исповедующие эту религию мирно живут во всех странах мира, а в мусульманских государствах существуют различные западные организации. В рамках интеграционного процесса она заставила мусульман сформировать специфическую форму «современного ислама», который все более опирается на концепты прогресса, демократии и гражданства. Так, многонациональный облик мира и распространение Ислама, а также противоречивые тенденции экономического развития формируют неоднородные религиозные культурные общества во всех концах мира.

Массовая иммиграция из стран третьего мира затронула многие страны с сопровождением соответствующей инфраструктуры, моды, стиля жизни, как строительство мечетей, соблюдения ритуалов, ношение хиджаба, бороды, символики, предпочтения «халяльной» еды. Все это, как

культурное проявление различия от секуляризованного мира, внешняя сторона Возрождения Ислама [8]. Отличительная сторона миграции мусульман в разные немусульманские страны, особенно в демократические Западные страны это то, что сама религия сильно меняется.

Интенсивная миграция Ислама и утверждение его на обширных территориях, как феномен последних лет, является следствием глобализации и неуправляемых миграционных потоков. Мусульмане, приезжающие в другую страну, скорее стремятся укрепиться в своей вере, чем поддаться воздействию чужого образа жизни. Мусульмане, вступающие в социальное взаимодействие, проживая при этом в странах с преобладанием мусульманского населения, почти всегда имеют и западническую ориентацию и занимают верхние социальные и политические позиции [6]. Они могут оставаться мусульманами лишь номинально. Однако, иногда встречаются и те, кто с глубокими религиозными убеждениями, ведут либеральный образ жизни и ведут активную социальную деятельность за пределами конфессиональных рамок ислама. Такие группы не так часто ставят национальные и идеологические вопросы Ислама противовес внутренней политики данной страны. Так, как они считают эту страну, прежде всего своей родиной, которая предоставила все возможности для развития их веры и для себя самих.

Сейчас почти в любой точке мира можно встретить мусульман которые подсознательно характеризуют себя «иным», а точнее «современным мусульманином», с неприятием «народных» и архаичных форм исповедания религии. Задача этих людей — «переформатировать идеологическую базу исламского мира, предложив оригинальные пути исламской модернизации и обновления» [1].

Последнее время аналитики думают, что именно эта категория людей может внести существенный вклад в трансформации мусульманского общества.

Выводы

Таким образом, за несколько десятилетий Ислам превратился в неотъемлемую часть мировой цивилизации. Перемены, связанные с глобализацией происходящие во всех уровнях социальной жизни сильно затронули Ислам. Динамичная интеграция мусульман превращает их в носителей современной культуры, в традиционные исламские сообщества.

Нарастающий демографический рост приверженцев Ислама изменил не только религиозно-культурный облик всего мира, но и религию, а сложности признания ислама в немусульманском мире связаны только с вопросами мышления западного человека. Сегодня с «возрождением» ислама в глобализирующем мире, единый мусульманский мир (умма) как бы «раздваивается» — с одной стороны, традиционный ислам, хорошо инкорпорированный в местную культуру; с другой стороны, прибывающие мусульманские иммигранты, размывающие традиционные отношения. Ислам развивается в основном как светский и индивидуальный ислам, и как традиционно-фундаменталистский.

Исторически обусловленная борьба внутри ислама закономерно сталкивает современные тенденции развития мира с радикальными исламистами, которая проявляется в форме «Исламского возрождения». В настоящий момент это движение имеет прочные основы и силы для объединения разрозненных реформистских идей в сфере социальных, политических и культурных проблем не только для рядового верующего, но и исламского мира в целом.

Список литературы:

1. Мухаметтов А.Р. Как глобализация меняет исламский мир?//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1058>
2. Белокрыцкий В.Б. Мусульманский Восток в начале XXI века. Тенденции и перспективы развития.//Центральная Азия и Кавказ. – № 2 (38). – 2005.
3. Maghraoui M. Abdeslam American Foreign Polisy and Islamic Renewal.//United States Institute of Peace. Special Report. 164. – 2006.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизации. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603.
5. Религиозные традиции мира. В 2-х т. Глава вторая. Исламское возрождение: мировоззрение и идеология. – М.: Крон-пресс, 1996. – Т. 2. – 640 с.
6. Сеидбаев Е.С. Ислам и общество. – М.: Наука, 1984. – Ст. 284.
7. Малашенко А.В. Исламские ориентиры Северного Кавказа./Моск. Центр Карнеги. – М.: Гендальф, 2001. – 180 с.
8. Трофимова О. Мусульмане и ислам в Западной Европе.//«Мировая экономика и международные отношения». – № 10. – 2009. – С. 52–62.
9. Соломатин Я.И. Исламские концепции международных отношений.//Глобальные вызовы и угрозы Сборник статей. – Екатеринбург, 2011. – С. 44–52.

Section 8. Philology

*Aliyeva Khuraman Ali Aga gizi,
Z. Buniatov Institute of Oriental studies
of the Azerbaijani National Academy of Sciences
E-mail: siniguricka@mail.ru*

Aida Imanguliyeva – the first Azerbaijani woman-orientalist

Abstract: The article is dedicated to the outstanding Azerbaijani orientalist Aida Imanguliyeva. In the article are given the famous literary men — arabists' memories connected with this talented scientist. Her achievements in rapprochement of the Orient and West are especially emphasized.

Keywords: problems of the Orient-West in literature, Syro-American school, orientalist-arabists.

*Алиева Хураман Али Ага гызы,
Институт Востоковедения имени З. Буньядова
Национальной Академии Наук Азербайджана
E-mail: siniguricka@mail.ru*

Аида Имангулиева – первая азербайджанская женщина-востоковед

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся азербайджанскому ученому-востоковеду Аиде Имангулиевой. В работе приводятся воспоминания известных русских литераторов-арабистов. В частности, особо отмечаются её достижения в деле сближения Востока и Запада.

Ключевые слова: проблемы Востока-Запада в литературе, сиро-американская школа, востоковеды-арабисты.

Аида Имангулиева — выдающийся азербайджанский ученый-востоковед. Она является исследователем проблем Востока-Запада и считается новатором в фундаментальном изучении творчества писателей «сиро-американской школы».

С самого начала своей научной деятельности Аида Имангулиева выбрала в качестве предмета исследования тему, привлекавшую и до сих пор привлекающую многих востоковедов-арабистов, а именно творчество писателей арабской эмигрантской школы, которую академик И. Ю. Крачковский назвал «сиро-американской», поскольку возникла она в Америке, но имела тесные связи и с западноевропейской, и с русской литературой. Столкновение двух миров, двух культурных общностей, их взаимодействие в начале XX в. вызвали к жизни такой феномен, как арабская эмигрантская литература. Ее называли сиро-американской постольку, поскольку «значительная часть ее деятелей происходила из аш-Шама, исторически единой области, включавшей территорию нынешних Сирии, Ливана и Палестины и обычно соответствовавшей в европейской литературе понятию Большая Сирия. Арабы до сих пор называют Сирию аш-Шам, а порой аш-Шамом называют также и Дамаск, считая его сердцем этой части своей большой арабской родины».

Подъем арабского национального самосознания создавал новые условия общественной жизни и новые идеи, овладевавшие умами людей. Арабы-христиане и арабы-мусульмане теснее чувствовали свое единство как арабской нации перед лицом Запада, а другой стороны, годы жизни в западной культурной среде, размышления над историческими путями Востока и Запада, их пересечениями, поиски общей культурной основы и сохранения самобытности дали жизнь многим творениям сиро-американской литературы, содержание которых составляют общечеловеческие ценности и философию общности людских судеб и идейных исканий. «Писатели-эмигранты ощутили необходимость самого близкого ознакомления с достижениями западной культуры и литературы, несшей в себе и новые идеи, и новые формы, столь необходимые арабским писателям для отражения той исторической реальности, с которой они вступили во взаимодействие. Это, естественно, привело их и к поискам новых художественных средств и методов. В ходе литературного развития эмигрантской литературой преодолевались черты просветительского дидактизма, сентиментализма, осваивались поэтика романтизма и критического реализма» [2, 36].

Многие годы своей научной деятельности Аида Имангулиева посвятила таким выдающимся представителям

«сиро-американской» школы, как Джубран Халил Джубран, Амин ар-Рейхани, Михаил Нуайме, творчество которых сложилось как под влиянием арабских классических традиций (частично поздней средневековой арабской народной литературы), так и под непосредственным воздействием западноевропейского романтизма и русского критического реализма. Итогом многолетней работы ученого явилась монография «Корифеи новой арабской литературы», вышедшая в Баку в 1991 г. Основной целью исследования было «выявление и осмысление закономерностей, характеризующих процесс рецепции опыта инонациональной литературы литературой воспринимающей, в данном случае “сиро-американской школой”, которая при этом фактически переходит на другой, стадийно более продвинутый уровень развития, формирует новый для национальной литературной традиции творческий метод; впоследствии достижения этой школы становятся достижением всей арабской литературы» [2, 8].

В монографии уделяется внимание ряду взаимосвязанных проблем — проблема синтеза западных и восточных традиций в практике «сиро-американской школы», проблема специфики рецепции представителями этой школы западноевропейского и американского романтизма и русского критического реализма, проблема эволюции творческого метода в их произведениях.

Свой анализ творчества писателей «сиро-американской» школы Имангулиева сумела связать с историко-политическими и культурными процессами их времени, что помогло ей при изучении явлений литературы выявить ту историческую почву, на которой возникла новая школа. Это позволило ей в какой-то степени выйти за пределы узкого круга чисто арабской тематики и наметить контуры сложных и порой противоречивых форм историко-литературного развития не только в странах Арабского Востока, но и во многих других странах как мусульманского мира, так и за его пределами.

Как отмечал И. М. Фильштинский, «читателя книги “Корифеи новой арабской литературы” поражает тщательность проработки Имангулиевой практически всех, представляющих какой-либо литературный интерес произведений исследуемых авторов. Отличное знание арабского языка позволило Имангулиевой прочитать в подлиннике тысячи страниц арабского текста и при этом ни одна мелочь стилистического характера, ни одна из аллюзий, расшифровка которой требует хорошего знакомства с традициями и реалиями арабской жизни, не была оставлена ею без внимания» [4, 73]. Особый интерес Имангулиева проявила к коллективному труду двух арабских литературных критиков: Исхана Аббаса и Исхана Юсуфа Наджда.

Профессор А. А. Долинина, давая оценку деятельности А. Имангулиевой, отмечала, что «она вносила в нашу арабистику много нового фактического материала, не известного И. Ю. Крачковскому, писавшему в свое время о творчестве арабских писателей-эмигрантов в США, к которым принадлежал и Нуайме. За два десятилетия, что прошли после

смерти Игнатия Юлиановича, на Арабском Востоке появилось много трудов, посвященных так называемой “сиро-американской” школе, и теперь они нам доступны... Книга Айды Имангулиевой “Ассоциация пера» и Михаил Нуайме” ... был очень полезный труд. Он подкупал серьезностью подхода к теме и побуждал читателя к раздумью» [1, 57].

Айда Имангулиева на протяжении всей работы настойчиво подчеркивает мысль, что писатели не сколько воспринимали «внешние черты» и «механически» переносили основные принципы романтизма и реализма в арабскую литературу, сколько усваивали их «как новую точку зрения, которая позволила им выразить свое отношение к требованиям арабской действительности», дала им возможность отразить «арабскую жизнь на новой ступени ее развития в присущих ей чертах» [4, 73].

В. Н. Кирпиченко говорил о том, что интерес к творчеству писателей арабской эмигрантской школы не случаен и объясняется многими факторами. «Во-первых, среди сиро-американцев было много по настоящему талантливых прозаиков и поэтов, считающихся ныне классиками новой арабской литературы, а один из них, Джубран Халил Джубран, приобрел и международную известность. Во-вторых, творчество членов сиро-американской школы, которая сыграла в свое время роль моста между литературами Запада и Арабского Востока и оказала большое влияние на ход литературного процесса во всех арабских странах, открывает широкие возможности для изучения всей проблемы взаимодействия культур и литератур Востока и Запада» [3, 86–87].

Книги А. Имангулиевой “Ассоциация пера» и Михаил Нуайме” и «Джубран Халил Джубран» — литературные портреты двух выдающихся писателей, привнесших в арабскую литературу первый — дух русской реалистической классики XX в., а второй — романтическое мироощущение американских поэтов-трансценденталистов и английских поэтов и «озерной школы».

В книге «Корифеи новой арабской литературы» пути и способы трансформации элементов, почерпнутых из других культур и литератур, показаны Имангулиевой на многих примерах поэтического и прозаического творчества Джубрана Халил Джубрана, Михаила Нуайме и Амине ар-Рейхани на разных этапах его эволюции. Благодаря этому видны и широта контактов писателей сиро-американцев с мировой литературой, и их протяженностью во времени, и то, как складывался, вызревал индивидуальный стиль каждого в отдельности, какие подвижки и изменения происходили в его мировосприятии, и как все они понимали свою литературную и духовную миссию.

«В главах, посвященных Джубрану и ар-Рейхани, выявляется своеобразие арабских вариантов сентиментализма и романтизма, их несомненная близость к аналогичным литературным направлениям в Америке и в Европе и вместе с ним отличие от них. В главе о Михаил Нуайме рассматриваются его связи с русской литературой, то, как преломлялись в его произведениях критические воззрения Белинского, общественные идеи и эстетические принципы

романа Тургенева “Отцы и дети”, реалистическая поэтика рассказов Чехова, религиозно-этическое учение Толстого, идеями которого Нуайме вдохновлялся на протяжении всей своей творческой жизни» [3, 88].

Таким образом, в своей монографии Аида Имангулиева проанализировала в сопоставительном плане обширный

материал разных литератур, что позволило ей сделать обоснованный вывод о творческом характере освоения писателями «сиро-американской» школы инонационального художественного опыта и об органичности синтеза этого опыта в их произведениях с национальными литературными традициями.

Список литературы:

1. Долинина А. А. Баку-Ленинград. // Имангулиева А. В тебе был весь мир... – Стамбул: Rowerprint, 2002. – С. 57.
2. Имангулиева А. Н. Корифеи новоарабской литературы. – Баку: Эльм, 1991. – С. 36.
3. Кирпиченко В. Н. Памяти Аиды Имангулиевой. // Имангулиева А. В тебе был весь мир... – Стамбул: Rowerprint, 2002.
4. Фильштинский И. М. Творческая жизнь выдающейся азербайджанской арабистки А. Н. Имангулиевой. // Имангулиева А. В тебе был весь мир... – Стамбул: Rowerprint, 2002. – С. 73.

*Bagdaryyn N'urgun Sulbe uola,
Candidate of Science in Philology,
Research Scientist Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies of the North of the SB RAS
E-mail: bagdaryyn@yandex.ru*

From toponymics of the north-west of the Republic of Sakha (Yakutia)

Abstract: This paper is devoted to the study of toponymic material and linguistic contact with ethnic groups in the onomastic space of the north-west of the Republic of Sakha (Yakutia). The importance of this study is the need to explain some aspects of language contact with the natives and language adaptation of the Sakha in the Arctic zone.

Keywords: onomastics, place-names, toponymy, ethnolinguistics, ethnic culture, spiritual culture.

*Багдарыын Ньургун Сүлбэ уола,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник ИГИ и ПМНС СО РАН
E-mail: bagdaryyn@yandex.ru*

Из топонимики северо-запада Республики Саха

Аннотация: Посвящена изучению топонимического материала и языкового контактирования этнических групп в ономастическом пространстве северо-запада Республики Саха. Важность данного исследования заключается в необходимости объяснить некоторые моменты языковых контактов с аборигенами и адаптации языка саха в арктической зоне.

Ключевые слова: ономастика, топонимика, топонимия, этнолингвистика, этнокультура, духовная культура.

Введение

Ономастика, в частности топонимика, как новое направление в лексикологии саха, небогата исследованиями в плане территориально-лингвистического диалектного членения языка саха. В трудах К. Ф. Гриценко, Багдарыын Сүлбэ, В. Д. Монастырева, Нь. М. Иванова и др. исследователей частично затрагиваются фонетические, морфологические, лексические особенности топонимов, антропонимов саха. Диалектные зоны и говоры рассмотрели П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, Е. И. Коркина, С. А. Иванов. Дальнейшее ономастическое исследование отдельных территорий диалектных зон могло бы дать дополнительные сведения по лексикологии, истории языка и этнических групп, освоивших эти территории, и о их этнолингвистических контактах.

В языковом плане северо-западная группа говоров республики изучена в монографии М. С. Воронкина «Северо-западная группа говоров якутского языка» [9], в которой анализу подвергнуты анабарский, оленекский, будунский, жиганский говоры. А как ономастический ареал данная зона почти не изучена. Имеются лишь статьи Багдарыын Сүлбэ “Топонимика Оленекского улуса” [13], “Топонимика улуса” [14], “Из топонимии улуса Эдьигээн (Жиганский)” [6].

В последнее время российские ономасты исследуют отдельно взятую территорию или бассейны рек в культурно-историческом аспекте и в плане этноязыкового контактирования (Р. А. Агеева, И. И. Муллонен, Е. Л. Березович и др.). При этом они прослеживают пути заселения

данных территорий, направление миграции народов в древности, языковые контакты различных этносов, выявляют топонимные системы и их ареалы, разрабатывают методику извлечения этнокультурной информации из топонимикона региона.

Условно северо-запад республики по языковым особенностям и этническому составу объединяет Анабарский, Оленёкский, Булунский, Жиганский улусы (территория — 737,5 тыс. кв. км). В данной статье будет рассмотрена топонимия бассейнов рек Оленёк и Анабар (на языке саха реки называются Өлөөн и Анаабыр), которые впадают в море Лаптевых. Длина р. Оленёк 2270 км., в бассейне свыше 28 000 озёр, около 25 000 водотоков, непосредственно в Оленёк впадают 263 притока длиной более 10 км. [10, 97]. Длина р. Анабар 939 км., в ее бассейне около 12 000 водотоков, свыше 22 000 озёр, непосредственно Анабар принимает 123 притока длиной более 10 км. [10, 60]. Данный регион освоен человеком издревне. Археологические памятники рассказывают об раннем железном веке (II в. до н. э. – V в. н. э.) и “в глубь: бронзовый век, неолит и т. д.” [3]. Археолог Н. Д. Архипов заключает, что в древности народов и племен “у нас было, конечно, больше, чем сейчас. И это подтверждается многочисленными фольклорными материалами, в которых фигурируют неизвестные ныне этносы” [3, 48]. В настоящее время основное население — саха; также здесь проживают малочисленные народы Севера: долганы, эвенки, эвены, юкагиры. Основные традиционные занятия жителей — оленеводство, рыболовство и охотничий промысел.

Топонимию исследуемого региона в основном собрал Багдарыын Сүлбэ от информантов — коренных жителей старшего поколения (это Андросов Иван Васильевич, 1913 г. р., 87-летний Туприн Семен Титович-Тиикэйэ, Спиридонов Филип Константинович, 77 лет и мн. др.). Полученный материал занесен в топонимическую картотеку республики, которую он начал собирать с 60-х годов прошлого века. В настоящее время в ней, по приблизительным расчетам, сосредоточилось около 450 тысяч карточек. Также в Архиве ЯНЦ СО РАН хранятся топонимы, собранные в ходе диалектологической экспедиции научным сотрудником ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР М. С. Воронкиным.

Топонимический материал, собранный при разработке данной темы, включен в электронный каталог топонимов Республики Саха и составляет более 3 000 единиц. В данное время в нем более 19 тысяч топонимов. Также была проведена выборка топонимов Анабарского, Оленекского, Жиганского улусов из топонимической картотеки Багдарыын Сүлбэ; снят видеоматериал и из уст более десяти информантов записаны рассказы о топонимах региона.

Современная топонимия северо-запада республики — результат длительного взаимодействия этнических групп. По историческим сведениям, этот регион до освоения тюркоязычными племенами саха был заселен эвенкийскими родами. В течение нескольких веков на данной

территории происходило тесное контактирование двух неродственных языков саха и эвенков, следы которых, такие, как диалектные особенности, обнаруживаем в области фонетики, лексики и грамматики.

Топонимический пласт северо-запада уходит и в древнеисторическое прошлое: юкагирское, самодийское. В связи с этим необходимо исследовать контакты неродственных языков на данной территории.

Разноязычные пласты топонимов отражают историю заселения и свидетельствуют о времени контактирования на северо-западе республики племен и народностей с неродственными языками. Зафиксированные на местах исконные топонимы при сопоставительном исследовании отражают содержание духовной культуры этносов. В современных топонимических исследованиях «топонимикон кодирует информацию о восприятии человеком окружающего пространства» и топонимия принимается «как сфера народной духовной культуры» [7, 279]. Исходя из этого, описание топонимов отдельно взятого района или бассейна реки поможет раскрыть закодированную информацию духовной культуры коренных жителей.

В настоящее время невозможно найти регион, где топонимия состоит из одного лишь языкового пласта. Встречающиеся разноязычные пласты топонимов отражают историю заселения и свидетельствуют о времени контактирования на данной территории племен и народностей с родственными и неродственными языками. В результате “сложились своеобразные культурные круги, имена которых сопоставимы друг с другом, имеют сходную мотивировку, а ономические системы содержат общие элементы” [22, 25].

Духи-покровители в топонимии

До XVII века бассейн реки Оленёк был заселен эвенками, которые кочевали в соседстве с самодийскими племенами, предками современных нганасан, и потом оттеснили их на запад. Далее территория была освоена тюркоязычными племенами и родами саха. В результате длительного контактирования неродственных языков (нганасанский, эвенкийский и язык саха) сложился отдельный оленекский говор в составе северо-западной группы говоров со своими особенностями. Таким образом, топонимия бассейна реки Оленёк сформировалась в результате контактов племен и народностей с разными языками и культурами. Изучение топонимической системы даёт интересную этноязыковую информацию. Например, о сохранение элементов религиозных представлений.

Речка *Куойка*. Левый приток реки Оленёк. В нганасанском языке *койка* «дух-покровитель». На основе сравнения и этнографических сведений из монографии А. А. Попова (1984) Багдарыын Сүлбэ гидроним Куойка считает самодийским [13, 24]. Топоним *Куойка* из картотеки Багдарыын Сүлбэ (далее — КБС) зафиксирован им в Сунтарском улусе, также имеются микротопонимы *Куойка Буолата* (Сунтарский улус), *Куойка Алааһа* (Верхневиллюйский улус), *Куойка Өтөбө* (Нюрбинский улус). В этих микротопонимах наблюдаем трансонимизацию, образование новых

имен посредством переноса в иной ономастический класс, в класс антропонимов. В данном случае, возможно, человек, проживавший в районе речки Куойка, переселившийся на другую территорию, перенес туда название родной речки. И спустя некоторое время оно было зафиксировано в составе микропонима, например, *Куойка Буолата* — «Куойкино поле», *Куойка Алааһа* — «Куойкина поляна», *Куойка Өтөбө* — «Куойкино заброшенное жилище». Таким образом, нганасанское слово *куойка*, когда-то предками нганасан переданное в виде гидронима, в дальнейшем перешедшее в антропоним и далее в микропоним, сохраняется и функционирует по сей день в ономастическом пространстве севера-запада Республики Саха.

Аналогичным онимом эвенкийского происхождения является гидроним *Маайында*. По КБС, в топонимии Оленёка зафиксированы следующие гидронимы: *Маайында*, *Баатабай Маайындата*, *Маайындакаан*, *Хайалаах Маайында*, *Чооной Маайындата*, *Кутуйахтаах Маайында*. Багдарыын Сүлбэ сравнивает данный гидроним с тунгусо-маньчжурским словом *майин* «дух-покровитель (хранитель душ людей и животных, ниспосылающий удачу на охоте); дух-хозяин верхнего мира»; «охотничье счастье»; «душа», которое в соединении с аффиксом эвенкийского языка *-нда* образует названия рек, озер, местности [13, 25]. Слово *майин* достаточно распространено в тунгусо-маньчжурских языках (эвенском, негидальском, нанайском). Необходимо отметить, что *Маайында* в настоящее время не встречено в других районах республики, в которых немало тунгусо-маньчжурских названий. «По представлением эвенков, душа человека могла переселяться в любой предмет» [15, 368]. Возможно, поэтому название речки аккумулировало древнюю историю и верования эвенков, связанные с переселением души человека в эту местность.

Следующим топонимом, сохраняющим этноязыковую информацию, является название горы — *Сэбэкии*, *Сэбэкии Хайата*. В отличие от *Маайында*, *Сэбэкии* распространено достаточно широко. Топонимы зафиксированы, по КБС, в Жиганском, Вилюйском, Верхневилуйском, Нюрбинском улусах граничащих с территорией Оленёкского улуса, также в центральных — Намском, Чурапчинском и далее в Бурятии (Баунтовский аймак) — это гидроним *Шовокикан*, который происходит от эвенкийского *шэвэкии* «идол» [21, 229].

В тунгусо-маньчжурском *сэбэкии* — «бог», «дух-хозяин верхнего мира (покровитель людей и оленей)», «идол, изображение божества». Эту трактовку подтвердил информатор П. К. Николаев в своем рассказе: «Сэбэкии» — по-дренеэвенкии бог. Гора с богом» [13, 28]. Тунгусовед Г. М. Василевич дала аналогичное объяснение: «Себяки — якутское произношение общетунгусского слова *сэвэ* + *ки* «бог», «идол»» [8, 160–171].

Нельзя не отметить здесь, что «тунгусы особенно почитают скалу с рисунками и считают эти места обиталищами духов — хозяев тайги и рек» [17, 82]. В настоящее время

эти названия сохранены в топонимах и переданы во время контакта с другими народами в ономастическое поле и далее в язык отдельно взятого говора. В результате языкового контакта с эвенками в Вилюйском округе якуты вместо *ойуун* «шаман» говорят *сэбэки* (эвфемизм) [18, стб. 2140]. Возможно, некоторые топонимы вилюйского бассейна — *Сэбэки*, *Сэбэки Сээнэ* — связаны и с шаманизмом.

Топонимы-тотемы — живая нить культуры

По представлениям жителей, местность, гора, река имеют своего духа, хозяина. Эта культура передавалась из века в век, от старшего поколения к младшему и отразилась в том числе, в географических названиях. Например, речка *Харабыл*, левый приток реки Анабар, длина 139 км. [10, 60]; гора *Харабыл Хайата*, речки *Харавулкаан*, *Бырдья Харавула*. По мнению Багдарыын Сүлбэ, *Харабыл* — это якутизированная форма эвенкийского *каравул*. С. Т. Туприн-Тиикэйэ полушепотом говорил, что на г. *Каравул Хайата* есть Эбэ иччитэ («дух бабушки», т. е. почитаемой местности). Этот полушепот и характерную мимику я понял впоследствии. На эвенкийском *каравул* — «серый журавль». Как считают авторы А. В. Романова и А. Н. Мыреева в книге «Фольклор эвенков Якутии» (Л., 1971), у эвенков существовал культ журавля-тотема: его нельзя убивать — он табуирован (с. 4, 206, 320)» [14, 34]. *Каравул* в эвенкийском языке зафиксирован в сымском диалекте и вилюйском говоре ербогочёнского диалекта [24, 194]. Возможно, гидроним *Харавул* связан с носителями вилюйского говора ербогочёнского диалекта. В якутском языке *харабыл* означает «караул». При картографии гидроним был якутизирован, т. к. основное население было саха.

Среди жителей бассейна реки Анабар ходит легенда о том, что в этой местности «люди или человек жили с целью самозащиты от нападающих. ... женщина проживала здесь до тех пор, пока выросли дети. Потом она повзрослевших детей расселила по разным местам» [1, 69].

Народ саха «вешал, в виде жертвоприношения горному духу (иччи), пучки конской гривы на деревьях какой-либо значительной вершины и впоследствии вершина перевала через хребет называлась *Сиэл Ыйаабыт*» [18, стб. 3765]. И не только.

Река Анабар образовалась в результате слияния рек Большая Куонамка и Малая Куонамка, которые протекают по территории Оленёкского улуса. Собирателями исторических преданий и рассказов, историками и этнографами установлено, что проживающие в бассейне реки Анабар «оленьские роды имели следующие тотемы: ... род Оһоһостоох — туруйа (журавль), род Өспөх — куба (лебедь), ...» [11, 130]. Также здесь имеются гидронимы, оронимы с апеллятивом *куба*: *Куба Ыйаабыт Үрүбэ* (букв.: речка, где повесили лебедь), *Куба Ыйаабыт Күөлүрэ* (букв.: озера местности Куба Ыйаабыт), *Куба Ыйаабыт Булгунньаба* (букв.: горка местности Куба Ыйаабыт). Возможно, здесь проводились обряды почитания священной птицы рода. Подобные названия встречаются и в соседнем

Булунском улусе, а также в центральном улусе республики — Мегино-Кангаласском. В топонимии республики встречаются и другие названия птиц, которых почитают или приносят в жертву: суор «ворон» — *Суор Ыйаабыт*, ангыр «выпь» — *Ангыр Ыйаабыт*, кыырт «ястреб» — *Кыырт Ыйаабыт*, кыталык «стерх» — *Кыталык Ыйаабыт*, тураах «ворона» — *Тураах Ыйаабыт*, куртуйах «те-терев» — *Куртуйах Ыйаабыт*, диал. даабынай «ворона» — *Даабынай Ыйаабыт*, мохсобол «сокол-сапсан» — *Мохсобол Ыйаабыт*.

Архаизмы в топонимии

В данной статье хотелось бы остановиться на двух архаизмах, сохранившихся в топонимии данного региона.

Архаизм — это слово или выражение, вышедшее из повседневного употребления и потому воспринимающееся как устарелое [4, 56]. Но забытое в далекое историческое время оно сохранилось на периферии в диалектной лексике, в топонимии края, свидетельствуя о истории языка и его носителей. Потому небезынтересны сбор, фиксация и сравнение, в данном случае с тюркскими языками, ономастических материалов периферии.

В якутском языке имеется глагол *үлүн-* «бить ключом, пениться (разливаться) через край, вздувать», который считается тюркским: хак. *ül* «бежать через край (о жидкости при кипении)» [16, 96]. У Э.К. Пекарского есть хороший пример, связывающий его с географической реальностью: *үлэр үрэйэ* «вздувающаяся речка» [18, стб. 3123]. В Горном улусе информатор, назвав речку *Тарын*, дал пояснение: *уу үлэр сирэ* «место вздутия воды». Речка характеризуется образованием наледей — *тарын* «наледь». *Үлэр* «вздувающийся, разливающийся, бьющий ключом» < *үлүн-* + *-(э)р* (афф. причастия). Зафиксированы следующие названия зимника, речки, урочища: *Үлэр*, *Үлэр Муус*, *Үлэр Уу* — в Мегино-Кангаласском, Нюрбинском, Томпонском улусах; речной остров *Үлэр Арыы* — в Мегино-Кангаласском улусе, на котором, по словам информатора, в «иные годы из-под земли разливается вода и затопляет стога сена примерно на 50–60 см., которые в зимнее время примерзают к земле».

Также от глагола *үлүн-* образованы и зафиксированы в топонимах следующие слова:

- *үлүбүт* «вздувшийся» < *үлүн-* + *-бүт* (афф. причастия): *Аллараа Муус Үлүбүт* (название местности, встречаемое в преданиях Верхоянского улуса);
- *үлүгэн* «вздувающийся, разливающийся» < *үлүн-* + *-(ы)ган* (отглагольный аффикс имен прилагательных). Имеются местность, речка, сенокосное угодье *Үлүгэн* в Нюрбинском, Мегино-Кангаласском, Усть-Алданском улусах, *Аччыгый Үлүгэн* — Булунском, *Улахан Үлүгэн*, *Куччугуй Үлүгэн* — притоки р. Олёкма. Притоки Олёкмы знамениты высокими горами и сильными ветрами;
- *үлүгэс*: *мэндир үлүгэс* «бугор; пригорок» [5, 617] < *үлүн-* + *-гэс* (отглагольный имяобразующий аффикс): *Үлэбэс* — речка в Олёкминском улусе.

Таким образом в географических названиях, образовавшихся от глагола *үлүн-* отражены природные явления, такие, как вздутие и разлитие воды, в результате чего в зимнее время образуются наледи на речках. Некоторые образования от глагола *үлүн-*, как видно из примеров, указывают на большой вздутый объект (гора, бугор). Ареал распространения этих топонимов в основном охватывает центральные (Мегино-Кангаласский, Усть-Алданский, Олёкминский, Томпонский) улусы, частично северо-восточный (Верхоянский) и западный (Нюрбинский).

В топонимии Оленёкского улуса зафиксирован гидроним *Үлүмэннээх*. Аффикс обладания *-лаах* (в форме *-нээх*) свидетельствует о якутском происхождении. Багдарыын Сюлбэ зафиксировал его как диалектное слово: *үлүмэн* «наледь; надледная вода» [5, 618]. В настоящее время других вариантов слова не зафиксировано. Данный термин, возможно, образован от тюркской основы *ül-* «бежать через край (о жидкости при кипении)» при помощи омертвевшего имяобразующего аффикса *-ман* (*-мэн*) якутского языка [2, 69], который имеет тюркское происхождение: *-ман* / *-бан* — старый аффикс отыменно-отглагольных образований, передает уподобительно-увеличительное и уменьшительное значения, признаки действия и др. [12, 149]. Возможно, это архаизм языка саха, который функционировал в среде отдельного рода или говора наряду с *үлүн-*, по крайней мере до прихода русских (до начала XVII века). При освоении северо-запада, в частности бассейна реки Оленёк, куда тюркоязычные якуты прибыли в конце XVI века, они сохранили его в виде топонима. По структуре образования в центральном улусе (Чурапчинский) зафиксирован другой топоним: *Аламан Иигэ* (< *ал-* + *-ман*), который, возможно, является исконно тюркским: «Аламан в тюркских языках «разбойничий набег», «шайка всадников», «войско», «народ; толпа», «название хищной птицы» и др. *Аламан* — название действия, его носителя и признака последнего, образованное афф. *-ман* от глагола *ала-* с основными значениями *«совершать разбойничий набег», *«грабить» [20, 134]. Общетюркское *ал-* «брать; получать; принимать» [20, 127–129], а в якутском — *ыл-*. В данном случае сохранение исконного широкого гласного свидетельствует о том, что это — возможно, фонетический архаизм.

Следующим топонимом, сохранившим архаическую семантику, отражающим в какой-то степени этнокультуру народа саха, является *Арбаабыт* (Оленёкский улус, название речки). Образован от *арбаа-* при помощи *-быт*.

В языке саха глагол *арбаа-* имеет несколько значений и потому приведем более полное его определение из словаря Э.К. Пекарского: «1) отказывать по какому-л. случаю (злым) духам скотину при участии шамана; 2) о шамане: внедрять чью-либо болезнь (собственно причинившего болезнь абааһы) в жертвенную скотину, которая затем живой отпускается на волю и может быть употреблена в пищу лишь после того, как над нею священник отслужит молебен;

3)напрасно (ложно)хвалить,преувеличивать” [18,стб.139]. Это означает, что еще до начала XX века слово *арбаа*- было знакомо якутам как термин шаманизма. А сейчас, после вековой борьбы, направленной против шаманов, он стал историзмом, нынешнее поколение не знает его изначальное значение. В “Толковом словаре якутского языка” приведены слова народного поэта Кюннюк Урастырова: “Ньоборук ойууну аҕалан кыырдарбытара. Ньоборук иирээн төрдүгэр ытык аспыта — чоккуруос харахтаах кыһыл буулур биэни арбаабыта” — “Пригласили шамана Ньоборук камлать. Ньоборук поставил жертву перед злым духом — внедрил болезнь в жертвенную кобылу с белыми глазами буланой масти” (Пер. наш. — Нь. Б.) [23, 538].

Согласно этимологии, это слово — исконно тюркское: др.-тюрк. *ar-* «обманывать, лгать, соблазнять» [19, 84].

В республике есть много топонимов, которые называют места проведения жертвоприношения: *Кэрэхтээх* (жертвенный, где приносилась жертва скотом особой масти), *Куочай* (дерево, на которое вешали палку со шкурой жертвенной скотины), *Дэлбиргэ*, *Дэлбиргэлээх* (место жертвоприношения) и т. д. Следует отметить, что эти термины не получили должного повсеместного распространения в виде географических названий в окраинных улусах республики. Они в основном зафиксированы в центральных улусах и по бассейну реки Вилюй, за исключением термина *арбаа*. Возможно, гидроним *Арбаабыт* указывает место, где шаманом когда-то был проведен “отказ пожертвовать по какому-л. случаю (злым) духам скотину”, или где он “внедрял чью-либо болезнь (собственно причинившего болезнь абааһы) в жертвенную скотину”.

Заключение

Впервые в лексикологии языка саха проведено исследование топонимов северо-запада республики в этнолингвистическом плане. Описаны новые фактические материалы в ономастическом пространстве национальных улусов.

Осуществлен лингвистический анализ топонимов в сопоставлении с эвенкийским и якутским языками.

Духовная культура народа отражается в топонимии региона. Своевременный сбор и описание топонимов края позволяют выявить кодовую информацию, передающуюся из поколения в поколения. Раскрытие содержания, фиксация исконности топонимов на местах дополняют сферу духовной культуры.

В ходе исследования была выявлена этнолингвистическая информация, которая отражает межъязыковые и культурные контакты этносов. Зафиксированы тюркские основы, которые являются архаизмами, привнесенными далекими предками, которые оставили след в диалектной лексике саха.

В результате сбора топонимов из уст местного населения (особенно в местах компактного проживания малочисленных народов) и исследования в сопоставлении с устными, письменными передачами географических названий показаны их фонетические, морфологические и лексические особенности.

Таким образом, в топонимии региона отражена духовная культура народа. Топоним — это своего рода живая нить культуры. Своевременный сбор и описание топонимов края помогают выявлять кодовые информации, передававшиеся из поколения в поколение. Раскрытие содержания, фиксация исконности топонимов на местах дополняют сферу духовной культуры.

Фиксация исконно тюркской лексики в топонимии северо-запада республики показывает историю появления и процесс развития тюркских основ в языке саха. Обособление от тюркской среды и контактирование с соседствующими языками положительно повлияли на процесс их архаизации. Некоторые слова, форманты сохранились в виде топонимов и нуждаются в выявлении и “расконсервации” заложенной в них этнокультурной, этнолингвистической информации.

Список литературы:

1. Анабарский улус: История. Культура. Фольклор. – Якутск: Бичик, 2005. – 232 с.
2. Антонов Н. К. Саха билинни тылын лексиката. (Лексика современного якутского языка). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1967. – 104 с.
3. Архипов Н. Д. Этапы первобытной истории Западной Якутии. // Оленекский улус: история, культура, фольклор / Адм.муниципального образования “Оленекский улус”; Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я); Гл. ред. кол. серии В. Н. Иванов (гл. ред) и др. Редкол. Боякова С. И. и др. – Якутск: Бичик, 2005. – С. 29–49.
4. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 608 с.
5. Багдарыын Сүлбэ. Словарь местных географических терминов. – 1988. Архив ЯНЦ СО РАН. – Ф. 5. Оп. 12. Д. 305–307.
6. Багдарыын Сүлбэ. Из топонимии улуса Эдьигээн (Жиганский). // Жиганский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2012. – С. 22–26.
7. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. / Под ред. А. К. Матвеева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Кн. дом “Либроком”, 2009. – 328 с.
8. Василевич Г. М. Топонимы тунгусского происхождения. // Этнография имен. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры издательства “Наука”, 1971. – С. 160–171.
9. Воронкин М. С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1984. – 224 с.
10. Глушков А. В., Осадчий В. Г. По рекам и горам Якутии. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 208 с.
11. Гурвич И. С. Космологические представления и пережитки тотемизма у оленекских якутов. // Советская этнография. – 1948. – № 3. – С. 128–131.

12. Дмитриева Л. В. Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. // Исследование в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979. – С. 135–191.
13. Иванов М. С. Топонимика Оленёкского улуса. // Оленекский улус: история, культура, фольклор / Адм. муниципального образования “Оленекский улус”; Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я); Гл. ред. кол. серии В. Н. Иванов (гл. ред.) и др. Редкол. Боякова С. И. и др. – Якутск: Бичик, 2005. – С. 23–29.
14. Иванов М. С. (Багдарыын Сүлбэ). Топонимика улуса // Анабарский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Бичик, 2005. – С. 31–37.
15. Исторический фольклор эвенков. – М.; Л.: Изд-во “Наука”, 1966. – 399 с.
16. Калужиньски Ст. Этимологические исследования по якутскому языку. Двусложные основы (VIII). // *Racznik orientalistyczny*. – 1985. – Т. XLV. – З. 1. – Р. 79–99.
17. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Изд-во “Наука”, 1976. – 190 с.
18. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. – 2-е изд. – Т. I–III. – М., 1958–1959.
19. Попов Г. В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003. – 180 с. (Ч. 1: А – Дб).
20. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласных). – М.: Наука, 1974.
21. Симонов М. Д. Типология эвенкийских гидронимов Бурятии (на материале названий рек Баунтовского аймака) // Ономастика Бурятии / Труды Бурятского института общественных наук БФ СО АН СССР, вып. 26. – Улан-Удэ, 1976. – С. 214–236.
22. Теория и методика ономастических исследований. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
23. Толковый словарь якутского языка. / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (Буква А).
24. Эвенкийско-русский словарь. / Сост. Г. М. Василевич. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 803 с.

*Borisovskaya Irina Valentinovna,
Belgorod National Research University,
Associate professor, Pedagogical Institute
E-mail: borisovskaya@bsu.edu.ru*

Script ENTSTEHEN und Sätze des Wandels

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта № 15-04-00200.*

Abstract: Im Artikel handelt es sich um die noch wenig erforschten Konzepten — die Skripts. Die kognitive Struktur des Skripts ENTSTEHEN wird analysiert. Die obligatorischen und fakultativen Ereignissen und Teilnehmer werden festgestellt.

Stichwörter: Skript ENTSTEHEN, Sätze des Wandels, die kognitive Struktur, das konzeptuelle Merkmal, Verbalisation, Metapher.

Unter Skript (engl. script) versteht man in der kognitiven Linguistik eine kognitive Struktur, in der Kenntnisse über stereotype Abläufe von Ereignissen und Handlungen gespeichert sind. Sie enthält auch einen Plan für Rollen und erwartete Handlungen (mit festgelegter Routine). Nach Schank und Abelson, die die Rahmentheorie von Minsky hinsichtlich des im Langzeitgedächtnis gespeicherten Wissens über Ereignisse weiter ausgearbeitet haben, sind Skripts stereotype Abläufe von Ereignissen und in Szenen, z. B. RESTAURANT BESUCHEN in EINTRETEN, BESTELLEN, ESSEN/TRINKEN, BEZAHLEN, RESTAURANT VERLASSEN untergliedert [6] Lewandowski meinte, dass ein Skript eine kognitive Struktur ist, die neben obligatorischen (routinemäßigen) Basisereignissen (Szenen) offene Stellen für (personale) Rollen, fakultative Ereignisse und Gegenstände (Abweichungen,

Modifikationen) sowie Möglichkeiten zur implikativen Strukturbildung enthält (Ziehen von Inferenzen) [10] Boldyrev behauptet, ein Skript sei ein dynamisch vorgestelltes Konzept, das sich in der Zeit und im Raum entwickelt, also eine stereotype Situation [1].

Obwohl Skripts in den Klassifikationen vieler Sprachforscher erwähnt werden, sind die Methoden ihrer Forschung nur in einzelnen Werken vorgestellt, was von der Aktualität dieses Problems zeugt. In der modernen kognitiven Linguistik heben sich die folgenden Typen der Konzepte heraus: Gestalt, Schema, Begriff, Prototyp, Propositionsstruktur, Frame, Skript. Schwarz ist der Meinung, dass Konzepte durch Relationen zu Schemata verbunden sind. Die im Langzeitgedächtnis repräsentierten Konzepte stellen die Grundeinheiten kognitiver Strukturen dar

und werden in komplexen mentalen Schemata gespeichert [7, 99]. Bei der Darstellung von Schemata in Netzwerken fungieren die konzeptuellen Einheiten als Variablen, die je nach Situation unterschiedlich besetzt werden können (z. B. im GEBEN-Schema die Variablen GABE, GEBER, EMPFÄNGER) [8, 85]. Nach Schwarz ist das semantische System untrennbar an das konzeptuelle System geknüpft. Semantische Lexikoneinträge entstehen durch die Verknüpfung konzeptueller Wissenseinheiten und sprachlicher Formen. Danach ist die konzeptuelle Strukturbasis universal und sind die Verbalisierungs- und Subkategorisierungsprozesse sprachspezifisch. Semantische Strukturen sind immer konzeptuelle Strukturen, aber nicht umgekehrt. Nach Schwarz ist der Übergang zwischen Konzepten fließend. Darum kann man durch Semantik einige Komponente der konzeptuellen Strukturen feststellen.

Skript ist mit den Wörtern verbalisiert, in deren Bedeutung eine bestimmte Dynamik der Entwicklung der Ereignisse, das Schema irgendwelcher Handlungen gelegt ist [1]. Die Wörter, die Skripts verbalisieren, sind vor allem Deverbata, also die Substantive, die von den Verben abgeleitet sind, weil eigentlich das Verb eine Dynamik und Handlung beschreibt. Solche Substantive bezeichnet man noch als die propositiven Substantive. Die Proposition schließt das gewisse Ereignis ein, stellt die Erscheinung der Wirklichkeit, eine beliebige Tatsache, wenn auch sogar eine kleine und unwesentliche dar [4]. Solche Substantive äußern den Sinn des abgeschlossenen Satzes, nennen die bestimmte Situation. Zu den Propositionssubstantiven gehören auch solche Substantive, deren Verbindung mit den Vorgangslexemen durch die entsprechende Definitionen in den Wörterbuchbegriffsbestimmungen, und durch die synonymische Beziehungen mit den Nomina actionis festgestellt wird.

Über seine Sinne nimmt der Mensch ein Ereignis wahr, und registriert es im sogenannten sensorischen Informationsspeicher. Das im Langzeitgedächtnis in Form von Schemata gespeicherte Wissen versucht, die eingegangene Information zu erkennen, bevor im Kurzzeitgedächtnis wiederum mit Hilfe vorhandener Schemata gesucht, gefragt, konstruiert usw. wird, um schließlich das Ereignis mental (geistig) darzustellen. Verstehen bedeutet, dass der Mensch neu aufgenommene Information mit Hilfe von bereits vorhandenem Wissen (Schemata) analysieren und interpretieren kann. Dabei wird die Aufmerksamkeit des Menschen auf bestimmten Merkmalen fokussiert. Die Forschung der Skripts ist mit Hilfe von den Sätzen des Wandels möglich. Diese Sätze informieren über die Prozesse in der außen und inneren Welt des Menschen [2]. Die Propositionssubstantive treten in diesen Sätzen als Subjekt auf. Solche Bedingungen sind für die Identifizierung der kognitiven Struktur besonders günstig, weil das Subjekt über das Ereignis mitteilt, und das Prädikat charakterisiert es. Außerdem gibt es andere Satzglieder, die die ganze Situation präzisieren. Es geht nicht nur um die Phase der Entwicklung des Ereignisses (z. B. ENTSTEHEN — DASEIN — VER-

SCHWINDEN — NICHTDASEIN), sondern auch um die Besonderheiten dieser Entwicklung [3]. Auf solcher Weise kommen viele Merkmale des Skripts zum Vorschein. Schank unterstreicht die kontextuelle Abhängigkeit der Theorie, die mit der Repräsentation der Bedeutung in den Sätzen zu tun hat. Die Vorgänge oder Ereignisse sind meist metaphorisch beschrieben. Man vergleicht sie oft mit etwas anderes. Darum werden sie durch die Metapher zum Konzept. Metaphern treten nicht vereinzelt auf, sondern bilden rekonstruierbare metaphorische Konzepte. Sie übertragen in der Regel ihre Bildstruktur aus einfachen und gestalthaften Erfahrungen (z. B. Höhe und Tiefe) auf komplexe, tabuisierte oder neue Sachverhalte. Als Bildquelle dienen oft körperlich erfahrene Dimensionen oder einfache Handlungsabläufe, deren elementare Bestandteile als Schema genutzt werden [5]. So verweist das Schema „Weg“ mit Anfang, Strecke und Ziel auf ein früh erlebtes Handlungsmuster, das eine Vielzahl von Metaphern des „Lebenslaufs“ und des „Lebenswegs“ generiert. Die Verwendung und Verknüpfung dieser Metaphern ist nicht zufällig, sondern verweist auf in sich konsistente Denk-, Wahrnehmungs-, Kommunikations- und Handlungsmuster. Lakoff und Johnson gehen von einer weitgehenden Homologie von Denken und Sprechen aus; an diese Prämisse knüpfen die Möglichkeit und die Relevanz der Analyse von Metaphern an. „Das Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache“ definiert das Verb *entstehen* als „beginnen zu bestehen, zu sein und hervorgerufen werden, sich ergeben“. Daraus folgt, dass es einen Beobachter gibt, der die Merkmale und Besonderheiten des beobachteten Ereignisses feststellt. *Allerdings entstand damals in ihm ein untergründiges Gefühl von Überlegenheit...* In diesem Beispiel ist der Beobachter mit Hilfe des Präpositionalobjektes „in ihm“ zum Ausdruck gebracht.

In den Sätzen des Wandels werden oft die Verben der semantischen Klasse „Bewegung“ gebraucht. „Das Digitalen Wörterbuch der deutschen Sprache“ definiert das Verb *kommen* als: „bezeichnet eine Bewegung, die auf ein Ziel gerichtet ist, wobei die Bewegung vom Ziel aus gesehen wird und das Ziel häufig mit dem Standort des Sprechers identisch ist“. Deshalb ist es offensichtlich, dass dieses Verb über das Entstehen des Prozesses informiert: *Da war der Schmerz gekommen*. Das Verb *kommen* verbalisiert das konzeptuelle Merkmal des Skriptes ENTSTEHEN „Annäherung zum Beobachter“. Das Verb der Bewegung *gehen* durch die Metapher informiert über die Entstehung und Verbreitung des Prozesses: *Ein Raunen ging durch den Saal*. Im erwähnten Beispiel verbreitet sich der Schall im bestimmten Raum. Das Verb „*aufsteigen*“ wird erläutert: „von unten nach oben, einem hochgelegenen Ort gehen“. Durch die Metapher verbalisiert das Verb das konzeptuelle Merkmal „Entstehen infolge der Bewegung von unten nach oben“: *Hass war in ihm dabei aufgestiegen*. Das Verb *fliegen* hat folgende Deutung: „sich schnell bewegen, fortbewegen“. In der Verbindung mit dem Deverbativ wird seine Bedeutung durch die Metapher verändert und informiert über „die augenblickliche Entstehung

und den schnellen Ausdruck“: *Ein Lächeln flog über sein Gesicht*. Das Verb „strömen“ bedeutet: „in großen Mengen stark und ununterbrochen fließen“. Es wird metaphorisch in der Verbindung mit dem Subjekt der Semantik „Leuchten“ gebraucht. Dabei informiert es über die Verbreitung des Leuchtens in großen Mengen im Raum und charakterisiert sein Eindringungsvermögen: *Durch die dünnen Nesselgardinen strömte helles Sonnenlicht*.

Also, das Skript ENTSTEHEN ist eine kognitive Struktur, die solche obligatorischen Komponenten wie den BEOBSACHTER und den entstehenden PROZESS oder das

EREIGNIS enthält, d.h. eine in der Zeit und im Raum entwickelte, stereotype Situation.

Die Etappen der Entwicklung der Situation sind folgend: ERSCHEINEN, d.h. WAHRNEHMUNG bestimmter Merkmale der Situation vom Beobachter, ENTSTEHEN, d.h. FESTSTELLUNG der konstanten Merkmale der Situation vom Beobachter. Die Verbalisation des Skriptes ENTSTEHEN deckt solche konzeptuelle Merkmale auf wie: ANNÄHERUNG ZUM BEOBSACHTER auf der horizontalen und senkrechten Oberfläche, VERBREITUNG in einem bestimmten Raum, DYNAMIK der Entwicklung der Situation.

Referenz:

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002.
2. Борисовская И. В., Зимовец Н. В. Предложения изменения: к вопросу о термине. // Сборник научных трудов Sworld. – Выпуск 1, Том 23. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013.
3. Борисовская И. В., Зимовец Н. В. Предложения изменения со значением «звуковые процессы» и «процессы свечения». // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Вып. № 6–1. – Тамбов: Грамота, 2013.
4. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972.
5. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor. // [Elektronische Ressource]. – Erhältlich ab: <http://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf>
6. Schank R. C., Abelson R. Scripts, Plans, Goals, and Understanding. – Hillsdale, NJ: Earlbaum Assoc., 1977. // [Elektronische Ressource]. – Erhältlich ab: <http://ijcai.org/Past%20Proceedings/IJCAI-75-VOL-1&2/PDF/021.pdf>
7. Schwarz M. Einführung in die Kognitive Linguistik. – 2. überarb. und aktualisierte Aufl. – Tübingen; Basel: Francke, 1996.
8. Schwarz M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität. Repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz (= Linguistische Arbeiten 273). – Tübingen: Niemeyer, 1992.
9. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache. // [Elektronische Ressource]. – Erhältlich ab: <http://www.dwds.de>
10. [Elektronische Ressource]. – Erhältlich ab: <http://www-user.uni-bremen.de/~schoenke/tgl/tglldl8.html>

Gaynutdinova Nataliya Andreevna,
postgraduate student,
the Faculty of Philology and Journalism,
Astrakhan State University
E-mail: Natali.inside@yandex.ru

Markina Maria Nikolaevna,
teacher of Russian as a foreign language,
the Faculty of Preliminary Education
of Foreign Citizens,
Astrakhan State University
E-mail: Marmaria@yandex.com

“Three meetings with Lermontov” by F. N. Gorenstein: the paradigm of text analysis in a foreign audience

Abstract: the article is devoted to the education of foreign students in the humanities group. The aim of this work is to identify the problems arising in the process of learning the Russian language in the study of a literary text (for vantage level). The authors give an overview of the tasks that arise for teachers of Russian as a foreign language (on the example of the practical lesson based on the analysis of the story by F. N. Gorenstein “Three meetings with Lermontov”).

Keywords: Russian as a foreign language, literature, analysis of the text, story, vantage level of Russian.

Гайнутдинова Наталия Андреевна,
Астраханский государственный университет,
аспирант, факультет филологии и журналистики,
E-mail: Natali.inside@yandex.ru

Маркина Мария Николаевна,
Астраханский государственный университет,
преподаватель русского языка как иностранного,
факультет довузовской подготовки иностранных граждан
E-mail: Marmaria@yandex.com

«Три встречи с Лермонтовым» Ф. Н. Горенштейна: парадигмы анализа текста в иноязычной аудитории

Аннотация: Статья посвящена проблеме преподавания в группе иностранных слушателей обязательной для гуманитарной направленности дисциплины «Литература». Целью работы является детекция проблемных вопросов, возникающих в процессе овладения русским языком при изучении художественного текста (в группе продвинутого уровня). На примере практического занятия, основанного на анализе рассказа Ф. Н. Горенштейна «Три встречи с Лермонтовым», авторы статьи дают обзор задач, которые ставят перед собой преподаватели, обучающие русской литературе иностранных граждан.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, литература, анализ текста, рассказ, продвинутый уровень владения русским языком.

Овладение русским языком происходит как на уроках русского языка, так и на уроках литературы. В первом случае речь идёт об усвоении нормативного языка, во втором — образного. Обе эти области дополняют друг друга. Уроки литературы являются неотъемлемой частью образовательного процесса слушателей подготовительного факультета. Дисциплина «Литература» включена в перечень обязательных для специалистов гуманитарной направленности. Занятие, описанное в данной статье, проводится в группе иностранных слушателей факультета довузовской подготовки иностранных граждан Астраханского государственного университета, владеющих русским языком на продвинутом уровне (будущих филологов). Рассказ Ф. Н. Горенштейна «Три встречи с Лермонтовым» используется как яркая «иллюстрация стилистического материала» [3, 281], что позволяет включить его в программу при изучении творчества М. Ю. Лермонтова, с биографией и литературным наследием которого происходит знакомство на предыдущем семинаре. Слушатели имеют достаточно полное представление о поэте в рамках подготовительного курса, и это даёт им возможность изучать критические и художественные работы с позиции компаративистики.

В книге «Язык и культура» Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют лексический, грамматический, фонетический, стилистический, страноведческий аспекты в преподавании языка. В данной статье репрезентируется многоаспектный анализ рассказа Ф. Н. Горенштейна, что на практике приносит положительные результаты в освоении русского языка как иностранного, расширении кругозора и формировании эстетического вкуса. Коннотативный лингвострановедческий комментарий даётся

в процессе изучения образного языка, а рассмотрение поэтики рассказа формирует навык литературоведческого исследования. Это решает проблемы взаимодействия слова, стиля и образа в художественном произведении.

Целью практического занятия является совершенствование владения языком благодаря решению следующих **задач**:

- 1) практически усвоить языковые явления;
- 2) постичь национально-культурного пространства произведения;
- 3) выработать умение давать литературоведческий комментарий;
- 4) развить навык стилистического анализа художественного текста.

Первоначально в качестве домашнего задания предлагается прочитать рассказ Ф. Н. Горенштейна «Три встречи с Лермонтовым» со словарём для обзорного понимания произведения. Предварительная подготовка, таким образом, обеспечивает самостоятельное решение практических задач (в первую очередь формируется языковая компетенция). Структура практического занятия, выстраиваемого на базе полученных ранее знаний и нового подготовленного материала, включает следующие элементы:

- рассмотрение лексико-фонетических особенностей текста;
- дешифровка культурно-исторической и лингвострановедческой основы произведения;
- интерпретация художественного своеобразия рассказа писателя.

Эти уровни постижения авторского замысла активно взаимодействуют, в качестве формы работы с текстом предпочитается комментируемое чтение. Во-первых,

преподаватель контролирует правильное прочтение с соблюдением орфоэпических норм и интонационных конструкций. Во-вторых, при чтении рассказа возникает необходимость в объяснении новой лексики, сопровождающемся наглядным материалом (несмотря на домашнюю работу со словарём, иностранцы не в полной мере понимают значение многих слов), что позволяет создать правильное представление о реалиях, формирующих историческую основу произведения («*штаб-ротмистр*», «*юнкер*», «*сюртук*», «*ассигнации*», «*крепостное право*», «*дуэль*» и т. д.). В-третьих, студенты фиксируют топоры, обозначенные на страницах произведения, чтобы проследить указания на памятные места жизни и творчества поэта.

После прочтения всего произведения данным методом проводится сравнение с ранее полученными знаниями о биографии поэта, с культурными воззрениями России XIX века, а также сопоставляются русские традиции с культурой, бытом и нравами родных для слушателей стран, что, как правило, приводит к выводу о разительных отличиях сравниваемых этносов. На этом этапе практического занятия постигается культурологическая и страноведческая ценности произведения, раскрывается культурный код текста.

Далее обращается внимание слушателей на те художественные приёмы, с помощью которых создаётся культурно-исторический контекст исследуемого произведения. Необходимо напомнить, что оно принадлежит перу писателя второй половины XX века. «Три встречи с Лермонтовым» — высокохудожественная и качественная стилизация, в которой иностранцы с лёгкостью улавливают традиции написания в духе XIX столетия. Конечно, использованная лексика не позволяет этого скрыть. Сразу выделяются историзмы, архаизмы (иностранцам даётся чёткая дифференциация двух этих терминов), а также реалии не современные, но понятные и теперь: «на театрах», «водяной болезни», «заезжий дом», «25-го числа июня»; трансформированный фразеологизм «на самый тонкий волосок отстоял от смерти» и даже школьное устаревшее аргумент («вставил мне в нос гусара»).

Затем иностранцы переходят к рассмотрению уже более сложных уровней текста, замечая особое построение предложений (сложноподчинённые, зачастую с инверсией и синонимическим рядом), утяжелённость речи (например, «вследствие своего громадного черноземного аппетита за казенные превкусные булки»), эпитеты («небесного эфира», «благодетельной натуры» и т. д.), метафоры («залп варёного картофеля», «нос мой пришёл в страшное расстройство», «Нумидийский эскадрон» тотчас рассыпался по своим местам» и др.), поговорки («вышибли из памяти»), фразеологизмы (например, «был сбит с ног»). Помимо вышеперечисленных изобразительно-выразительных средств в рассказе Ф. Н. Горенштейна достаточно много и других, однако это уже выходит за рамки возможностей иностранных слушателей на данном этапе овладения русским языком. Стоит отметить, что выявление представленных языковых пластов формирует

умение давать литературоведческий комментарий, которое впоследствии станет основой навыка осуществлять полноценный литературоведческий анализ.

Далее необходимо направить группу на постижение смысла произведения. Информативно-тематическая и художественно-эстетическая функции рассказа «Три встречи с Лермонтовым» выходят на первый план, заинтересовав иностранных читателей философской концепцией, содержащейся в последнем абзаце.

Рассматриваемое произведение вызывает трудности интерпретации не только у иностранных слушателей, но и русских читателей, поэтому необходимо помочь студентам постичь авторский замысел. Сначала иностранцы воспринимают этот текст как биографическую зарисовку или документ о поэте. Обсудив такую версию с группой, преподаватель возвращается к последним трём абзацам произведения и предлагает прокомментировать три встречи, которые представлены градацией по ниспадающей: «В первый раз он меня побил, во второй раз он надо мной посмеялся, в третий раз он на меня презрительно посмотрел» и строчки о том, что это было самым ценным в жизни рассказчика. Чуть выше обращаем внимание на строчку: «и пишу, и рву, и думаю, и снова пишу», а затем читаем сожаление автора о том, что он не воспользовался случаем драться на дуэли с Лермонтовым и умереть, чтобы «имя моё навсегда бы прилегло у ног лермонтовского имени, как ласковая собака у ног доброго хозяина...». После этого образ рассказчика начинает восприниматься неоднозначно, потому что иностранцам не понятно, серьёзен он или описан с сарказмом. С одной стороны, тут можно говорить о тщеславии героя, который не может повернуть время вспять, чтобы оставить хоть какой-то след в истории за счёт другого человека, ведь его трусость никогда бы не позволила убить поэта, а своей смертью он бы смог отомстить за все пережитые унижения. С другой стороны, в 68 лет он живёт в уединении, «попивает венгерское» и «грызёт» себя за единственный упущенный шанс прожить эту жизнь, по его мнению, достойно, что вызывает неприязнь по отношению к герою, но не жалость. Здесь преподаватель может рассказать, что изображённый герой представляет такое явление русской литературы, как образ «маленького человека», который ввели Пушкин, Лермонтов, Гоголь. С последним автором иностранные слушатели познакомятся в ближайшее время. На основе уже полученных ранее представлений о личности, не отличающейся сильным характером, но и не являющейся отрицательной (Самсон Вырин А. С. Пушкина и в общих чертах упоминается чиновник Красинский у М. Ю. Лермонтова в «Княгине Лиговской»), учащимся при сравнительном анализе необходимо дать понять, что Н. В. Гоголь, канонизировавший тип «маленького человека», строит «Шинель» на пересечении двух линий: мы и сочувствуем Башмачкину, и смеёмся над ним, а у Ф. Н. Горенштейна он мелочный, озлобившийся. Он намеренно трансформирует образ маленького человека для того, чтобы задать новую

концепцию этого типа героя и оспорить сочувственное отношение к нему.

На этом практическом занятии знание всего гоголевского контекста не является необходимым, поэтому иностранцы разбирают лишь приведённую самим Ф. Н. Горенштейном фразу Хлестакова: «Литераторов часто вижу. С Пушкиным на короткой ноге. Бывало часто говорю ему: “Ну что, брат Пушкин?” — “Да так, брат, отвечает бывало, — так как-то всё...”. Большой оригинал». Эта фраза изначально задумана Н. В. Гоголем как анекдот про А. С. Пушкина, столь популярный в 1830-е годы. Именно эпиграф раскрывает иронический подтекст произведения, а следующая фраза: «Ах, как я понимаю Хлестакова в его воображаемом разговоре с Пушкиным... Как мало в этом разговоре обмана. Как много в этом разговоре лиризма и мечты...», возможно, раскрывает главную идею самого Ф. Горенштейна о том, что герой не признаёт М. Ю. Лермонтова великим поэтом и проводит параллель с Хлестаковым, для которого А. С. Пушкин лишь «большой оригинал», мечтательно возведённый в гении дилетантами. Здесь подтверждается мысль о том, что маленький человек не безобиден, а, напротив, опасен для искусства. Тема непризнанного гения является автобиографичной и очень животрепещущей для писателя, о чём можно рассуждать при более подробном изучении его творчества.

Важным также становится наблюдение о том, что Ф. Н. Горенштейн сквозным в своём рассказе делает приём антитезы: жизнь главного героя противопоставлена

судьбе М. Ю. Лермонтова, три встречи с поэтом отображают изменения в существовании рассказчика. Заметим, что главный герой в первых строках называет себя стоиком, после — эпикурейцем («имел немалое влияние на мою жизнь, жизнь эпикурейца на фоне существовавшего тогда крепостного права»), что также задаёт иронический тон повествованию. Взгляд со стороны даёт понять, что в действительности он не является ни тем, ни другим, а становится лишь карикатурой на философа и мученика. Задача преподавателя при чтении анализируемого произведения — это не только дать чёткое определение философским терминам, но и сформировать литературоведческое представление об использовании антитезы в канве повествования.

Преподаватель оставляет за собой право говорить более подробно о многоголосии текста, а также о карнавальных традициях согласно концепции М. М. Бахтина, предваряя собой изучение творчества Ф. М. Достоевского (называемого Ф. Н. Горенштейном «мой давний оппонент»).

Применение лингвистического и стилистического анализов при изучении данного произведения в группе иностранных слушателей делает возможным решение проблемы с усвоением не просто новых лексических единиц в определённом контексте, но и идеи текста. Учащиеся продвинутого уровня при верной интерпретации данного рассказа и логичного использования лингвистического материала совершают первые шаги к постижению основ литературоведческого анализа, что становится важным этапом в подготовке будущих студентов-филологов.

Список литературы:

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Изд-во МГУ, 1973.
2. Горенштейн Ф. Н. Три встречи с Лермонтовым. // Время и мы. – 1982. – № 68.
3. Московкин А. В., Щукин А. Н. Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 2012.

*Glyzina Vera Evgenievna,
Baikal State University of Economics and Law,
PhD in Philology, Associate Professor, Dep-t of Foreign Languages
E-mail: vecotd@yandex.ru*

*Gorskaya Natalia Evgenievna,
Irkutsk National Research Technical University, PhD in Psychology,
Associate Professor, the Faculty of Applied Linguistics
E-mail: natgo2012@yandex.ru*

*Belousova Evgenia Sergeevna,
Irkutsk State University of Railway Transport,
Dep-t of Foreign Languages
E-mail: zenchik84@mail.ru*

The thought as a speech activity subject of research-oriented reading

Abstract: The article considers the concepts of «thought», «denotation», supports actuality of the presented topic, due to the increased interest of scientists in the study of mental abilities. Special attention is paid to the principle of the

professionally-focused relevance choice and the science-oriented texts novelty. The conclusion is made that the ability to understand the equal in form of scientific communication is the indicator of the full learning of educational material.

Keywords: inner speech, thought, denotation, semantic relations, transformation, synonymy, semantic identity.

*Глызина Вера Евгеньевна,
канд. филол. наук, доцент, Байкальский государственный
университет экономики и права, кафедра иностранных языков
E-mail: vecotd@yandex.ru*

*Горская Наталья Евгеньевна,
канд. психол. наук, доцент, Иркутский Национальный
Исследовательский Технический Университет,
факультет прикладной лингвистики
E-mail: natgo2012@yandex.ru*

*Белоусова Евгения Сергеевна,
ассистент Иркутского государственного университета
железнодорожного транспорта, кафедра иностранных языков
E-mail: zenchik84@mail.ru*

Мысль как предмет речевой деятельности научно-ориентированного чтения

Аннотация: В статье рассматриваются понятия «мысль», «денотат». Обосновывается актуальность представленной темы, в связи с возросшим интересом ученых к изучению мыслительной способности человека. Особое внимание уделяется принципу отбора профессионально-направленной значимости и новизне научно-ориентированных текстов. Делается вывод о том, что умение понять равные по форме научные сообщения является показателем полноценного усвоения учебного материала.

Ключевые слова: мысль, денотат, смысловые связи, трансформации, синонимия, смысловое тождество.

В настоящее время исследования в области когнитивной лингвистики приобретают все большую актуальность в связи с возросшим интересом ученых к изучению мыслительной способности человека. Человек постигает мысль уже оформленной в предложение, поскольку мышление и язык взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако не всякое предложение выражает суждение, т. е. деление речевого ряда на предложения не зависит от разделения мыслительного процесса на суждения. Первичными для сознания фактами являются не простые предложения, а самые сложные фразы (Ф. Ф. Фортунатов). Существующие исследования взаимосвязи языка и мышления дают основания утверждать о существовании некоего невидимого нам в прямом наблюдении семантического языка или «языка мысли». Так, Ю. Д. Апресян полагает, что возможность по-разному выразить одну и ту же мысль означает, что у выражения языка мысли есть несколько переводов на естественный язык и что на этом языке мысль имеет единственный стандартный способ записи [1]. С точки зрения Н. И. Жинкина, «механизм» человеческого мышления реализуется в двух противостоящих динамических звеньях: предметно-изобразительном (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь). В первом звене мысль задается, во втором — передается и снова задается для первого звена [6]. В связи с тем, что язык, как инструмент сообщения мысли является для человека отражением реального мира, позволяющий ему

адаптироваться в нем, то основными задачами современной лингвистики является, в первую очередь, изучение речемыслительной деятельности [9]. Как указывает Г. М. Костюшкина, речевая деятельность рассматривается как один из способов адаптации человека к среде, где он функционирует, приобретая знания и тем самым познавая мир [10].

Речевая деятельность является объектом не только лингвистики, но и таких наук как психология, медицина, биология, поскольку исследуется, прежде всего, речемыслительный механизм (компетенция и реализация) коммуникантов. Большинство лингвистов считают, что первоначально коммуникативная функция языка. Однако по мнению А. В. Кравченко, если рассматривать язык с точки зрения биокогнитивного плана, она сдвигается на задний план, приобретая тем самым вторичную роль, а первичную уступая адаптивной функции, имеющей скорее биосоциальный и когнитивный характер [12]. А. В. Кравченко, рассматривая язык с точки зрения его когнитивной функции, включающей концептуальную систематику языка, речи и речевой деятельности считает, что язык является определяющим фактором развития человека и «орудием мысли», или познания и полностью определяет эффективность всех форм его жизнедеятельности и человеческого общества в целом. Язык можно определить как «функциональную адаптивную деятельность, суть которой состоит в контроле информации» [13].

Если рассматривать язык с точки зрения семантики, следует полагать, что мы мыслим, то есть говорим на нем во внутренней речи. Следовательно, логично предположить, что мышление есть разговор человека с самим собой, и это подтверждается исследованиями ряда ученых.

Лингвистическую специфику внутренней речевой деятельности впервые раскрыл Л. С. Выготский, выделив три основные ее черты:

- 1) свернутость, агглюнативность компонентов, несловесный ее характер, поскольку внутренняя речь — это речь почти без слов;
- 2) предикативный характер, поскольку вся она состоит, с психологической точки зрения, из одних сказуемых;
- 3) семантическая специфика компонентов внутренней речи, связанная в большей степени, с ситуативной и контекстуальной обусловленностью [3].

Внутренняя речевая деятельность тесно связана с речедвигательной импульсацией, которая может уменьшаться и увеличиваться в зависимости от таких факторов, как трудность решаемых мыслительных задач, степень автоматизации мыслительных действий, индивидуальная склонность к тому или иному типу представлений (А. Н. Соколов).

Предметом речевой деятельности является мысль, как форма отражения отношений предметов, явлений и процессов реальной действительности. В своей статье мы рассматриваем мысль как предмет речевой деятельности чтения научных текстов. Такой вид речевой деятельности как чтение, осуществляется в том случае, если возникает потребность отыскать необходимые, важные в научном плане в данный момент мысли других о тех или иных предметах, явлениях, процессах и их взаимосвязях и, которое состоит в адекватном воссоздании чужой заданной мысли, формировании умозаключений, т. е. новых, собственных мыслей по поводу предмета речи. Исследование вопросов предмета деятельности чтения — мысли является актуальным в связи с тем, что это позволяет по новому подойти к выделению принципов отбора в системной организации текстов для чтения научной литературы. Это прежде всего принцип информационной профессионально-направленной значимости и новизны текстовых материалов.

Следует учитывать, что текст представляет собой самый сложный языковой знак, предполагающий единовременный охват большого количества фактов определенной тематики и поэтому подлежащий обязательной интерпретации со стороны читающего. Текст как сложное семантико-синтаксическое образование обладает также рядом психолингвистических характеристик, таких как цельность (смысловая, структурная и композиционная целостность), смысловая и грамматическая связность речи.

Чтение научного текста требует от читающего глобальной структуры определенных знаний, существующих в его сознании. Из когнитивной структуры у читающего начинает работать та часть, которая окажется соотносимой со структурой, представленной автором в тексте, за которой опять-таки стоит глобальная структура знаний

о данной реальной области самого автора. Как отмечает Л. С. Выготский, любая мысль соединит что-то, между чем-то и чем-то [3]. Поэтому важно помнить и учитывать два компонента идеального предмета речевой деятельности чтения: первый компонент — это поименованные, названные языковыми средствами предметы, события, явления, процессы т. е. так называемое «что-то»; второй компонент — обозначенные связи в отношении между этими «что-то». И. А. Зимняя отмечает, что понятие предметности в лингвистике берет начало от номинативной функции языка, выражаясь в понятии денотата; формами существования мысли являются имена, понятия, суждения, умозаключения, где каждое имя что-то обозначает. Автор, используя при составлении текста определенные слова, указывает объем конкретных предметов, явлений действительности, их связей, т. е. обозначает «денотатный план» [8]. Поскольку язык, в том числе и иностранный, является средством выражения мысли об объективной действительности, то организация тематики, предметный план для чтения научных текстов должен быть ориентирован на профессиональную и научную деятельность будущего специалиста. При выборе того или иного текста с глобальной денотатной структурой темы, должна присутствовать новизна. Новизна может состоять в ключевых понятиях, где темы, субподтемы в текстах одинаковы, повторяются, но выражены другими языковыми средствами, то есть здесь мы можем говорить о синонимичности смыслов таких текстов. В другом случае добавляются к общим понятиям новые, дополнительные и по горизонтали и по вертикале денотатной структуры тексты. Также новизна может заключаться в том, что в тексте представлены совсем другие понятия (субподтемы), чем во всех других.

Денотаты текста даются в структуре в их предметных взаимосвязях и она не зависит от последовательности изложения материала (А. И. Новиков, Г. Д. Чистякова). Мнения исследователей относительно понятия «денотат» несколько отличаются друг от друга. Так, Н. И. Жинкин, понимает под денотатом совокупность предметов, явлений или процессов, которые обозначаются данным именем, образуют его объем, а каждый из предметов, входящих в этот объем, и называется денотатом, подчеркивая при этом, что это не понятие и не отношение [6].

А. П. Бобырева, считает, что денотат — это не просто реальный предмет объективного мира, обозначаемый словом, а его отражение в мозгу человека. По мнению А. И. Новикова денотаты — объекты и явления реальной действительности, отраженные в мышлении и выраженные в тексте соответствующими средствами, поскольку отдельно взятое слово как элемент языковой системы обладает лексическим значением, через которое оно связано с понятием; данное слово не имеет своего денотата, а приобретает его в момент употребления и во взаимодействиях с другими элементами языка при активном участии интеллекта и мыслительных операций [11]. Опираясь на вышесказанное, многие исследователи (Н. И. Жинкин,

Г. В. Колшанский, А. И. Новиков, Г. Д. Чистякова) показывают, что денотаты чаще всего обозначаются словосочетаниями, состоящими из двух и более слов. И если в каждом из них можно, как указывает А. И. Новиков, выделить отдельные слова, общие понятия, конкретные понятия, то в денотате это невозможно, они неразделимы.

Денотат текста, по мнению Г. Д. Чистяковой, является первым компонентом мысли [14]. В качестве денотата текста выступает его тема, которая раскрывается через последовательный ряд подтем, каждая из которых может дробиться на более частные подтемы. Единство текста достигается благодаря языковым элементам текста, которые выражают структуру связей денотатов. Второй компонент мысли после денотата — это соединение имен и отношение между ними, которые и образуют смысловые связи, в форме которых в нашем сознании отражаются существующие вне нас предметные связи и отношения объективной действительности (И. А. Зимняя, Г. Д. Чистякова) [8; 14]. И третье, по мнению Н. И. Жинкина: любой текст составляется для сообщения новой информации, с целью нахождения нового смысла, которого не было в других текстах.

Внешняя форма текста представляет собой материальный объект и не содержит в себе ничего, кроме последовательности внешних форм языковых знаков. Он начинает приобретать содержание только в процессе восприятия и понимания, в результате взаимодействия с интеллектом, который вырабатывает понятие, суждение, делает умозаключение, т. е. обращаясь к смыслу (А. И. Новиков). Содержание текста не может существовать вне процесса понимания. Поэтому оно не передается, а вызывается в мозгу человека. Н. И. Жинкин рассматривает кодируемый переход от динамики сочетания слов к более вместилистной статической схеме, т. е. при декодировании мысль может быть переведена (в устной речи при последовательном проговаривании про себя) в развернутый ряд слов, с использованием принципа замен. По мнению исследователя любое слово естественного языка может быть заменено другим, если не одним, то равнозначным ему описательным оборотом. Доводом для такого утверждения он считает синонимию [7].

В языке выработались особые части речи — местоимения, относительные слова (этот, тот, который), функция которых заключается в замене слов, известных из контекста. Именно эта неограниченная возможность языковых замен при сохранении тождества слов и мыслимых обозначений позволяет сделать равносильные по значению переводы с одного языка на другой. Следует отметить, что научные тексты не допускают «двойного» толкования, и, подтекстом, как правило, не обладают; информативность научного текста требует строгой определенности в выражении мысли и полноты аргументации. При понимании текста читающему необходимо объединить несколько отдельных предложений без искажения в одно смысловое целое, т. е. интегрировать лексические значения смежных предложений текста.

Для лучшего понимания нового научного текста, рекомендуется использовать так называемую «пошаговость восприятия» языкового материала, которое предполагает последовательную обработку поступающей информации, и интеграцию смысла текста. Для того, чтобы воспроизвести прочитанный текст, читающий подвергает исходный текст не только языковой, но и смысловой трансформации.

Языковая трансформация исходного текста при пересказе определяется как трудностью удержания в памяти языковой фактуры воспринятого речевого высказывания, так и индивидуальными особенностями языковой системы читающего, индивидуальными характеристиками его языковой способности. Следует отметить, что некоторые типы изменений встречаются постоянно во всех пересказах, к ним относятся замены слов, пропуски и добавления информации. В научной терминологии широко представлены отвлеченные отглагольные имена, которые должны означать процесс, действие, т. е. то значение, которое выражают производящие глаголы. Именно «глагольная группа», наиболее часто подвергается языковой трансформации в которой отмечаются пропуски в основном наречий, прилагательных и предложных конструкций. И действительно, в качестве первичного, основного значения этих имен, как правило выступает значение процесса. Но перейдя в новое качество, став отглагольным существительным, эти слова развивают органически присущие категории имен предметные значения, которые логически вытекают из значения процесса, когда «действие перерождается в предмет» (Винокур Г. О.). Это вероятно и закономерно, если принять во внимание, что значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова, оно зависит от свойств той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово [4].

Также большую роль в осознании логико-смысловой организации текста играют средства межфразовой связи. Смысловые связи проникают в структуру предложения и связывают предложения между собой (Н. И. Жинкин). Если интеграция не возникает, берется следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений.

Сущность связи в тексте как внутренний психологический синтаксис мысли, рассматривали Л. С. Выготский, А. А. Лентьев, В. Б. Апухтин. В. Б. Апухтин, продолжая исследование синтаксиса мысли, минимальной ее единицей считает соединение двух элементов — известное плюс неизвестное, т. е. предмет мысли, то, о чем сообщается, тема и то, что сообщается об этом предмете — предикат или рема. При обучении чтению выделяются в тексте главные мысли и второстепенные, уточняющие поясняющие главную мысль или иллюстрирующие ее. В некоторых случаях при оценке развития мысли в тексте говорят об основных положениях, их аргументации и иллюстрации. Следует отметить, что семантическая информация, которая содержится в научных текстах, может быть распределена неравномерно за счет ее периодического накопления, чередующегося

с малоинформативными отрезками. Исследования смысловой организации речевого сообщения, показывают, что большинство речевых сегментов содержат информацию об одном объекте или процессе окружающей нас действительности и это обычно бывает: ключевая информация, дополнительная, уточняющая, повторяющаяся и нулевая. Во всех случаях речь идет о смысловой или информативной насыщенности текстов, если под информацией понимать те мысли, которые вносят новое к имеющемуся. Самыми понятными при чтении научных текстов для читающего, являются причинно-следственные связи, когда наличие одного явления, события, предмета вызывает другое. Если речь идет, например об альтернативных источниках получения энергии, то в тексте должно сообщаться нечто о солнечных батареях, ветреных станциях и т. д. При переводе текста с одного языка на другой причинно-следственные связи облегчают его понимание. Рассматривая обучение чтению как процесс коммуникации, обмен мыслями автора текста и читающего, необходимо учитывать доступность текстов, их коммуникативность, что возможно за счет обеспечения смысловой синонимичности, достигаемой формулированием в тексте одних и тех же мыслей разными языковыми средствами. Предметно-логическая структура содержания текстов позволяет говорить о тождественности их смысла и о существовании инварианта. При формировании этого неизменного содержания следует прибегать к выбору тех языковых средств, которые обозначают предметы, явления, процессы реальной действительности, являются денотатами, и представляют собой номинативные

элементы. Показателем полноценного условия учебного материала является умение понять смысловое тождество разных по форме сообщений. Видение и понимание смыслового тождества в процессе чтения текстов будет говорить о сформированности лексикона читающего по той или иной теме. Также следует отличать речевой смысл от личностного смысла, который возникает как результат интерпретации содержания текста. Выделенное А. Н. Леонтьевым понятие «личностный смысл» неразрывно связано с исследованиями деятельности субъекта, формирующий смысл как некую психическую сущность, как отношение к реальной действительности [5]. Важную роль в полноценном понимании научного текста играет также принцип предметной связности, тематической цельности, количественной достаточности и смысловой синонимичности. Объемные тексты, как правило, имеют аннотацию, ключевые слов и словосочетания, что дает достаточно полное представление о их содержании.

Для развития навыков и умений референтского чтения во всех его видах, рекомендуется, чтобы такие тексты были включены в систему упражнений. Для формирования и формулирования заданных в тексте мыслей важно, чтобы обучающиеся видели компрессированный текст в большом тексте как систему денотатов, т. е. видели его «тематический код», выступающий как генератор текста. Для этого необходимо на каждом начальном этапе по определенной теме включать достаточное количество разных текстов, в которых тематических код, компрессированный текст были бы близкими друг к другу.

Список литературы:

1. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1976. – С. 383.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Изд-во Школа «Языки русской культуры», 1997. – Т. 1. – 480 с.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Глызина В. Е. Временная семантика имени существительного в современном английском языке: дис. ... канд. психол. наук: 10.02.04. – Иркутск, 1999. – 133 с.
5. Горская Н. Е. Особенности и становление личностно-профессионального самосознания и мотивационно сферы студентов негосударственного вуза в процессе обучения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07. – Иркутск, 2004. – 162 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=16022276>
6. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. // Вопросы языкознания. – № 6. – 1969. – С. 26–38.
7. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – С. 154.
8. Зимняя И. А. Психологические аспекты говорения на иностранном языке. – М.: Просвещение, 1978. – С. 51.
9. Костюшкина Г. М. Язык. Мышление. Реальность. // Материалы пятого Регионального научного семинара по проблемам систематики языка и речевой деятельности. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2002. – С. 85–95.
10. Костюшкина Г. М. Концептуальная систематика языка, речи, и речевой деятельности как объект лингвистики. // Вестник ИГЛУ. – 2009. – № 1. – С. 6–12 (197).
11. Новиков А. И. Структура содержания текста и возможности ее формализации (на материале научно-технических текстов): дис. ... док. филол. наук: 10.02.19. – Москва, 1983. – 355 с.
12. Кравченко А. В. Что такое коммуникация? (Очерк биокогнитивной философии языка). // Прямая и не прямая коммуникация. – Саратов, 2003. – С. 4–6.
13. Кравченко А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. / А. В. Кравченко. – Иркутск: Иркутская обл. тип. №1, 2001. – 261 с.
14. Чистякова Г. Д. Смысловая структура текста как определяющий фактор его понимания. В кн.: Семантика, логика, интуиция в мыслительной деятельности человека. – М.: Педагогика, 1979. – С. 101–126.

*Maharramova Sevinj Abbasgulu,
professor of the chair of Russian linguistics of Baku State University
E-mail: samumtornado@gmail.com*

Cosmonyms in term formation (on the material of the Russian language)

Abstract: In the article on the basis of the material from the different dictionaries are grouped and analysed such cosmonyms as *star, moon, sun, meteor, meteorite, galaxy, earth* and their derivatives taking part in formation of terms of the different spheres of science and tehnics. In the special group are given the cosmonyms that form the computer (gamer) terminology. It is emphasized that there are also synonyms in the system of researched terms.

Keywords: term formation, cosmonyms, star, moon, sun, meteor, meteorite, galaxy, earth, synonyms.

*Магеррамова Севиндж Аббасгулу гызы,
д. ф. н., профессор кафедры русского языкознания
Бакинского Государственного Университета
E-mail: samumtornado@gmail.com*

Космонимы в терминообразовании (на материале русского языка)

Аннотация: В статье на основе материала различных словарей группируются и исследуются космонимы *звезда, луна, солнце, метеор, метеорит, галактика, земля и их производные*, активно участвующие в образовании терминов различных областей науки и техники. В особую группу выделяются космонимы, входящие в компьютерную (геймерскую) терминологию; выявляется также синонимия в системе рассматриваемых терминов.

Ключевые слова: терминообразование, космонимы, звезда, луна, солнце, метеор, метеорит, галактика, земля, синонимы.

Как известно, терминологическая лексика является той частью словарного состава литературного языка, которая в связи с прогрессом науки и техники развивается наиболее многообразно, интенсивно и легче поддается упорядочению. Многочисленные исследования терминотерминологии постоянно обнаруживают в них своеобразные переплетения общелингвистических закономерностей и специфических обстоятельств, влияющих на лексику той или иной области знаний. «Наиболее интересным в настоящее время является когнитивный подход к изучению терминологии, позволяющий представить ту или иную терминосистему в виде концептуальной модели» [2, 78].

Влияние небесных светил на жизнь человека и всего живого очевидно, и было замечено с древнейших времен. Как известно, человек живет в многомерном пространстве языка и культуры, объединяющем самые разные виды знания, которые оказываются тесно взаимосвязанными, чутко реагирует на них и отражает в своем языке. «Такого рода взаимосвязь различных областей знания прослеживается на примере космонимов, семантика которых включает как данные естественнонаучных дисциплин, так и образно-метафорические и символические компоненты, что в совокупности создает культурную коннотацию указанных лексических единиц» [3, 50].

Указанные лексические единицы изначально терминологичны, однако, как показали наши наблюдения над материалами различных терминологических и толковых словарей, они выступают в качестве терминов не только в таких областях науки, как астрономия, физика, метеорология,

но и ботаника, зоология, минералогия, анатомия и др., и соответственно, за ними закреплена некоторая естественнонаучная информация.

Как верно указывает В. А. Бондалетов, «при именовании космических объектов, учитывается многое: информативность названий (их соотношенность с учеными, внесшими вклад в исследования космоса и других областей знаний), их соподчиненность, системность, учитывается также возможность включения в существующую систему названий дополнительных» [1, 35].

Таким образом, космонимы могут рассматриваться и как термины в естественнонаучной сфере знания, и как лексические единицы, и как единицы, содержащие пласт культурной информации, что соответствует новейшим тенденциям по интеграции различных областей знания. Многомерное пространство языка и культуры, в котором живет современный человек, делает наиболее актуальным интегрирующий подход, объединяющий различные картины мира, результатом чего должно стать энциклопедическое знание. Рассмотрим примеры таких терминов по конкретным областям науки.

Минералогия: звездчатый сапфир — в минералогии сапфир — это корунд с кристаллами в виде вид вытянутых шестигранников. А если в кристаллической решётке корунда появляется примесь минерала рутила, образуется скопление микрорекристаллов, иголки которого образуют звезду с шестью лучами. Вот такие сапфиры и называются звёздчатыми. Цена камня зависит от сформированности звезды. Если звезда угадывается слабо, что встречается в большинстве

случаев, цена на самоцвет падает. Популярность звёздчатых сапфиров привела к появлению искусственно выращенных камней. Звезда на таких камнях также наводится диффузно. Камни получают эффектные, красивыми, цветными, прозрачными, и от настоящих их отличить смогут только специалисты. Лучи звезды всегда статичны, независимо от угла зрения и угла падающего света. В натуральных камнях звезда подвижна. **Звездчатые рубины** — редчайшие камни, обладающие ярко выраженным эффектом астеризма, шестилучевой звезды, которая проявляется в камнях только при огранке. Звездчатый рубин обычно красного или темно красного цвета, также с четко выраженной шестилучевой звездой. Эффект звезды создается кристаллами рутила, которые внедряются в корунд и так необычно рассеивают свет. Существуют разновидности с «двойной звездой» с двенадцатью лучами, но встретить такой камень — большая удача. Гораздо вероятней, что встретится шестилучевая звезда.

Лунный камень — полупрозрачный голубовато-серебристый полевой шпат. Свое название камень получил за голубые или серебристо-белые переливы, которые порождены тонкопластинчатым строением. Иначе лунные камни называют адулярами или селенитами. В Индии лунный камень называется джандаракандом, что в переводе означает «лунное сияние». Он считается наиболее почитаемым камнем у поклонников Луны. Лунные камни могут быть молочно-белыми, лиловыми или словно озаренными внутренним золотым мерцанием.

Метеоритное стекло — **тектиты** — стекло от бледно-зеленого до оливково-зеленого и зеленовато-бурого цвета; встречается во многих районах мира в виде небольших (обычно 2–3 см.) кусочков причудливой формы, обнаруживаемых в приповерхностных слоях почвы или на поверхности. Хотя теория космического происхождения тектитов общепризнанна, остаются некоторые сомнения в ее истинности. Возможно, это и не «космические пришельцы», а вторичные продукты, возникающие при метеоритных ударах (отсюда название).

Зоология: Морские звезды — это морские беспозвоночные, относящиеся к классу иглокожих. Свое название морские звезды получили благодаря своей оригинальной форме: они имеют от 5 до 40 конечностей (лучей).

Звездчатая черепаха — Черепаха средних размеров. Имеет очень красивый выпуклый панцирь. Своё название звёздчатая черепаха получила благодаря своеобразному рисунку в форме жёлтой многолучевой звезды на каждой щитке панциря (кроме краевых).

Камбала звездчатая — **тихоокеанская речная** — один из наиболее широко распространенных в северной части Тихого океана видов камбал. Глазная сторона тела темно-оливковая или коричневая, покрыта крупными шиповатыми звездчатыми пластинками (отсюда название). На парных плавниках с обеих сторон яркие черные поперечные полосы.

Звёздчатый анциструс — аквариумная рыбка, один из видов семейства кольчужных сомов. Окраска тела и

плавников однотонно тёмная, практически чёрная с мелкими бело-голубоватыми точками в виде звездочек (отсюда название).

Ботаника: Звездчатка средняя — вид растений семейства гвоздичные. Известно также под названиями мокрица, канареечная трава, мокричник, грыжник, сердечная трава, мокрец. Растёт близ жилья, на огородах, сорных местах, иногда по сырым лесным дорогам и полянам. Цветки белые, мелкие, в виде звездочек (отсюда название).

Звездчатый анис — **бадьян** — небольшое вечнозеленое тропическое дерево, близкий родственник аниса обыкновенного. Цветки светлые, от бледно-желтого до зеленоватого оттенка. Плоды представляют собой соплодия, состоящие обычно из 8, а иногда из 7, 9, 10 и 12 плодиков, соединенных между собой в виде многолучевой звездочки (отсюда название). Каждый плодик, или зубчик, имеет форму лодочки темно-коричневого цвета, жесткой, деревянистой на ощупь. Внутри каждого лучика находится одно блестящее семя.

Звёздное яблоко — **звёздчатое яблоко карамбола** (**карамболь, старфрут**) — плодовое дерево. Плоды округлые или яйцевидные, диаметром до 10 см., с блестящей зелёной или фиолетово-коричневой кожурой и сочной белой мякотью сладкого вкуса. Плод содержит до восьми блестящих тёмно-коричневых семян, расположенных в студенистых семенных камерах, которые на поперечном срезе плода образуют характерный звездообразный рисунок. В поперечном разрезе это правильная, обычно пятиконечная звезда (отсюда название).

Подсолнечник однолётный — **Подсолнечник масличный** — вид травянистых растений семейства Астровых. Народное название — подсолнух. Окраска цветков от светло-жёлтой до тёмно-оранжевой, иногда фиолетовая. Цветки в верхушечных, очень крупных соцветиях — корзинках, окружённых обёрточными листьями, как и бутоны, «тянутся» к солнцу (отсюда название) и изменяют свою ориентацию с востока на запад в течение дня (гелиотропизм).

Анатомия: Шейно-грудной (звездчатый) узел — меньше верхнего узла, но больше среднего и позвоночного, неправильной четырехугольной формы. Располагается на уровне поперечного отростка VII шейного позвонка и головки I ребра.

Звездчатые клетки (или клетки Ито) — являются основными клетками соединительной ткани в печени. Их функция состоит в формировании внеклеточного матрикса, обеспечивающего условия для нормального роста и дифференцировки клеток при повреждении печени.

Звёздчатая ангиома — это сосудистое образование характерного вида, располагающееся в верхних слоях дермы. Особенностью строения этого образования является вертикальное расположение основного расширенного сосуда по отношению к поверхности эпидермиса. Выглядит ангиома, как красная точка, от которой в разные стороны отходят «лучики». Красная точка — это центральная артерия, а «лучики» — это капилляры.

Солнечное сплетение (чревное сплетение) — нервное сплетение, совокупность нервных элементов, концентрирующихся в брюшной полости вокруг начала чревной и верхней брыжеечных артерий человека. В состав солнечного сплетения входят правый и левый чревные узлы, непарный верхний брыжеечный узел, большой и малый внутренностные нервы и многие другие, которые отходят от узлов в разные стороны напоподобие лучей солнца (отсюда название).

Сомнамбулизм (лунатизм) — болезненное состояние, при котором люди совершают какие-либо действия, находясь в состоянии сна. Название — лунатизм, происходит от позднелатинского *lunaticus* — безумный, от латинского *luna* — луна. Термин «лунатизм» связан с представлениями многих древних народов о влиянии лунных циклов на психику человека.

Лунообразное лицо — ярко выраженная округлость лица. Обычно наблюдается при болезни Иценко — Кушинга. Среди характерных черт лунообразного лица можно отметить округлость, двойной подбородок, выдающуюся вперед верхнюю губу и заполненность надключичной ямки.

Знак, инструмент: Звёздочка или астериск:

1. графический знак в виде небольшой, обычно пяти- или шестиконечной звёздочки (*), расположенной в строке или поднятой над строкой. Был введён во II веке до н. э. в текстах Александрийской библиотеки античным филологом Аристофаном Византийским для обозначения неясностей. Расположенные на отдельной строке три звёздочки в ряд (или треугольником) используются в качестве разделителя отрезков текста либо заменяют заголовок (особенно часто используются вместо названия у безымянных стихотворений); иногда ставятся и при завершении текста. Звёздочками может заменяться (целиком или частично) неназываемое имя (например, в посвящении стихов: «К ***», «П. А. О***») или непечатное слово.

2. В языкознании звёздочку (астерикс) ставят: перед восстановленной, гипотетической словоформой, не зафиксированной в памятниках письменности: праслав. **gordъ* (город), **kaina* (цена), **vertmen* (время); в начале грамматически неправильных примеров, для пометы этой грамматической неправильности, например: *Кто его спрашивала?

3. Звёздочками (от одной до пяти) обозначают качество некоторых видов товаров.

4. В большинстве языков программирования звёздочка используется как знак умножения.

Звездчатая отвертка — применяется для работы с электротехникой, телефонами, плеерами и служит незаменимым инструментом в мастерских. Называется она так, потому что имеет звездчатый шлиц.

Математика: Звёздчатый многогранник (звёздчатое тело) — это невыпуклый многогранник, грани которого пересекаются между собой. Как и у не звёздчатых многогранников, грани попарно соединяются в рёбрах (при этом внутренние линии пересечения не считаются

рёбрами). Звёздчатой формой многогранника называется многогранник, полученный путём продления граней данного многогранника через рёбра до их следующего пересечения с другими гранями по новым рёбрам.

Астрономия: Звёздный ветер — процесс истечения вещества из звёзд в межзвёздное пространство.

Солнечный ветер — поток супер-ионизированных частиц (в основном гелиево-водородной плазмы), истекающий из солнечной короны со скоростью 300–1200 км/с в окружающее космическое пространство. Является одним из основных компонентов межпланетной среды.

Метеороид, или метеорное тело — небесное тело, промежуточное по размеру между межпланетной пылью и астероидом. Это относительно небольшое твёрдое тело, движущееся в космическом пространстве. Совокупность метеорных тел, вращающихся вокруг Солнца, образует **метеорное вещество** в межпланетном пространстве. Метеорные тела представляют собой продукты распада комет или обломки малых планет и при своём движении иногда встречаются с Землёй и др.

Метеоритный дождь (железный дождь, каменный дождь, огненный дождь) — множественное падение метеоритов вследствие разрушения крупного метеорита в процессе падения на Землю.

Лунная радуга (также известная как ночная радуга) — радуга, порождаемая Луной. Отличается от солнечной только меньшей яркостью. Имеет тот же радиус, что и солнечная, и всегда находится на противоположной от Луны стороне неба.

Химия: Гелий (Гелиос — солнце); **титан** (третий спутник планеты Уран, шестой спутник Сатурна); **селен** (греч. *Selena* — луна); **палладий** (планета Паллада); **теллур** (лат. *tellus* — земля); **церий** (малая планета Церера). Церий был открыт в 1803 г. Й. Берцелиусом и В. Хизингером, а также независимо от них в том же году М. Клапротом, назван по имени малой планеты Цереры; **уран** (планета Уран); **нептуний** (планета Нептун); **плутоний** (планета Плутон). Название еще одного элемента — ванадий, тоже связано с утренней звездой. Оно дано ему в честь древней скандинавской богини Ванадис, являвшейся олицетворением планеты Венера.

Танцевальная техника: Лунная походка (англ. *moonwalk*) — танцевальная техника, когда танцор движется назад, при этом имитируя движения ног как при ходьбе вперед. Иллюзия заключается в создании плавного скольжения танцора назад, т. е. как на Луне, где нет притяжения (отсюда название).

Компьютерная (геймерская) терминология: Лунный фестиваль — компонент игры *World of Warcraft*. Уровень предмета: 55. Заклинатель телепортируется из Великого Лунного Сияния.

Лунная дверь — компонент игры *Буря мечей*, *Санса VII*, дверь в Орлином Гнезде, открывающаяся в пропасть. В Орлином Гнезде держали палача, а осуждённых на смерть выбрасывали в Лунную Дверь.

Лунная волчица — компонент игры Wowhead. Волчица, которая обитает в темном лесу.

Лунная руда — руда в игре The Elder Scrolls V. Из 2-х кусков лунной руды в плавильне можно выплавить один очищенный лунный камень. В дальнейшем, эти слитки используются для изготовления и улучшения эльфийского снаряжения.

Лунное лезвие — компонент игры Ведьмак. Серебряный меч, эльфийской работы.

Звездное племя — компонент игры Коты-воители. Это умершие предки и друзья диких котов. В него попадают только те коты и кошки, которые прожили свою жизнь с честью и соблюдали.

Звёздное сияние — игра, перед тобой различной формы созвездия. Измени их ракурс так, чтобы получилась красивая фигура.

Звездная печаль — компонент игры Wowhead. Уровень предмета: 75. Восполняется за 30 сек. Действие эффекта прерывается, если персонаж встает с места.

Звездный рубин — компонент игры Wowhead. Уровень предмета: 50. Используется для ремесел.

Солнечная ваятельница Веорикс — компонент игры Wowhead. Уровень: 96. Используется для ремесел.

Солнечное сияние — компонент игры Wowhead. Уровень предмета: 164. Персональный одноручный кинжал.

Галактическая осада — игра. Люди решили создать громадный космический корабль, который может обороняться и собирать ресурсы одновременно.

Земное Царство — серии игр Mortal Kombat.

Кроме того, среди таких терминов имеются и синонимы:

Метеоритное стекло — тектиты; *камбала звездчатая* — тихоокеанская речная; *звездчатый анис* — бадьян; *звёздное яблоко* — звёздчатое яблоко карамбола (карамболь, старфрут); *подсолнечник однолетний* — подсолнечник масличный; *звездчатые клетки* (или *клетки Ито*); *солнечное сплетение* (чревное сплетение); *сомнамбулизм* (лунатизм); *метеороид*, или *метеорное тело*; *звёздчатый многогранник* (звёздчатое тело); *звёздочка* или *астериск*; *лунная радуга* — *ночная радуга*.

Таким образом, как видно из вышепересмотренных примеров, наиболее продуктивными в терминологии являются космонимы *звезда*, *луна*, *солнце*, *метеор* и их производные: *звездный*, *звездчатый*, *лунный*, *лунообразный*, *метеорный*, *метеоритный*. Наибольшее количество таких терминов имеется в компьютерной (геймерской) терминологии, в химии, астрономии, анатомии, меньшее количество — в минералогии, зоологии, ботанике, наименьшее же количество — в технике, математике и танцевальной технике.

Список литературы:

1. Бондалетов В.А. Русская ономастика. — М., 1983.
2. Комова Т.А. Взаимодействие естественнонаучного и филологического знания в контексте языковой категоризации. // Сборник научных трудов кафедры иностранных языков ФПС. — М., 2001.
3. Стафеева О.В. Естественнонаучное и филологическое знание как объект лингвистической категоризации: Космонимы «Солнце» и «Луна» в контексте языка и культуры: Дисс... канд. наук. — М., 2003. — 174 с.
4. Сурдин В.Г. Большая энциклопедия астрономии. Серия: Большая современная энциклопедия. — Эксмо, 2012.
5. Словаря ботанических терминов. Под общей редакцией д. б. н. И. А. Дудки. — Киев: Наукова Думка, 1984.
6. Большой энциклопедический словарь. — Изд.: «Большая Российская энциклопедия» (2-е издание, переработанное и дополненное). — М., 2002.

Matsybok-Starodub Natalia Oleksandrivna,
Institute of Philology,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
postgraduate student,
the Faculty of Ukrainian Philology
E-mail: macudyb@ukr.net

The national liberation idea in the Olga Duchyminska's work

Abstract: This article investigates the actualization of the national liberation idea in the Western Ukrainian women's prose of the interwar period. The article analyses the short prose works by Olga Duchyminska, observes the liberation aspiration of the best representatives of Ukrainian nation. The personality of patriot liberator, who wants to regain and defend the independence of Ukraine, is analysed in detail.

Keywords: national liberation idea, prose of the interwar period, Western Ukrainian women's prose, essence of the patriot liberator, image of the enemy.

Мацыбок-Стародуб Наталия Александровна,
 Институт филологии Киевского национального
 университета имени Тараса Шевченко,
 аспирантка, факультет украинской филологии
 E-mail: macudyb@ukr.net

Национально-освободительная идея в творчестве Ольги Дучиминской

Аннотация: В статье исследуются особенности актуализации национально-освободительной идеи в западноукраинской женской прозе междувоенного двадцатилетия. На материале малой прозы Ольги Дучиминской рассмотрено стремление лучших представителей украинской нации к освободительной борьбе за лучшее будущее своей земли. Также в статье детально проанализировано формирование личности патриота-освободителя, стремящегося отвоевать и защитить независимость Украины.

Ключевые слова: национально-освободительная идея, проза междувоенного периода, западноукраинская женская проза, сущность патриота-освободителя, образ врага.

Судьба талантливой западноукраинской писательницы О. Дучиминской была преисполнена значительным числом испытаний и бед (речь идет о двух мировых войнах, тяготах междувоенного существования, жестоком аресте, циничных обвинениях писательницы в совершенно сфабрикованном деле об убийстве, многолетнем отбывании наказания в колонии), с преодолением которых дано было справиться далеко не каждому. Наверное, только самоотверженный труд писательницы на исследовательском этнографическом поприще, а также ее непоколебимая вера в торжество справедливости (пусть даже в самой отдаленной перспективе!) позволили О. Дучиминской остаться целостной духовно богатой личностью, знакомством с которой гордились многие деятели культуры.

Стоит отметить, что современное украинское литературоведение проводит довольно четкую параллель между угнетением украинского народа со стороны российской тоталитарной империи и личными злосчастиями в судьбе писательницы Ольги Дучиминской. Например, академик В. Качкан высказывает мнение, что именно эта хрупкая писательница “пронесла своей судьбой тяжелый крест своей нации, увенчав свою голову колючим терновым венцом” [4, 464]. В то же время редактор-составитель одного из последних изданий избранных произведений О. Дучиминской, Е. Баран, выделяет первопричины возникновения гонений на писательницу, особенно подчеркивая “ее желание жить свободной” [1, 3], а исследователь Р. Горак упоминает эпизод, как писательница “своей малолетней рукой [...] подписывала протест против введения фонетики. И была невероятно горда, что подписывала против «уничтожения» родного языка” [2, 221].

Как видим, идея национального освобождения была настолько органичной для художественных поисков и мировоззрения О. Дучиминской, что даже анализируемая в статье “Рождественская сказка” и некоторые другие произведения писательницы соответствующими карательными органами считались “по своей сущности антисоветскими” [5, 15].

Целостный идейно-концептуальный анализ сохранившейся малой прозы О. Дучиминской в современном украинском литературоведении все еще не был представлен, актуальность же подобного исследования в свете современного позиционирования русского народа как народа-завоевателя, враждебного к сознательным и самоотверженным представителям украинского (и шире — любого другого, отличного от русского этноса) народа, только возрастает. Отметим, что основой для исследования выступает рассказ “Рождественская сказка” и новелла “Великодняя легенда”, в которых писательница в полной мере выявила свое понимание идеи национального освобождения родной Украины.

Показательно, что О. Дучиминская последовательно и не единожды воплощает образ украинской земли в прекрасном облике молодой девушки, которой постоянно приходится терпеть лишения в ожидании своего лучшего будущего. Если в “Великодной легенде” писательница изображает страдания девушки символически, исходя из традиционной христианской символики (“И сегодня над ней крест и кровавые слезы” [3, 12]), то уже в “Рождественской сказке” образ девушки Украины приобретает национально-исторический колорит, соответствуя “горемычной дочери богача”, имеющей несчастливую судьбу [3, 24]. Постоянным атрибутом родной земли выступает желто-синяя гамма, которую О. Дучиминская воссоздает за счет живописных деталей убранства молодой красавицы, несущей “венки из золотых колосьев и охапку васильков” [3, 11]. Также примечательно то, что в вопросах веры Украина и ее народ представлены последовательными православными, поскольку именно украинская девушка бесстрашно “не оставила Христа, ни его святой Матери” [3, 12]. Жизненные тяготы и лишения неспособны изменить духовные и мировоззренческие ориентиры украинки, защитой, по мнению автора, выступают “неимоверные сокровища терпения и веры в грядущее, в воскресение”, которые девушка носит в себе [3, 12].

Писательница достаточно точно прослеживает зарождение, постепенное развитие и завершающий этап формирования в подрастающем поколении украинцев

патриотических настроений и профетических порывов. Как видим, впервые мысль о необходимости освобождения родной земли упоминается в канун Рождества (этот особенный христианский праздник таит в себе уникальную атмосферу, когда “все зло исчезает” [3, 25]), что наталкивает на выводы, насколько желанным, значимым, но в то же время рискованным и даже сказочным виделось подобное освобождение Украины от гнета вероломных захватчиков. Ключевыми моментами в передаче идеи о необходимости национального освобождения являются такие факторы, как общность духа, веры и ментальности рассказчика и юноши-реципиента (по всей видимости, слова странника-солдата проникновенно звучат и безоговорочно воспринимаются преимущественно потому, что он является своим, понятным и родным украинцем). Писательнице удается представить значительной и личность самого рассказчика, генерирующего желанную и долгожданную идею о национальном освобождении. Действительно, умение украинского солдата ненавязчиво, будто бы мимоходом, вселить в окружающих веру в осуществление даже самой заветной мечты (возвращение отца и любимого, скорое завершение войны, полное освобождение родного края), его способность очаровать окружающих своим талантом рассказчика, подпитать своим оптимизмом, желание убедить в ценности своих взглядов и важности своих идеалов, бесспорно, поражают внимательного реципиента. Апеллируя к понятным всем образам (ведь солдат говорит об обыденных вещах, увлеченно рассказывая об “Украине, хозяйстве, урожаях, обычаях, о казаках и богатствах Украины” [3, 24]), юноша так убедителен, что “даже в доме стало веселее” [3, 24], и так проникновенен, “будто бы в серебряный колокольчик звонит” [3, 25].

Стоит отметить, что в рассказе “Рождественская сказка” О. Дучиминская довольно последовательно очерчивает тот механизм, который обеспечивает постепенное восприятие и впитывание национально-освободительной идеи посторонним реципиентом на начальной стадии общения, а затем ее освоение, закрепление в сознании неопита и полное утверждение. По мнению писательницы, на начальном этапе усвоения идеи важным выступает то, насколько понятной, доходчивой и убедительной будет идея, которую пытаются воплотить и реализовать (солдат с Большой Украины говорил так, “как в колокол звонил” [3, 27]). В дальнейшем свою немаловажную роль сыграет процесс повторения и закрепления идеи. Например, старший сын Николаихи констатирует, что после встречи с украинским солдатом еще несколько раз виделся с ним, но духовное общение оборвалось, поскольку гарнизону солдат пришлось выехать из окрестностей. Что самое интересное, так это то, что полное утверждение национально-освободительной идеи в сознании человека, по мнению О. Дучиминской, происходит в результате чтения книг, определенных художественных произведений, в которых автор, “как жаром осыпает” [3, 28], а сам реципиент пребывает в положении, когда “читаешь и забываешь, что живешь, где ты и что с тобой” [3, 28].

В отличие от антимилитаристской новеллы “Wagum”, манифестирующей несогласие О. Дучиминской с любой войной в принципе, в рассказе “Рождественская сказка” образ врага представлен совершенно предметно, он вполне осязаем и зрим. Персонажи рассказа О. Дучиминской вполне отдают себе отчет, что врагом на украинской земле является русский солдат, “москаль”. Крестьяне и воляки-украинцы осознают, что существует огромная разница между русским народом как этносом и русским солдатом, взявшим в руки оружие и являющимся не просто абстрактным врагом, но еще и непосредственным убийцей твоих односельчан, родственников, друзей и близких. С русским солдатом, как с братом, который тоскует по родному дому и семье, входит в дом старший сын Николая, Андрей. Именно поэтому отношение к потенциальному врагу, осознающему ценность человеческой жизни и не стремящемуся нещадно убивать людей с противоположными взглядами, самое радушное.

Присутствие русской армии превращает Рождество (некогда самый важный праздник) в событие печальное и унылое: “казалось, будто бы под потолочиной кто-то распростер огромные черные крылья, бросившие холод в души” [3, 22]. Общее угнетенное настроение многократно подчеркивается упоминаниями поведенческих изменений, произошедших со счастливой прежде семьей, в которой сейчас либо “сидели без слова”, либо “все сидели задуманные” [3, 23].

Беда, причиненная русскими солдатами простым украинским жителям настолько велика и неотвратима, что ее ощущают практически все, поскольку у ребенка-подростка война забрала друга-пса, у молодой девушки — любимого, а у радушной хозяйки — ее мужа, который ушел на фронт и существование которого теперь неизвестно. Писательница подробно пересчитывает эти горькие военные утраты: “Нету отца — ушел на войну, нету Оришка — пал от пули московской” [3, 22]. Кроме того, присутствие русских военных несет в себе постоянные угрозы и запреты, ведь “москаль дал приказ, чтобы вечерами не светить и не ходить селом” [3, 22].

О. Дучиминская подчеркивает разрушительный потенциал любой войны, поскольку вместо привычного круга семьи у любящих родственников теперь “ни отца, ни его... Ни вестки о них. Будто бы весь мир вымер, только они еще оставались на горе...” [3, 23]. Однако, осознание семей (и особенно матерью) готовности сыновей пойти на войну за национальное освобождение Украины наполняет самыми высокими чувствами, и мать отдает себе отчет, что “в душе горда была за своих сыновей” [3, 26].

Подводя итоги исследования отметим, что рассказ “Рождественская сказка” не только раскрывает видение писательницей необходимости национально-освободительного движения, но и определяет основные механизмы и принципы передачи самой идеи среди лучших представителей украинского народа. О. Дучиминская различает в народе-завоевателе жестоких карателей, несущих угрозы,

ограничения и запреты, а также простых людей, попавших в молох войны непредумышленно и непреднамеренно. Однако все симпатии писательницы остаются на стороне без-

невинно угнетенных украинцев с их светлыми мечтами не только о вселенском мире, но и свободе для своей родной страны.

Список литературы:

1. Баран Е. Об “Избранных произведениях” Ольги Дучиминской/О. Дучиминская. Избранные произведения./сост. Е. Баран, В. Смирнов. – Ивано-Франковск: Супрун В. П., 2014. – С. 3–7.
2. Горак Р. Крестный путь Ольги Дучиминской./О. В. Дучиминская. Печальный Христос. – Львов: Издательство “Каменяр”, 1992. – С. 220–237.
3. Дучиминская О. В. Печальный Христос./О. В. Дучиминская. – Львов: Издательство “Каменяр”, 1992. – 240 с.
4. Качкан В. “... Я на себя оковы принимала” (О. Дучиминская)/О. Дучиминская. Избранные произведения./сост. Е. Баран, В. Смирнов. – Ивано-Франковск: Супрун В. П., 2014. – С. 436–465.
5. Пахомов В. Творческое наследие Ольги Дучиминской./В. Пахомов. – Ивано-Франковск: “Факел”, 2001. – 248 с.

*Cheremnykh Inna Vladimirovna,
Taras Shevchenko National University of Kiev,
Institute of Journalism, Assistant Professor,
PhD of the Social Communication
E-mail: innache99@gmail.com*

Innovative strategies of transformation processes on TV

Abstract: The problems transformation processes on TV are analyzed in the article. It offers an innovative development strategy in a rapidly changing environment TV-company to strengthen the position in the media market.

Keywords: strategies, TV-company, transformation processes.

*Черемных Инна Владимировна,
Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко, Институт журналистики,
доцент, кандидат наук из социальных коммуникаций
E-mail: innache99@gmail.com*

Инновационные стратегии трансформационных процессов на телевидении

Аннотация: В статье анализируются проблемы трансформационных процессов на телевидении. Предлагаются инновационные стратегии развития телекомпании в быстроменяющейся среде с целью усиления позиций на медиа рынке.

Ключевые слова: стратегии, телекомпания, трансформационные процессы.

Благодаря бурному развитию социальных сетей, информационных технологий, диджитализации, кастомизации производства, современная ситуация на медиа рынке продолжает меняться. Эти вызовы лишают многие СМИ монопольной функции посредника между обществом и властью, потребителем и производителем, бизнес-модели и бизнес-процессы претерпевают все больших преобразований.

Модель финансирования телевидения на основе рекламы тоже подвержена большим трансформациям. Многие потребители контента, в т. ч. и украинские, устали от большого количества рекламы на телевидении и неумения руководителей законодательных органов власти отрегулировать вопрос длительности перерывов на рекламу, поэтому

зрители ищут контент без рекламы, который зачастую не ходят в Интернете.

Хотя рекламные слоты на украинском телевидении в мае этого года сократили на 3 мин. в течении астрономического часа эфирного времени (раньше квота на рекламу была 12 мин. (20 %), потребители все равно предпочитают контент без рекламы, перетекая в Интернет [1].

Вопрос конкуренции между телеканалами в период утреннего и вечернего прайм-таймов тоже изменился. С экспансией интернета и мобильной связи, потребители получили возможность не быть привязанными к прайм-таймовому времени, что намного расширяет географию конкуренции масс-медиа и усложняет ее. Теперь все виды СМИ со всеми мультимедийными ресурсами, в т. ч.

интернетом, компьютерными играми, мобильными приложениями конкурируют за свободное время человека.

Благодаря смене медийного ландшафта мы часто наблюдаем, что блогеры становятся быстрее и технологичнее многих СМИ. Они выкладывают в блогах, соц. сетях зачастую необработанную, но очень своевременную, актуальную информацию о взрывах, терактах, масштабных стихийных бедствиях, убийствах, которую традиционные СМИ потом обрабатывают и распространяют, посылаясь на социальные сети или блоги. При этом телевидение становится все менее конкурентоспособным в скорости подачи информации, уступая роль первопроходца новостного сообщения блогерам и соц. сетям.

Расширение территории конкуренции масс-медиа за внимание потребителя приводит современного человека к информационной усталости. Что делать современному человеку, который понимает о тотальной рыночной перегруженности и у которого не хватает резервов памяти для запоминания и своевременного реагирования на предлагаемую информацию? Какие ключевые рычаги необходимо задействовать топ-менеджменту для смены парадигмы бизнес-процессов? Как удерживать внимание телезрителя без привычных суггестивных методов влияния рекламы, не потеряв при этом доходы? От ответов на эти вопросы будет зависеть будущее не только потенциального покупателя, но и производителя товаров, телеиндустрии в целом.

Всем известно, что мозг человека в состоянии запомнить только то количество своевременной и полезной информации, которое ему необходимо для обработки и принятия важных решений, остальная информация блокируется сознанием и записывается на подсознание и, неизвестно когда сможет перейти в активную фазу.

Процесс стирания информации необходим для своевременной защиты мозга от перегрузки, ведь центральная нервная система человека каждую секунду получает более 2 млн. бит информации. Если каждый бит обработать и использовать, то затраченное время и энергия были бы астрономическими с точки зрения эффективности КПД. Как указывает Олдос Хаксли в книге «Двери восприятия», опыт «должен быть пропущен через редукторный клапан мозга и нервной системы. После этого останется только жалкая струйка того сознания, которое поможет нам выжить на поверхности именно этой планеты». Очевидно, что наша способность стирать части, загораживающие вход, необходима для нашего выживания [2, 7].

Реклама обладает особым целенаправленным методом влияния на потребителя. По данным Американской ассоциации рекламных агентств, сегодня на потенциального покупателя обрушивается до трех тысяч рекламных сообщений в день — в сравнении с полутора тысячами сообщений в год открытия закона Мура (согласно его закону количество транзисторов, размещаемых на кристалле интегральной схемы, удваивается каждые 24 месяца) [3, 92].

Американский исследователь Марти Ньюмейер в своей книге «Zag: манифест другого маркетинга» называет

и систематизирует формы рыночной перегруженности: продуктовая, функциональная, рекламная, информационная, перегруженность средствами массовой информации [4, 18].

По данным Фонда Кауфмана, примерно 543 тысячи новых предприятий появляются в США каждый месяц. И все они представляют потенциальную угрозу продуктовой перегруженности [5, 153].

Функциональная перегруженность влечет избыток функций товаров, что часто наблюдается в рекламе. Избыток рекламных сообщений приводит к рекламной перегруженности. Избыток информационных элементов в одном сообщении приводит к информационной перенасыщенности, а избыток конкурирующих СМИ — к их перегруженности.

Это можно считать одной из причин постоянной спешки современного человека. Известный социолог и футуролог Элвин Тоффлер убежден, что если для индустриального общества характерно ускорение обмена информацией, то в супериндустриальном обществе этот процесс развивается дальше. Волны кодированной информации вздымаются все выше и выше и обрушиваются на нервную систему человека [3, 91].

Кроме того, Э. Тоффлер считает, что знания в современном мире становятся быстропортящимся продуктом. Сегодня людям понадобятся новые умения и навыки в трех ключевых сферах: умении учиться, общаться и выбирать. Сегодняшний «факт» превращается завтра в «дезинформацию». Это вовсе не довод против изучения фактов или суммы знаний — отнюдь нет. А потому в школах, университетах должна преподаваться не только сумма знаний, но и умение ею оперировать. Студенты должны учиться умению отказываться от устаревших идей, а также тому, как и когда их заменять. Короче, они должны научиться учиться [3, 209].

По нашему мнению, такой подход должен применяться на любом динамично развивающемся предприятии, в первую очередь — на телевидении. Сегодня, если не генерировать новые идеи, не использовать инновации, не обращать внимание на вышеперечисленные тенденции, — нельзя добиться успеха.

Один из ведущих теоретиков менеджмента Питер Друкер большую роль уделяет инновационной экономике, стратегическому мышлению и считает, что «стратегия есть способ реализации теории бизнеса в практической деятельности. Цель практической деятельности — обеспечить организации возможность достижения желаемых результатов в неконтролируемой среде. Ибо стратегия позволяет организации осознанно искать и использовать себе во благо любые благоприятные стечения обстоятельств» [6, 74].

Поэтому обратимся к стратегиям, которые помогут топ-менеджменту эффективно решать возникающие вопросы, достигать высоких результатов и быть конкурентоспособными на медиа рынке. Но, как в случае с процессом

обучения в периоды перемен, помнить, что стратегии не панацея, а только ключ к решению текущих проблем.

Таким образом, исходя из условий быстроменяющейся среды, в которую погружена и телевизионная индустрия, предлагаем инновационные стратегии развития телепредприятия:

– *стратегия скрытых возможностей* — предполагает выявление внутренних резервов компании (они могли присутствовать в жизни предприятия и раньше, но о них по каким-либо причинам забыли, не знали или не хотели знать). Это означает, что телепредприятию необходимо интенсифицировать свою продукцию, тем самым углубив свои качественные показатели и возможности. Например, традиционно зрителей привлекают масштабные зрелищные талант-шоу, развлекательные программы, себестоимость которых очень высока и в рецессионные периоды могут быть нерентабельными, не окупиться рекламой. Поэтому телекомпаниям необходимо пересмотреть политику закупки и производства товаров и предложить потенциальному покупателю менее масштабные, но более качественные продукты, где будут обсуждаться не маргинальные вопросы массовой культуры, а будет вестись речь о культурном наследии нации, лучших традициях, известных людях, у которых есть чему поучиться и т. п. Это могут быть и биографические нишевые каналы или блоки слотов программ для общенациональных каналов.

– *стратегия пролонгации жизненного цикла товара (ЖЦТ)* — означает продление срока действия товаров на телевидении, сохраняя при этом ресурсы для новых

проектов или других инноваций. Обязательным условием есть повышение (или сохранение) качества контента продукции, о которых шла речь в предыдущей стратегии. Это, с одной стороны, позволит предприятию сохранить ресурсы и средства, обеспечит ему стабильность и доход, которые необходимы в трансформационной среде. С другой стороны — товаров будет меньше, но они будут качественнее.

– *стратегия маркетинга или перераспределения ценностных мотиваций потребителя* — состоит в том, чтобы предприятия на основе совокупности маркетинговых исследований и коммуникаций со зрителями вернулись к истокам потребностей покупателя, в т. ч. и возвращения их доверия к телепродукции. Медиа предприятиям необходимо усилить связь с покупателями, шире используя маркетинговые коммуникации для того, чтобы лучше понять мотивы покупок телезрителей. Также необходимо проводить менее дорогие, но более ценные в трансформационные периоды количественные исследования (например, анкетирование), качественные (фокус-групповые), количественно-качественные (контент-анализ). Объем дорогих исследований панельных домохозяйств на основе рейтингов, которые проводятся специализированными аутсорсинговыми компаниями, можно сократить до минимума.

Таким образом, используя эти стратегии в трансформационные периоды не только медиа компании, но и предприятия других отраслей смогут повысить качество продукции при наименьших издержках. Они помогут любому предприятию стать конкурентоспособным, успешным в быстроменяющейся среде и усилить свои позиции на медиа рынке.

Список литературы:

1. Рада ліквідувала добові квоти на рекламу та зменшила годинну рекламну квоту на ТБ до 9 хвилин/12.05.2015// [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telekritika.ua/pravo/2015-05-12/106979>
2. Пьюселик Р. Фрэнк, Льюис Байрон А. Магия НЛП без тайн. – СПб.: XXI в., 2013. – 144 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего; пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.
4. Ньюмейер М. Zag: манифест другого маркетинга./пер. с англ. А. Вапнярчука. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 106 с.
5. Стейнберг С. Кризис – это возможность. 10 стратегий, которые позволят вам процветать в эпоху перемен./пер. с англ. А. Богдановой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 435 с.
6. Друкер Питер Ф. Задачи менеджмента в XXI веке./пер. с англ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 203 с.

Eyvazov Parvin,
Baku State University,
PhD student, The Faculty of Philology
E-mail: pawion@mail.ru

Bekir Chobanzadeh's conception about the literary language

Abstract: The article deals with the problem of the literary language in the scientific creation of the outstanding scientist- specialist in Turkic philology Bekir Chobanzadeh. In the article are analysed B. Chobanzadeh's conceptions and ideas about the literary language, its formation, development, norms and their main function, macronorm and micronorm, subjective influence on the literary language etc.

Keywords: Bekir Chobanzadeh, literary language, norm, people's language, artificial language, koine, basis.

Эйвазов Парвин,
Бакинский Государственный Университет,
докторант, филологический факультет
E-mail: pawion@mail.ru

Концепция литературного языка Бекира Чобанзаде

Аннотация: В статье речь идёт о проблемах литературного языка в научном творчестве выдающегося учёного-тюрколога Бекира Чобанзаде. Анализируются научные концепции и взгляды Б. Чобанзаде на литературный язык, его формирование, развитие, на нормы и её основные функции, на макронорму и микронорму, субъективные воздействия на литературный язык.

Ключевые слова: Бекир Чобанзаде, литературный язык, норма, народный язык, искусственный язык, диалект, койне, основа.

Выдающийся крымскотатарский тюрколог филолог-востоковед профессор Бекир Чобанзаде (1893–1937) в своих лингвистических исследованиях поднял возвел важнейшие проблемы тюркских языков на высокий научный уровень и создал научную школу в тюркологии.

Научная деятельность Б. Чобанзаде охватывает различные области лингвистики: тюркология, общее языкознание, диалектология, терминология, проблема алфавита, методика преподавания языка. Известно, что большая часть его лингвистических исследований посвящена изучению азербайджанского литературного языка. Выдающийся учёный, исследовал азербайджанский язык в контексте вышеуказанных областей.

В этом контексте одна из центральных проблем в научной деятельности Бекира Чобанзаде — проблема литературного языка, которую по праву можно назвать лингвистической концепцией, поскольку она не только тема его научных исследований, но и глобальная проблема, анализируемая и обсуждаемая на социальном, политическом, экономическом и идеологическом уровнях.

Существует два направления концепции литературного языка Бекира Чобанзаде:

- 1) проблема литературного языка в общем, т. е. в широком значении;
- 2) развитие литературного языка в тюркских языках. В этих направлениях отражены следующие основные положения:
 - а) факторы, обуславливающие литературный язык и его формирование;
 - б) общие коммуникативные модели литературного языка;
 - в) нормативная структура литературного языка;
 - г) национализация заимствованных слов в лексическом пласте литературного языка;
 - д) интеграция и дифференциация тюркских литературных языков;
 - е) азербайджанский литературный язык и история его развития;
 - ж) проблема общего литературного языка для тюрков;
 - з) методика преподавания литературного языка.

Как известно, формирование литературного языка регулируется фонетической, лексической, грамматической массой одного из существующих диалектов, и данный диалект воспринимается как литературный язык. Такой образцовый диалект, лежащий в основе литературного языка, называется койне. Конкретные формы койне зависят от исторических, географических, экономических, социальных и других условий, в которых проходило его формирование. Естественно, по структуре койне отличается от других диалектов богатством и грамматико-синтаксической подвижностью. Именно здесь зарождается официальный, научный, культурный язык государства. «Все последующие выборы осуществляются на этой соответственно специфике койне. Таким образом, койне, обобщая наддиалектные факты, ещё более обогащается» [7, 22].

Мысль автора в начале данного абзаца о том, что «литературный язык в какой-то степени искусственный и, если так можно выразиться, мёртвый язык» позволяет прийти к выводу, что учёный проводит огромную дистанцию между литературным и народным языком.

Рассмотрим подходы Б. Чобанзаде к литературному языку, связанные с дифференциацией литературного и народного языка, лежащего в его основе. Автор чётко указывает, что литературный язык формируется на основе народного языка, в рамках его норм, т. е. макронорм, далее же он отличается от народного языка своей микронормативной структурой. По словам Б. Чобанзаде, литературный язык из всех вариантов диалектов и говоров выбирает самый подходящий и «приводит его в общую, ясную форму»: «Литературный язык отличается от народного языка тем, что он изучается осознанно, как и общие языки, и стремится соответствовать определённым законам и правилам. В то время как народный язык стремительно меняется, литературный язык почти не изменяется. Изменения, происходящие в народном языке, не учитываются и не принимаются литературным языком. Это вполне естественно, т. к. если какой-либо писатель, поэт или учёный примет конкретный говор, то он не будет понятен и доступен людям, говорящим на других диалектах и говорах. Таким образом, литературные языки в противовес естественному народному языку примут искусственный характер» [3, 90].

Мысль Б. Чобанзаде о том, что литературный язык — язык господствующего класса, исходила из условий возникновения литературного языка, т. е. язык элиты, сконцентрированной в области, играющей роль центра литературного языка, речь, действующую на фоне вмешательства выдающихся поэтов, научных и государственных деятелей в язык, Б. Чобанзаде считал искусственными: «Такой подход правомерен: литературный язык, обогащаясь народным языком, в то же время в процессе развития подвергается и субъективным воздействиям». Т. Гаджиев оценивает субъективное воздействие на литературный язык как фактор, направленный на его развитие: «Работу мастеров слова по шлифовке литературного языка можно сравнить с работой скульптора, создающего произведение искусства из натурального камня» [7, 23]. Б. Чобанзаде давал положительную оценку таким субъективным воздействиям на литературный язык, в частности, деятельности поэтов, писателей, учёных в этом направлении.

Известно, что нормативная структура литературного языка определяется выбором соответствующих вариантов. Следовательно, коммуникативные модели (языковые единицы), формирующиеся в литературном языке, регулируются нормами. Норма — «историческая категория, совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе общественной коммуникации. Норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка национального периода. В более широком значении норма трактуется как неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития» [7, 25].

Бекир Чобанзаде даёт следующее определение норм литературного языка: «Основная задача литературного языка — установление определённых правил и сохранение языка в рамках этих правил. Такая точка зрения называется нормативной» [3, 123], т. е.: «Норма литературного языка в сознании говорящих обладает качествами особой правильности и общеобязательности, она культивируется в передачах радио, в средствах связи, в массовой печати. Литературный язык подобно телеграфу, телефону, радио, железной дороге является одним из средств связи, может и более важным» [5, 180]. Автор весьма оригинально сравнивает структуру литературного языка с механизмом действия технологий, служащих средствами связи.

Выдающийся тюрколог отличает две основные особенности нормативной структуры литературного языка:

консерватизм и локализация. Под консерватизмом исследователь подразумевает следующее: литературный язык полностью формируется, достигает высокой степени развития, его фонетический, лексический, грамматический ярусы стабилизируются. В результате литературный язык объединяет не только большие территории, но и века. В подтверждение своей мысли Б. Чобанзаде указывает, что благодаря литературному языку современный итальянец понимает Данте, представители арабской интеллигенции могут свободно читать труды древних арабских философов. Следовательно, Б. Чобанзаде справедливо пишет, что литературный язык, объединяя несколько поколений, создаёт единую литературу или культуру: «Есть такие литературные языки, которые сохранили свою древнюю форму, — следовательно, это возможно. И сегодня благодаря литературному языку итальянец с лёгкостью читает и понимает Данте».

Локализацию Б. Чобанзаде объясняет тем, что литературный язык формируется на основе одного говора. Академик Т. Гаджиев считает, что под центром в целом подразумевается не говор деревень и посёлков данной территории, а лишь часть сформировавшейся там научной, культурной, политической и экономической среды. Хотя литературный язык начинает функционировать в рамках одного диалекта, он постепенно пополняется наддиалектными признаками и отдаляется от диалектов. Повидимому, тенденция к наддиалектным особенностям с самого начала возникает в койне. Это может проявиться в двух формах: во-первых, политико-экономический центр страны концентрирует передовых представителей народа с одного региона и, таким образом, особенности их мышления и речи также концентрируются здесь. С другой стороны, хотя койне охватывает широкую территорию области, здесь за основу берётся не периферия диалекта, а, в первую очередь, его центральная часть, т. е. городской говор. Например, хотя русский литературный язык сформировался на основе московского говора, огромная заслуга в его развитии принадлежит театрам: Малому и Художественному [4, 127].

Концепции и взгляды профессора Бекира Чобанзаде на литературный язык актуальны и в настоящее время. Проведённое нами исследование направлено лишь на анализ взглядов выдающегося учёного на концептуальную модель литературного языка. Его исследования, посвящённые формированию тюркских литературных языков, истории их развития, и по сей день имеют большую научную значимость. Данные проблемы будут затронуты в наших дальнейших исследованиях.

Список литературы:

1. История азербайджанского литературного языка в 4-х томах. – Т. IV. – Баку: Шерг-Герб, 2007 (на азербайджанском языке).
2. Джафаров Н. История национализации азербайджанского языка. – Баку: АГКП, 1995 (на азербайджанском языке).
3. Чобанзаде Б. Избранные труды в 5 томах. – Т. I. – Баку: Шерг-Герб, 2007 (на азербайджанском языке).
4. Чобанзаде Б. Избранные труды в 5 томах. – Т. III. – Баку: Шерг-Герб, 2007 (на азербайджанском языке).

5. Чобанзаде Б. Избранные труды в 5 томах. – Т. IV. – Баку: Шерг-Герб, 2007 (на азербайджанском языке).
6. Демирчизаде А. История азербайджанского литературного языка. – Баку: Маариф, 1979 (на азербайджанском языке).
7. Гаджиев Т. История азербайджанского литературного языка. – Часть I. – Баку: Элм, 2013 (на азербайджанском языке).
8. Гаджиев Т. Общий язык общения для тюрков. – Баку: Техсил, 2013 (на азербайджанском языке).
9. Худиев Н. История азербайджанского литературного языка. – Анкара, 1997 (на азербайджанском языке).
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkoloji.cu.edu.tr>
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dilbilimi.net>

Section 9. Philosophy

*Ditkovskaia Inessa Emilevna,
PhD, Humanities Institute
of Siberian Federal University
E-mail: i.gailis@mail.ru*

V. F. Voyno-Yasenetsky: a philosophical reflection on activity and creative heritage of the outstanding Medic the clergyman

Abstract: The article is devoted to philosophical reflection of Voyno-Yasinetsky activities and scientific work. The necessity of in-depth study of his artistic heritage is substantiated.

Keywords: Voyno-Yasinetsky, regional anesthesia, purulent surgery, medical pedagogy, health care, Archbishop Luka.

*Дитковская Инесса Эмилевна,
Сибирский федеральный университет,
Кандидат философских наук, доцент,
Гуманитарный институт
E-mail: i.gailis@mail.ru*

В. Ф. Войно-Ясенецкий: к философскому осмыслению деятельности и творческого наследия выдающегося медика и священнослужителя

Аннотация: Статья посвящена философскому осмыслению деятельности и научной работы Войно-Ясенецкого. Обосновывается необходимость углубленного изучения его творческого наследия.

Ключевые слова: Войно-Ясенецкий, региональная анестезия, гнойная хирургия, медицинская педагогика, здравоохранение, Архиепископ Лука.

Во второй половине XX – начале XXI веков в отечественной медицине стал очевиден интенсивный процесс интеграции. Он выражается, во-первых, в комплексном использовании во врачебной практике достижений научной, народной, традиционной, альтернативной медицины; во-вторых, в толерантности разных школ и течений; в-третьих, в тесном сотрудничестве медицинской науки с философией, математикой, кибернетикой, информатикой.

Широкая научная интеграция в медицине повлекла большие объемы информации, которой следовало обладать специалистам-медикам. Это послужило дифференциации медиков по специализациям в научной и практической областях.

Дифференциация, образовавшаяся как следствие интеграции, высветила ряд негативных сторон современной медицины, среди которых нарушение взаимодействия научных областей, затруднение взаимопонимания ученых, врачей различных специализаций и др.

Развитие технических возможностей диагностики и лечения, разнообразие предлагаемых фармацевтических средств создали ситуацию, в определенной мере аналогичную увлечению техницизмом в промышленности.

За массивом технического оснащения и разнообразием средств фармакологии на второй план отодвинулся человек с его самобытными субъективными особенностями.

Возникла проблема упорядочения системы здравоохранения и в том числе медицинского образования (высшего и среднего специального). Проблема эта носит межотраслевой, междисциплинарный характер и ее решение видится в осмыслении ценностно-целевых, системных, процессуальных и результативных аспектов.

Один из путей поиска подходов к решению обозначенной проблемы — обращение к опыту и творческому наследию выдающихся медиков, деятельности которых была свойственна интеграция медицинских и других наук. С этой точки зрения выразительным примером предстает практическая, научная и общественная деятельность Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (1877–1961) — выдающегося хирурга, доктора медицины, профессора, духовного писателя, епископа Русской Православной Церкви, архиепископа Симферопольского и Крымского.

В отечественной литературе для массового читателя сведения о Войно-Ясенецком появились лишь в 80-е годы XX века. И, это несмотря на то, что он воспитал многих

специалистов и неисчислимое количество врачей училось по его книгам. Причина замалчивания деятельности Войно-Ясенецкого крылась в сочетании им служения медицине и религии, недопустимом с точки зрения коммунистической идеологии. Религиозная убежденность и твердость характера также усиливала его конфронтацию с партийными и советскими деятелями всех рангов. Он был репрессирован, о последствиях чего, как пишет М. Поповский, с досадой говорил Председателю Облисполкома Томска и руководителям города: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы (он подчеркнул это “вы”, давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл), не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы меня одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле» [8, 395–396].

Жизненному и творческому пути Войно-Ясенецкого посвящен ряд исследований.

Его научная деятельность освещена в специальной медицинской литературе по гнойной хирургии, анестезиологии, офтальмологии, травматологии, урологии, онкологии. Имеется также ряд статей в сборниках научных работ гуманитарного профиля, где проводится опыт обобщения литературного творчества архиепископа, очерчиваются его духовные принципы и их отражение в профессиональной, религиозной и общественной деятельности.

Значительный объем литературы посвящен жизнеописанию Войно-Ясенецкого. Большинство книг на эту тему издано православными организациями.

В. Малягин — автор книги «Святитель Лука симферопольский (Войно-Ясенецкий)» [5] и протоиерей В. Марущак, создавший труд «Святитель хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого)» [6], акцентирует внимание на религиозной стороне деятельности. Емкое историческое исследование ныне Президента Российского медико-хирургического общества Ю. А. Шевченко «Приветствует Вас спаситель Лука» касается как религиозной, так и врачебной деятельности профессора. Автор видит покровительство медику небесных сил [10]. В начале XXI века были опубликованы три работы доктора наук В. А. Лисичкина, внучатого племянника архиепископа: «Крестный путь Святителя Луки: подлинные документы из архивов КГБ» [2], «Лука — врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого)» [4]. Эти работы опираются не только на сведения из указанного архива, но и на документы Русской Православной Церкви, различных министерств и ведомств, личного архива святителя. В. А. Глушечков — хирург, кандидат медицинских наук — в своей книге «Святитель Лука — взгляд в будущее» также осмысливает архивные биографические материалы, связанные с работой выдающегося врача, ученого, архипастыря [1].

К этой группе работ примыкает фундаментальное публицистическое исследование М. А. Поповского «Жизнь

и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга», опирающееся не только на архивные документы, но и на материалы в периодической печати, опубликованные мемуары и личные беседы с теми, кто сотрудничал с Войно-Ясенецким [8].

Совокупность перечисленных произведений (научных, духовных, публицистических) способствует формированию многогранного образа великого мыслителя и вместе с тем показывает то, что недостаточно исследовано или вообще не исследовано в деятельности Войно-Ясенецкого.

Уже в студенческие годы Войно-Ясенецкий точно определил с морально-этических позиций свое предназначение, о чем пишет в Автобиографии: «Я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей» [5, 11]. Он поступил на медицинский факультет киевского университета. «Это соответствовало моим стремлениям быть полезным для крестьян, так плохо обеспеченных медицинской помощью, но поперек дороги стояло мое почти отвращение к естественным наукам. Я все-таки преодолел это отвращение...» [5, 19]. И когда окончил университет, подтвердил коллегам-выпускникам, что «намерен всю жизнь быть участковым земским врачом ... потому, что ... хотел лишь лечить крестьян, хотя бы в самой убогой обстановке» [8, 49–50].

Об интенсивности и эффективности работы Войно-Ясенецкого в области хирургии свидетельствуют пять типографски отпечатанных толстых тетрадей «Отчетов о деятельности Переславской земской больницы с 1911 по 1915 год». Комментируя отчеты, Поповский пишет, что, будучи главным врачом больницы, Войно-Ясенецкий делал тысячу операций в год и показывает значимость такого числа: почти шестьдесят лет спустя в этой больнице, куда уже провели водопровод, канализацию и электричество, десять хирургов выполняли полторы тысячи операций в год. Войно-Ясенецкий делал операции на глазах, «многократно удалял щитовидную железу, совершил несколько радикальных операций на среднем ухе, вырезал раковые опухоли в желудке и в мозгу, оперировал как акушер, уролог, гинеколог. Многое сделал в хирургии желчных путей, селезенки, головного мозга ... работу, которую делал в Переславле земский доктор Войно-Ясенецкий, в наше время могут повторить разве что врачи шести или семи специальностей» [8, 71–72]. И следующая фраза — итоговая характеристика органичного сочетания глубоких и обширных знаний Войно-Ясенецкого, его громадного опыта и творческой инициативы: «Думаю, что и в пору хирургического энциклопедизма находилось мало врачей, владеющих скальпелем столь же универсально» [8, 72].

В Ташкенте Войно-Ясенецкий возглавлял кафедру оперативной хирургии медицинского факультета Туркестанского государственного университета. Здесь популярность целителя возросла настолько, что когда чекисты, арестовав врача, отправляли его в Москву, толпа народа заблокировала железнодорожный путь, желая удержать доктора в Ташкенте [5, 48–49]. В Андижане он руководил

отделением Института неотложной помощи. Затем был сослан в Красноярский край, где его и застало начало Великой отечественной войны. М. Поповский, ссылаясь на воспоминания И. М. Назарова, бывшего тогда начальником Енисейского пароходства, пишет, что Войно-Ясенецкий, находившийся в Большой Мурте, прислал Председателю Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин телеграмму, в которой просил прервать его ссылку «и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку» [8, 328–329]. Правда, Поповский сомневается, не одну ли из многих легенд о великом хирурге и священнослужителе пересказал Назаров. Но — и это факт, — уже в начале войны Войно-Ясенецкого назначили хирургом-консультантом всех госпиталей Красноярского края и главным хирургом эвакогоспиталя 1515. Ему было тогда 64 года. И делал он три-четыре операции в день. И вдохновлен был тем, что спасал жизни и здоровье тысяч раненых. Работавшая с ним доктор Браницкая вспоминала: «В операционной Войно работал спокойно, говорил с персоналом тихо, ровно, конкретно. Сестры и ассистенты никогда не нервничали на его операциях. Ткани шил он красивым швом — настоящая беловейка. И швы его быстро зарастали» [8, 333].

По окончании операций профессор вел прием больных: разумеется, безвозмездно.

На последнем этапе своей деятельности в Симферополе, в завалуированной ссылке, когда коллеги-врачи, боясь гнева власть имущих, всячески препятствовали его лечебной и педагогической работе, он также продолжал принимать больных.

И всю жизнь искал, находил и апробировал новые методы в своей хирургической работе. Так, еще в начале XX века, узнав о регионарной анестезии, немногие методы которой описывались в литературе, решил он разработать новые и с успехом провел 538 операций (среди них много крупных) под местным обезболиванием [8, 60–61].

В 1942 г. писал сыну Михаилу: «Прогрессирует моя творческая работа. Совсем по-новому я стал теперь делать резекции коленного сустава. Моя операция распилы пятки при остеомиелите и фронтальный распил огромной костной мозоли нижнего конца бедра приводит в восторг хирургов, испытывавших эти операции ... Приобретаю большой опыт (восемьдесят поздних резекций колена, например), изобретаю новые операции ...» [8, 338–339].

Свойственная Войно-Ясенецкому широта воззрений и интерес к новациям позволяла ему не ограничиваться, так сказать, академической медициной. В. Малягин пишет, что в архангельской ссылке (1931) профессор Войно-Ясенецкий разработал новый метод лечения гнойных ран, применяя традиционные народные средства [8, 61].

В литературе и в воспоминаниях указывается, что Войно-Ясенецкий использовал возможности психотерапии, но исследований на эту тему не встречается, несмотря на проявляющуюся в последнее время тенденцию укреплять веру больных в свое исцеление в соответствии с религиозными представлениями [9, 155].

Из уст в уста передается множество рассказов о чудесах исцеления пациентов Войно-Ясенецкого с помощью молитвы. Однако предстоит проанализировать их со следующих позиций.

а) Не есть ли они следствие гипердиагностики т. е. когда ошибочно диагностируется более тяжелое заболевание, чем было на самом деле и после лечения (с молитвой) происходит выздоровление?

б) Не является ли ситуация той, когда не требуется активного вмешательства медицины и человеческий организм саморегулируется, а если человек верующий, то — молитва помогла?

в) Не является ли ситуация выздоровления результатом своевременной и качественно проведенной психотерапии?

Войно-Ясенецкий обладал удивительным талантом искать, обретать, осмысливать в русле своей работы нужную информацию. Так, после завершения пребывания в Ташкенте, ему, как пишет В. Малягин, присылали оттуда «много историй болезней из гнойного отделения больницы», которые Войно-Ясенецкий изучал, работая над вторым томом «Очерков гнойной хирургии». Здесь же Малягин сообщает, что за два месяца пребывания в Томске Войно-Ясенецкий прочел всю новейшую литературу по гнойной хирургии на немецком, французском, английском языках и сделал большие выписки из нее [5, 71].

В 1949 году Войно-Ясенецкий был командирован в Москву, в Патриархию епископа. Поповский цитирует письмо, отправленное Лукой сыну Алексею в Ленинград: «За две недели, работая в медицинской библиотеке по шесть часов в день, ... я ... просмотрел и прочитал 450 литературных источников по регионарной анестезии и все на иностранных языках. Теперь остается прочитать в Симферополе статьи в русских журналах, часть английской книги на 200 страниц ... написать 75–100 страниц и будет новая книга» [8, 424–425].

Как у всех цельных творческих натур практическая деятельность Войно-Ясенецкого взаимосвязана с наукой.

В 1915 году была издана его книга «Регионарная анестезия». В следующем году он защищает докторскую диссертацию на эту тему и удостоивается почетной премии Хойнацкого, присужденной ему Варшавским университетом. Но по нелепой причине премию Войно-Ясенецкий не получил, ибо «не смог представить необходимое количество экземпляров книги: небольшой тираж раскупили мгновенно» [5, 26].

В 1934 г. первое издание его фундаментального труда «Очерки гнойной хирургии». Эта книга переиздавалась дважды: в 1943 и в 1956 гг. В каждое издание вносились результаты последних исследований и обобщения новейшего критического опыта. Ряд ее научных положений и практических рекомендаций не потеряли актуальности и сегодня.

В 1944 году было опубликовано исследование, имеющее большое теоретическое и практическое значение «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов».

За «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов» Войно-Ясенецкий был удостоен Сталинской премии — тогда в СССР это была самая высокая оценка работы.

Всего же В. Ф. Войно-Ясенецкий является автором более шестидесяти трудов по медицине (печатных и рукописных), одиннадцати томов проповедей, религиозно-философских исследований, в числе которых «Дух, душа и тело» (М., 1997), где он излагает свое понимание религии, автобиография, названная «Я полюбил страдание» (Минск, 2013).

Богатейший опыт профессионального мастерства и глубочайшие знания профессора соединились в его педагогической работе. Стремление к медицинской педагогике было закономерной реакцией врача и ученого на проблемы обеспеченности отечественной медицины квалифицированными кадрами. Еще до периода, так сказать, земской медицины в стране не хватало санитаров, сестер и фельдшеров, врачей. В период Первой мировой войны положение еще больше ухудшилось.

В 1918 году в Туркестане (сегодня Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан вместе взятые) насчитывалось 250 врачей, остро не доставало фельдшеров и медицинских сестер. В этой ситуации туркестанский комиссариат здравоохранения организовал среднемедицинскую школу, где Войно-Ясенецкий преподавал курс анатомии. Занятия были столь успешны, что уже в следующем году школа была преобразована в первый курс медицинского факультета, одним из организаторов которого был Войно-Ясенецкий [8, 87].

Остро драматичным положение стало в период Великой Отечественной войны, когда резко выросла потребность в хирургах-травматологах, анестезиологах, операционных сестрах. Ситуация была известна правительству, руководству краев, областей, городов. Но быстро воспитать квалифицированных специалистов невозможно. И сетовал Войно-Ясенецкий в письме старшему сыну: «штат (эвакогоспиталя 1515 — И. Д.) неумел и груб, врачи не знают основ хирургии» [8, 336].

Поповский приводит воспоминания учеников профессора в период Отечественной войны: «Мы, молодые хирурги, к началу войны мало что умели делать, — рассказывает врач Валентина Александровна Суходольская. — На Войно-Ясенецкого смотрели мы как на Бога. Он многому научил нас... Он учил и на операциях, и на своих отличных лекциях... Хирург Валентина Николаевна Зиновьева считает, что учил он своих помощников не только резать и шить, но еще и «человеческой хирургии»: «С каждым проходящим через его руки раненым Лука вступал как бы в личные отношения. Помнил каждого в лицо, знал фамилию, держал в памяти все подробности операции и послеоперационного периода. С двойным интересом подходил он к койке уже прооперированного: если самочувствие больного было хорошим и раны быстро заживали... значит, и в будущем удастся кому-то помогать этими же средствами...» [8, 333].

Войно-Ясенецкий ясно видел необходимость развития и совершенствования системы отечественного здравоохранения.

Еще в 1909 г., работая в больнице Романовской слободы на стыке ныне границ Воронежской, Волгоградской и Саратовской областей, не получив запрашиваемую у чиновников необходимую сумму на нужды больницы, он купил на свои деньги микроскоп и микротом, чтобы заниматься исследованием опухолей [8, 67]. В Переславле, где земская управа понимала авторитетного врача и верила ему, были выделены средства на реконструкцию и оборудование больницы. Был построен барак для заразных больных, двухэтажное здание прачечной и дезинфекционной камеры, отремонтировано хирургическое отделение, оборудован рентгеновский кабинет [8, 73]. Помогая становлению мединститута в Ташкенте, Войно-Ясенецкий, обладая даром живописца, сделал художественные таблицы по анатомии [8, 87].

Он был причастен и к созданию медицинского института в Красноярске.

В своих произведениях Войно-Ясенецкий призывал людей к сплочению, творя благое. Благим он видел позитивные устои общества: законный брак, семью, служебную добросовестность, исполнение государственных законов, готовность трудиться на общее дело. Одной из необходимых функций общества была, по его мнению, защита отечества. Уклоняться от службы в армии считал аморальным, независимо от личных обстоятельств жизни призывника и состояния армии [8: 326, 327]. Закономерно исходящим считал из этого духовным порывом было его убеждение в необходимости толерантности, как в религии, так и в мирской жизни. «Не верьте тем, кто ссорит между собой народы по разные стороны государственной границы или в одном государстве. От этих ссор выигрывают только наши враги. Для нашей же матери-церкви «нести ни эллина, ни иудея». Иноверцы всегда найдут у истинно верующего православного помощь и приют» [8, 33].

Он был искренне и истово религиозен. Поповский цитирует фрагмент письма Войно-Ясенецкого к сыну Михаилу в 1943 году: «... мое монашество с его обетами, мой сан, мое служение Богу для меня величайшая святыня и первейший долг. Я подлинно и глубоко отрекся от мира и от враждебной главы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера...». И продолжает: «Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять». В отличие от прошлых писем родным, подписанными инициалами А. Л., это он подписывает: Архиепископ Лука [8, 341].

В. Ф. Войно-Ясенецкий в своем, казалось бы, парадоксальном стремлении к совместимости веры и науки был не одинок. Известно, что великий хирург Н. И. Пирогов писал своей невесте: «веру без дел я не постигаю... Вера дел, а не вера, выраженная одним помыслом и молитвою, — вот моя вера... И еще было бы лучше, если бы

добрых (истинно добрых) дел было столько в моей жизни, чтобы они мне не давали времени молиться; тогда бы вся жизнь моя была бы молитва, в настоящем, в глубоком, христианском смысле этого слова, то есть вдохновенная, богоугодная жертва любви в земной жизни» [8, 79]. Сам же архиепископ Лука говорил: «Духовная жизнь — это активная, трезвенная волевая, к Богу и людям наполненная жизнь, и здесь голосу разума и требованиям совести принадлежит первое место» [7, 83].

Итак, вера Войно-Ясенецкого в Бога — это вера в человека, его разум, вера в справедливость, в могучую силу науки и животворящую любовь, в созидательный труд. Поэтому и избрал он делом своей жизни заботу о человеке: его теле и душе.

Феномен многогранности Войно-Ясенецкого состоит в организованности взаимодействия многодисциплинарной медицинской практики, науки, педагогики, организационной работы в свете его представлений о вере. И столь значима его деятельность, что, помимо ценнейшего научного и нравственного наследия, оставила глубокий

мифотворческий след. Поэтому, именно сегодня весьма актуально изучение деятельности и творческого наследия этого подвижника.

Основными направлениями изучения видятся следующие:

- философское содержание понятия «вера»;
- идейные основы органичного сочетания медицинской и религиозной деятельности;
- разнообразие опыта лечения заболеваний в сочетании с психологическим воздействием на больных;
- педагогическая деятельность в сфере медицинского образования;
- исторические, социальные и медицинские предпосылки, а также скрытые закономерности развития событий, ставших основой мифотворчества;
- образ Войно-Ясенецкого как пример высокого гуманизма.

Исследование массива творчества этой масштабной личности откроет новые горизонты знания, имеющего огромное теоретическое и практическое значение.

Список литературы:

1. Глушечков В. А. Святитель Лука. Взгляд в будущее. Ростовская-на-Дону епархия. – Ростов-на-Дону, 2007. – 430 с.
2. Лисичкин В. А. Земский путь Святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ. – М.: Псалтирь, 2005. – 272 с.
3. Лисичкин В. А. Крестный путь Святителя Луки: Подлинные документы из архивов КГБ. – М.: Троицкое слово, 2001. – 448 с.
4. Лисичкин В. А. Лука – врач возлюбленный. Жизнеописание святителя и хирурга Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. – 456 с.
5. Малягин В. Святитель Лука Симферопольский (Войно-Ясенецкий). – М.: ООО. Даниловский благовестник». – М.: ЗАО ИД «Комсомольская правда». – 176 с.
6. Марущак Василий, протоиерей Святитель-Хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). – М.: Даниловский благовестник, 1997. – 416 с.
7. Мостицкая Н. Д. Литературное наследие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) как духовных ориентир формирования личности. // Патриотическое служение и православное образование: Шестые рождественские образовательные чтения в Красноярске/Епархиальный отдел по религиозному образованию и катехизации. – Красноярск 2005. – С. 83–89.
8. Поповский М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Paris: YMCA-Press, 1979. – 492 с.
9. Серова С. П., Лапина А. И., Бажан А. И. Лука (Войно-Ясенецкий) на ниве социального служения в Красноярском крае. // Духовность. Нравственность. Правопорядок: сборник статей/Сибирский юридический институт МВД России – Красноярск, 2003. – С. 150–159.
10. Шевченко Ю. Л. Приветствует вас Спаситель Лука. – С. Петербург: Наука, 2007. – 623 с.

*Zdorovenko Viktor Vasilievich,
Ph. D., professor department of philosophy the name
of professor Valeryi Grygorievich Scotnyi, of Drogobych
state pedagogical university the name of Ivan Franko
E-mail: innovationvz@drogobych.com*

On the semantic meaning of the concept of «art»

Abstract: The article defines the meaning of the concept of art, which is interpreted as a way of expanding the real life experiences of people through their valuable attitude to the world. It is characterized by the interaction of subject and object in art, art object and its purpose.

Keywords: art, artistic image, artistic symbol, an object of art, the purpose of art, the subject of art.

Здоровенко Виктор Васильевич,
кандидат философских наук, профессор кафедры
философии им. проф. Валерия Григорьевича Скотного
Дрогобычского государственного педагогического
университета имени Ивана Франко
E-mail: innovationvz@drogobych.com

О смысловом значении понятия «искусство»

Аннотация: В статье определяется смысловое значение понятия искусство, которое осмысливается как способ расширения реального жизненного опыта людей через их ценностное отношение к миру. Характеризуется взаимодействие объекта и субъекта в искусстве, предмет искусства и его цель.

Ключевые слова: искусство, художественный образ, художественный символ, предмет искусства, цель искусства, субъект искусства.

Искусство, как сфера духовно-практической деятельности, в пределах которой создается художественный образ, способный выявлять, открывать истины миру, целостно моделировать их эстетически, по законам красоты, не могло не попасть в поле зрения социальной философии. Ведь искусство обладает привилегией образной реализации интуиции, то есть такого способа целостного освоения мироустройства, который не подвластен ни науке, познающей мир с помощью логики, ни эмпирической практике, оперирующей здравым смыслом.

В отличие от неэстетических обобщений, дающих представление лишь о разрозненных составляющих нашей жизни, искусство через художественные образы выстраивает интегративную эстетическую модель мира. Это качество искусства, нацеливающее на развитие опыта самостоятельного, оригинального, личностного мышления, вкуса, оценок, то есть на пестование неповторимой личности, способной по органической потребности души воспринимать бытие целостно и так же целостно на него реагировать, безусловно, актуально для эпохи глобализации с ее «экзистенциальным вакуумом» и состоянием «одиночества в Сети». В этой связи попытка анализа свойственных искусству способов актуализации духовных и практических сил человеческой субъективности, представляется важным теоретическим заданием.

Анализ последних исследований, в которых предпринята характеристика данной проблемы, показывает, что искусствоведческая критика и теория до сих пор пребывает в поисках своеобразного «ключа» для адекватной интерпретации существенных явлений и тенденций искусства. Одни из авторов, например, В. В. Селиванов [8], М. С. Каган [3,] В. В. Бычков [1], убеждены, что необходимым условием искусства высшего художественного качества является такая художественная образность, сущностным ядром которой оказывается художественный символ, способный выводить реципиента на высшие уровни духовной реальности. Для И. Павельчук [6], важнее доказать самозначимость субъективного мироощущения, определившего интеллектуально-духовные ориентиры многих художников и оказавшего заметное влияние на развитие

мировоззренческих стратегий, ведущих художника к неfigurативному творчеству. О. М. Петрову [7] привлекает смысл творчества как явленной формы сознательного и неосознанного, на пересечении которых рефлексирована неуловимая сущность художественного акта, так же как и таинство индивидуальности художника. Тут интерес исследователя фокусируется на характере творчества, что приближен к такому образному миру, который не происходит из наличного бытия. Н. Б. Маньковская [5] убеждена, что без представления о характере и путях влияния техногенной цивилизации на традиционные средства художественного выражения сущностных оснований бытия (изобразительность, выразительность, дескриптивность и т. д.), невозможно понять природу новейших разновидностей арт-практик. Следовательно, безосновательными будут претензии на понимание истинных культурно-исторических смыслов процессов, происходящих сегодня в искусстве.

Такие исследования, безусловно, важны для осмысления смыслового ядра термина «искусство». В данной статье мы предлагаем теоретическое осмысление определяющего для искусства фактора — художественной информации, уникальность которой определяется одухотворенным, ценностным, а не причинно-следственным познанием связей между явлениями и предметами действительности.

Целью статьи является определение смыслового значения понятия «искусство», мыслимого как способ расширения реального жизненного опыта людей через их ценностное отношение к миру.

Прежде всего, отметим, что многовековое существование искусства обусловило возникновение многочисленных теорий, призванных выяснить его сущность и предмет. Нарботанные теоретические характеристики феномена искусства, между тем, все еще оставляют открытыми вопросы, касающиеся понимания специфики искусства как общественного явления, механизмов его единства, сущности предмета искусства, функций порожденных им способов самораскрытия содержания, органической связи между художественностью и социальным назначением искусства.

Поэтому автору статьи важно заявить о своем особенном мнении относительно смыслового содержания понятия «искусство», во избежание недоразумений в интерпретации гносеологических значений для объяснения этой специфической области эстетического освоения действительности. Для артикуляции нашего определения смысла искусства определяющее значение имеет методология деятельностной интерпретации художественной практики, которая в пределах реального жизненного опыта исследует то общечеловеческое и универсальное, что, воплощаясь в художественные произведения, запечатлевает тип эстетически чувственного восприятия целых поколений людей.

Рациональное объяснение своеобразия искусства, его места в человеческом труде направлено на выяснение природы художественного образа, поскольку образность определяет качественное отличие художественного образа от логического познания. Так, например, И. В. Иванько, украинский исследователь специфики искусства, доказывает, что «художественный образ возникает из потребности отображения конкретного отношения субъекта и объекта. В отличие от познавательного отношения, художественный способ освоения действительности воспроизводит мир в его связях с человеком, доступен лишь конкретному образу, который объективирует общее как единичное. Поэтому художественный образ и является адекватным выражением специфического предмета искусства» [2, 98]. То есть, художественно-образное мышление наделено качеством превращать обычные жизненные впечатления в содержание художественных образов произведений. Происходит это благодаря тому, что художественному образу свойственен метафорический характер. И именно этот метафорический характер позволяет раскрывать сущность явлений действительности средствами искусства, средствами художественной выразительности.

Как отмечает Л. Г. Ушакова, на основе анализа философской, психологической, искусствоведческой литературы, «художественный образ любого произведения искусства — это уникальный сплав художественных обобщений реальных явлений, в котором неотъемлемой частью является индивидуальность личности творца. Поэтому, художественный образ произведения всегда уникален, оригинален, неповторим в других произведениях» [9, 38]. В осмыслении природы художественно-образного мышления также учитывают то, что художественный образ является не только олицетворением эмоций, чувств, идей художественного произведения, но и одной из форм сознания, организует художественную деятельность в целом. Л. Г. Ушакова акцентирует внимание на том, что современные теории, исследующие художественный образ, «получили новое перспективное развитие и позволяют понять специфику многих явлений искусства. Художественный образ в онтологическом аспекте рассматривается как факт идеального бытия, воплощенного в собственной вещественной основе, характеристики которой либо значимые, либо нет. Семиотический аспект позволяет рассматривать художественный

образ как знак, символ, выполняющий трансляцию смыслов и значений в рамках определенной культуры. В гносеологическом аспекте художественный образ выступает как вымысел, имеющий определенное тождество с такой новизной познающей мысли, как допущение. В эстетическом аспекте художественный образ представляется как целесообразное единство многих факторов творчества для достижения автономно существующего «организма», выражающего определенный смысл» [9, 40].

На развитую и многоуровневую структуру художественного образа обращает внимание и российский философ В. В. Бычков. Он доказывает, что под художественным образом понимается «органическая духовно-эстетическая целостность, выражающая, презентующая некую реальность в модусе большего или меньшего изоморфизма (подобия формы) и реализующаяся (становящаяся, имеющая бытие) во всей своей полноте только в процессе эстетического восприятия конкретного произведения искусства конкретным реципиентом в его внутреннем мире <... >

Именно в так понимаемом образе полно раскрывается и реально функционирует некий уникальный художественный космос, свернутый (воплощенный) художником в акте создания произведения искусства (= в акте художественной символизации) в его предметную (живописную, музыкальную, поэтическую и т. п.) чувственно воспринимаемую реальность и развернувшийся уже в какой-то иной конкретности (иной ипостаси) во внутреннем мире субъекта восприятия» [1, 84–85]. В. В. Бычков настаивает на способности образа концентрированно акцентировать духовные проекции Универсума, художественно осваиваемый художником в конкретный момент бытия. Несмотря на то, что при этом сознание художника не обязательно рефлексирует объективное и субъективное измерение реальности, происходит самое существенное в художественном освоении человеком Универсума — это толчок для самого процесса художественного отображения. То есть, сознание художника, во время художественного отображения, становится способным к пластическому преобразованию в другую реальность, собственно, чувственному восприятию произведения.

Также отмечается, что впоследствии, при восприятии произведения, наступает очередь третьего этапа преобразования формы и сущности как прообраза, так и реальности произведения искусства, чувственно данного реципиенту в формо-образе. «Возникает конечный образ, принципиально не поддающийся вербализации, как правило, достаточно далекий от первых двух, но сохраняющий, тем не менее, нечто (в этом суть изоморфизма и самого принципа отображения), присущее им и объединяющее их в целостной системе образного выражения или художественного отображения. Именно этот, фактически третий образ, возникающий на основе первых двух и как бы втянувшийся, вобравший их в себя, и является в прямом смысле слова полновесным художественным образом данного произведения искусства, и в процессе его разворачивания

(становления) в художественный символ и может осуществиться реальный контакт (собственно окончательный этап эстетического акта восприятия произведения искусства) субъекта с Универсумом <...> в уникальном, при- сущем только этому образу модусе» [1, 86].

В концепции В. В. Бычкова, уникальность образа, как художественного содержания художественного произведения, определяется его способностью к воспроизводству через внешний изоморфизм, личностное переживание автором изображаемых явлений. Именно это символично-суггестивное влияние образа на реципиента, по его мнению, мыслится как истинный смысл настоящего искусства, способного целенаправленно поднимать дух реципиента к высшим уровням духовной реальности. Это становится возможным, благодаря художественному символу, как глубинному завершению образа, расширяющему его границы. Поскольку, таким образом, символ способен имплицитивно содержать в себе и раскрывать сознанию нечто, само по себе недоступное иным формам и способам коммуникации с Универсумом, бытия в нем [1, 90].

Деятельностная концепция художественного творчества исходит из понимания того, что «содержанием искусства в широком смысле слова является отражённый в нем реальный мир, а формой — внутренняя организация, структура художественного содержания. И содержание, и форма характеризуются единством объективного и субъективного: объективность содержания обуславливается предметом искусства, объективность формы — содержанием и особенностями видов искусства. Особенностью восприятия действительности художником, талантом и т. п. объясняется субъективность как содержания, так и формы <...> Результат осмысления и оценки художником действительности, который воплощается в определенном единстве идеи и трактовки темы, составляет содержание искусства. Это означает, что идейность содержания является обратной стороной художественности содержания в художественном образе. Стремление художника выявить и передать свое видение мира побуждает его искать новые формы самовыражения, адекватные его эмоциональной эстетической оценке действительности. Поэтому форма — это показатель профессионального мастерства, владения художественными средствами, которые, в итоге, являются результатом познания действительности» [2, 99].

Предложенное В. А. Малаховым объяснение искусства, как особого человеческого мироотношения, актуализирует осмысление глубинного человеческого «подтекста» искусства, связанного с рассмотрением его как познания целостной человеческой деятельности, творчества, общения, духовно-практического освоения действительности так и других всеобщих форм отношения человека к действительности.

Прояснение человеческой ситуации искусства предполагает преодоление искушения рассматривать эту ситуацию сквозь призму основных категорий познания, деятельности, культуры и даже их совокупности в качестве

определяющих и достаточных. Поэтому для понимания характера «встроенности» искусства в живой и подвижный мир людей предлагается «сами эти формы увидеть и понять в их содержательной целостно-человеческой перспективе, осознать субъективное человеческое начало не только как такое, что «складывается» из этих форм, но и как своеобразно воплощенное в каждой из них, которое определяет характер их логической и социально-исторической эволюции» [4, 10].

Также интерпретация самого искусства как особого мироотношения, отражающего целостную направленность бытия человека, должна выяснять присущую искусству во всей его истории «родовую» специфику, приобретающую особый онтологический статус, способный открыть перед человеческим мироотношением ряд специфических измерений и альтернатив.

Такое различие В. А. Малаховым реальной глубинности искусства, понимание его укоренённости в сущностных принципах бытия людей в мире, является основанием для вывода о том, что искусство «не только происходит от человека, оно никуда и не уходит от него. В своей внутренней жизни оно сочеловечно — гуманизм, можно сказать, содержится в самой основе подлинного искусства. Как только оно утрачивает эту основу — оно перестает быть собственно искусством. В конечном счете именно благодаря этому каждый сколько-нибудь значительный поворот в отношении людей к миру, в понимании ими природы этих отношений порождает и новую трактовку искусства, более или менее соответствующую действительным тенденциям художественной практики, выявляющую существенные ее грани. В лабиринте бытия искусство всегда следует за человеком. В чем бы последний не находил конечный смысл собственной жизни и деятельности, оно “конструирует себя” заново в свете этого конечного смысла — познания, подражания, наслаждения, общения, деятельного преобразования мира и т. д.» [4, 4–5].

Художественный образ действительно возникает из потребности отображения конкретного отношения субъекта и объекта. И, собственно, художественный способ освоения действительности воспроизводит мир в его связях с человеком, что доступно только конкретному образу, объективирующему общее как единичное. И поэтому образность является определяющим признаком специфики искусства. Однако, при таком подходе всегда необходимо учитывать, что каждый вид искусства пользуется особым материалом и соответствующим ему языком. Необходимо избегать упрощенного понимания художественного образа как конкретной и предметной формы, которая якобы и является носителем специфики искусства. Ведь в сложно структурированном разнообразии видов искусств работают не только с конкретностью и наглядностью (живопись, скульптура, графика, художественная фотография), но и с неизобразительными способами построения образных знаков (музыка, архитектура, прикладные и декоративные искусства, художественное конструирование,

хореография), художественный смысл которых заключается в «воплощении общих для больших человеческих масс идей, настроений, душевных состояний. Поскольку произведения архитектуры, прикладного и промышленного искусства соединяют в себе художественные и утилитарные начала, поэтому они создаются ремесленным и промышленным производством для многих людей, произведения эти и должны нести не индивидуально-специфический, а стабильно всеобщий духовный смысл» [3, 371].

То есть, признавая, что эстетическая идея находит свое выражение через художественный образ, мы будем понимать, что ему присуща типологическая множественность, которая обусловлена различием разных видов искусств в отображении и выражении явлений действительности, которая, в свою очередь, сказывается на специфике их образов.

Анализ основных тезисов приведенных концепций сущности искусства и особенностей его предмета дает основания для авторского понимания этого вопроса. По нашему мнению искусство можно понимать как вид социального, духовной творчества, содержание которого обнаруживает в индивидуальных и целостных результатах богатство предметных и человеческих эмоционально актуальных отношений. Сферу деятельности искусства составляют любые объекты, которые мотивируют преобразующе-творческое, эмоциональное отношение к ним со стороны художника. Это качество искусства является причиной разнообразия его общественных функций. Подобный характер взаимодействия объекта и субъекта в искусстве обуславливает такое же творческое отношение к результатам духовно-практических усилий художников со стороны реципиентов искусства.

Таким образом, предметом искусства может быть вся многогранность практически-эмоционального отношения человека к миру, отношение субъекта и объекта, поскольку переживания мира человеком является неперенным признаком сущности искусства.

Целью искусства можно считать раскрытие эстетически-ценностных аспектов явлений действительности, а именно: воплощение эстетических взглядов, переживаний и стремлений. Вследствие этого искусство наиболее концентрированно характеризует степень «очеловечивания» мира, стремление к его преобразованию, в соответствии с человеческими целями. В этом смысле искусство является высшей формой эстетического, поскольку выражает такое отношение к действительности, в котором оценка конкретных чувственных аспектов явлений дополняется суждениями об их внутренних существенных признаках.

Субъектами искусства являются художники, со своим неповторимым жизненным опытом, умеющие свойственное им богатство духовного мира передать в создании образов и предметов, ассоциирующихся с формами, которые выступают знаками эстетически ценных объектов, доступных для восприятия. А также и те, для восприятия которых создаются новые формы и образы — реципиенты художественных произведений. Ведь способность к творчеству становится действенным средством самоутверждения человека в мире, если находит свое продолжение в обратной стороне — в способности восприятия художественных произведений. В этом сотворчестве также проявляется универсализм искусства как высшей формы эстетического отношения к действительности.

Таким образом, искусство, в аспекте деятельности концепции художественного творчества — это такой способ освоения действительности, благодаря которому художник, преломляя сквозь богатства своей творческой личной глубины пережитых впечатлений, с помощью изображения явлений находит их выражение в художественных идеях. И тогда сущность искусства можно определить как свободный творческий акт, в котором синтезируется, по меньшей мере, амбивалентная — личная и общественная творческая интерпретация действительности, а по большому счету — поливариантная, в сотворчестве с Универсумом.

Список литературы:

1. Бычков В. В. Символизация в искусстве как эстетический принцип/В. В. Бычков//Вопросы философии. – № 3. – 2012. – С. 81–90.
2. Іваньо І. В. Специфіка мистецтва. Історико-естетичний нарис./І. В. Іваньо. – К.: Наукова думка, 1970. – 202 с.
3. Каган М. С. Лекции по марксистско-ленинской эстетике/М. С. Каган. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1971. – 766 с.
4. Малахов А. А. Искусство и человеческое мироотношение./В. А. Малахов. – К.: Наукова думка, 1988. – 213 с.
5. Маньковская Н. Б., Бычков В. В. Искусство техногенной цивилизации в зеркале эстетики./Бычков В. В., Маньковская Н. Б.//Вопросы философии. – № 4. – 2011. – С. 62–72.
6. Павельчук І. Художні моделі абстрактного живопису в Україні. 1980–2000 (Епістемологія креації)/Іва Павельчук; [пер. англ. тексту Л. Герасимчук]. – К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2013. – 216 с. + 54 ілюстр.
7. Петрова О. М. Мистецтвознавчі рефлексії: Історія, теорія та критика образотв. Мистець. 70-х років ХХ ст. – початку ХХІ ст.: 36. ст. – К.: Вид. дім «КМ Академія», 2004. – 400 с.: іл.
8. Селиванов В. В. Искусство XX века: эстетические теории и художественная практика. – Л.: Знание, 1991. – 32 с.
9. Ushakova L. G. Modern view on the problem artistic and creative thinking in the musical art./L. G. Ushakova//Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives. Proceedings of the 1st International symposium (December 18, 2013). Volum 2. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna, 2013. – P. 36–41.

*Samborska Oksana Myhajlovna,
Teacher Chernivtsi Law Institute
National University «Odessa Law Academy»,
Competitor Department of Philosophy
Chernivtsi National University Fedkovych
E-mail: anaskosis@mail.ru*

Social normative Foundation of the crisis of classical rationality

Abstract: For the vast majority of philosophical systems of the classical era in the first place were important epistemological and ontological, but not philosophical-ethical issues. Therefore, freedom was frequently on marginalia main trends in the development of philosophy. This applies to the ideas of freedom and responsibility.

Keywords: rationality, freedom, independence, ethics, morality, responsibility, law, right.

*Самборская Оксана Михайловна,
преподаватель Черновицкого юридического института
Национального университета «Одесская юридическая академия»,
соискатель кафедры философии Черновицкого
национального университета им. Ю. Федьковича
E-mail: anaskosis@mail.ru*

Соционормативные основания кризиса классической рациональности

Аннотация: Для подавляющего большинства философских систем классической эпохи в первую очередь важны были гносеологические и онтологические, но не мировоззренчески-этические вопросы. Поэтому и свобода довольно часто оказывалась на маргиналиях магистральных тенденций развития философии. Это касается и идей свободы и ответственности.

Ключевые слова: рациональность, свобода, независимость, этика, мораль, ответственность, закон, право.

В первых концепциях человек вплетен в единый космический организм, его свобода, соответственно, – неотъемлемая составляющая общего природно-космического процесса.

То есть свобода как нравственная категория в контексте античной философии, особенно классического периода, как правило, либо слишком практикована, вплетена в сетку повседневной общественно-политической и бытовой практики, или же рассматривается неотъемлемо от космологических построений, в значительной степени теряя в обоих случаях автономный статус.

Конкретизируя, вспомним, в частности, следующее. В античных натурфилософских концепциях досократовского периода находим мысль о зависимости и рождение бытия отдельными природными стихиями (вода — у Фалеса, воздух — в Анаксимена, огонь — у Гераклита и т. д.). Так, у последнего встречаем утверждение о правильности только такой жизни и в тех пределах, которые продиктованы Логосом — общим для Космоса, природы и человека принципом, который является не только чисто естественным, но и содержательным первнем бытия.

Должны вспомнить и софистов. Уже они были репрезентантами и, наконец, создателями фактически противоположной этической позиции, а следовательно и видения свободы.

Представители софистической философии осуществляют реверсию нравственной проблематики, призывая

рассматривать в качестве доминирующего первня не абстрактные внешние космогенные принципы, а внутренние особенности человеческого естества.

В период эллинизма философия реагирует на изменения в политических и общецивилизационных реалиях своеобразием постановки и этико-религиозными способами решения привычных уже и новых проблем мировоззренческого плана. Потеря значительной части внешних свобод была компенсирована открытием индивидуальной, внутренней свободы. Личность, таким образом, в недрах духа стремится обрести свободу, спокойствие, равновесие, которые, после исчезновения классического полиса, казалось, были безвозвратно потеряны в плоскости внешней политической практики. Отсюда и специфика эллинистического видение свободы.

Так, в Эпикура свобода является, прежде всего, чувством внутренней независимости, воплощенной в состоянии атараксии — спокойствие, не смятения и невозмутимости. И именно так достигается, по мнению Эпикура, счастья, в этом в конце концов заключается конечная цель человеческой жизни.

Уже в пределах античной философии становились все более ощутимыми тенденции, которые вскоре привели к ее концу. Так, А. Лосев считает, что, скажем, «либертинизм гностиков — это признак упадка античной философской

мысли» [7, 190]. Происходил своеобразный раскол классического античного чувственно-рационального космоса, а поскольку знания о вещах не касается при таком подходе самих вещей, поскольку это знание является нематериальным, то и материя остается неконтролируемой стихией.

Продолжились и получили свое логическое завершение эти тенденции в немецкой классической философии.

Предпосылкой кантовского толкования свободы можно считать введенное им же понятие категорического императива. Это — моральный закон высшего уровня объективности. К объективности добавим еще и такую важную его деталь как подчинение всеобщности. Об этом говорится уже в самой формулировке категорического императива: «Поступай так, чтобы максимы (правила), которыми руководствуется твоя воля, могли стать принципами всеобщего законодательства». Итак, свобода взаимопереплетена с необходимостью. Кант считает, что человек не только не теряет свободу от соблюдения универсального принципа морального повеления, но и получает новые степени этой свободы.

Он приходит к выводу, что объективность безоговорочного морального правила продиктована следующими тремя обстоятельствами:

1) полной независимостью от эмпирических (любых) мотивов — как отмечает П. Кропоткина, «Кант указал совершенно верно, что нельзя основывать нравственность на соображениях о пользе и счастье, как это стремились доказать евдемонисты и утилитаристы. Вместе с тем Кант также показал, что для обоснования нравственности недостаточно и одного только чувства симпатии или сочувствия» [6, 174–175]. Независимость нравственности и является в конечном итоге показателем присущих ей настоящей свободы.

2) закономерностью (в смысле соотношения с нравственным законом) нравственности — не признавать объективность нравственного закона, рассуждает Кант, столь же бессмысленно, как игнорировать необходимость законов природы. То есть, категорический императив не требует не только никакого обоснования в эмпирических плоскостях — он, кроме того, недетерминированный и логическими факторами — его целесообразность невозможно вывести аксиоматически-дедуктивно, то есть даже на чисто рациональных началах. При том, что в основе своей категорический императив остается абсолютно рациональным, отсюда следует, что:

3) повод для моральных, свободных действий может быть выведен только из практического разума, который и гарантирует рациональность действия и формирует, наконец, деятельное руководство, то есть синтезирует разумную целесообразность действия с возможностью и необходимостью ее практической реализации. «Все моральные понятия, — говорит в этой связи Кант, — возникают вполне а priori в уме ... именно эта чистота их происхождения делает их достойными служить нам высшими практическими принципами» [5, 249].

Исходя из этого, Кант был убежден, что, во-первых, моральный закон не может быть понят без утверждения идеи свободы, а, кроме того, что только рациональное существо может быть по-настоящему свободным в нравственном отношении.

Неудивительно, что свобода у Канта неизбежно связывается с необходимостью. Однако именно эта необходимость оказывается в конце концов самой свободой. Поэтому: «свободный деятель, — как подчеркивает Р. Скратон, — определяется не отсутствием принуждения, а особым характером принуждения, который руководит деятелем. В своем восприятии нравственного закона он действует по принуждению ума. Свобода — это покорность нравственному закону, и она никогда не оказывается ярче, чем в признании необходимости этого закона и его абсолютной власти над действиями морального деятеля» [9, 167].

И человек принадлежит не только и не столько феноменальному миру, сколько миру ноуменальному. Поэтому может и должна руководствоваться не только законами природы, но и законами свободы. В этом аспекте она проявляет себя как деятельное, творческое, самопроизвольное существо, способное разорвать цепь природной необходимости. «Понятие умозрительного мира, — указывает Кант, есть только точкой зрения, которую разум вынужден принять вне вещей, для того чтобы мыслить себя практически» [5, 304].

Во многом созвучной с идеями Канта была философия свободы Гегеля. Нравственность как некий более высокий уровень самопознания идеи он приравнивал с идеей свободы. Воплощение свободы в нравственности предполагает возвышение над слепой субъективностью, над абстрактным пониманием морали. Утверждаются, таким образом, «в себе и для себя сущие законы и утверждения» [2, 181].

Гегель выводит два важных признака нравственности как свободы: кроме того, что нравственность является бытием-самым-собой, в себе и для себя сущей волей, системность становления идеи в аспекте нравственности приводит разумность самой нравственности. Поэтому и свобода является высшим воплощением ума. Или, наоборот, разум, познание является свободой.

Вообще, неразрывно соединенными в гегелевской философии (как и у Канта) является нравственность, свобода и разум. Не менее важным дополнением к концептуальному раскрытию Гегелем идеи свободы является отождествление свободы с познанной необходимостью: «Законы и силы нравственной субстанции ... суть обязанности, которые сковывают свободу человека» [2, 183]. Гегель пользуется также понятием нравственной необходимости по аналогии с кантовским понятием морального закона.

Еще один признак нравственности — конкретность. Абстрактное право, абстрактная свобода, абстрактное добро есть только первыми этапами исторического и логического становления нравственности и свободы. Поэтому обязанность как повинность сковывает возможности проявления только абстрактной свободы, а не свободы в полном смысле — как познанной и воспринятой

необходимости: «Покорение касается морального и разумного как подчинение законам, о которых я знаю, что они справедливы, а не является слепым и безусловным подчинением, при котором не знают, что творят, и действуют наугад, бессознательно и без знания» [1, 394].

Настоящая свобода отождествляется Гегелем с правом. Каждому степени свободы соответствует свой вид права. Право есть явным бытием свободы. Начальная абстрактность трансформируется со временем в «конкретно в себе, богаче и истинно высшее право» [3, 90].

Отсюда, триада относительно свободы выглядит как «абстрактное право — мораль — нравственность». Первом соответствует непосредственная, стихийная, до-рефлексивная воля. Морали соответствует воля как субъективность в противовес всеобщности. А нравственность является синтезом бытия-в-себе и бытия-для-себя, сочетанием субстанционной свободы и как внешней действительности — действительности и необходимости, и как субъективной воли [3, 92].

Из основных идей учения Гегеля логически следует также идея ответственности как выражения зависимости от всеобщности. «Субъективный дух на самом деле становится свободным, — говорит он, — когда отрицает свой партикуляризм и осознает самого себя в своей истинности» [1, 423].

Как замечает К. Фишер, для Гегеля: «государство — это царство свободы, а не произвола. Где царит законность, там есть разумность, ум, который можно и нужно познавать» [10, 110].

На неучет Гегелем личностного фактора в толковании исторического процесса указывает, в частности, А. Гулыга [4, 249]. Он говорит о неизбежности безоговорочного подчинения воли отдельного человека свободы абстрактного целого и о растворении, вследствие этого, человека в истории. К. Поппер называл Гегеля одним из предтеч современного тоталитаризма [См.: 8]. Но в целом гегелевское толкование свободы при надлежащем его осмыслении обнаруживает в себе большой потенциал.

Список литературы:

1. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. – СПб., 2000. – 473 с.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.-Л., 1934.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М., 1990.
4. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. – М., 1986. – 334 с.
5. Кант И. Сочинения. В 6-ти т. – Т. 4. – Ч. 1. – М., 1965.
6. Кропоткин П. С. Этика. – М., 1991.
7. Лосев А. Ф. История античной философии в конспективном изложении. – М., 1989. – 204 с.
8. Поппер К. Нищета историцизма. // Вопросы философии. – 1992. – № 8.
9. Скратон Р. Краткая история новейшей философии. – К., 1998. – 331 с.
10. Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. – М.-Л., 1933.

*Jakovenko Lyudmila Nikolaevna,
Kursk Staatliche landwirtschaftliche Akademie,
Dozent des Lehrstuhls für Pädagogik
und Psychologie der beruflichen Ausbildung
E-mail: yakovenko66@yandex.ru*

Die wertmäßigen Gründungen der Bildung wie das Problem des sozial-philosophischen Diskurses

Abstrakt: Der Artikel ist dem philosophischen Verständnis der Werte der Bildung im Kontext des Reformierens des russischen Ausbildungssystems gewidmet. Es wird die Bedeutsamkeit der Weltwerte der Bildung rechtfertigt. Der Autor gibt die verallgemeinerte Charakteristik der Blicke auf dem Wert der Bildung in der russischen und spanischen Philosophie.

Stichwörter: Philosophie der Bildung, Hochschulbildung, Berufsausbildung, Axiologie, Werte der Bildung.

Einleitung. Die axiologische Problematik in der Philosophie die Bildung unterscheidet sich durch die Aktualität und es ist in erster Linie mit der Reform der Ausbildungsinstitutionen verbunden, die, obwohl in der russischen Gesellschaft schon im besten Zuge ist, ruft die widersprüchlichen und mehrdeutigen Einschätzungen jedoch herbei. Als eine der Diskussionsschlüsselfragen tritt die Aufgabe der Bildung des

wertmäßigen Paradigmas der Bildung auf. Es liegt auf der Hand, dass die grundlegenden nachsovjetschen Ziele und Werte, die die Grundlage der Bildung der Persönlichkeit bildeten, entsprechen den Anforderungen der heutigen Zeit nicht, obwohl man wahrscheinlich auch in ihnen etwas positiv finden konnte. Die Orientierungspunkte der Erziehung, der Ausbildung und der Entwicklung der Persönlichkeit in der bürgerlichen

und demokratischen Gesellschaft sind gerufen, mehr umrissen und bestimmt zu sein. Die gegenseitig ergänzenden einander besten Errungenschaften der europäischen Bildung und die russischen nationalen Traditionen anscheinend die ideale Kombination, jedoch ist die russische wissenschaftliche Gesellschaft bezüglich der Richtung der weiteren Entwicklung der Reformen uneinig. In unserer theoretischen Forschung wollen wir einige Blicke der bekannten Philosophen J. Ortega y Gasset, W.W. Rosanows auf die wertmäßigen Seiten der Bildung, wie der Gelehrten vorstellend verschiedene Weltanschauung und die Vertreter des westlich orientierten und eigenartigen russischen Weges betrachten. Jeder dieser Philosophen hat den großen Beitrag an die Entwicklung der Philosophie der Bildung und der Axiologie — der Wissenschaften, die heute mit Recht der Bedeutsamkeit sich erklärt haben — beigetragen.

Forschungsergebnisse. Der prominente russische religiöse Philosoph und Publizist W.W. Rosanow war der Patriot und der Bürger des Vaterlandes und darin ist der Gelehrte spanischem Philosophen J. Ortega y Gasset sehr ähnlich, der danach unermüdlich strebte, dass die spanische Gesellschaft das hohe Niveau der Entwicklung und des Blühens erreicht hat. In der berühmten Arbeit „Dämmerung der Bildung“ (1893), sowie im Artikel „Aphorismen und Beobachtungen“ (1894) äußert W.W. Rosanow die interessanten Gedanken in der Umgestaltung der russischen Bildung, nicht verlierend der Aktualität. W.W. Rosanow nimmt die nachfolgenden Werke des russischen Philosophen S.I. Hessens, des Begründers der Philosophie der Bildung in Russland, vorweg. Die Enttäuschung W.W. Rosanows von der Organisation der Ausbildung in nachrevolutionärem Russland wird von der Kritik des kommunistischen Ideales der Bildung in den Arbeiten S.I. Hessens („Schicksal des kommunistischen Ideales der Bildung“, 1933), die Richtungen der Entwicklung der Bildung, bezeichnet im Buch „Grundlagen der Pädagogik. Einleitung in die angewandte Philosophie“ (1923), bestätigt [1; 2].

Wenn wir das Kapitel „Pädagogische Schablonierpinsel“ im Buch „Dämmerung der Bildung“ lesen, wird ganz offensichtlich, inwiefern jener aktuell ist, worüber seinerzeit W.W. Rosanow schrieb: das übermäßige Administrieren in der Bildung, die harte Reglementierung, das gedankenlose Folgen den Stereotypen der Ausbildung sind und jetzt anwesend. Der „pädagogische Schablonierpinsel“ schlägt, so der Philosoph, «... den Stempel der „Gemeinintelligenz“ auf dem Kind, wonach es sich schlecht- oder unbenutzbar» zeigt [7, 158–169]. Es ist bemerkenswert, dass die Probleme, auf die W.W. Rosanow Ende XIX Jh. bezeichnet, sind von der Aktualität am Anfang XXI Jh. bemerkt. Zur Bestätigung dient der begonnene Eintritt der russischen Bildung in den europäischen Ausbildungsraum. Man äußert die Zweifel bezüglich der Notwendigkeit der „Europäisierung“ des Systems der russischen Bildung und des Wertes der beigefügten Ausbildungsbemühungen, wie die Antwort der einstigen Opposition der Westler und der Slawophilen aus. Als Argument erwähnt, zum Beispiel, der Forscher A. S. Frolov die Interessen der Staatssicherheit, die infolge der überschüssigen Orientierung auf die Erfahrung der europäischen Zivilisation

leiden können, nennend das eine Art politischer Krankheit, die periodisch noch mit der Peter-Zeiten gezeigt wird [11]. Die besondere Mission gehört den Universitäten wie dem wissenschaftlichen und sozialen Institut vom Gesichtspunkt der Konzeption der Wissenschaft der zweiten Art. Die Philosophen O.W. Sinewitsch und Je.A. Rusankina meinen, dass die Rekontextualisierung der Wissenschaft und der Bildung zum Verständnis des transgressiven Charakters des Erhaltens des Wissens bringt, was den Widerspruch zwischen den wissenschaftlichen und sozialen Rollen der Universität abnimmt. Das Gelingen der Überwindung des Widerspruchs zwischen den wissenschaftlichen und sozialen Rollen der Universität hängt von der Versorgung den Universitäten der Möglichkeit ab, auf die Aufrufe der Rekontextualisierung zu antworten [5, 37]. Der Forscher Ju. L. Worobjow, die Ziele und die Werte der Bildung deutend, behandelt nach S. I. Hessen an den Begriff „die Freiheit“ und der Analyse der Bedingungen ihrer Erscheinungsform [3, 11]. Das Wesen des modernen Heran-gehens an das Verständnis der wertmäßigen Gründungen der Bildung ist in der Bestimmung der Stelle der Philosophie der Bildung widergespiegelt, die, einerseits, kommunikativ und situationsabhängig-pragmatisch ausgerichtet ist in der Welt der anwachsenden Globalisierung, und andererseits, übermäßig historisiert ist. Jenem vom Grund ist die Abwesenheit bei der Philosophie der Bildung der aktuellen Lebenskraft, fähig den Schematismus der Sozialisierung zu überwinden. Der Philosoph A. A. Grjakalow meint, dass der Begriff der Bildung wie der ganzheitlichen Vorstellung heute verschoben ist und die Ordnung der Ideale der Prinzipien der Bildung sieht ganz unbestimmt aus [4].

Die revolutionären Ereignisse des Oktoberumbruchs haben W.W. Rosanow ursprünglich veranlassen, zu denken, dass es die höchste Zeit für die positiven Veränderungen ist und jetzt das russische Volk niemand und nichts in der Entwicklung zurückhält, jedoch hat später der Gelehrte die Meinung über die Ziele des Bolschewismus in der Bildung geändert. Die Ziele des Staates oder die Ziele der Kunst, so wie auch die religiösen Ziele, erfassen nach Meinung des Philosophen, die ganze Tätigkeit des Menschen nicht, sie „sind zwanghaft und zweideutig“. Die erstrangige Bedeutung, denkt W.W. Rosanow, hat nur ein Ziel, das „... der ähnlichen Absonderung wie nach der Gemeinsamkeit, als auch nach der Freiheit ihrer Auswahl nicht unterliegt: wir verstehen die Idee, dass das Menschendasein irgendwelchen anderen Sinn, außer wie die Veranlagung seiner eigenen Schicksale auf der Erde nicht einschließt. Das ist kein Dogma, das dem Bewusstsein von außen auferlegt ist; mehr ist es die Untersuchung der freien Ablenkung, die der Gedanke des Menschen erzeugt hat, beobachtend die Myriaden seiner einzelnen Ziele und in ihnen das Allgemeine bemerkend, für was aller diese wie die Ziele ausgesondert sind...“ [8, 2]. In der Sammlung der Werke „Apokalypse unserer Zeit“ (1917–1918) spiegeln sich die Reflexion der Überlegung des hervorragenden W.W. Rosanows über das Schicksal Russlands und des russischen Volkes ab. Im Essay „Wie fiel und ist gefallen Russland“, „Beratung der Jugend“ ist die Sorge um die Zukunft des

Landes und die Belehrung den Jugendlichen spürbar, zu erinnern, dass „... das Leben ein Haus ist. Und das Haus soll warm, bequem und rund sein. Arbeite am «runden Haus» und der Gott wird dich auf dem Himmel nicht abgeben. Er wird den Vogel, die das Netz baut, nicht vergessen“ [9, 63].

Klein nach dem Umfang, aber höchst ideenreiche Arbeit W. W. Rosanows spiegelt die Position des Autors für die Grundlagen der Bildung auch wider, für dessen wichtigsten Komponenten der Philosoph das Prinzip der Individualität des Menschen, das Prinzip der Ganzheit, der Einheit und der Gleichartigkeit alles bekommenen Wissens und der gebildeten Vorstellungen über die Umwelt hält. Die erstrangige Bedeutung, die vom Philosophen der Bestimmung der Ziele und die Werte der Bildung gegeben wird, bezeichnet darauf, dass der Autor auf dem Gebiet der Axiologie die Lösung der Probleme der Volksaufklärung sieht, strebend, zu dieser Sphäre die Aufmerksamkeit der philosophischen und pädagogischen Gesellschaft heranzuziehen. Wenn W. W. Rosanow die Durchführung der Lehrreform in 70 Jahre XIX Jh. in Russland analysiert, bringt er als Epigraph die Zeile aus dem Gedicht A. S. Puschkins, gewandt zu Peter dem I: «er verachtete das Land der Verwandte nicht — er wusste ihre Vorbestimmung ...», betonend, dass die Kraft des Zaren — Reformators mehr allen in der Sphäre des Geistes konzentriert war und ist auf der Liebe zum Land, und nicht nur auf der sozialen Lage des Menschen, der von der Macht eingekleidet ist, gegründet. Die patriotische, moralische Position des Bürgers regte in erster Linie an, nach der Erneuerung des Landes zu streben. Jedoch betont der Philosoph, dass darin Kreis, wer sich mit dem Reformieren in 70 Jahre XIX Jh. beschäftigte, befanden es sich nicht wenig Vertreter verschiedener Volksschichten — der Pädagogen, der Beamten des Ministeriums der Volksbildung, der Gelehrten, die in verschiedener Form die positiven Veränderungen in der Volksbildung behinderten. Ungeachtet einiger Opposition in der Gesellschaft, im Verlauf der Reform

des Systems der Volksbildung 1863–1864 ist es, zum Beispiel, die Autonomie der Universitäten wieder hergestellt, es sind die Dokumente entwickelt, die die Anfangs- und mittlere Bildung reglementieren, es sind viel neue Bildungseinrichtungen geöffnet. In der Sammlung «Im Gedenken M. N. Katkows» (1887) ruft W. Rosanow mit der ihm eigenen Emotionalität aus: „Wirklich, was kümmert unseren Prostatkow die europäischen Kultur und den ernsten Beschäftigungen nach den europäischen Programmen! Für sie war die Berechnung einfach: es ist überflüssig, achte Klasse zum Kurs der Gymnasien hinzugefügt, es sind die Programme verstärkt, und die Rechte, die Versprechen ihrem Iwanuschki und Mitrofanuschki blieben selbe“ [6, 26–27].

J. Ortega y Gasset, in 1930–1931 vor den Studenten der spanischen Universitäten auftretend, hat die Prinzipien der Universitätsbildung ausgerufen, die der Gelehrte ausgehend von der Erfahrung der Tätigkeit der führenden europäischen Universitäten und der eigenen Vorstellungen über die Mission dieser Ausbildungsinstitutionen abgefasst hat. Ein Verhältnis der Begriffe „die Wissenschaft“, „die Kultur“ und „die Bildung“ betrachtend, so schließt der Philosoph über die Hauptaufgabe der Bildung: das ist die Erziehung des kulturellen Menschen auf den Eingliederungen der Studenten bis zu verschiedenen Gebiete des Wissens [10; 12].

Abschluss. Den russischen religiösen Philosophen W. W. Rosanow und spanischen Philosophen J. Ortega y Gasset vereinigt nicht nur der bedeutenden Beitrag an das Reformieren der Ausbildungssphäre der Länder, sondern auch die hell geäußerte bürgerliche Position. Die Polemik bezüglich der wertmäßigen Gründungen der modernen Bildung in den sozial-philosophischen Diskurs stützt sich auf die langjährigen Erfahrungen der Forschungen auf diesem Gebiet. Die Ideen der anerkannten Autoritäten bilden die wertlose Grundlage der Philosophie der Bildung, an die wir uns auf der Suche nach der Antwort auf die Aufrufe der Gegenwart behandeln.

Referenz:

1. Hessen S. I. Schicksal des kommunistischen Ideales der Bildung. // Pädagogik. – 1993. – № 6. – S. 59–64.
2. Hessen S. I. Grundlagen der Pädagogik. Einleitung in die angewandte Philosophie. – M.: Schkola-Press, 1995. – 448 s.
3. Worobjow Yu. L. Zur Frage über den Inhalt des Begriffes „die Freiheit“. // Geistige Situation der Zeit. Russland XXI. Jahrhundert. – 2013. – № 1–2 (1). – S. 11–14.
4. Grjakalow A. A., Grjakalow N. A. Bildung in der globalen Welt: die wertmäßigen Konstanten und die Transpädagogik. // Philosophie der Bildung. – 2013. – № 2 (47). – S. 63–72.
5. Sinewitsch O. W. Die Universität wie das wissenschaftliche und soziale Institut in der modernen russischen Gesellschaft. // O. W. Sinewitsch, E. A. Rusankina // Hochschulbildung in Russland. – 2014. – № 7. – S. 37–43.
6. Im Gedenken Michail Nikiforowitsch Katkows. // Russischer Anzeiger: Anhang. – 1887, – № 7. – 209 s.
7. Rosanow W. W. Dämmerung der Bildung. Sammlung der Artikel für die Bildung. – SPb.: Druckerei M. Merkuschews, 1899. – 240 s.
8. Rosanow W. W. Ziel des Menschenlebens. – M.: Graal, 2001. – 68 s.
9. Rosanow W. W. Apokalypse unserer Zeit. – M.: Zentrum der angewandten Forschungen, 1990. – 429 s.
10. José Ortega y Gasset. Mission der Bildung. – Mn.: BGU, 2005. – 104 s.
11. Frolov A. S. Hochschulbildung im Kontext des Hauptwiderspruchs modernes Russland. // Philosophie der Bildung. – 2014. – № 2 (53). – S. 20–35.
12. Jakowlenko L. N. Ideen der Werte der Bildung im Kontext der Entwicklung der westeuropäischen Philosophie. // Wissenschaftlicher Almanach Zentralen Tschernosemje. – 2015. – № 1. – S. 72–74.

Section 10. Economics and management

*Grigoryan Ekaterina Seyranovna,
Penza state technological university,
associate professor, the Faculty of industrial technologies
E-mail: ek_grigoryan@mail.ru*

Theory and methodology of strategic stability of the enterprise

Abstract: Article is devoted to consideration of modern methodological approaches to ensuring strategic stability of the enterprise. Author revealed and systematized methodological approaches to understanding of strategic stability of the enterprise. The assessment is given to the presented methodological approaches, own definition is given.

Keywords: strategic stability of the enterprise, external stability, internal stability, corporate stability, market stability.

*Григорян Екатерина Сейрановна,
Пензенский государственный технологический университет,
доцент, Факультет промышленных технологий
E-mail: ek_grigoryan@mail.ru*

Теория и методология стратегической устойчивости предприятия

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению современных методологических подходов к обеспечению стратегической устойчивости предприятия. Выявлены и систематизированы методологические подходы к пониманию стратегической устойчивости предприятия. Дана оценка представленным методологическим подходам, приведено собственное определение.

Ключевые слова: стратегическая устойчивость предприятия, внешняя устойчивость, внутренняя устойчивость, корпоративная устойчивость, рыночная устойчивость.

Стратегическая устойчивость предприятия — это его умение длительное время поддерживать конкурентоспособность и обеспечивать достижение финансово-экономических показателей не ниже среднеотраслевых. Формируется стратегическая устойчивость предприятия в результате создания, развития и сохранения длительное время конкурентных преимуществ, обеспечивающих достаточно высокое качество продукции и, соответственно, высокий ее спрос на рынке [12].

В современной экономической литературе встречаются различные подходы к пониманию сущности стратегической устойчивости. Анализ литературы позволил выделить следующие: процессный, маржинальный, системный, рыночный.

Самым распространенным является рыночный подход, согласно которому стратегическая устойчивость выступает, как способность предприятия длительное время создавать, развивать и сохранять конкурентные преимущества на рынке, обеспечивая, таким образом, определенный уровень ликвидности, платежеспособности и рентабельности предприятия, в условиях динамично меняющейся внешней среды (А. В. Кучерявый, А. В. Канунников, Н. С. Рычихина, А. Н. Ильиченко, В. А. Козлов, Л. А. Данченко и др.) [4; 8; 6].

На основании процессного подхода, Т. В. Терентьева определяет стратегическую устойчивость предприятия, характеризующую устойчивость её развития, как непрерывный процесс перехода системы предприятия под воздействием внешних и факторов из менее эффективного состояния в более эффективное, осуществляемый в соответствии со стратегическими целями предприятия, в прогрессивном направлении и интенсивном режиме [10].

С позиции маржинального подхода, Н. С. Рычихиной и А. Н. Ильиченко считают, что стратегическая устойчивость предприятия проявляется через минимизацию потерь в условиях негативного воздействия внешней среды, а при положительном воздействии — в возможности эффективного прироста своих активов как материальных, так и нематериальных, что увеличивает перспективы развития предприятия [8]. Одновременно, авторы представляют стратегическую устойчивость совокупностью финансовой, технологической, рыночной, кадровой и других видов устойчивости.

Ш. Клири и Т. Мальре отмечают, устойчивые предприятия имеют возможность одновременно сохранять низкие издержки и высокий уровень инновационной активности, а также гибкость, но не хрупкость [5].

М. Н. Дудин, с позиции системного подхода, полагает, что стратегическая устойчивость может быть представлена как совокупность управляемых динамических компонент, которые на каждом этапе функционирования предприятия находятся в определенном соотношении, обеспечивающем стабильность развития. Автор также считает, что рациональное сочетание данных компонент позволяет предприятию более интенсивно вести свою деятельность [3].

Основой данного подхода является конкурентоспособность предприятия, обеспечиваемая за счет внедрения инноваций.

Н. А. Сабанчиев определяет стратегическую устойчивость предприятия как его возможность сохранять свою целостность и достигать поставленные стратегические цели при постоянном дестабилизирующем влиянии внешних условий [9].

С. П. Бараненко и В. В. Шеметов считают, что стратегическая устойчивость предприятия характеризуется структурной устойчивостью предприятия, устойчивостью его системы управления, а также организационной устойчивостью [1].

Таким образом, под стратегической устойчивостью понимается совокупность взаимосвязанных подсистем предприятия, взаимодействие которых способно приспособлять предприятие к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды, сохранять конкурентные преимущества, обеспечивать прибыльность.

Стратегическая устойчивость предприятия может быть рассмотрена с двух позиций: внешняя (рыночная) и внутренняя (корпоративная).

Так, внешняя (рыночная) стратегическая устойчивость проявляется в конкурентоспособности предприятия, в его возможности создавать и сохранять конкурентные преимущества, повышать свою стоимость.

Д. А. Максимов и М. А. Халиков под рыночной устойчивостью понимают наличие у организации инновационного

потенциала устойчивого развития и его эффективное использование для нейтрализации внешних угроз и иницируемых рыночным окружением факторов дестабилизации [7].

В. П. Федько считает, что рыночная устойчивость предприятия в некотором роде определяется спецификой развития производства, исходя из заказов рынка в системе обратной связи «потребитель — производство — инфраструктура», и основывается не только на производственных и финансовых составляющих, но и на более широкой организационно-экономической основе: ресурсном обеспечении; организации производства и его технологической поддержке; существующей стратегии маркетинга стратегии; развитии инфраструктуры; нормативно-правовой базы функционирования предприятий [11].

Внутренняя (корпоративная) стратегическая устойчивость проявляется в способности сохранять целостность предприятия. Подсистемами внутренней стратегической устойчивости предприятия являются функциональная и оперативная.

Согласно мнения Дж. Экингтона (авторский перевод Ю. Е. Благова [2]) «корпоративная устойчивость исследуется как способ предприятия обеспечивать долгосрочное развитие, а также как область мероприятий, посредством которых предприятия заинтересованы в развитии экосистем, общества и экономики в целом» [15].

С позиции Р. Штойера, корпоративная устойчивость представляет собой модель, которой следуют предприятия, в экономическом, социальном или экологическом направлении в краткосрочном и долгосрочном периоде [14].

Корпоративная устойчивость в понимании Т. Диллика и К. Хокертса, есть удовлетворение стейкхолдеров предприятия (потребители, общественность, акционеры, персонал и др.), не противоречащее интересам предприятия [13].

Таким образом, стратегическая устойчивость предприятия означает слаженность всех его подсистем, результатом которой является усиление конкурентных позиций на рынке и рост прибыли.

Список литературы:

1. Бараненко С. П., Шеметов В. В. Стратегическая устойчивость предприятия. – Москва: Полиграф, 2004.
2. Благов Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. – СПб.: СПбГУ, 2010.
3. Дудин М. Н. Обеспечение стратегической устойчивости предпринимательских структур в условиях инновационного развития. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. – Москва, 2013.
4. Канунников А. В. Стратегическое управление: условие устойчивого развития промышленных предприятий. // Вестник ОрелГИЭТ, 2012. – № 1 (19).
5. Клири Ш., Мальре Т. Глобальные риски. Деловой успех в неспокойные времена: пер. с англ. – М.: Вопросы экономики, 2011.
6. Козлов В. А., Данченко Л. А. Проблемы управления устойчивостью развития и функционирования предпринимательских организаций. / Монография. – М.: МЭСИ, 2012. – 118 с.
7. Максимов Д. А. Рыночная устойчивость, экономическая безопасность, инновационная стратегия предприятия в условиях трансформируемой экономики. // Менеджмент в России и за рубежом. – 2009. – № 2. – С. 15–21.
8. Рычихина Н. С. Реструктуризация предприятия как инструмент экономической стабилизации в условиях рыночной неустойчивости. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. экономических наук. – Иваново, 2007.
9. Сабанчиев Н. А. Теоретико-методические основы организационного обеспечения стратегической устойчивости. / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. – Москва, 2009.

10. Терентьева Т. В. Методологические основы обеспечения устойчивости развития рыбохозяйственных предпринимательских структур. // Диссертация на соискание ученой степени доктора экон. наук. – Владивосток, 2011. – 304 с.
11. Федько В. П. Рыночная устойчивость промышленности (теоретико-методологический аспект): Монография. – Ростов н/Д: РГЭА, 2000.
12. Шевченко Д. К., Рассомахин А. Ю. Обеспечение устойчивости работы предприятия на основе активизации инновационной деятельности. // Вестник ТГЭУ, – № 3. – 2010.
13. Dyllick T. and Hockerts K. Beyond the Business Case for Corporate Sustainability. // Business Strategy and the Environment 11. – 2002. – P. 130–141.
14. Steurer R., Langer M. E., Konrad A., Martinuzzi A. Corporations, Stakeholders and Sustainable Development I: A Theoretical Exploration of Business Society Relations. // Journal of Business Ethics. – 61/3. – 2005. – P. 263–281.
15. Visser W., Matten D., Pohl M., Tolhurst N. The A to Z of Corporate Social Responsibility. – London: A John Wiley & Sons, Ltd., Publication, 2007. – 470 p.

*Dus Yury Petrovich,
Omsk State University, PhD in Economics,
School of International Business
E-mail: dous@univer.omsk.su
Chsherbakov Vassiliy Sergeevich,
lecturer, School of International Business
E-mail: chsherbakov.v@gmail.com*

The intensification of investment processes as a factor of development for economic systems on macro and meso levels

Abstract: The article is devoted to the analysis of investment processes for the development of economic systems. It was shown that institutional changes can be regarded as a great measure for the intensification of investment process, including regional level.

Keywords: investment processes, institutions, investments, regional development.

*Дусь Юрий Петрович,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
доктор экономических наук, Факультет международного бизнеса
E-mail: dous@univer.omsk.su
Щербakov Василий Сергеевич,
преподаватель, Факультет международного бизнеса
E-mail: chsherbakov.v@gmail.com*

Интенсификация инвестиционных процессов как фактор развития экономических систем на макро и мезо уровнях

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению значения инвестиционных процессов для развития экономических систем. Показано, что действенным способом интенсификации инвестиционных процессов могут выступить институциональные изменения, в том числе на региональном уровне.

Ключевые слова: инвестиционный процесс, институты, инвестиции, региональное развитие.

Такой макроэкономический показатель, как инвестиции является одним из важнейших индикаторов здоровья экономики страны. Он определяет текущие и перспективные темпы экономического роста [1, 139]. Широко известные неоклассические модели роста, предложенные и рассмотренные по отдельности Р. Солоу (R. Solow) [2, 66–70] и Т. Свонем (Swan T. W.) [3, 335–337] еще в 1960-х годах отводили

инвестициям одну из ключевых ролей необходимых для экономического роста. Даже такие базовые макроэкономические модели, как модель круговых потоков, AD-AS, IS-LM или IS-LM-BP указывают на важнейшее значение инвестиций при достижении как долгосрочного, так и краткосрочного равновесия системы.

В самом простом виде роль инвестиций может быть показана схематично (рис. 1).

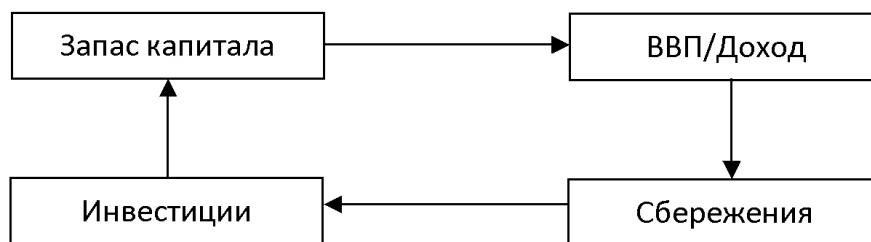

Рис. 1. Связь между сбережениями, инвестициями и доходом [4, 233]

Так, рост выпуска увеличивает общие доходы, что в свою очередь может привести к увеличению сбережений. Как известно, сбережения являются потенциальными инвестициями и, будучи реализованными, ведут к дальнейшему расширению производства (увеличению запасов капитала) и так далее по спирали роста.

Как известно, понятие «инвестиции» является весьма многогранным и его содержание варьируется исходя из логики и контекста рассматриваемых процессов. Опираясь на данный термин на макроэкономическом уровне, чаще всего «инвестиции» отождествляют с «инвестиционными расходами», которые трактуются как расходы фирм на покупку инвестиционных товаров, то есть товаров, которые поддерживают и/или увеличивают запасы капитала, а именно:

- инвестиции в основной капитал (*Business fixed investment*);
- инвестиции в жилищное строительство (*Residential investment*);
- инвестиции в запасы (*Inventory investment*) [5, 61].

Статистические данные по Российской Федерации (рис. 2) свидетельствуют, что в период с 2000 по 2014 года

значение сбережений значительно превышало значение инвестиций. Наибольший разрыв между сбережениями и инвестициями наблюдался в 2000 году и составлял 17,46 % ВВП, наименьший — в 2013 г. на уровне 0,43 % ВВП [6]. В среднем в этот период норма сбережений превышала норму инвестирования на 6,75 %.

Необходимо отдельно отметить, что инвестиции в основной капитал являются основополагающим элементом инвестиций на макроэкономическом уровне. Так, например, в структуре инвестиций в нефинансовые активы в Российской Федерации в период с 2000 по 2014 год инвестиции в основной капитал составляли 98,6 % [8]. Именно поэтому, говоря об инвестициях, часто используют понятие «инвестиции в основной капитал». Так, например, академик А. Г. Аганбегян [9, 6] указывает на то, что для выхода на устойчивую тенденцию увеличения ВВП на 5–6 % России необходимо поднять норму инвестирования минимум до 30–35 %. По итогам 2014 года фактические инвестиции в основной капитал составили 20,59 % ВВП, что является недостаточным для достижения обозначенной цели.

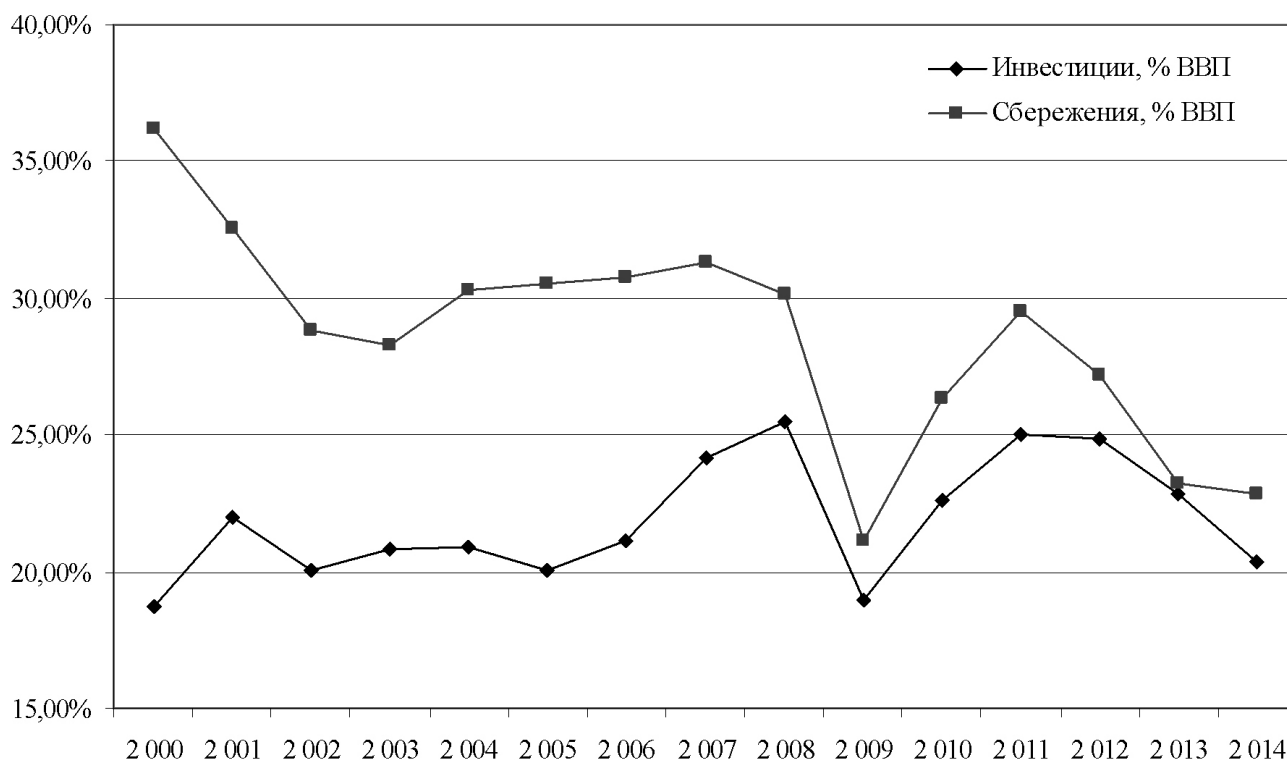

Рис. 2. Динамика валовых сбережений и общие инвестиции в России, 2000–2014 гг. (составлено авторами на основе данных [7])

Следуя классификации, представленной А.Г. Гранбергом, регион может рассматриваться в качестве квазигосударства. То есть представлять собой относительно обособленную подсистему государства и национальной экономики [10, 83]. Таким образом, с нашей точки зрения, указанная выше макроэкономическая логика является применимой и к регионам, а, следовательно, инвестиции в основной капитал играют существенную роль и для данного рода экономических систем.

Согласно нашим подсчетам, основывающимся на официальной статистике для 79 субъектов Российской Федерации в период с 2000 по 2012 года, в среднем норма сбережений превысила норму инвестирования в основной капитал на 8,58 % (Рассчитано авторами на основе данных: Регионы России. Социально-экономические показатели 2002–2014. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2002–2014. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_11386235359016).

Ввиду этого полагается, что нет проблемы наличия достаточных ресурсов для потенциальных инвестиций, в том числе на уровне регионов России. Камнем преткновения выступает механизм эффективной трансформации сбережений в инвестиции. На наш взгляд действенным способом сокращения разрыва между сбережениями и инвестициями может выступать формирование должной институциональной среды, другими словами, инвестиционного климата, сглаживающего данные процессы.

Таким образом, авторы придерживаются точки зрения о том, что при прочих равных условиях, для интенсификации инвестиционных процессов, в особенности на региональном уровне, необходимы институциональные изменения. Под институциональными изменениями понимаются изменения, которые выражаются в появлении новых правил с механизмами обеспечения их соблюдения наряду с исчезновением старых процедур, а также изменениями структуры транзакций в рамках существующего набора правил для их участников [11, 519]. По оценкам некоторых экспертов эффект от институциональных изменений сопоставим или превышает возможные эффекты от мер фискального и монетарного стимулирования [12, 19].

Е. Т. Гурвич указывает на то, что институциональный прогресс (институциональные изменения) обеспечивает защищенность собственности, последовательность проводимой экономической политики, предсказуемость трактовки законов, что в конечном итоге ведет к повышению нормы накоплений и эффективности инвестиций, а также способствует модернизации производства [13, 15].

Так, А. И. Татаркин и С. Н. Котлярова придерживаются точки зрения о том, что «создание действенной и эффективной системы институционального развития

является в настоящее время первостепенной задачей органов региональной власти и управления» [14, 9].

В своей работе коллектив авторов во главе Е. Г. Ясиным выделяют ключевые составляющие новой модели экономического роста, ядром которой как раз и являются институциональные изменения. На наш взгляд данный подход актуален как на уровне страны, так и на уровне отдельно взятых регионов.

В эту модель включены следующие положения:

1. верховенство права;
2. перестройка взаимоотношений бизнеса и всего блока правоохранительных органов;
3. расширение полномочий местного самоуправления;
4. пенсионная реформа, здравоохранение, образование, рынок жилья – сферы инвестиций населения;
5. демократизация, обеспечение условий для свободной эффективной политической конкуренции и периодической смены власти [12, 21].

На взгляд авторов данной работы в этом вопросе весьма важным становится третий пункт программы, представленный Е. Г. Ясиным — расширение полномочий местного самоуправления. При этом, представляется, что введение данного положения должно непременно сопровождаться также и повышением конкуренции между регионами. При этом идет речь о так называемой «косвенной» или квази конкуренции (*yardstick competition*).

Квази конкуренция или регулирование, основанное на использовании механизмов «косвенной» конкуренции (*yardstick competition*) представляет собой инструмент регулирования, который используется, когда прямая конкуренция между агентами не существует или не приводит к желаемым результатам. Регулятор награждает агентов, основываясь на их относительных показателях, и тем самым создает инициативы для повышения их эффективности. Агенты вынуждены соревноваться с подобными агентами (в данном случае регионами), чьи показатели заданы средними или лучшими практиками в отрасли [15, 15].

В данном вопросе широко известен опыт Китая, применяющего данный принцип. Е. Maskin, Y. Qian и Ch. Xu указывают на то, что Китаю удалось достичь этого благодаря внедрению «М-формы» (мультидивизионная) политико-экономического устройства страны, в отличие от «U-формы» (унитарная), которая была характерна для Советского Союза. Использование «М-формы» в Китае стало возможно благодаря существованию ограниченно самостоятельных регионов, являющихся ядром такой системы. Исследователи обнаружили значительную положительную корреляцию между изменением относительных экономических показателей и изменением относительной политической позиции региона (по сути, представительство региона в центральном аппарате партии), что напрямую свидетельствует об использовании принципа «косвенной» конкуренции на региональном уровне [16: 359–361, 370–375].

В случае внедрения данного подхода, должны быть прописаны четкие критерии оценки относительной эффективности регионов, основываясь на специально разработанных и закреплённых интегральных рейтингах по оценке инвестиционного климата регионов подобно «Рейтингу социально-экономического положения субъектов Российской Федерации» агентства «РИА Рейтинг» или «Рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России» от «Эксперт РА». Наряду с подобным рейтингом может быть применен индивидуальный показатель относительной эффективности глав регионов — губернаторов. Прототипом такого индивидуального показателя может выступать «Рейтинг эффективности губернаторов» [17], публикуемый Фондом развития гражданского общества и состоявшийся на основе опросов населения и оценок федеральных и региональных экспертов.

Интегральный и индивидуальный рейтинг могут использоваться с разными весами при оценке эффективности регионального правительства. Учитывая тот факт, что регионы России крайне отличаются по своему экономико-социальному развитию, наличию природных ископаемых, состоянию регионального бюджета и так далее, должна быть построена система рейтингования, в которой основной акцент будет сделан на оценивании динамики развития региона относительно других регионов, а также своей начальной позиции, при которой глава региона приступил к выполнению своих обязанностей.

Ввиду этого, на законодательном уровне должны быть четко установлены и прописаны нормативные значения приростных показателей регионов за определенный промежуток времени, подобно тому, как это было сделано относительно цели по достижению 20-го места в рейтинге «Doing Business» к 2018 году [18]. Данные нормативы должны быть общедоступны и постоянно обновляться согласно, поступающей информации, а самое главное — на их основе должны приниматься конкретные, заранее заданные решения относительно эффективности деятельности главы региона и, как следствие, дальнейшего пути развития его политической карьеры.

Исходя из выше сказанного, в случае достижения целевых показателей, главы регионов смогут продолжить работу в регионе на своём посту либо для них через какое-то время будет появляться возможность для перемещения на должность в федеральном правительстве («политический лифт»). Можно предположить, что при прочих равных условиях, если не будут выполнены поставленные задачи, будет происходить смена главы региона, который не справился в отведенные сроки с поставленными задачами и не достиг целевых показателей развития региона.

Принятие таких нововведений в работе глав регионов поможет стимулировать их активность и как следствие улучшит стратегическое развитие региона по заданным целевым показателям. И это будет закономерным явлением, потому что только систематизированный

и разносторонний подход к данному вопросу приведет к успеху развития региона в целом.

Татаркин А. И. и Татаркин Д. А указывают на то, что «стратегия регионального социально-экономического развития может в виде отдельных разделов или целевых программ предусматривать формирование и вовлечение в процесс регионального развития организационно-экономических форм и механизмов, способных оказывать позитивное влияние на его темпы и результативность» [19, 67]. Из таких форм и механизмов можно выделить создание на региональном уровне государственных корпораций, повышать интерес и доступность государственно-частного партнерства и другое.

По мнению авторов статьи, озвученным ранее институциональным изменениям необходимо происходить с одновременной соответствующей модернизацией инфраструктуры региона, хотя бы до достаточной необходимой степени. Такая модернизация должна происходить, в том числе за счет бюджетов всех уровней власти, а именно за счет федерального и регионального бюджета, а так же за счет выгоды от создания партнёрства между государством и частным бизнесом.

В. В. Ивантер отмечает, что «одним из стратегических векторов развития для России должно стать *ускоренное развитие инфраструктурных отраслей*. Это необходимо для ликвидации многочисленных узких мест, затрудняющих перемещение грузов и пассажиров по России, а также сдерживающих доступ предприятий к ресурсам и энергии. Кроме того, развитие инфраструктуры обеспечивает значительное увеличение масштабов внутреннего спроса, ориентированного в основном на отечественных производителей» [20, 3–4].

А. И. Татаркин, также говоря об условиях и ресурсах, формирующих региональный бизнес-климат, выделяет развитость инфраструктурного комплекса региона в качестве одной из основных составляющих данного процесса [21, 147].

Необходимо отметить, что уровень развития инфраструктуры того или иного региона с одной стороны является следствием институциональной среды, с другой стороны является сам её частью. Так, эффект от инфраструктурных проектов можно разделить на две составляющие: рост госинвестиций (краткосрочный эффект), что очень важно в сегодняшних кризисных условиях и неблагоприятном внешнем фоне, и выигрыш экономики от улучшения инфраструктуры [12, 21].

Таким образом, инициализация институциональных изменений при достаточном уровне развития инфраструктуры, основным драйвером которых может стать внедрение принципа «косвенной» конкуренции, может привести к более эффективной трансформации сбережений в инвестиции и действенному перетоку капитала в те регионы, в которых он находится в относительном дефиците. Это в конечном счете должно интенсифицировать региональное экономическое развитие и, как следствие, рост экономики РФ в целом.

Список литературы:

1. Григорьев А. М., Кондратьев С. В. Капиталовложения – региональные аспекты. // Григорьев А. М., Зубаревич Н. В., Хасаев Г. Р. Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации. – М.: ТЕИС, 2011. – 357 с.
2. Solow R. A contribution to the theory of economic growth. // Quarterly Journal of Economics. – 1956. – № 70. – P. 65–94.
3. Swan T. W. Economic growth and capital accumulation. // The Economic Record. – 1956. – vol. 32 (2). – P. 334–361.
4. Бланшар О. Макроэкономика. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 672 с.
5. Матвеева Т. Ю. Введение в макроэкономику. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 511 с.
6. Федеральная служба государственной статистики. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.07.2015)
7. Национальные консолидированные счета. // Федеральная служба государственной статистики. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#
9. Аганбегян А. Г. Еще раз о новой роли банков в современных условиях. // Деньги и кредит. – 2011. – № 11. – С. 3–8.
10. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ-ВШЭ, 2004. – 496 с.
11. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. / А. Е. Шаститко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. – 591 с.
12. Ясин Е. Г., Акиндинова Н. В., Якобсон Л. И., Яковлев А. А. Состоится ли новая модель экономического роста в России. // Вопросы экономики. – 2013. – № 5. – С. 4–39.
13. Гурвич Е. Т. Долгосрочные перспективы российской экономики. // Экономическая политика. – 2013. – № 3. – С. 7–32.
14. Татаркин А. И., Котлярова С. Н. Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. – 2013. – № 3. – С. 9–18.
15. Yardstick competition. Theory, design and practice // CPB Netherlands Bureau for Economic Policy Analysis. – 2010. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cpb.nl/en/publication/yardstick-competition-theory-design-and-practice>
16. Maskin E., Qian Y., Xu Ch. Incentives, information, and organizational form // The review of economic studies. – 2000. – № 2. – С. 359–378.
17. Рейтинг эффективности губернаторов. // Фонд Развития гражданского общества. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/view/72>
18. Подписан Указ о долгосрочной государственной экономической политике // Президент России. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/OfWMK/events/president/news/15232>
19. Татаркин А. И., Татаркин Д. А. Саморазвитие регионов в контексте федеративных отношений. // Пространственная экономика. – 2008. – № 4. – С. 60–70.
20. Ивантер В. В., Узиков М. Н., Ксенофонтов М. Ю., Широков А. А., Панфилов В. С., Говтвань О. Дж., Кувалин Д. Б., Порфирьев Б. Н. Новая экономическая политика – политика экономического роста. – С. 3–16.
21. Татаркин А. И. Формирование конкурентных преимуществ региона. // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 1. – С. 146–157.

Korzh Marina Vladimirovna,
National Aviation University, Doctor of Science (Economy), Professor,
Professor of Department of Finances, Accounting and Audit
E-mail: korzh_marina@mail.ru
Sydorenko Kateryna Viktorovna,
postgraduate student of Department of International Economics
E-mail: sydorenko.kateryna2014@gmail.com

Increasing the competitiveness of productive infrastructure of international airports in the context of globalization

Abstract: The task of this article is to study the particularly of improving the competitiveness of productive infrastructure of international airports in the context of globalization. The world experience of airport infrastructure development is analyzed.

Keywords: airport, productive infrastructure, competitiveness, world market of air transportation.

*Корж Марина Владимировна,
Национальный авиационный университет,
д.э.н., профессор, профессор кафедры финансов, учета и аудита
E-mail: korzh_marina@mail.ru*

*Сидоренко Екатерина Викторовна,
аспирант кафедры международной экономики
E-mail: sydorenko.kateryna2014@gmail.com*

Повышение конкурентоспособности производственной инфраструктуры международных аэропортов в условиях глобализации

Аннотация: В статье рассматриваются особенности повышения конкурентоспособности производственной инфраструктуры международных аэропортов в условиях глобализации. Анализируется мировой опыт развития аэропортовой инфраструктуры.

Ключевые слова: аэропорт, производственная инфраструктура, конкурентоспособность, мировой рынок авиационных перевозок.

Производственная инфраструктура международных аэропортов (ПИМА) занимает особое место в мировой экономической системе, являясь сложной динамичной подсистемой глобальной производственной инфраструктуры, необходимой для создания условий эффективного функционирования аэропортов. Конкурентоспособность ПИМА влияет на конкурентоспособность аэропортов на мировом рынке авиационных перевозок, конкурентоспособность отраслей экономики, конкурентоспособность национальных экономик в мировом хозяйстве, поскольку является важным фактором локализации экономической активности, обеспечения мировой торговли, повышения мобильности факторов производства, регионального экономического развития, социально-экономического развития в целом.

Однако, в современных условиях интернационализации производства, либерализации мировой экономики, интеграции и глобализации созрела необходимость повышения конкурентоспособности ПИМА для обеспечения увеличивающегося спроса на аэропортовое обслуживание, способного соответствовать требованиям мирового авиарынка, что обуславливает актуальность исследования.

На основании научных достижений в сфере формирования ПИМА выдающихся ученых Acharya S., Belobaba P. [3], Button K. [4], Duffy J., Forsyth P., Gillen D., Graham A., Hussain M. [9], Macario R. [10], Morichi S., Odoni A., Qin Z., Reynolds T., Rus G., Vega H., Winston C. [14] нами было начато изучение особенностей управления конкурентоспособностью производственной инфраструктуры международных аэропортов в условиях глобализации [1; 2; 13]. Однако повышение конкурентоспособности ПИМА как компоненты глобальной производственной инфраструктуры является относительно новым процессом, еще не достаточно изученным экономической наукой, что подтверждает актуальность тематики.

По мнению авторов, производственная инфраструктура международных аэропортов являет собой управляемое

интегративное свойство инфраструктурных элементов международных аэропортов, которое способствует развитию как самих аэропортов, аэропортового сектора и других отраслей, так и экономической системы в целом. Данное свойство выражается в способности ПИМА удовлетворять потребности растущего мирового авиарынка эффективнее и продуктивнее конкурентов, возможности эффективно конкурировать за счет создания, поддержания и развития конкурентных преимуществ на всех уровнях экономической системы.

В современных условиях динамичного развития мирового авиарынка одним из методов решения проблемы повышения конкурентоспособности ПИМА является управление аэропортовыми мощностями, что позволит обеспечить экономически эффективное и своевременное предоставление расширенной инфраструктуры, соответствующей потребностям мирового рынка авиационных перевозок. Правительство каждой страны выбирает свой оптимальный вариант развития и финансирования ПИМА, учитывая множество факторов: география, политическая ситуация, структурные сдвиги в экономике, характер внешнеэкономических связей, технологический уровень развития и т. д. (см. рис. 1).

Модели государственной собственности и управления (public ownership and governance models) в аэропортовом секторе являются наиболее типичными во всем мире, когда функция управления и владения аэропортом принадлежит государству. Однако реалии прошлого, когда авиатранспортный сектор считался стратегическим национальным достоянием, трансформируются в поиске коммерческих возможностей и преимуществ авиасектора с целью содействия региональному и национальному экономическому развитию. Появились совершенно новые подходы к отношениям между правительством и аэропортами: ПИМА начала рассматриваться с рыночной точки зрения как актив, приносящий прибыль, а не только как поставщик государственных услуг.

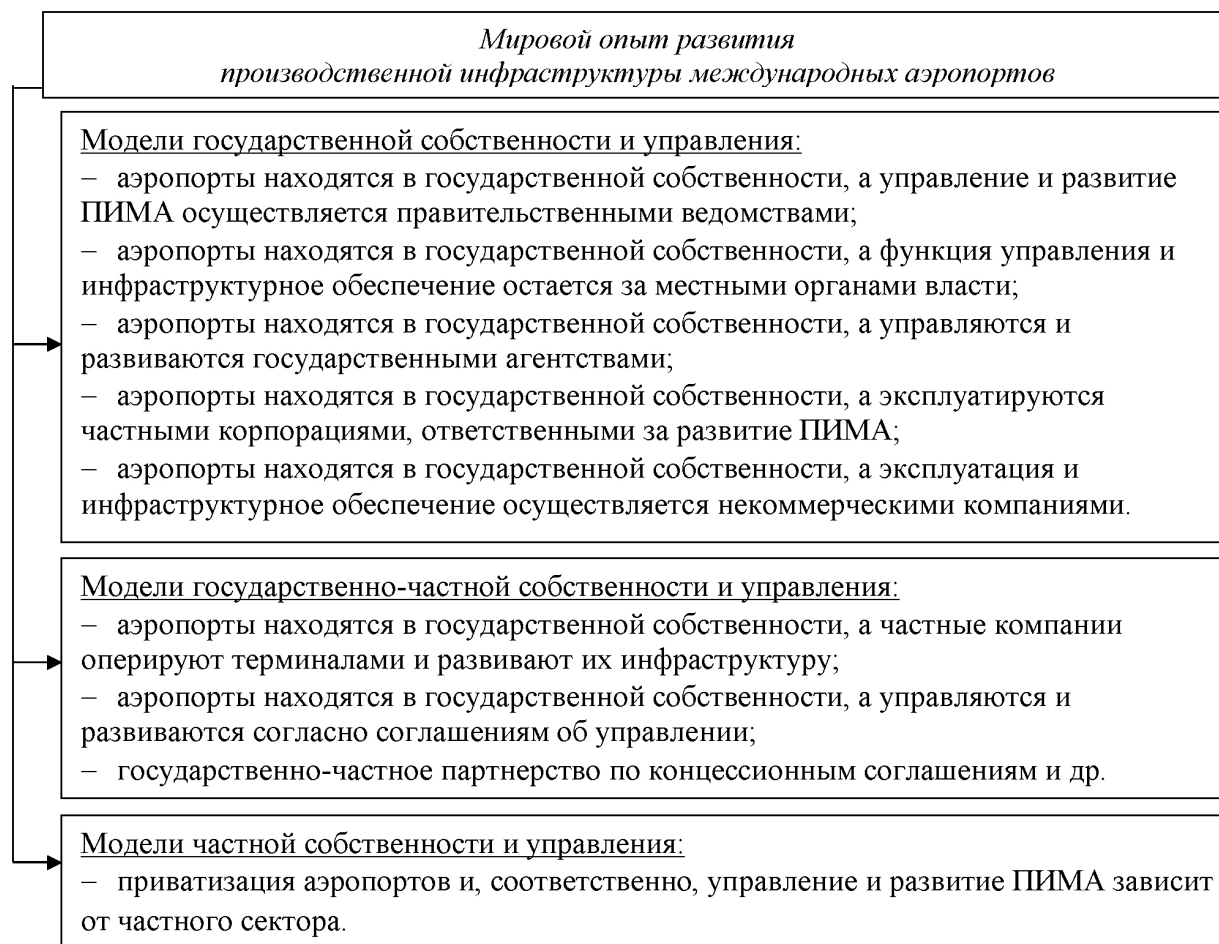

Рис. 1. Модели владения, управления и развития ПИМА

Наиболее традиционный подход, типичный для стран с централизованной плановой экономикой, когда аэропорты находятся в государственной собственности, а управляются правительственными ведомствами.

Модель, когда аэропорты находятся в государственной собственности, а управляются местными органами власти (также известна как американская модель) основана на идее, что децентрализация будет способствовать более эффективному функционированию аэропортов. Так, управление аэропортами США является задачей местных органов власти, однако право регулировать ценовую политику аэропортов остается за Federal Aviation Administration.

Модель, когда аэропорты находятся в государственной собственности, а управляются государственными агентствами — небольшой шаг в предоставлении автономии аэропорту. При таком подходе агентство отвечает за деятельность аэропорта, а нормативная сила остается за Министерством, избегая дальнейших конфликтов интересов. Примером модели является Aeropuertos Espanoles y Navegacion Aerea, которое отвечает за аэропорт/воздушные сообщения/аэронавигационные операции, в то время как Министерство транспорта продолжает выполнять регулируемую роль [7].

Модель, при которой аэропорты находятся в государственной собственности, а эксплуатируются частными корпорациями, вносит серьезные изменения в парадигму

владения и управления ПИМА. Такая модель, также известная как создание публично-правовых корпораций, направленная на улучшение управления и финансовую автономию аэропорта, облегчение доступа к рынкам частного капитала. British Airport Authority, начала первой работать в соответствии с этими критериями, стала первым автономным органом с рыночным подходом к управлению в аэропортовом секторе и образцом для подражания. Ирландия, Таиланд, Израиль, Мексика имплементировали аналогичные бизнес-модели.

Модель, когда аэропорты находятся в государственной собственности, а эксплуатируются некоммерческими компаниями, реализована исключительно в Канаде. В начале 1990-х годов канадское правительство решило децентрализовать власть над аэропортами с целью повышения эффективности сектора и наделить полномочиями местные органы власти. Были созданы некоммерческие компании, ответственные за управление аэропортами в соответствии с договорами о 60-летней аренде. Эти корпорации подчиняются промышленным или профессиональным ассоциациям, таким, как Торгово-промышленная палата, а их основной целью является содействие региональному развитию [5, 20–28].

Модели государственно-частной собственности и управления (public-private ownership and governance models) характеризуются привлечением частного сектора

в традиционно финансируемые государством сферы, что позволяет найти новые источники финансирования, а также дает возможность привлечь более компетентных партнеров, таких, как операторы аэропортов, банки, инвестиционные фонды, венчурные компании.

В 1990-х годах Индия стала хорошим примером реализации государственно-частного партнерства (ГЧП) в аэропортовом секторе. Индийское правительство предложило программу реструктуризации национальной системы аэропортов, революционной в мире по своей масштабности. Индийская программа устанавливала незначительный уровень государственного вмешательства в сектор: 26 % акций принадлежало Airport Authority of India, остальные 74 % — частным компаниям. Практика оказалась очень успешной: развитие Bangalore International

Airport в рамках 30-летней концессионной схемы «ВОТ» сегодня рассматривается в качестве образца и является примером для подражания [11; 5, 20–28].

В Северной Америке распространена модель, когда аэропорты находятся в государственной собственности, а частные компании оперируют терминалом и развивают его инфраструктуру. Например, терминал в Chicago O'Hare International Airport (базовый авиакомпания United Airlines), терминалы John F. Kennedy International Airport или терминал 3 в Toronto Pearson International Airport [8, 112–120].

В мировой практике есть примеры модели, когда аэропорты находятся в государственной собственности, а руководствуются в соответствии с соглашениями об управлении, например альянсами участников аэропортового сектора (табл. 1).

Таблица 1. – Примеры альянсов в аэропортовом секторе [6, 36]

Aéroports de Paris (AdP)	– публично включен в листинг Парижской фондовой биржи; – продано 8 % акций Amsterdam Schiphol Group; – 56,3 % принадлежит французскому правительству.
Amsterdam Schiphol Group	– продано 8 % акций Aéroports de Paris; – 92 % акций находится в государственной собственности (Голландское правительство, города Амстердам и Роттердам).
Fraport AG	– публично включен в листинг Франкфуртской фондовой биржи; – предмет торговли IPO; – 51,65 % акций находится в государственной собственности (Гессен и Франкфурт).

Модели частной собственности и управления (private ownership and governance models) характеризуются процессом приватизации аэропортов. В Европе, кроме Англии, не было массовой приватизации ПИМА, однако распространена частичная приватизация. Эта модель позволяет сохранить государственное влияние и воспользоваться преимуществами участия частного сектора.

Интересен пример Китая. Авиарынок Китая характеризуется сильной либерализацией и дерегуляцией, растет огромный интерес со стороны иностранных инвесторов и, несмотря на то, что правительство по-прежнему играет важную роль в отрасли, китайский аэропортовый сектор является одним из наиболее приватизированных в мире. Программа приватизации аэропортов началась в 1990-е годы и касалась продажи пяти крупнейших

аэропортов: Beijing Capital International Airport, Shenzhen International Airport, Shanghai International Airport, Guangzhou Bayou International Airport, Xiamen Gaoqi International Airport [12].

Таким образом, большинство аэропортов мира на сегодняшний день принадлежат местным, региональным или национальным государственным органам, которые сдают ПИМА в аренду частным корпорациям. В мире активно осуществляется государственное финансирование в развитие ПИМА и привлекаются средства частных инвесторов. Привлечение частного сектора в последние годы стало дальнейшим шагом в направлении либерализации прав собственности и управления международными аэропортами и является составляющей общего процесса глобализации мировой экономики.

Список литературы:

1. Корж М. В. Програма маркетингу в загальному маркетинговому управлінні на авіапромислових підприємствах/М. В. Корж//Вісник національного авіаційного університету. – 2013. – № 2. – С. 231–237.
2. Сидоренко К. В. Особливості формування виробничої інфраструктури міжнародних аеропортів//Стратегія розвитку України (економіка, соціологія, право). – 2013. – № 3. – С. 142–145.
3. Belobaba P., Odoni A., Reynolds T. Airport Systems: Planning, Design and Management. – Saint Louis: McGraw–Hill, 2012. – 816 p.
4. Button K., Vega H. Globalization and transport (The globalization of the world economy series). – Cheltenham: Edward Elgar Pub., 2012. – 752 p.
5. Duffy J. Air transport – public-private partnerships model in emerging markets. – Dublin: Nordbank, 2010 – 38 p.
6. Forsyth P. Airport alliances and multi airport companies – implications for competition policy.//Journal of Airport Management. – 2011. – № 3. – P. 34–39.
7. Gillen D. The regulation of airports. – Vancouver: University of British Columbia, 2007. – 53 p.

8. Graham A. *Managing Airports: An International Perspective*. – N. Y.: Elsevier, 2008. – 333 p.
9. Hussain M. *Investment in Air Transport Infrastructure*. – Washington DC: The World Bank, 2010. – 260 p.
10. Macario R. *Critical Issues in Air Transport Economics and Business*/Rosario Macario, Eddy Van de Voorde. – Milton Park: Routledge, 2010. – 432 p.
11. Morichi S., Acharya S. *Transport Development in Asian Megacities: A New Perspective* (Transportation Research, Economics and Policy). – Dordrecht: Springer, 2012. – 277 p.
12. Qin Z. *Comprehensive review of airport business models*.//[Electronic recourse]/ACI. – Accessed mode: <http://www.airports.org/aci/ACIAPAC/File/Young%20Executive%20A>
13. Sydorenko K. *Mechanisms of development the competitiveness of international airports in conditions of intensification of the global air transport market*.//European Applied Sciences. – 2014. – № 4. – P. 129–130.
14. Winston C., Rus G. *Aviation Infrastructure Performance: A Study in Comparative Political Economy*. – Washington, DC: Brookings Institution Press, 2008. – 237 p.

*Maslova Alexandra Evgenievna,
Timyasheva Ekaterina Tikhonovna,
Plekhanov Russian University of Economics,
students, Department of Trade policy
Nikishin Alexander Fedorovich,
Plekhanov Russian University of Economics,
associate professor, Department of Trade policy
E-mail: ktdn@yandex.ru*

Factors that form an attractive image of trade organizations

Abstract: The trade sector is characterized by a high level of competition. In this connection trade organizations have to constantly look for different ways to attract customers into stores. The article is concerned with the main factors that allow the trade organizations to form an attractive image in the eyes of customers and increase their sales.

Keywords: Quality merchant services, customer loyalty, customer attraction, retail, sales promotion, assortment building.

Trade is characterized by a high level of competition. In the struggle for potential customers retail organizations have to invent new ways to attract them. The formation of customer loyalty to a particular trade organization is influenced by various factors: they include the proposed range of products, the pricing policy, the location of the trade organization, the quality of customer service and promotional activities. The combination of all of these factors and each of them individually affects the consumer's decision to make a purchase in a particular store.

The assortment building and maintenance play an important role in the retail organization activity [1]. In many cases, the well-built assortment is regarded as a major factor to attract consumers. However, it is important not only to build the assortment, but also to make timely changes in it. In summer it is advisable to add to the assortment more fresh products (seasonal fruits, vegetables), increase the supply of soft drinks; in winter the most-wanted products are canned and frozen ones. Such seasonal adjustments in the assortment allow the trade organization to attract new customers and retain current ones and, accordingly, increase revenues. In order to analyze the consumer demand the trade organizations use special racks with questionnaires in which a customer can write a note about what items he did not find in the store, but

what he wants to buy there. It is convenient for the customers to buy all necessary goods in one store, that is why the use of such questionnaires has a high level of efficiency.

The pricing policy is a significant factor in determining consumer choice [2]. Retailers usually identify themselves as stores for specific consumer segments (with a certain income level) [3]. This segmental focus on consumers has its advantages and disadvantages. In this situation the trade organization gets the opportunity to examine more carefully its target segment, build the right assortment and choose the affective selling inducements. On the other hand, this approach tends to limit the number of potential customers and reduce the level of income. In practice, it often happens that the same consumers visit stores targeted at different consumer segments. Besides that, consumers can often pass from one segment to another. The trade organizations selling goods to consumers with above-average incomes are at the greatest risk, because in the event of an economic crisis these consumers often go to the low-price stores. Recently, the trade organizations (mainly high volume retailers) in order to cover all sections of population have begun opening stores of different types targeted at consumers with different income levels. Besides that, the trade organizations have also begun presenting goods in the

different price range (from cheap private labels to expensive well-known brands) inside the stores [4]. This price range of products allows the trade organization to attract more consumers and increase profitability. However, it is necessary to take into account a number of factors that reduce the efficiency of this approach – first of all, it is the use of amounting area coefficient and a number of cash-desks corresponding to the high price segment. In discount shops it leads to a decrease in revenues. Also, the use in the display products for different consumer segments leads to lower efficiency of display area. Long queues negatively affect the customers' impression of the store, especially in the high price segments. As a result, the customer simply go away without making a planned purchase and does not come back to the store the next time, in this case the trade organization loses customers and therefore money.

The location also largely determines the attractiveness of the trade organization. The choice of the trade organization location depends on the proposed range of products, the required sales area, the method of selling goods and the focus on a particular consumer segment. Convenience stores offering a narrow range of food and nonfood items are usually located on the first floors of houses, whose residents are their main consumers. In such stores it is convenient to buy essential goods. The stores required large areas for goods realization are usually taken out of the city. The hypermarket format can be attributed to such stores. The main advantage of this format is the opportunity to buy at once all necessary goods at competitive prices. Specialty stores selling goods of famous brands are mostly located in the central part of the city, thus emphasizing the prestige value of their products. The foot traffic has recently begun playing an increasing role in choosing the store location. In big cities this factor exerts a great influence on the efficiency of the trade organization location. The store can be distant from the customer's place of living or place of work but the consumer's route is such that it is convenient for him to make a purchase in this store. Annual increasing passenger traffic turned crossover points of highways and railways in the most attractive places for doing business for retailers. A huge number of passengers makes a dive into such a shop on the way home, and thus brings trade companies high revenues. So depending on the nature of the trading activities of commercial enterprise managers choose for him the most suitable location. The main thing is that the time spent on the way to commercial enterprises should not exceed the value of goods, otherwise the consumer can withdraw from the purchase.

Another important factor in the formation of an attractive image of commercial enterprise is the quality of trade services. In trade enterprises it is depends on the level of store employee culture, their competencies and skills to feel the psychology of a customer. Sellers should have comprehensive information about a product: its properties, advantages and disadvantages, rules of use and so on. It includes the courteous attitude of employees of commercial enterprises to consumers, creating a comfortable customer environment in a store to make purchases, providing consumers with additional

services. To date, most stores similar rules of customer service: friendly attitude as for consumers, willingness to advise him selection of goods, meet the different desires of the consumers [5]. A number of stores established unwritten rule running that any employee, regardless of his position, in a case being referred to by a consumer must resort to his aid. Sales staff should have good skills of advertising the product and its demonstration, be able to advise the substitute goods and associated goods, serve customers quickly. It is also important to evaluate personal traits of shop assistants: kindness, politeness and willingness to help in a selection of goods. However, it is important to remember and to meet the needs of the staff, so they can work more productively. Creating a favorable atmosphere in the store also helps to attract consumers. Pleasant lighting, comfortable and, most importantly, safe layout, lack of unpleasant smells in the store create a positive consumer experience during doing shopping and make him return to the commercial enterprise again. In order to increase sales trade organizations can increase the range of services provided to customers [6]. Additional services provided by commercial enterprises to consumers, can be, for instance, utility and mobile payments, an opportunity to deliver goods home by the shop trucks, repair work (in appliance and electronic stores). Premium supermarkets often offer such a service as assistance in bringing consumer's goods to his car. Now, when the competition is growing retail enterprises are looking for ways to expand the range of additional services, that allow them to gain the loyalty of consumers more successfully.

Another important factor to attract consumers to a retailer is carrying out promotional activities [7]. Organizing advertising campaigns, trade enterprises placed advertisements in the media, on billboards, edit special leaflets. With the rapid development of information technology it has become popular advertising on the Internet increasingly. Every year the amount of the users of different ages in the World Wide Web is increasing steadily, that allows the trade organizations to cover different population groups by the placement of advertising messages there [8]. In addition, online advertising is cheaper than television advertising, for example. However, despite the fact that advertising is undoubtedly affects the consumers, some trading companies completely went back on all sorts of advertising campaigns. For instance, the famous French retail chain "Auchan" does not use any advertising devices except "word of mouth". According to the leaders of the retailer, this kind of advertising is the most effective and allows the trade organization to create a large and loyal customer base. Thus, regardless of whether a trade company use the latest advertising tools or use just «word of mouth», in fact, no commercial enterprise can do without services of advertising, which makes it a point to attract customers. If it is a case of advertising support in commercial enterprises, it should be stressed its importance in cutting the time of a buyer to select goods per help to navigate the trading floor. As a result, the time for shopping is also reduced, which can certainly suggest quality service. Cutting time spent on the

way to and from the store, the selection of goods and payment transactions also reduce the time to make a purchase.

All the factors above have a significant influence on the formation of an attractive image of the trade organization.

In a competitive market taking into account a study of these factors can increase the competitiveness of the trade enterprise by providing it with undeniable advantages in attracting consumers.

References:

1. Феоктистова Е. М. Управление формированием ассортимента в розничных сетях: учебное пособие. – М.: РГТЭУ, 2008.
2. Методические рекомендации по определению уровня розничных цен на отдельные виды товаров и услуг./Л. А. Ефимовская, М. В. Хайруллина и др. – Новосибирск: Координационный совет по торговле и потребительскому рынку МАСС; СиБУПК, 2011. – 49 с.
3. Иванов Г. Г., Майорова Е. А. Результаты исследования информированности покупателей о социальной ответственности торговли.//Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 11. – С. 1699–1710.
4. Майорова Е. А. Тенденции развития сегмента private label в торговых сетях Европы.//Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. – 2011. – № 6. – С. 134–138.
5. Зверева А. О. Перспективы развития торгового персонала в условиях введения в действие профессиональных стандартов.//Российское предпринимательство. – 2015. – Т. 16. – № 11. – С. 1711–1716.
6. Панкина Т. В., Никишин А. Ф. Услуги, как фактор повышения конкурентоспособности розничных торговых организаций.//Научные труды SWorld. – 2015. – Т. 16. – № 2 (39). – С. 49–54.
7. Zhurkina L. S., Ukhanova J. A., Nikishin A. F. Promotional activities in trade and different ways to improve them.//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – № 5–6. – P. 157–159.
8. Nikishin A. F., Pankina T. V. The problem of involvement of clients in electronic commerce.//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2015. – Т. 2. – № 3–4. – P. 15–17.

Nikitskaya Elena Fiodorovna,

Plekhanov Russian University of Economics,

Ph. D, professor of Department of State and Municipal Management

E-mail: elena-nikitskaya@yandex.ru

Valishvili Meri Amiranovna,

Ph. D, senior lecturer of Department of State and Municipal Management

E-mail: 9765501@mail.ru

Social innovation as a factor in the development of the Russian economy

Abstract: World experience proved that large capital investments to the social sphere which form the human capital are necessary for ensuring economic growth along with investments into the physical capital. The main condition of achievement of a sustainable development of economy is the accumulation and preservation of human capital through implementation of public policy which motivate people for improve the skills by means of continuous training and vocational training.

Keywords: social investments, human capital, region, socio-economic development, physical capital, budget expenses.

Никитская Елена Федоровна,

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,

Кандидат наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления

E-mail: elena-nikitskaya@yandex.ru

Валишвили Мери Амирановна,

Доктор наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления

E-mail: 9765501@mail.ru

Социальные инновации как фактор развития российской экономики

Аннотация: Мировой опыт доказал, что для обеспечения экономического роста наряду с инвестициями в физический капитал необходимы крупномасштабные капиталовложения в социальную сферу, формирующую

человеческий капитал. Главным условием достижения устойчивого развития экономики является накопление и сохранение человеческого капитала посредством реализации государственной политики, побуждающей людей совершенствовать свои навыки и умения путем непрерывного обучения и профессиональной подготовки.

Ключевые слова: социальные инвестиции, человеческий капитал, регион, социально-экономическое развитие, физический капитал, расходы бюджета.

В мировом экономическом развитии инновационный тренд начинает приобретать главенствующую роль, несмотря на существенные различия в технологическом уровне отдельных стран. Характерной особенностью постепенного перехода к инновационной модели в глобальном масштабе является формирование двух подходов — технократического и социально-ориентированного. Процесс гуманизации современного общества привел к тому, что из большого разнообразия видов инноваций «вычленился» особый их вид, а именно — социальные инновации, имеющие отношение к социальной сфере и связанные не только с личностными интересами, но и с интересами государства.

Социальные инновации представляет собой относительно новый термин, методология которого еще не сформировалась в общепризнанную концепцию. Наиболее значимые положения, сформированные учеными и экспертами, отражающие инновационный компонент в развитии социальной сферы и направленные на изменение социальной структуры в организации или обществе сводятся к ряду направлений, среди которых можно выделить:

- снижение уровня бедности при одновременном повышении уровня социальной защищенности граждан и, как следствие, снятие социальной напряженности;
- обеспечение достижения конкретных социальных целей, характерных для отдельно взятых регионов и территорий;
- оптимизация межличностных и групповых коммуникативных взаимодействий, учитывающая социально-психологические и структурные характеристики и различия индивидов и групп населения;
- построение эгалитарного общества, основанного на создании равных условий для реализации политических, экономических и правовых возможностей, распространяемых на практически всех своих членов;
- практическая реализация принципов меритократии, в соответствии с которыми властные структуры должны формироваться из наиболее одаренных, профессионально подготовленных и ответственных людей, независимо от их социального происхождения и финансового благополучия.

Идея социальных инноваций только начинает получать распространение, как в европейской, так и в российской социально-экономической политике. В 2000 году была принята Лиссабонская стратегия на период до 2010 года, которая в качестве главной цели выдвигала трансформацию Евросоюза в наиболее конкурентоспособную экономику мира. Как указывает В. Гонда, для достижения этой

цели было предусмотрено проведение ряда реформ: в экономической сфере реформы были направлены на повышение производительности, конкурентоспособности и инноваций, а в социальной сфере предполагалась модернизация европейской социальной модели, борьба с безработицей и социальной изоляцией [3]. Правопреемником Лиссабонской стратегии стала стратегия «Европа 2020», которая была принята в условиях мирового финансового кризиса, что не могло не повлиять на ее содержание. В основу стратегии «Европа 2020» были заложены три взаимосвязанных приоритета, способствующие предотвращению риска экономического спада в Евросоюзе и имеющие явную социальную направленность. Речь идет о создании условий для *умного роста* (развитие знаний, инноваций, цифрового общества), *устойчивого роста* (эффективное использование ресурсов) и *всеобъемлющего роста* (повышение уровня занятости населения, борьба с бедностью).

Тенденции, сложившиеся в мировой экономике, в том числе, в Евросоюзе, связанные с человеческим фактором, приняты за основу при разработке российских правительственных программ в области инноваций. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, с одной стороны, подчеркнуто возрастание роли человеческого капитала, как основного фактора экономического роста, с другой стороны, усиление значимости человеческого фактора определено в качестве вызова для России. В связи с этим установлена нацеленность на преодоление негативных тенденций, связанных с сокращением численности населения, растущей международной конкуренцией за привлечение квалифицированных кадров, снижение уровня доступности и качества социальных услуг в сфере здравоохранения и образования.

В России социальные инновации ассоциируются с такими понятиями как государственно-частное партнерство, корпоративная социальная ответственность, социальное предпринимательство и благотворительность. Среди социально-ориентированных аспектов инновационного развития российской экономики рассматривается выбор альтернатив управления социальной сферой. С одной стороны, каждому человеку надлежит предоставить равные возможности для повышения качества жизни, в связи с чем, ответственность за благополучие лежит на самом индивиде, а не является обязанностью государства. С другой стороны, государство предоставляет своим гражданам определенный ограниченный набор благ для создания более или менее достойной жизни в обществе, зачастую без учета личных усилий и достижений. Не исключены ситуации, при которых социальной помощью обеспечиваются только те, кто

отвечает этим критериям, но не все, кто в ней нуждается, что объясняется нехваткой бюджетных ресурсов.

В «Стратегии социально-экономического развития России до 2010 г.» сформулирована содержание перехода к модели «субсидиарного государства», подразумевающей, что государство должно снять с себя ответственность за предоставление основной части социальных услуг тем гражданам, которые обладают самостоятельными источниками финансирования социальных потребностей. Указано, что граждане, относящиеся к вышеуказанной категории должны финансировать за счет собственных доходов практически все расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, профессионального образования, а также значительную часть расходов на лечение, школьное образование и пенсионное обеспечение (выделено автором). Государству в социальной сфере надлежит сосредоточиться в основном на оказании социальной помощи и предоставлении ограниченной номенклатуры бесплатных услуг в области здравоохранения и образования той части населения, которая по тем или иным причинам без государственной помощи может лишиться доступа к основным социальным услугам. В таком подходе отображается стремление федеральных властей снизить нагрузку на бюджет, но ведь за этим может последовать дальнейшее снижение платежеспособного спроса, и в будущем инновационная продукция может оказаться невостребованной. Возникает трудноразрешимое противоречие между правительственными планами прогрессивного развития экономики и стремлением высвободить часть бюджетных средств на эти цели.

В обществе сложилось устойчивое представление о главенствующей роли государства в развитии инноваций. С этим можно согласиться, но только в части формирования общегосударственной инновационной стратегии. Практическая реализация намеченных стратегических планов должна воплощаться на региональном и местном уровнях, а это требует понимания значимости государственных решений и активных действий со стороны региональных властей. В современной России существует ряд преимуществ, которые на сегодняшний день могут являться главными локомотивами социального и экономического развития страны. Первое преимущество, которому всегда отводится особое место — обширность занимаемого страной пространства, а также уникальное географическое и геополитическое положение. Второе преимущество России — высокий уровень развития национального человеческого потенциала, во многом сформированного в результате комплексной социальной политики советской власти. Однако на данный момент мы не можем утверждать, что основные преимущества российского государства реализованы в полном объеме, поскольку существует ряд факторов, сдерживающих рост и развитие регионов. Россия отличается высокой степенью неравномерности экономического развития в территориальном разрезе. Традиционно медленнее всего растут восточные регионы страны, что обусловлено слабым развитием инфраструктуры и рядом

сдерживающих факторов, например, слабой заселенности, сокращение численности населения, удаленности от центра. Все это находит отражение в показателях экономики, бюджета, социальной сферы регионов. Мировой опыт показывает, что кризисы влияют на территориальную структуру экономики, усиливая более конкурентоспособные регионы и ослабляя позиции неконкурентоспособных, что в настоящее время не преодолено в России.

Другая смежная проблема регионов — зависимость от конъюнктуры мировых цен на сырье и полуфабрикаты (нефть, газ, металлы). Именно поэтому необходим поиск путей развития и эффективной реализации имеющихся преимуществ наряду с нейтрализацией угроз и факторов деградации.

Как показывает практика, страны, обладающие качественным человеческим капиталом, имеют больше возможностей для роста и развития, чем страны обладающие богатым запасом природного или физического капитала. Результат экономического развития во многом зависит именно от качества неосязаемого капитала — способности человека к труду, его качественных и интеллектуальных характеристик. На сегодняшний день для экономического подъема в стране наряду с инвестициями в физический капитал необходимы крупномасштабные инвестиции в образование, здоровье, культуру и прочие компоненты человеческого капитала.

Ресурсообеспечивающим началом инновационного развития являются реальные и финансовые инвестиции, реализуемые как частным, так и государственным секторами экономики. Ключевая особенность экономической категории «инвестиции» состоит в том, что результат инвестиций должен компенсировать инвестиционные затраты, а также отказ от альтернативного использования инвестируемых ресурсов. Следовательно, инвестиции должны обеспечивать рост инвестируемого капитала на уровне, обеспечивающем покрытие инвестиционных вложений и получение прибыли, ожидаемой инвестором [1].

Социальные инновации в конечном итоге связаны с инвестициями в человеческий капитал. Данный вид инвестиций Кэмпбелл Р. Макконел и Стэнли Л. Брю определяют следующим образом: «Инвестиции в человеческий капитал — это любое действие, которое повышает квалификацию и способности и, тем самым, производительность труда рабочих. Затраты, которые способствуют повышению чьей-либо производительности можно рассматривать как инвестиции, ибо текущие расходы или издержки осуществляются с тем расчетом, что эти затраты будут многократно компенсированы возросшим потоком доходов в будущем» [4]. Очевидно, что финансирование социальных инноваций является прерогативой государства, что в первую очередь связано с социальными гарантиями, закрепленными на законодательном уровне. В связи с этим, основными источниками региональных инвестиций в социальные инновации являются государственные, в том числе иностранные государственные и межгосударственные финансовые ресурсы.

Главным условием достижения устойчивого развития экономики и, как следствие, повышение конкурентоспособности является накопление и сохранение человеческого капитала, проведение в жизнь стратегий, побуждающих людей совершенствовать свои навыки и умения на протяжении всей жизни посредством непрерывного обучения и профессиональной подготовки. При этом, между инвестициями в капитал физический и человеческий имеются как сходства, так и существенные различия. Главное сходство заключается в том, что вкладывая ресурсы в капитал, инвестор предполагает и рассчитывает на отдачу от этих вложений и получения прибыли. Так вложения в человека в случае их реализации становятся важным активом, обеспечивающим повышенный поток доходов, как в настоящем, так и в будущем для самого человека и для организации, в которой он реализует свой профессиональный и личностный потенциал. Главным отличием человеческого капитала является его неотделимость от носителя — человеческой личности, кроме того вложения в данный вид капитала дают длительный и мультипликативный социально-экономический эффект.

В рыночной экономике ресурсы государства являются ограниченными, важное значение приобретают социальная ответственность и социальное инвестирование бизнеса. Социальные инвестиции могут помочь установить баланс между экономической и социальной сторонами предпринимательской деятельности. Существуют объективные предпосылки к формированию единого социально-экономического пространства жизнедеятельности человека. В странах с высоким уровнем социально-экономического развития, успешно прошедших индустриальную стадию, совершенствование человеческого фактора и наращивание человеческого потенциала является необходимостью [6, 160]. В наиболее развитых странах прирост инвестиций в человека сравнялся с приростом инвестиций в материальный сектор, а, начиная с 1990-х гг., в абсолютном выражении стал превосходить их. Примером могут служить статистические данные США: инвестиции в образование возросли с 50 % до 55 % от производственных инвестиций, в сферу здравоохранения с 54 % до 101 %, в социальное обеспечение с 90 % до 162 % в 1990 году [5, 47]. К сожалению, в России по отдельным позициям имеет место отставание от общемировой тенденции расходования бюджетных средств на социально значимые цели. За последние 10 лет доля расходов на образование примерно

соответствуют уровню, сложившемуся в развитых странах, доля расходов на здравоохранение возросла незначительно — с 5,0 % до 8,4 %, относительный уровень расходов бюджетных средств на социальную защиту колебался в пределах 25 %—29 % [2, 3787].

В рамках исследования факторов и источников развития регионов России, необходимо рассмотреть социальные инвестиции и инновации в региональном разрезе. Региональные различия в структуре социальных инвестиций в большей степени определяются не уровнем развития региона, его бюджетной обеспеченностью и географическим положением, а приоритетами и политикой региональных властей. За последние три года структура расходов бюджетов регионов стала более социально-ориентированной, что является следствием исполнения указов Президента РФ. Расходы на социальные цели в среднем составили в 2014 г. 62 % всех расходов бюджетов регионов, однако, в 40 регионах доля социальных расходов значительно выше и составляет 66 %—73 %. Максимум был достигнут в слабозастроенных регионах (например, Р. Дагестан). И в противопоставлении — пониженную долю социальных расходов (менее 50 %) сохранили только самые богатые регионы (Москва, Сахалин).

Инвестиции по основным социальным статьям росли опережающими темпами, но произошла смена отраслевых лидеров. Интересен тот факт, что регионы уже не пытаются инвестировать в развитие экономики (инфраструктура, дорожное хозяйство, транспорт), рост расходов по этой статье в 2014 г. был минимальным.

Подводя итог, необходимо отметить, что исследование проблемы инвестирования в социальные инновации имеет существенное значение для оптимизации усилий государства по социально-экономическому развитию, как отдельных регионов, так и страны в целом. Социальная компонента в первую очередь направлена на приоритет развития человека, на его переориентацию с объекта на субъект развития, а также на сохранение и стабилизацию его социально-культурной среды. Перспективы дальнейшего развития России связаны с формированием устойчивой инновационной экономической системы, ориентированной на человека, на улучшение качества и уровня его жизни. Переориентацию развития от самоценного роста макроэкономических показателей к развитию человека, а главное переход от «социальных издержек» к социальным инвестициям.

Список литературы:

1. Афолина В. Е., Никитская Е. Ф. Инвестиционная составляющая инновационного развития регионов. // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 207–211.
2. Валишвили М. А., Никитская Е. Ф. Человеческий капитал в контексте инновационного развития экономики региона. // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 2 (часть 17). // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10007126
3. Гонда В. Перспективы реализации стратегии «Европа 2020». // Южно-российский форум. – 2014. – № 1 (8). – С. 23–28.
4. Макконел К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. – Таллинн, 1993. – 405 с.
5. Марцинкевич В. И., Соболева И. В. Экономика человека. – М.: Аспект пресс, 1995. – 286 с.

6. Социально-экономическое развитие: проблемы и решения: монография. Книга 2./под ред. Н. С. Клунко – Ставрополь: Логос, 2014. – 218 с.; Валишвили М. А. Глава 9. Гуманизация и устойчивость как мейнстрим социально-экономического развития в современном мире. – С. 157–176.

*Pidlypna Radymyly Petrovna,
Lviv Academy of Commerce, PhD,
Associate Professor, Department of Economic Theory
E-mail: Ks770@inbox.ru*

Social insurance system as a part of providing social security: issues and disadvantages

Abstract: The main problems and deficiencies in the current social insurance system Ukraine are analyzed and systematized. The financial, social, economic, organizational and legal elements on which the social insurance system are determined, and according to them the problematic aspects of the functioning of social insurance system in Ukraine are grouped. The comprehensive social security problems that affect each of the components in particular and the overall system are grounded.

Keywords: system of social insurance, the financial component, the social component, an economic component, a component of organizational, regulatory component.

*Пидлыпна Радимила Петровна,
Львовская коммерческая академия,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории
E-mail: Ks770@inbox.ru*

Система социального страхования как составляющая обеспечение социальной безопасности: проблемные вопросы и недостатки

Аннотация: Проанализированы и систематизированы основные проблемы и недостатки действующей в Украине системы социального страхования. Выделены финансовую, социальную, экономическую, организационную и нормативно-правовую составляющие, на которых основывается система социального страхования, а также в соответствии с ними сгруппированы проблемные аспекты функционирования системы социального страхования в Украине. Обоснованно комплексные проблемы социального страхования, влияющие на каждую из составляющих в частности и систему в целом.

Ключевые слова: система социального страхования, финансовая составляющая, социальная составляющая, экономическая составляющая, организационная составляющая, нормативно-правовая составляющая.

Сегодня в Украине отсутствует национальная доктрина социального страхования, которая научно обосновывала возможности развития этой системы в органической привязке к системе заработной платы, налоговой системы, состояния и политики на рынке труда, состояния демографической ситуации и прогнозов и тому подобное. При разработке системы рекомендаций и управленческих решений в области социального страхования следует помнить, что социальное страхование является острым инструментом, способным трансформировать краеугольные основы общественного бытия. Итак, для эффективной реализации функций социального государства ее стратегические цели и задачи необходимо гармонизировать во всех смежных сферах общественной жизни, ведь обеспечение высокого уровня человеческого

развития требует соответствующих источников финансирования, сбалансирование которых с потребностями развития невозможно без существования взвешенной экономической, финансовой и социальной политики.

Поскольку основой всей национальной системы социального страхования является общеобязательное государственное социальное страхование, поэтому объектом исследования выступают проблемы и недостатки именно в этой сфере. Социальное страхование в целом основывается на таких составляющих как финансовая, социальная, экономическая, организационная и нормативно-правовая. Каждая из упомянутых составляющих оказывает свое влияние на формирование и функционирование системы социального страхования в Украине в целом, однако решающей, по нашему мнению, все же

остаётся нормативно-правовая составляющая, ведь она определяет законодательное обеспечение.

Среди основных недостатков целесообразно выделить, в частности такие как: отсутствие комплексного подхода в постановке законодательных решений, несогласованность распределения страховых взносов страхователей, несовершенная организационная система фондов и тому подобное.

Хотя введение единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование устранило дублирование функций фондов социального страхования, связанные с уплатой обязательных страховых взносов в эти фонды, однако к концу неопределённая схема распределения средств «породила» новую проблему на этапе перераспределения средств между фондами. Кроме этого среди недостатков применения единого социального взноса в Украине целесообразно также выделить: возможны случаи несвоевременной выплаты больничных и пособия по безработице; увеличение ставки единого социального взноса физическим лицам предпринимателям, которые платят единый налог, а также лицам, которые не являются наёмными работниками [4].

Положительным можно считать принятие закона об обязательную электронную отчетность, ведь это позволило почти полностью преодолеть проблему дублирования работы по внесению отчетных данных плательщиками и органами фондов. Стоит заметить, что слияние двух фондов социального страхования также будет иметь положительные последствия. Ведь задачей создания Фонда социального страхования путем слияния Фонда соцстрахования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний Украины и Фонда соцстрахования по временной потере трудоспособности, является преодоление таких недостатков и проблем как дублирование функций, связанных с выплатой достаточно близких по содержанию материальной помощи и предоставления социальных услуг, решение проблемы несовершенной организационной системы фондов и производной от нее — сокращение расходов на содержание этих фондов.

В то же время, на сегодня в законодательстве отсутствуют конкретные нормы относительно органов, будут уполномоченные начать процедуру реорганизации Фонда социального страхования путем слияния Фонда соцстрахования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний Украины и Фонда соцстрахования по временной потере трудоспособности [1]. Действующая сегодня система социального страхования не выполняет должным образом своей главной задачи, поскольку размер пенсий и других страховых пособий по большей части не дает возможности поддерживать минимальный уровень жизни, ведь недостатки присутствуют и в функционировании финансовой составляющей, недостаточно урегулированной учитывая постоянный пересмотр тарифов распределения и неравномерность нагрузки на работодателей и наёмных работников. Сегодня осуществляется попытка снизить нагрузку на фонд оплаты труда.

По организационной составляющей то стоит отметить, что организация фондов постоянно пытаются совершенствоваться, однако слабым звеном остаётся схема взаимодействия между фондами и поставщиками социальных услуг. Также недостатком схемы управления фондами социального страхования является их увеличены штаты, случаи нецелевого использования средств социального страхования требуют изменения подходов к управлению социальным страхованием.

Кроме недостатков отдельных составляющих системы социального страхования имеют место также и переходные (комплексные).

Неэффективная политика занятости проявляется в том, что все фонды социального страхования сталкиваются с проблемами регистрации плательщиков страховых взносов. Не все частные предприятия и предприниматели — физические лица регистрируются в исполнительных дирекциях отделений по месту государственной регистрации или проживания, тем самым избегая уплаты обязательных взносов и игнорируя возмещения социальных выплат.

Если конкретный фонд должен обеспечить финансирование профилактических мероприятий, определенных национальной, отраслевыми и региональными программами улучшения состояния безопасности, гигиены труда и производственной среды и при этом он не принимает непосредственного участия в разработке указанных программ, но должен изыскать финансовые ресурсы в соответствии с утвержденными объемами, то это весьма проблематично. Современная политическая и экономический кризис, сокращение объемов производства, военные действия, увеличение потребностей на лечение пострадавших, ухудшение условий труда непременно приводит к увеличению нарушений нормативов по охране труда и задолженности необходимых пособий.

С наибольшим количеством проблем сталкивается Пенсионный фонд Украины. Отсутствие системности в проведении пенсионной реформы разбалансируют бюджет Пенсионного фонда Украины. Исследовав состояние пенсионного обеспечения в Украине, можно сделать выводы, что существующая пенсионная система находится в чрезвычайно сложном финансовом положении и не обеспечивает пенсионеров необходимым объемом дохода для приемлемого уровня жизнедеятельности.

Механизм социального страхования работников-мигрантов является еще одним «недоработанным» механизмом социального страхования. Работники-мигранты сталкиваются с многочисленными проблемами, включая недостатки социального обеспечения. Социальная и правовая защита трудовых мигрантов обеспечивается посредством заключения двусторонних и присоединения Украины к многосторонним международным договорам. Много ограничений и проблем вызваны особенностями этих национальных законов, а в случае отсутствия координации между национальными законодательствами, работники-мигранты вообще лишены права на социальное обеспечение [2].

Несмотря на заключение Украине многих межгосударственных соглашений о социальном и пенсионном обеспечении, охват социальной защитой мигрантов-граждан Украины незначителен, причинами чего можно определить следующее:

- высокая доля трудоустройства без надлежащих трудовых контрактов;
- отсутствие межгосударственных соглашений о социальном и пенсионном обеспечении с рядом стран;
- украинские трудовые мигранты сегодня составляют достаточно разрозненную группу, это, в частности, работающие по временным контрактам, квалифицированные работники, работники с неопределенным статусом, сезонные работники;
- реализация соглашений о социальном обеспечении осложнена недостатком механизмов реализации, финансовых ресурсов и квалифицированных кадров.

Ближайшими шагами в преодолении этих проблем должно стать возможности ратификации Конвенции Международной организации труда № 97 о трудящихся-мигрантах [3].

Последними «назревавшими изменениями» в социальном страховании должна стать медицинское страхование.

На рассмотрении Верховной Рады Украины находится несколько законопроектов по пятому виду общеобязательного государственного социального страхования — медицинского страхования. Основными проблемами медицинского страхования ученые считают проблемы финансового обеспечения государственного сектора здравоохранения и отсутствие нормативно-правовой базы для добровольного медицинского страхования.

Проблемным остается вопрос добровольного медицинского страхования в Украине в целом. Законодательно определены основы введения накопительной системы пенсионного страхования, но не установлен порядок перечисления в нее страховых взносов, не создано ее организационную структуру и, что самое главное, «уничтожено» любые возможности и желание для населения перспективы развития этого направления социального страхования.

Обобщая определенные проблемы и недостатки в системе социального страхования Украины можно отметить, что совершенствование социальной политики осложняется рядом проблем, недостатков и отсутствия доработок, носящие систематический характер, в частности таких как чрезмерная длительность подготовки и не всегда достаточная проработка проектов законов и других правовых актов, касающихся социальной защиты населения.

Список литературы:

1. В Україні створений новий Фонд соціального страхування: Профспілка працівників освіти і науки України.// [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: <http://pon.org.ua/novyny/3929-vidbulosya-pershe-zasidannya-pravlinnya-fondu.html>.
2. Кисельова О.І. Питання вдосконалення соціального захисту працівників-мігрантів [Текст]/О.І. Кисельова, А. Д. Мотрюк//Науковий вісник Ужгородського національного університету: Серія: Право/голов. ред. Ю.М. Бицага. – Ужгород: Гельветика, 2015. – Вип. 30. – С. 175–179.
3. План заходів щодо забезпечення виконання положень Європейської соціальної хартії (переглянутої) на 2015–2019 роки.// [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.kmu.gov.ua/control/uk/cardnpd?docid=248161640>.
4. Руденко В.В. Переваги та недоліки впровадження єдиного соціального внеску в Україні.//Руденко В.В., Царок В.Ю. – Економічні науки.// [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ресурсу: http://www.rusnauka.com/11_EISN_2011/Economics/1_83725.doc.html.

*Khramova Elena Alexeevna,
Mordovian humanitarian institute, candidate of economic sciences,
faculty of economics, (Saransk), Russia
E-mail: hramova.ea@gmail.com*

The formation of the integrated structures in the Russian agro-industrial complex

Abstract: Establishing an effective system of food security in accordance with current socio-economic needs determined by the development of integration processes, the main content of which is to transform the relationship between agricultural, procuring, processing and trading enterprises. The importance of this process have agroholding companies that play an increasingly important role in a competitive environment by eliminating unnecessary intermediary links and thus creating the conditions to reduce the cost of agricultural products.

Keywords: agricultural holding, integration, synergistic effect.

Храмова Елена Алексеевна,
кандидат экономических наук, экономический факультет
Мордовский гуманитарный институт, г. Саранск, Россия
E-mail: hramova.ea@gmail.com

Формирование интегрированных структур в агропромышленном комплексе России

Аннотация: Создание эффективной системы продовольственного обеспечения в соответствии с современными социально-экономическими потребностями определяется развитием интеграционных процессов, главным содержанием которых является преобразование взаимосвязей между сельскохозяйственными, заготовительными, перерабатывающими и торговыми предприятиями. Важное значение в этом процессе имеют агрохолдинговые компании, которые играют все большую роль в условиях конкуренции, устраняя излишние посреднические звенья и создавая, таким образом, условия для снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции.

Ключевые слова: агрохолдинг, интеграция, синергетический эффект.

Агропромышленный комплекс России является крупнейшим народнохозяйственным комплексом, включающим в себя подотрасли, обеспечивающие ресурсами процесс производства, занимающиеся непосредственно производством сельскохозяйственной продукции и обеспечивающие заготовку, переработку сельскохозяйственной продукции и доведение ее до потребителей. Современное развитие агропромышленного комплекса России характеризуется протекающими в нем интеграционными процессами, созданием агропромышленных формирований, основной задачей которых является установление рациональных отношений между объединением в целом и его субъектами. Интегрированное формирование создается с целью перспективного развития и совершенствования экономических связей между отраслями агропромышленного комплекса на основе организационного, административного и территориального объединения предприятий производства и переработки сельскохозяйственной продукции, обеспечивающее удовлетворение потребностей населения в сельскохозяйственном сырье и продовольствии.

Следовательно, агропромышленная интеграция — это социально-экономический процесс, который осуществляется путем развития различных связей предприятий в форме их сотрудничества или объединения для совместного производства, переработки, хранения и реализации сельскохозяйственной продукции [1, 342]. Общий мотив интеграции — эффект, достигаемый за счет расширения его масштабов, сокращения издержек и повышения конкурентоспособности продукции [3, 334].

Особой формой интеграции выступают агрохолдинговые компании, формирование которых позволяет решить ряд задач: образование совершенных технологически взаимосвязанных производственных и сбытовых цепочек, что влечет за собой снижение зависимости от внешних контрагентов и помогает оптимизировать издержки; оптимизация структуры управления, использование эффекта синергии, позволяющее аккумулировать достоинства всех компаний, составляющих группу, и повысить стоимость акционерного капитала; повышение устойчивости

бизнеса и улучшение корпоративного имиджа; создание эффективного механизма управления рисками [2, 29].

Агрохолдинг — современное интеграционное агропродовольственное формирование, основанное на синтезе сельскохозяйственного производства, перерабатывающей промышленности, объектов товаропроводящей сети, обеспечивающую непрерывность воспроизводственного и технологического процессов от производства продовольственного сырья и заканчивая выпуском конечной продукции [2, 30].

В теории и практике различают горизонтальную и вертикальную интеграцию. Горизонтальная интеграция имеет место в случаях, если ее участники интегрируются в одной сфере деятельности в одном секторе рынка. Целью данной интеграции является уменьшение издержек производства, максимальное задействование производственных мощностей, мобильность в использовании ресурсов, установление ценового или сбытового контроля на рынке. Вертикальная интеграция представляет собой объединение участников, осуществляющих разнопрофильную деятельность в единой технологической цепочке производства продуктов [2, 32].

Горизонтальная интеграция широко распространена в пищевой промышленности Республике Мордовия. Примером является ОАО «Молочный комбинат «Саранский»», который в 2003 году вошел в молочный холдинг «Юнимилк» в целях более эффективной организации производства и реализации продукции. Сегодня компания объединяет 31 молочное производство и 1 комбинат детского питания в России и на Украине. Удачно расположенные заводы размещены в центральной и южной части России, Сибири, Украине. Крупнейшими из них являются ОАО «Петмол» (Санкт-Петербург), ОАО «Милко» (Красноярск), ОАО «Самаралакто» (Самара), ОАО «Галактон» (Киев). В ассортиментный портфель компании Юнимилк входят национальные бренды: «Простоквашино», «Био Баланс», «Летний День», «ПЕТМОЛ» и др. Приведенный пример, свидетельствует, что применение горизонтальной интеграции позволило увеличить объемы производства, обеспечило эффективное решение вопросов

продвижения на рынке произведенной продукции с помощью трендов и торговых марок.

При вертикальной интеграции происходит комбинирование предприятий и производств различных отраслей народного хозяйства, обеспечивающих оптимальное прохождение товарной массы в едином технологическом процессе из одной фазы производства в другую, снижение издержек, повышение эффективности производства, качества и конкурентоспособности продукции. Например, Группа Компаний «Агрохолдинг» — одна из крупнейших агрокомпаний России, известное во всем мире, создано в Курской области в 1992 году. Сегодня Группа Компаний «Агрохолдинг» — динамично развивающееся аграрное предприятие, в состав которого входят более 70 подразделений, расположенных в различных регионах России, СНГ и мира. Деятельностью холдинга является птицеводство, свиноводство, мясопереработка, производство и реализация зернопродуктов, комбикормов, торговля.

В структуру агрохолдинга входят подразделения, специализирующиеся на конкретном виде деятельности. Так, «Агрохолдинг-Птица» объединяет птицеводческие предприятия Курской области — ОАО «Красная поляна +» и ОАО «Западная», Тульской области — ООО «Тульский бройлер», Чувашской Республики — ОАО «Чувашский бройлер», Пензенской области — ОАО «Заречная +», Волгоградской области — ОАО «Волгоградский бройлер» и ОАО «Ерзовская», Орловской области ОАО «Орловский бройлер» и т. д.;

«Агрохолдинг-Свиноводство» объединяет группу промышленных свинопунктов: ОАО «Свинопункт «Магнитный +», ОАО «Свинопункт «Шаталовский» и др.;

«Агрохолдинг-Хлебопродукты» объединяет предприятия по выращиванию зерна и изготовлению комбикормов: ООО «Железнодорожный комбикормовый завод» в Курской области, ООО «Горбачевский комбикормовый завод» в Тульской области, ООО «Качалинский комбикормовый завод» в Волгоградской области и т. д.;

«Агрохолдинг-Маркет» — торговую сеть супермаркетов агрохолдинга.

Благодаря тому, что в состав «Агрохолдинга» входят предприятия по выращиванию зерна и изготовлению комбикормов, компания имеет возможность самостоятельно удовлетворять свои потребности в кормах для птиц и животных.

Организованный в 2009 году агропромышленный комплекс «КРАСНАЯ ПОЛЯНА» — вид вертикальной

интеграции, является одним из крупнейших агрообъединений в Центральной России. В состав комплекса входят птицеводческие хозяйства расположенные на территориях: Курской области — ОАО «Красная поляна», Тульской области — ОАО «Тульский бройлер», Орловской области — ОАО «Орловские зори» и «Орловская»; мясоперерабатывающие предприятия: мясокомбинат «Красная поляна» в Курской области и др.; предприятия по изготовлению комбикормов: Железнодорожный завод, Комбикормовый завод и Краснополянский завод в Курской области, Горбачевский завод в Орловской области; сбытовые структуры — торговый дом «Красная поляна» и автотранспортная компания. Производственные мощности агрохолдинга интегрированы в единый комплекс по производству и переработке мяса птицы, что позволяет замкнуть цикл производства от выращивания птицы до реализации ее покупателю.

В Республике Мордовия формирование холдинговых структур началось в 1998 году с образованием вертикального агропромышленного холдинга «Мордовский бекон». В структуру которого входят: предприятия по производству сельскохозяйственной продукции ЗАО «Мордовский бекон-Ковылкино», ЗАО «АгроАрдатов», ООО «Симбирский бекон» и др.; предприятия по переработке мяса: ООО Мясоперерабатывающий комплекс «Атяшевский», ЗАО Мясоперерабатывающий комплекс «Торбеевский», ЗАО Мясоперерабатывающий комплекс «Саранский»; предприятие по приемке, переработке и реализации хлебопродуктов: ОАО «Мордовский комбинат хлебопродуктов»; а также предприятие по реализации готовой продукции.

Построение деятельности агрохолдинга по принципу замкнутого технологического цикла, а именно выращивание сельскохозяйственных культур, разведение и откорм свинополов комбикормами, с добавлением зерновой составляющей собственного производства, реализация свиней среди мясоперерабатывающих комплексов, входящим в агрохолдинг, определило самую низкую себестоимость сельскохозяйственной продукции по Республике Мордовия. Опыт развития агрохолдинга свидетельствует о высокой эффективности агропромышленной интеграции.

Таким образом, формирование интегрированных структур в агропромышленном комплексе России имеет положительную оценку, которые, во-первых, способны быстро и гибко реагировать на изменения рынка и, во-вторых, за счет синергетического эффекта повышать конкурентоспособность агроформирования в целом.

Список литературы:

1. Храмова Е. А. Интегрированные структуры как фактор динамичного роста и повышения уровня конкурентоспособности продукции агропромышленного комплекса // Актуальные проблемы развития финансово-экономических систем и институтов: материалы и доклады 1 международной научно-метод. конференции. — Самара, 2010. — С. 341–346.
2. Храмова Е. А., Колесник Н. Ф. Управленческий учет и анализ в агрохолдингах на основе сегментарного подхода. — М.: Экономическая газета, 2013.
3. Храмова Е. А. Синергетический эффект в интегрированных формированиях // Экономические науки. — 2011. — № 3 (76). — С. 331–334.

Section 11. Science of law

*Mecaj Stela,
University "Ismail Qemali" Vlora, Albania,
PhD Candidate in Law, the Faculty of Law
E-mail: stela.mecaj@yahoo.com*

Urban waste management in Albania

Abstract: Environmental legislation in Albania is based on the Constitution of the Republic of Albania, general and specific laws to the environment, decisions of the Council of Ministers, orders and instructions to ministries, specific regulations etc. This legislation is approaching EU standards, because is based on the same principles and continues to be in an intensive process of the improvements. Albania is included in the recent urban developments, which is associated with environmentally cost. Problems remain urban and acoustic pollution, recycling and waste handling, cutting and uncontrolled forest exploitation, or riverbeds, causing encroachment and damage to biodiversity where they arise. Urban waste management continues to be one of the most serious environmental problems in Albania, polluting the environment and endangering the health of residents. Data on environmental indicators help decision makers to be more effective in their work, but also helps citizens, businesses, investors, etc.

Keywords: environment, environmental protection, biodiversity, urban waste, urban waste management, environmental indicators, increased consumption, the right management policies, recycling.

1. Overview regarding waste management

The issue, which occurs in relation to waste management is not the same in developed and developing countries. Developed countries have developed appropriate equipment to manage their waste, whereas, developing countries are still in transition to better management of waste. Hazardous waste management realized through recycling and for their disposal commonly used method of burning or casting in water. All these methods have varying degrees of adverse environmental impacts with adverse environmental risks and health [8; 9].

Waste management in Albania is at a very low level and is decentralized. In most cities the service of transportation for waste collection carried out by private companies to waste management, which are contracted by the municipalities. The fee for waste management, include the collection and transportation of waste to the landfill. Rural areas are not yet covered by waste management services [10]. Changing this situation will require time, effort and considerable investment. Such an undertaking should be well planned at the local, regional and national levels.

For this reason, the main focus of early objectives for this sector is to implement a planning system simple, but effective. National Plan for Waste Management is a project for the future. It sets challenging targets, but realistic for sustainable waste management in Albania. Built on a substantial funding commitment by the Albanian government to transform waste practices Albania, it determines the direction of government policies for sustainable waste management over the next 15 years [11, 7–8].

In Albania, a part of recycled waste, less buried and in many cases burned. This brings a higher air pollution. They deposited the remains of the industrial sector in the same places with the municipal urban waste being treated in the same way, while hospital waste disposed of in controlled conditions after contain very dangerous chemicals. Hospital «Mother Teresa» has a machinery for the disposal of hospital waste [12, 123]. Waste management is the direct responsibility of local government.

Municipalities and regions in the country do not separate waste, causing that all the garbage, are deposited in certain areas, which do not fulfill the necessary engineering conditions for environmental protection and are subject to frequent fires. Exhaust fumes that are released from their pollute the air, poison the land and water on the ground. The same situation is in the municipalities. Waste deposited not in certain areas, usually near rivers or wayside turning into source pollution.

2. The legal framework in the field of waste management

Law no. 10,431, dated 9.6.2011 "On Environmental Protection".

Law no. 10463, dated 22.9. 2011 "For Integrated Waste Management".

By this law derive some decisions that have been approved and are in the process:

- Decision on "Their waste packaging and" no. 177, dated 06.03. Adopted in 2012.
- Decision on "Waste Incineration" no. 178, dated 06.03.2012.
- Decision on "Waste Landfill" no. 452 dated 11.07. 2012.

- Decision “Batteries and Accumulators”, No. 866 dated 12.04.2012.
- Decision “On the rules and procedures for the disposal of used oils”, No. 765 dated 07.11.2012.
- Decision on “Management of Regional Waste Landfills”, No. 333, dated 26. 01. 2011.
- Decision on “Hospital Waste Management”, No. 798, dated 29. 09. 2010.

Also guidelines, regulation have been adopted, are drawn up 8 Regional Plans: Tirana, Durres, Vlora, Elbasan, Shkodra, Lezha, Dibra. In cooperation with the project SELEA are in the process the other 4 Regional Plane Circles: Gjirokastra, Berat, Fier. Adoption of the “National Strategy for Waste Management” and the law “On Integrated Waste Management” aimed at reducing waste and pursue its objectives of recycling, rehabilitation etc [10].

3. Municipal and inert waste, their trend

Urban waste have been steadily increasing, averaging 17 % per year. Since 2005, it has had the greatest increase, with 60 % compared to 2004. High rates have also to 2006 and 2007, and in subsequent years appears to have had a “normalization” of urban waste rates. The trend is different for solid waste. If urban waste are somewhat well-managed in terms of collection, solid waste seems to have invaded every available space free around entrances and exits of cities. Depending on the construction industry boom has varied the amount of solid waste.

Years 2003 and 2005 marked the highest figures. Year 2005 seems to have brought a change in relations between the types of waste. By this time the solid waste were higher than in urban areas. After 2005s, the amount of waste has always been higher, while in 2009 was almost two times higher than solid waste [13]. During 2013, urban waste generated more than solid waste. This shows that more waste is generated by the consumption of goods from the population than the construction sector. During 2009–2011, total waste generation (urban and solid) tends growth. While during 2012–2013 shows decrease in total waste generation. In 2013 there is a decrease of urban solid waste and compared with 2012 [10].

Over the years there has been little accurate information on the amount and composition of the waste generated in urban areas. Responsibility for the collection of waste lies with the local authorities. Some of them have signed contracts with private companies for waste collection. The frequency of waste collection and residence time is often variable.

Problems arising from the current arrangements of the meeting include [11, fq. 11]:

- Vehicles in poor condition;
- Poor state of waste storage containers;
- Infrequent meetings, resulting in excessive filling of containers;
- Waste on the road that cause bad smells, health problems and inconvenience.

4. The management of municipal waste and non-municipal waste

In Albania, the municipal waste management is minimal with little recycling and is mainly used in landfills. Waste

collected by a collection system currently bins located side by sidewalks. Capacities of waste management authorities are very scarce and this is confirmed by all the countries of the many inappropriate disposal sites and urban areas used by these authorities [8, 17]. Waste collection is carried out, either by a company fully owned by the municipality or by a private company, not always selected by tender. In general remains moved to a municipal landfill which, if managed made by the company that carries out the collection of waste. Necessary equipment can be owned by a municipality or private company. When waste collection carried out by the municipality, often it does not keep separate accounts for the waste management function.

Non-Municipal Waste cover a wide range of types of waste, sorted mass of small commercial ventures and individual traders to large industrial complex units. Treatment of waste and landfill treatments carried out by a large number of different organizations, including waste producers themselves, private companies and waste management companies who use waste materials as raw materials. Municipal Waste often contain difficult or dangerous material, that may need special treatment. Non-Municipal Waste are divided into two main types defined by law as industrial waste and commercial waste [10]:

- Industrial waste is residue from a factory or another line used, in connection with the provision of public postal services or telecommunications services, public water supply etc.
- Commercial waste is a waste from factories used for trade, for business or for recreational purposes etc.

5. Objectives and policies in relation to waste management

Waste Management was the problem with population growth and consumption in some major urban areas and in particular the growth of plastics and packaging waste. Waste management system has remained centralized until 1994. In 1994 the collection and treatment of waste is delegated to local governments, which are responsible for waste management through funds provided by the central government. Law No. 8652, dated. 31.07.2000 «On the organization and functioning of local government» provides that the collection, storage and treatment of waste is fully functional and organizational responsibility of local government units. The system for the collection of solid urban waste is based on a single level in the waste collection and transport to the nearest place. There is very little recycling of waste. The main method of regulation is discharging. No location specially designed landfills in the country, though now under construction are two or three such. For this reason, most of the waste from these areas are likely to discharged into streams, valleys, river beds or near roads [11].

6. Approach with EU legal standards

Actions needed to achieve approximation with EU legislation in the area of environment are defined in the National Plan for the Implementation of the SAA (Stabilisation and

Association Agreement). New legislation will set interim targets, in accordance with the estimated cost to make possible the attainment of the standards. Therefore new waste legislation will have to specify the interim objectives, which create an approach to the achievement of the European Community Standards in the long term. Collection and treatment of urban waste is a standard, compliance with which is very costly. In order to ensure a balanced relationship between environmental protection and economic development, interim standards should be determined on the basis of a clear analysis of financial and economic resources necessary for the implementation of any part of legislation [11, 25–26].

7. Conclusions

Waste management in the country remains one of the main problems of the Albanian citizens. More worrying situation is in developed cities with the highest population, but also tourist towns, mainly frequented by tourists summer months.

Despite tourism during 12 months of waste management situation is still unclear and solutions are not effective yet, despite the efforts that were made to amend the legislation or initiatives by environmental structures, central and local government. Lack of cooperation, but also the lack of initiative by citizens to contribute all together for a cleaner and healthy environment, are reasons that the performance of works on waste management do not bring the desired results. Another problem is the lack of collection and disposal system of waste in rural areas. Industrial waste inherited from the past and stored in several warehouses in the country are a priority for the handling, sale and use, as well as their disposal through clean technologies. Continuing, the important thing is to apply the Waste Management Plan 2010–2025, the creation of administrative structures at national, regional and local levels to further strengthen waste management and public awareness for separation and selective collection of waste.

References:

1. Law No. 8652, dated. 31.07.2000 “On the organization and functioning of local government”.
2. Law No. 10431, dated 9.6.2011 “On Environmental Protection”.
3. Law No. 10463, dated 22.9. 2011 “For Integrated Waste Management”.
4. Decision on “Their waste packaging and” No. 177, dated 06.03. 2012.
5. Decision on “Waste Incineration” No. 178, dated 06.03.2012.
6. Decision “For discarded vehicles” No. 705 dated 10.10. 2012.
7. Decision on “Waste Landfill” No. 452 dated 11.07. 2012.
8. Decision on “Hospital Waste Management”, No. 798, dated 29. 09. 2010.
9. [Electronic resource]. – Available from: <http://segate.sunet.se/archives/et-w10.html>.
10. Waste, ne//[Electronic resource]. – Available from: http://www.mjedisi.gov.al/files/userfiles/Monitorim_Mjedisor/Mbetjet.pdf.
11. Commission of the European Communities, for and on behalf of the Government of Albania, Ref: EuropeAid/124909/C/SER/AL implementation of the National Plan for Approximation of Environmental Legislation in Albania, 19.08.2010.
12. Report of the Ministry of Environment, Forestry and Water Management, 2009.
13. [Electronic resource]. – Available from: <http://open.data.al/sq/lajme/lajm/lang/sq/id/295/Mbetjet-e-ngurta-nder-vite#sthash.h135out6gx.dpuf>.

Contents

Section 1. Study of art	3
<i>Ivanovska Nina Viacheslavovna</i>	
Operation system of Biennale in contemporary cultural space	3
<i>Mukhitdenova Bagym Maksatovna</i>	
The interdependence of the type of temperament and form of stage fright in musical psychology	5
<i>Ros Zoriana Petrivna</i>	
Urban environment as a factor in the formation of regional centers of jazz festival movement Ukraine	7
Section 2. History and archaeology	14
<i>Ahmadov Ahmad oglu Sabuhi</i>	
The miniatures of the manuscript “Varka and Gulshah” as a source for the study of weapons of XII–XIII centuries in Azerbaijan	14
<i>Hajiyeva Lala Osman gizi</i>	
The refugees of the First World War in the Caucasus (based on the Baku periodicals)	16
<i>Eprikyan Armine Melsikovna, Bedjanyan Marine</i>	
The role of Armenian legion in the defense of the Armenian population of Kilikia (1919–1920)	21
<i>Uralova Zilola Vokhid qizi</i>	
History – the basis of spirituality of people	23
Section 3. Linguistics	26
<i>Korepina Natalia Alekseyevna</i>	
The semantics of the word (One)self	26
<i>Plakhotnyk Nastasiia, Tukaiev Sergii, Zyma Igor, Bas-Kononenko Oksana, Dudnyk Zoia</i>	
Verbal ethnic symbols as an indicator of language perception by bilinguals	29
<i>Shvab Liudmyla</i>	
Die Kennzeichnung der TRG in vorgelesenen Texten mithilfe prosodischer Mittel	31
Section 4. Pedagogy	34
<i>Balabanov Valeriy Aleksandrovich</i>	
First aid in emergency situation as the most important element of their training in universities of emercom of Russia	34
<i>Voronovskaya Larisa Petrovna</i>	
Structure of professional mobility of a utility sector specialist	36
<i>Gurov Valeriy Nikolaevich, Mazitov Ramil Giniyatovich,</i> <i>Karimov Fanis Fanusovich</i>	
On the formation of the child’s personality in a tolerant multi-ethnic societies educational Bashkortostan.	39
<i>Gurov Valeriy Nikolaevich, Hasanov Gaisa Ahmadulloevich,</i> <i>Plotnikova Irina Petrovna</i>	
Urals Bashkortostan: innovation vector in the preparation of competitive workers and mid-level professionals	42
<i>Zakirova Alfiya Borisovna, Akhmatkhanova Liana Ayratovna</i>	
Prevention of inter-ethnic conflict in children and adolescents	47
<i>Korchevskiy Dmytry Aleksandrovich</i>	
Methodological study the integration of content professional training of specialists of information and computer technologies in the context of the philosophy	49
<i>Kostova Olga Vasiliyevna</i>	
F. A. Disterveg and V. A. Suhomlinski about the social importance of the teacher	52
<i>Lapitskaja Katherina Vladimirovna</i>	
Formation of subject experience of students in educational activity as new vector of educational development	55

<i>Fedoseyeva Natalia Viktorovna</i>	
Methodical aspects of a problem of spiritual and moral education.	57
<i>Nikova Marina Aleksandrovna, Lobanova Evdokiya Ivanovna,</i> <i>Laskovets Marina Alekseevna, Strizhova Ekaterina Valentinovna</i>	
Some efficient ways to motivate non-linguistic students to master foreign languages.	62
Section 5. Political science	65
<i>Dobi (Peshkepia) Irna</i>	
The essential impact of EU and other international organizations on the democratization process for Albania	65
<i>Kozak Tamara Nikolayevna</i>	
The role of NATO in the spread of English as the language of international communication.	67
<i>Rybalka Sergey Viktorovich</i>	
Regional political elite in the process of political modernization: structural preconditions and problems of transformation.	73
Section 6. Psychology	78
<i>Dubetska Lilia Igorivna</i>	
The impact of identifying images on the formation gender concepts and competencies of preschool orphanage children	78
<i>Moskvin Victor Anatolyevich, Moskvina Nina Victorovna,</i> <i>Shumova Natalya Sergeyvna, Kovalevski Andrey Grigoryevich</i>	
Tendency to risk and impulsiveness at students of sports university	82
<i>Moskvin Victor Anatolyevich, Moskvina Nina Victorovna,</i> <i>Shumova Natalya Sergeyvna, Kovalevski Andrey Grigoryevich</i>	
Control over the actions in sports psychology	84
<i>Vykhreshch-Oleksyuk Oleksandra</i>	
The peculiarities of social-psychological distance in multicultural students group.	86
Section 7. Religious studies	89
<i>Soltanova Gulsan Rza</i>	
«Islamic revival» as historically determined struggle within Islam	89
Section 8. Philology	93
<i>Aliyeva Khuraman Ali Aga gizi</i>	
Aida Imanguliyeva – the first Azerbaijani woman-orientalist.	93
<i>Bagdaryyn N'urgun Sulbe uola</i>	
From toponymics of the north-west of the Republic of Sakha (Yakutia)	95
<i>Borisovskaya Irina Valentinovna</i>	
Script ENTSTEHEN und Sätze des Wandels.	100
<i>Gaynutdinova Nataliya Andreevna, Markina Maria Nikolaevna</i>	
“Three meetings with Lermontov” by F. N. Gorenstein: the paradigm of text analysis in a foreign audience	102
<i>Glyzina Vera Evgenievna, Gorskaya Natalia Evgenievna, Belousova Evgenia Sergeevna</i>	
The thought as a speech activity subject of research-oriented reading.	105
<i>Maharramova Sevinj Abbasgulu</i>	
Cosmonyms in term formation (on the material of the Russian language)	110
<i>Matsybok-Starodub Natalia Oleksandrivna</i>	
The national liberation idea in the Olga Duchyminska's work	113
<i>Cheremnykh Inna Vladimirovna</i>	
Innovative strategies of transformation processes on TV	116
<i>Eyvazov Parvin</i>	
Bekir Chobanzadeh's conception about the literary language	118

Section 9. Philosophy	122
<i>Ditkovskaia Inessa Emilevna</i>	
V. F. Voyno-Yasenetsky: a philosophical reflection on activity and creative heritage of the outstanding Medic the clergyman	122
<i>Zdorovenko Viktor Vasilievich</i>	
On the semantic meaning of the concept of «art»	126
<i>Samborska Oksana Myhajlovna</i>	
Social normative Foundation of the crisis of classical rationality	131
<i>Jakovenko Lyudmila Nikolaevna</i>	
Die wertmäßigen Gründungen der Bildung wie das Problem des sozial-philosophischen Diskurses	133
Section 10. Economics and management.	136
<i>Grigoryan Ekaterina Seyranovna</i>	
Theory and methodology of strategic stability of the enterprise	136
<i>Dus Yury Petrovich, Chsherbakov Vassiliy Sergeevich</i>	
The intensification of investment processes as a factor of development for economic systems on macro and meso levels.	138
<i>Korzh Marina Vladimirovna, Sydorenko Kateryna Viktorovna</i>	
Increasing the competitiveness of productive infrastructure of international airports in the context of globalization.	142
<i>Maslova Alexandra Evgenievna, Timyasheva Ekaterina Tikhonovna, Nikishin Alexander Fedorovich</i>	
Factors that form an attractive image of trade organizations.	146
<i>Nikitskaya Elena Fiodorovna, Valishvili Meri Amiranovna</i>	
Social innovation as a factor in the development of the Russian economy.	148
<i>Pidlypna Radymyla Petrovna</i>	
Social insurance system as a part of providing social security: issues and disadvantages	152
<i>Khramova Elena Alexeevna</i>	
The formation of the integrated structures in the Russian agro-industrial complex.	154
Section 11. Science of law.	157
<i>Mecaj Stela</i>	
Urban waste management in Albania	157